

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Сидоренко Мария Васильевна

**ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Семенцов Владимир Александрович

Краснодар – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Правовая определенность российского уголовно- процессуального права: теоретические и правовые основы	31
§ 1.1. Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея: понятие, сущность и назначение	31
§ 1.2. Правовая определенность статики и динамики российского уголовно-процессуального права	65
Глава II. Правовая определенность источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права	102
§ 2.1. Понятие, система и иерархия источников российского уголовно-процессуального права	102
§ 2.2. Практические коллизии форм выражения (источников) российского уголовно-процессуального права	132
Глава III. Акты конституционного правосудия как фактор определенности российского уголовно-процессуального права	170
§ 3.1. Правовая определенность актов конституционного правосудия в системе нормативного регулирования уголовного судопроизводства России	170
§ 3.2. Правовая определенность позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ в системе российского уголовно-процессуального права	205

Глава IV. Европейская конвенция и акты ЕСПЧ как фактор определенности российского уголовно-процессуального права	249
§ 4.1. Суть и значение Европейской конвенции и актов ЕСПЧ в системе нормативного регулирования уголовного судопроизводства России	249
§ 4.2. Правовая определенность правовых позиций и итоговых выводов актов ЕСПЧ для системы российского уголовно-процессуального права	286
Глава V. Судебное толкование как фактор правовой определенности российского уголовно-процессуального права	318
§ 5.1. Понятие, суть и значение судебного толкования как формы выражения российского уголовно-процессуального права	318
§ 5.2. Правовая определенность актов высших судебных инстанций России как необходимое условие оптимальности нормативного регулирования и единства правоприменительной практики	351
Глава VI. Res judicata окончательных актов суда как содержательный элемент идеи правовой определенности	388
§ 6.1. Понятие, суть и значение идеи res judicata в уголовном судопроизводстве России	388
§ 6.2. Кассационно-надзорная форма проверки как процессуальное средство обеспечения баланса res judicata и конституционного права заинтересованных лиц на судебную защиту нарушенных интересов и прав	419
Заключение	460
Список литературы	463
Приложения	547

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Последние четверть века векторы функционирования и развития российского права, правотворческих и правоприменительных органов государства предопределяются принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ), возрастающей интеграции России в международное правовое пространство, реализацией основных этапов судебно-правовой реформы 1991 г. и концепцией дальнейшего развития судебной системы. За истекший период проделана масштабная работа по приведению российского уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в соответствие с Конституцией РФ и актами международно-правового характера, с имплементированными в национальную правовую систему общепризнанными принципами и нормами международного права. Сегодня личность, гражданское общество и государство все более осознают ценность и практический смысл фундаментальной идеи верховенства права как основы не только поступательного развития, но и действительно оптимального функционирования важнейших государственных органов и личности, подлинно равной в правовом отношении с государством.

Одним из основных элементов принципа верховенства права и главным средством его функционирования является правовая определенность, которая все чаще характеризуется российским законодателем и в доктрине в качестве идеи общеправового, универсального характера, в той или иной форме проявляющей себя в каждой отрасли российского права, в том числе уголовно-процессуального. Более того, в силу специфики предмета правового регулирования последнего, субъектов и объекта его отношений, принудительной сущности основных юридических актов и их последствий для личности налицо потребность в исходной определенности как в сути властных нормативных

велений, так и в актах их реализации. Только диалектическое взаимодействие определенности уголовно-процессуального закона и определенности практики его применения (динамики права) в состоянии обеспечить как высокое социально-нормативное назначение этой отрасли государственной деятельности, так и реальный баланс прав и правовых состояний в соотношении «личность – государство».

В настоящее время правовая определенность как мировоззренческая идея пока не нашла должного рассмотрения в рамках ни общей теории права, ни сферы действия уголовно-процессуального права. Правовая доктрина едина лишь в том, что правовая определенность становится все более значимым фактором текущего и перспективного правотворческого и правоприменительного процесса. На этом единство суждений заканчивается, ибо видовая принадлежность правовой определенности, ее суть и особенно нормативное содержание в большинстве своем трактуются с различных позиций. Не каждый исследователь или субъект применения права в состоянии также привести в пример нормативные акты, в которых в части или исчерпывающе закреплены нормативное содержание правовой определенности или основные ее элементы.

В юридической литературе выделяются три основных направления в понимании этой категории. Одни ученые не воспринимают правовую определенность как самостоятельный принцип российского права, считая, что она не носит самостоятельного характера, что ее нельзя рассматривать и в качестве принципа, входящего в содержание общей идеи верховенства права. Вторые, признавая фундаментальность категории «правовая определенность», характеризуют лишь отдельные содержательные ее элементы. Третьи все ее содержание сводят к свойствам принципа *res judicata*, отмечая полное тождество этих принципов как в правотворческой, так и в правоприменительной (в том числе уголовно-процессуальной) сфере.

Между тем нормативное содержание правовой определенности должно трактоваться значительно шире, так как оно охватывает не только элементы

стабильности текущего нормативного регулирования или суть принципа *res judicata*, но и ясность, непротиворечивость системы права в целом, стабильность судебной практики, единство воли закона и правосознания публичных участников правовых отношений, их установок. Лишь при подобном подходе правовая определенность может обеспечить свое исходное нормативное назначение – состояние правовой стабильности личности, гражданского общества, правового государства.

Таким образом, налицо настоятельная потребность в уяснении сути и социально-нормативного значения правовой определенности для статики и динамики российского уголовно-процессуального права. Столь же актуальна потребность в достоверном определении основных элементов ее содержания, исследовании их роли в общем механизме правового регулирования и практической деятельности, именуемой уголовным судопроизводством России. Для формирования и реального обеспечения искомого состояния правовой определенности в Российском государстве и обществе значим также комплексный анализ основных причин и условий, в силу которых нередко нивелируется нормативная ценность права как наиболее действенного регулятора общественных отношений.

Все изложенное и обусловило выбор предмета и направлений исследования, позволило сформировать его непосредственные задачи и необходимые средства.

Степень разработанности темы исследования. При установлении видовой принадлежности правовой определенности соискатель обращался к работам таких ученых, как В.И. Анишина, Н.С. Бондарь, Я.М. Винокурова, А.Г. Гаджиев, И.М. Евлоев, Т.Н. Назаренко, Т.Н. Нештаева, А.П. Фоков, поскольку именно эти авторы заложили методологические основы ее понимания как принципа универсального, общеправового, фундаментального. Нормативное содержание и основные элементы данного принципа позволил выявить анализ позиций Т.М. Алексеевой, А.Т. Боннер, М.Н. Дмитриева, О.О. Журавлевой, С.В. Зайцева, А.Ю. Котова, С.В. Луцаева, Р. Масса-

ладжиу, И.А. Покровского, М.В. Преснякова, И.В. Рехтиной, А.Р. Султанова, О.О. Сухаревой, Я.М. Шабалиной и др. При этом, естественно, учитывались либо конституционные векторы большинства их исследований, либо преимущественные характеристики содержания исследуемой категории с позиций гражданского и гражданского процессуального права.

Относительно предмета уголовно-процессуального права России сущность и элементы категории «правовая определенность» анализировались в контексте либо пробельности и коллизионности отдельных правовых предписаний действующего УПК РФ (М.Т. Аширбекова, Ю.Ю. Берестнев, М.В. Виноградов, О.В. Гладышева, О.А. Зайцев, Ю.А. Ляхов, В.А. Семенцов, С.Н. Хорунжий, Л. Миннегалиева и др.), либо содержания принципа *res judicata* – как правовой определенности окончательных актов суда. Здесь особо выделяются монографические исследования М.В. Мерзляковой (2008 г.), В.А. Давыдова (2011 г.), И.С. Дикарева (2015 г.), Т.М. Алексеевой (2015 г.), Т.Г. Бородиновой (2016 г.).

Значимыми для предмета и целей работы послужили позиции А.А. Зорина, Н.Н. Ковтуна, А.Д. Шунаева, достаточно комплексно характеризующих нормативное содержание правовой определенности применительно к современному уголовно-процессуальному праву России.

Анализ определенности системы источников российского уголовно-процессуального права потребовал обращения к работам таких авторов, как В.П. Божьев, А.В. Гриненко, Н.В. Ильютченко, К.Б. Калиновский, С.И. Коновалов, В.И. Кононенко, П.А. Lupинская, Н.С. Манова, А.Д. Прошляков, С.Б. Россинский, А.В. Смирнов, Н.Г. Стойко, Т.В. Трубникова, И.Р. Харченко, Ю.К. Якимович, Л.В. Яковлева и др. Проблемы же иерархии форм выражения российского уголовно-процессуального права (коллизий их конкуренции) обусловили необходимость изучить позиции А.В. Безрукова, С.В. Бошно, Я.В. Гайворонской, К.Ф. Гуценко, Г.М. Даниленко, А.В. Малько, В.Т. Томина и др.

Акты конституционного правосудия как весомый фактор определенности современного уголовно-процессуального права России исследовались с учетом взглядов таких ученых, как Н.В. Батуев, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, В.Д. Зорькин, В.О. Елеонский, Д.В. Карпов, В.В. Лазарев, Л.В. Лазарев, Н.М. Марченко, Т.Г. Морщакова, В.А. Савицкий, С.В. Поленина, О.В. Романова, Б.А. Страшун, Е.Ю. Терюкова, Б.Н. Топорнин, А.А. Малюшин, М.А. Митюков, Б.С. Эбзеев, Т.А. Хабриева. Основным контекстом этого анализа – исходная определенность юридической сущности исследуемых актов, их роль и назначение в российском правовом регулировании, определенность правовых позиций и итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия по одному и тому же предмету проверки.

При анализе правовой определенности актов Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, ЕСПЧ) применительно к системе российского уголовно-процессуального права использовались итоги известной дискуссии о соотношении этих актов с нормами Конституции РФ. Предметом анализа здесь послужили правовые позиции участников дискуссии (В.Д. Зорькин, С.П. Маврин, С.Л. Сергевнин, А.Н. Верещагин, В.А. Виноградов, Т.А. Хабриева, Г.М. Резник, Е.А. Лукьянова, А.К. Соболева, С.А. Пашин, В.В. Лапаева), а также законодательные новации относительно правил «имплементации» актов ЕСПЧ в сферу действия российского уголовно-процессуального права.

Потребность в уяснении определенности официальных актов толкования российского уголовно-процессуального права и судебных прецедентов как образцов применения права обусловила включение в предмет исследования работ таких ученых, как С.С. Алексеев, Л.Б. Алексеева, К.С. Аристова, М.И. Байтин, С.М. Даровских, В.В. Демидов, В.М. Жуйков, А.В. Кудрявцева, В.М. Лебедев, М.Н. Марченко, Т.Г. Морщакова, В.С. Нерсесянц, Н.В. Радутная, П.С. Элькин, М.С. Строгович и др.

Анализ принципа *res judicata* как концентрированного выражения правовой определенности окончательных актов суда обусловил обращение к мо-

нографическим исследованиям Т.М. Алексеевой (2015 г.), В.А. Давыдова (2005 г.), Д.Х. Геховой (2016 г.), И.С. Дикарева (2016 г.), А.С. Омаровой (2015 г.), В.Д. Потапова (2013 г.), а также монографиям, подготовленным авторским коллективом под редакцией Н.А. Колоколова и посвященных основным проблемам реформы контрольно-проверочных производств в российском уголовном процессе: «Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления» (М., 2011 г.) и «Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения» (М., 2015 г.).

Оценка названных источников в контексте заявленной к исследованию тематики показала, что применительно к уголовно-процессуальному праву России категория «правовая определенность» комплексно не изучалась. Неким исключением здесь является диссертационная работа И.С. Дикарева «Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования» (Волгоград, 2016 г.), где анализируется соотношение принципа правовой определенности окончательных актов суда (*res judicata*) и конституционного принципа обеспечения судебной защиты с позиций обновленного кассационного и надзорного производства России (гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ). Эта работа безусловно является вкладом в изучение категории «правовая определенность», однако в принципе не исчерпывает ее содержания, что подтверждает актуальность нашего исследования.

Объектом исследования является система уголовно-процессуальных отношений, обеспечивающих состояние правовой определенности и в целом верховенства права в государстве и обществе как необходимых детерминант формирования и оптимального функционирования подлинно правового государства и гражданского общества.

Предметом исследования выступают: система доктринальных положений о сущности и нормативном содержании категории «правовая определенность» в статике и динамике российского уголовно-процессуального пра-

ва; система норм уголовно-процессуального права России, выступающих средством обеспечения режима правовой определенности в сфере уголовного судопроизводства; динамика и акты реализации уголовно-процессуальных отношений, наиболее полно и точно показывающие реальное состояние в нашей стране правовой защищенности личности, общества, государства.

Цель диссертационного исследования – разработка целостной, теоретически согласованной и эмпирически верифицируемой концепции обеспечения режима правовой определенности личности, общества, государства в статике и динамике российского уголовно-процессуального права. Основы этой концепции – система диалектически взаимосвязанных частных теоретических положений о сущности, содержании, назначении и реальной системе элементов категории «правовая определенность» в уголовном судопроизводстве России, их взаимосвязь и взаимообусловленность. Именно эти элементы, проявляясь в статике и динамике российского уголовно-процессуального права, либо показывают реальное состояние определенности правовых состояний, правовых отношений, актов применения права, либо формируют симулякры указанных состояний и отношений, нивелируя ценность и социально-нормативное назначение права.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих **задач**:

выявить и раскрыть сущность и реальное нормативное содержание категории «правовая определенность», ее взаимосвязь и взаимообусловленность с более общим правовым принципом «верховенство права»;

исследовать взаимосвязь нормативной неопределенности уголовно-процессуального закона и определенности непосредственно динамики права, определенности его итоговых актов, уголовно-процессуальных отношений и правовых состояний;

уяснить значение для определенности статике и динамики российского уголовно-процессуального права таких элементов, как правовая политика,

правовая идеология, правосознание, установки субъектов применения уголовно-процессуального права, действующих *ex officio*;

выявить степень сбалансированности иерархической системы источников российского уголовно-процессуального права как необходимого фактора обеспечения его определенности;

раскрыть роль и значение в обеспечении состояния определенности российского уголовно-процессуального права актов конституционного правосудия, в том числе в плане «генезиса» правовых позиций и итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия России относительно сущности и содержания основных норм и институтов российского уголовно-процессуального права;

определить роль и значение в текущем уголовно-процессуальном регулировании такого правового явления, как акты ЕСПЧ;

раскрыть сущность и правовое значение для обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права «нормативных» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и актов – прецедентов высших судебных инстанций Российской Федерации;

проанализировать сущность и значение для обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права принципа *res judicata*, особенно в контексте его антиномии с конституционной идеей обеспечения судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования послужил диалектический метод познания, а также общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, системный подход, позволившие объяснить диалектическую связь российского уголовно-процессуального права с такими факторами, как правовая политика, правосознание, установки публичных субъектов применения права. В целях полного и точного раскрытия предмета исследования использовались специально-юридические методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, юридической интерпретации, логико-юридический, метод конкретных социологиче-

ских исследований и др. В результате применения указанной методологии были получены новые знания о связях и закономерностях развития уголовно-процессуального права, тенденциях и перспективах его дальнейшего совершенствования в части правовой определенности содержащихся и перспективных предписаний, направлений исправлений существующих дефектов и др.

Диалектический метод познания позволил определить сущностные характеристики уголовно-процессуального права, категорий «правовая определенность», «правовая неопределенность», «коллизии», «дефекты», «правосознание», «практика» и др. Динамика развития уголовно-процессуального права, изученная на основе диалектического метода, позволила выявить исторические, социальные, экономические и иные позитивные и негативные факторы влияния на содержание уголовно-процессуальных норм, их определенность выражения в законодательстве. В результате стало возможным формирование целостной теоретической модели правовой определенности норм уголовно-процессуального права и выработка на ее основе комплекса предложений по достижению необходимого уровня правовой определенности современного уголовно-процессуального законодательства.

На основании метода абстрагирования развитие уголовно-процессуального права рассмотрено в условиях, при которых степень определенности правовых предписаний имела максимальные значения и достигалась за счет формулирования правовых предписаний в законе. Посредством наложения реальных факторов на эти идеальные условия и с помощью методов анализа и синтеза получена реальная картина, выявлены существующие дефекты уголовно-процессуального законодательства в части определенности правовых предписаний. Сформулированы обобщенные представления о системе источников уголовно-процессуального права, их надлежащей иерархии, месте и роли в данной системе отдельных источников, а также отдельных правовых предписаний.

Анализ позволил рассмотреть детали системы уголовно-процессуального права, его источников, отдельных уголовно-процессуальных норм, наиболее существенные аспекты правоприменения и правосознания, выявить закономерности их взаимосвязи, отразить степень правовой неопределенности и высказать суждения относительно разрешения теоретических, законодательных, практических проблем.

Синтез как метод научного познания позволил выработать такую основополагающую категорию как «принцип правовой определенности», определить нормативное содержание этого принципа, сформировать представления относительно совокупности факторов, определяющих потребность в правовой определенности уголовно-процессуальных правовых положений, высказать суждения относительно временной и смысловой стабильности нормативного регулирования и основанного на нем процесса реализации правовых предписаний, формальной определенности действующих уголовно-процессуальных норм, включая их ясность и непротиворечивость, решить иные научные задачи.

Системный подход позволил взглянуть на уголовно-процессуальное право, как на широкий, многоаспектный, целостный комплекс взаимосвязанных элементов и рассмотреть их функциональные и структурные связи. При этом системному исследованию подвергались источники уголовно-процессуального права, что позволило высказать суждение о деструктивной роли отдельных из них; правовые нормы; правовая идеология; правовая политика; правосознание субъектов правовых отношений, их установки. Установлено наличие объективных связей всех этих элементов, формы их взаимодействия и векторы влияния на правовую определенность правовых уголовно-процессуальных предписаний.

С использованием историко-правового метода рассмотрена динамика развития уголовно-процессуального права и продемонстрирована историческая преемственность отдельных дефектов уголовно-процессуальных правовых предписаний с точки зрения современных потребностей.

Сравнительно-правовой метод позволил обратиться к исследованию зарубежного законодательства, выделить позитивные и негативные факторы влияния на правовую определенность уголовно-процессуальных предписаний зарубежных государств, пути повышения степени правовой определенности в зарубежных государствах и сформировать собственную позицию относительно преимущества и возможного использования в российских условиях отдельных способов конкретизации правовых предписаний.

Посредством юридической интерпретации уточнены смысл и содержание отдельных уголовно-процессуальных правовых положений, способствующих их правовой определенности и четкости их уяснения правоприменителями, включая, в частности, нормативные правила кассационного, надзорного производства в уголовном судопроизводстве.

Формально-юридический метод позволил описать существующую ситуацию с правовой определенностью в уголовно-процессуальном праве, обобщить возникающие проблемы, подвергнуть их классификации и систематизировать полученные новые знания.

Методом конкретных социологических исследований получен комплекс результатов эмпирических исследований, проведен их анализ, систематизация и обобщение.

Нормативную основу работы составили Конституция РФ, международные правовые акты Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Европы, акты Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, нормы российского уголовно-процессуального законодательства, уголовно-процессуальное законодательство некоторых иностранных государств.

Теоретическая основа исследования – монографические исследования по уголовно-процессуальному праву России и зарубежных стран, общей теории права, конституционному праву, международному праву, иным отраслевым юридическим дисциплинам. Избранный подход к научно-практическому анализу, предмет, методология и методы исследования впервые позволили:

достоверно выявить сущность и нормативное назначение правовой определенности как определяющего элемента принципа верховенства права и важнейшего условия формирования в Российской Федерации правового государства и гражданского общества;

выявить основные элементы исследуемого принципа в статике и динамике российского уголовно-процессуального права, их диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность в реальном механизме отраслевой правотворческой и правоприменительной деятельности;

осуществить комплексный анализ проблемной ситуации в сфере функционирования российского уголовно-процессуального права, кризисное состояние которого обусловлено не только неясностью отдельных правовых предписаний, но и такими факторами, как правосознание публичных участников правовых отношений, правовая политика, правовая идеология и т. д.;

провести комплексный, телеологически согласованный анализ элементов правовой определенности российского уголовно-процессуального права, что позволило сформировать основы целостной концепции обеспечения состояния правовой определенности в исследуемой области общественных отношений.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили:

результаты анкетирования 275 судей судов областного / краевого звена; 272 сотрудников уголовно-судебных подразделений прокуратур;

255 кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и 75 постановлений Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных в 2014–2016 гг. и размещенных на официальном сайте Верховного Суда РФ;

242 кассационных производства по уголовным делам, рассмотренным президиумами областных и краевых судов;

173 материала по кассационным жалобам, представлениям, в отношении которых судьями вынесены решения о возвращении их заявителям без

рассмотрения или об отказе в их передаче для рассмотрения в судебном заседании президиумов указанных судов;

статистические данные о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, опубликованные на официальных сайтах Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Сбор эмпирического материала осуществлялся в Краснодарском и Ставропольском краях, Владимирской, Волгоградской, Ивановской, Курганской, Нижегородской, Новосибирской, Московской, Саратовской, Оренбургской и Рязанской областях, гг. Москва и Санкт-Петербург в период с 2013 по 2016 г.

Изучены также 65 постановлений и решений ЕСПЧ, 72 постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Научная новизна диссертации заключается в том, что это первое комплексное монографическое исследование сущности, назначения и нормативного содержания фундаментальной категории «правовая определенность» применительно к правовым предписаниям, правовым отношениям и итоговым актам российского уголовного судопроизводства. Впервые путем телеологически согласованного теоретического анализа и эмпирической верификации основных элементов содержания правовой определенности в статике и динамике уголовно-процессуального права доказано следующее:

исходная неопределенность (дефект) закона не всегда является закономерным и определяющим фактором коллизионности в динамике его применения, ибо наличествующие дефекты воли закона во многом нивелируются надлежащим правосознанием и опытом публичных участников правовых отношений, не порождая негативных последствий;

определяющим фактором появления и нарастания коллизий в динамике российского уголовно-процессуального права и, как следствие, неопределенного правового состояния субъектов правовых отношений выступают деформированные правосознание, установки публичных субъектов применения

норм уголовно-процессуального права, негативные факторы в публичной правовой и государственной политике, правовой идеологии и соответствующем административном воздействии на правовую систему;

в российском правопонимании и правоприменении отсутствует определенность в осмыслении системы и особенно иерархии норм уголовно-процессуального права; как следствие, на практике коллизии однородных правовых предписаний решаются не на нормативной основе, а на основе актов внеправового характера, что не способствует определенности в указанной сфере правовых отношений, определенности соответствующих актов и правовых состояний;

коллизийным фактором неопределенности российского уголовно-процессуального права являются акты высшего органа конституционного правосудия в силу как изначальной неопределенности их юридической сути, так и все более проявляющейся несогласованности их правовых позиций и итоговых выводов по одному и тому же предмету проверки;

акты ЕСПЧ, призванные формировать определенность правовых отношений и состояний, по факту не восприняты системой российского уголовно-процессуального права, не имплементированы в его содержание. Практика применения этих актов носит избирательный, идеологически детерминированный характер, так как ее основной вектор – изначальное соответствие официальному политико-идеологическому «курсу»;

правовая определенность как объективное состояние личности, общества, государства требует уважения к сущности и следствиям принципа *res judicata*. Между тем данные суть и следствия фактически нивелированы доминированием в экстраординарных проверочных производствах уголовного судопроизводства России идеи публичной законности, вуалируемой декларациями о необходимости обеспечить реализацию конституционного принципа судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц.

Научная новизна результатов диссертационного исследования нашла отражение в **положениях, выносимых на защиту.**

1. Принцип правовой определенности – самостоятельная, фундаментальная, общеправовая идея мировоззренческого характера. Ее нормативное назначение состоит в формировании и обеспечении оптимального правового состояния (режима) стабильности и безопасности функционирования личности, общества и государства, проявляющегося прежде всего через потребность в стабильности отраслевого нормативного регулирования, стабильности изначально определенного статуса субъектов уголовно-процессуальных отношений, неколлизионности уголовно-процессуального права, ясности и предсказуемости последствий его применения.

2. Нормативное содержание идеи правовой определенности в уголовном судопроизводстве России не может быть сведено ни исключительно к ясности и точности действующих предписаний закона (определенность закона), ни к сути и следствиям принципа *res judicata* (определенность окончательных актов суда). Реально оно проявляется через: а) потребность в стабильном правовом регулировании; б) потребность в определенности динамики права; в) сущность и правовые следствия принципа *res judicata*.

3. Потребность в стабильном правовом регулировании содержательно раскрывается через:

относительную временную и смысловую стабильность текущего нормативного регулирования исследуемой отрасли общественных отношений и основанного на нем процесса реализации правовых предписаний;

формальную определенность (ясность, точность, недвусмысленность, непротиворечивость) действующих уголовно-процессуальных норм;

ясность, непротиворечивость в целом системы уголовно-процессуального права, точное иерархическое построение данной системы, позволяющее однозначно и властно решать негативные коллизии при конкуренции норм однородной или разной юридической силы.

4. Потребность в определенности динамики права актуализируется не только через законные, обоснованные, справедливые акты применения уголовно-процессуального права (индивидуальные нормативные правовые акты

государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс), но и через содержательные элементы таких «спутников» права, как правовая идеология, правовая политика, правосознание субъектов правовых отношений, их установки. Как следствие, формы объективации этой потребности проявляются через:

единообразие в понимании и применении одних и тех же предписаний как судьями судебной системы России, так и иными публичными участниками правовых отношений, единство воли закона и ее отражения в правосознании и установках названных публичных субъектов;

критерии устойчивости, неопровержимости, стабильности судебных и иных индивидуальных правовых актов (решений), принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, и соответственно стабильности складывающихся на их основе правоотношений и итоговых правовых состояний.

5. Сущность и правовые следствия принципа *res judicata* проявляются в окончательности и императивности актов суда, вступивших в законную силу; их непоколебимости и исполнимости; в потребности субъектов уголовно-процессуальных отношений предвидеть последствия своих актов, быть уверенными в постоянстве своего окончательно признанного судом статуса, изменение которого допустимо лишь при наличии к тому экстраординарных правовых оснований, ставящих под сомнение саму суть и назначение права.

6. Неопределенность закона не есть тождество и условие неопределенности права; верховенство закона не есть тождество определенности права. Исходная неясность, неполнота (иные дефекты) действующих правовых предписаний – не всегда фактор неопределенности российского уголовно-процессуального права, так как отдельные дефекты закона закономерно нивелируются правосознанием и опытом публичных участников уголовного судопроизводства. В методологическом и практическом плане следует анализировать именно состояние неопределенности права, проявляемое через коллизии в динамике уголовно-процессуальных отношений, актов и правовых состояний. Реальные факторы этой неопределенности лежат не только в ис-

ходных дефектах воли закона, но и в правосознании, установках участников уголовного процесса, в правовой политике, правовой идеологии и т. д.

7. Система источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права свидетельствует о состоянии неопределенности как самой этой системы, так и отдельных ее элементов. Обуславливает это коллизионное состояние неопределенность:

сути, содержания и роли в правовом регулировании общепризнанных принципов и норм международного права, их реального «места» в иерархии источников российского уголовно-процессуального права, средств их регулирующего воздействия на динамику этой отрасли права;

в ответе на вопрос о месте в национальном правовом регулировании Конституции РФ. Данная проблема связана с дискуссией о том, что Конституция РФ либо «возглавляет» систему национальных источников права и соответственно не является доминантой для ратифицированных актов международно-правового характера (конвенции, договоры, акты ЕСПЧ), либо изначально находится над внутренней системой источников правового характера, что разрешает соответствующие коллизии в их иерархии и доминировании, однако порождает вопросы о методе и средствах правового воздействия норм Основного закона на внутреннюю систему национального права;

иерархического «места» и роли актов ЕСПЧ в системе источников российского уголовно-процессуального права – как доминанты в текущем правовом регулировании исследуемых отраслевых отношений или источника, обладающего юридической силой акта, которым они ратифицируются, т. е. федерального закона;

правил конкуренции норм единого кодифицированного уголовно-процессуального закона (УПК РФ) и норм иных федеральных законов, также содержащих «уголовно-процессуальные» нормы;

«места» актов национального конституционного правосудия в правовом регулировании, которое нормативно не установлено в принципе. Являясь нормами «живого конституционного права», эти акты либо располагаются на

одной «горизонтали» с Конституцией РФ и также являются доминантой в текущем правовом регулировании, либо образуют особую группу источников, стоящих над нормами российского уголовно-процессуального права. Однако при этом возникают вопросы об их взаимодействии с Конституцией РФ и с «внутренней» системой уголовно-процессуальных источников;

роли в правовом регулировании актов толкования Пленума Верховного Суда РФ, а также судебных прецедентов высших судебных инстанций России как императивных норм – эталонов применения права для коллизионных правовых отношений.

8. Анализ актов Конституционного Суда РФ и норм российского уголовно-процессуального права дает основания для вывода об исходной пробельности в определении юридической сути указанных актов, их роли в отраслевом правовом регулировании. Автор приводит дополнительные аргументы в пользу того, что эти акты есть особая форма нормативных правовых предписаний. Вместе с тем нет оснований для констатации, что данные акты должны быть восприняты как «живые конституционные нормы». *Во-первых*, формирование указанных норм носит личностный характер. *Во-вторых*, известно, что содержание правовых позиций высшего органа конституционного правосудия есть результат субъективного акта познания норм Конституции; как следствие, нет гарантий, что при иных исходных условиях и иным субъектом познания данные нормы не будут познаны принципиально иначе, покажут иное «свое» содержание. *В-третьих*, нет оснований к тому, чтобы эти субъективные смыслы познания доминировали над иными формами выражения российского права. *В-четвертых*, существует потребность в исходной определенности легитимного предмета конституционной проверки «нарабатываемого» конституционного правосудия. *В-пятых*, лишены легитимной основы публичные заявления об императивной силе указанных норм для иных ветвей государственной власти.

9. Анализ эмпирической составляющей конституционного правосудия показывает, что в ряде случаев итоговые акты Конституционного Суда РФ по

одному и тому же предмету проверки не согласуются между собой. Они же вступают в противоречие с фундаментальными правилами толкования, выраженными в формулах *Plain Meaning Rule* – суды не должны изменять суть закона под видом его интерпретации, *The Mischief Rule* – смысл толкования Закона состоит в том, чтобы убедиться в действительном намерении законодателя и усилить эффективность его реализации, *The Golden Rule* – суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности принять абсурдное решение.

Как следствие, сущность правовой определенности вызывает потребность в формировании легального механизма, призванного, *во-первых*, проверять истинность актов Конституционного Суда РФ (предмет – их соответствие Конституции РФ); *во-вторых*, устранять коллизионность итоговых актов этого органа в системе уголовно-процессуального права.

10. Устранены из системы средств обеспечения режима правовой определенности и акты ЕСПЧ. Публичные субъекты применения права и так выборочно обращаются к нормативным предписаниям этих актов в российском уголовно-процессуальном праве, но сюда «добавляются» еще векторы официальной политики, кардинально изменяющей акценты при решении вопроса о ценности и нормативном значении исследуемых средств правового регулирования для национальной системы.

Нормативная ценность актов ЕСПЧ поставлена в зависимость от их оценки (на предмет «конституционности») Конституционного Суда РФ, который по своему усмотрению определяет, насколько правовые позиции органа наднационального правосудия соответствуют нормам Конституции РФ или правовым позициям самого Конституционного Суда. В результате налично конфликт между толкованием норм российского права высшим органом конституционного правосудия России и толкованием норм Европейской конвенции Европейским Судом. Причем в этом споре все более проявляются факторы не столько правового характера, сколько публичной политики и идеологии. В силу этого фактор субъективной избирательности «выбора»

правоприменителями актов ЕСПЧ приобретает определяющую роль, нивелируя значение этих актов в российском уголовно-процессуальном регулировании. Выход из этой коллизии состоит либо в безусловном следовании национальными субъектами применения права правилу *«pacta sunt servanda»*, либо в официальной денонсации Российской Федерацией своих обязательств, связанных с ратификацией Европейской конвенции.

11. Определяя судебное толкование в качестве важного фактора обеспечения состояния правовой определенности как в правовых отношениях, так и в целом в государстве и обществе, автор исходит из того, что постановления Пленума Верховного Суда РФ являются нормативными актами официального толкования не только практики, но и закона, т. е. фактически – источниками российского уголовно-процессуального права. Иначе говоря, акты Верховного Суда РФ суть нормативные прецеденты – источники российского права.

Нормативной основой для такого вывода выступают ст. 126 Конституции РФ, ст. 19 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», п. 1 ч. 7 ст. 2 ФКЗ от 5 февраля 2014 г. «О Верховном Суде Российской Федерации», ч. 1 ст. 9 ФКЗ от 7 февраля 2011 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», где установлено, что Верховный Суд РФ не только изучает и обобщает судебную практику, но и в целях обеспечения ее единства дает судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства.

Фактическая основа вывода – социально детерминированная потребность в оптимальном правовом регулировании, согласно которой при выявлении пробелов или несогласованности предписаний закона, несоответствия их высшему конституционному акту судебная власть не только вправе, но и обязана предпринимать необходимые меры для разрешения коллизии, обеспечения конституционного назначения правосудия. Как следствие, акты судебного толкования и судебные прецеденты есть проявления эффективного

отправления властных и востребованных обществом полномочий судебной власти.

12. Практическая сторона судебного толкования – возникновение фактов исходной неопределенности в однородных правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ; Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ; Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и актов ЕСПЧ; Пленума Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, актов ЕСПЧ и непосредственно прецедентов – эталонов применения права; судебных прецедентов одной и той же судебной инстанции по одному и тому же предмету.

Отсутствие единства в судебном толковании нивелирует не только состояние правовой определенности в государстве и обществе, но и суть и назначение права как регулятора; является скрытым коррупциогенным фактором; формирует нигилистическое отношение к праву. Налицо потребность в формировании такого порядка, когда единство правовых позиций по одному и тому же вопросу будет обеспечиваться совместными актами высших судебных инстанций; единство судебного прецедента – официальными актами (обзорами) Президиума Верховного Суда РФ. Изменение нормативных подходов к сути коллизионной нормы или к практике ее применения – легальное основание для потенциального пересмотра итоговых актов суда по воле заинтересованных лиц (гл. 49 УПК РФ).

13. Оценивая *res judicata* как потребность в обеспечении определенности сущности и следствий окончательных актов суда, автор признает пагубность абсолютизации этого принципа в действующей процедуре кассационно-надзорной формы проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ). Кроме того, налицо его антиномия с сущностью конституционного принципа обеспечения судебной защиты прав заинтересованных лиц. Единственно возможным средством разрешения как указанной антиномии, так и задач экстраординарной формы проверки является поддержание подлинного баланса гарантий реализации каждого из этих принципов. Основными элементами данной системы гаран-

тий являются: ограниченный предмет кассационно-надзорной формы проверки; ее пресекательные сроки; процедура предварительного изучения жалобы или представления для выявления реального наличия кассационно-надзорных оснований; особые полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей); правила итогового голосования судей; ревизионное начало проверки; инстанционность; исключительные основания к опровержению сути *res judicata*.

Действуя в диалектическом взаимодействии, эти средства / гарантии призваны обеспечить, с одной стороны, незыблемость сути и следствий *res judicata*, с другой – реализацию задач экстраординарного института судебной защиты в уголовном судопроизводстве России. Очевидно, что доминирование в процессе проверки лишь каких-то одних гарантий при подавлении гарантий-оппонентов приводит либо к объективации этой формы проверки как ординарного средства исправления всех ошибок и нарушений закона, либо к формированию такого порядка, при котором суд не в состоянии исправить даже те нарушения закона, которые искажают смысл правосудия.

14. Анализ практики кассационно-надзорной формы проверки и закономерностей, которые она формирует, показал следующее:

прослеживается тенденция к включению в предмет кассационно-надзорной формы проверки не только законности окончательных актов суда, но и фактической их обоснованности, справедливости. Эти же векторы закреплены в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ, в актах – прецедентах высших судебных инстанций;

в силу «нормативных» разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и последующих новаций (Закон № 518-ФЗ) фактически нивелирована суть пресекательных сроков экстраординарной кассационно-надзорной формы проверки, отмены, изменения окончательных актов суда;

процедуры и итоги предварительного изучения жалобы, представления, имеющие своим назначением выявление существенных, фундаментальных оснований для инициации процесса кассационной или надзорной проверки,

по существу модифицированы в ординарное средство выявления всех возможных нарушений закона, в том числе тех, которые отнесены к фактической стороне проверяемых окончательных актов;

в таком же публичном контексте проявляются полномочия Председателя Верховного Суда РФ (его заместителей) по отмене «отказных» постановлений судьи, предварительно изучавшего жалобу, и административной инициации процесса экстраординарной проверки по существу;

ведомственным правосознанием и установками высших должностных лиц судебной системы преодолен запрет закона на поверку повторных или новых кассационных жалоб, поданных по тем же или иным основаниям, теми же или иными кассаторами в тот же суд кассационной инстанции (ст. 401.17 УПК РФ). В судах кассационной инстанции нарабатывается сугубо инициативная практика их повторного рассмотрения лишь в силу властных решений председателей соответствующих судов;

правосознанием судей и установками высших должностных лиц судебной системы России суть оснований преодоления принципа *res judicata* модифицирована таким образом, что в качестве легальной основы отмены / изменения окончательных актов суда являются любые нарушения закона;

ревизионное начало кассационной или надзорной проверки используется в качестве ординарного средства для выявления любых нарушений закона и инициации отмены, изменения окончательных актов суда в интересах публичной правосудности приговора и единой публичной законности;

в таком же контексте уголовно-процессуальная доктрина обосновывает: потребность в «уточнении» правил голосования в суде кассационной, надзорной инстанции при равенстве голосов судей по вопросу *pro et contra* отмены окончательных актов суда и легальную целесообразность установления в процессуальной форме проверки неоднократности (инстанционности) процесса исправления всех возможных нарушений закона.

15. Аргументируется вывод о нивелировании принципа *res judicata*, его подавлении принципом публичной законности, который по факту лишь вуа-

лируется декларациями о примате конституционного принципа обеспечения максимальной судебной защиты.

Считая обеспечение баланса гарантий *res judicata* и конституционного принципа судебной защиты принципиальным для сути и назначения экстраординарной формы проверки, автор обосновывает необходимость внесения системных изменений и дополнений в нормы п. 5 ч. 1 ст. 401.4, ст. 401.8, ст. 401.15, ч. 5 ст. 401.16, ст. 412.5, ст. 412.12 УПК РФ, принятие которых сможет реально обеспечить искомый баланс указанных гарантий.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что сформулированные в ней положения комплексно объясняют сущность, назначение и нормативное содержание принципа правовой определенности российского уголовно-процессуального права. Система обоснованных автором констатаций и предложений позволяет на новом теоретическом уровне объяснить и прогнозировать закономерности функционирования российского уголовно-процессуального права как в целом, так и применительно к судебно-контрольным его производствам.

Примененный автором комплексный подход позволил раскрыть систему взаимосвязей и взаимозависимостей между такими элементами правовой определенности, как определенность закона и определенность права, правосознание участников правовых отношений и коллизии динамики права, правовая политика и правовая идеология как факторы искажения воли закона и соответственно актов объективации динамики права.

Сформированная и обоснованная автором система теоретических выводов и положений может стать основой как для дальнейших исследований категории «правовая определенность» и объективно соответствующего ей правового состояния общества и государства, так и средством оптимизации системы российского уголовно-процессуального права. Причем как в плане реализации основных положений судебно-правовой реформы в Российской Федерации, так и в контексте обеспечения состояния правовой определенности формирующегося правового государства и гражданского общества.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанные в нем теоретические положения, практические рекомендации и предложения позволили: *во-первых*, определить сущность и нормативное назначение правовой определенности в механизме российского правового регулирования, в статике и динамике российского уголовно-процессуального права; *во-вторых*, уяснить ее основные элементы, их взаимосвязь и взаимообусловленность, роль и значение для обеспечения режима правовой определенности в сфере уголовно-процессуальных отношений, правовых состояний и актов; *в-третьих*, вскрыть реальные причины во многом коллизионного состояния российского уголовно-процессуального права в современный период, обосновать систему мер по оптимизации этого направления государственной деятельности, повышению ее исходного потенциала.

Изложенные в работе положения могут быть использованы в преподавании учебной дисциплины «Уголовный процесс» и иных дисциплин уголовно-правового цикла, в законодательной деятельности.

Обоснованный в диссертации вывод о том, что сущность и содержание категории «правовая определенность» не могут быть сведены исключительно к сущности и следствиям правила *res judicata* или к ясности и точности норм (предписаний), позволяет принципиально по-новому взглянуть на роль и значение иных элементов этой категории в правотворческом и правоприменительном процессе.

Достоверность результатов исследования обеспечена использованием научно обоснованной и апробированной методики анализа и обобщения репрезентативной выборки эмпирических данных, факторами географии их сбора и темпоральными характеристиками реализованного исследования. Верифицируемость основных положений и итоговых выводов исследования подтверждается их апробацией.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Основные теоретические положения, итоговые выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертации, отражены в 4 монографиях, а так-

же в 44 научных статьях, в том числе в 28 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Всего по теме исследования опубликовано 48 научных работ.

Итоговые положения и рекомендации автора докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и межвузовских конференциях: «Эволюция государства и права: история и современность» (II Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2017), «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2017» (XIX Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2017), «Проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы в современном мире» (Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017), «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности» (Междунар. науч.-практ. конф. Новороссийск, 2016), «Охрана прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 55-летию доктора юридических наук, профессора О.А. Зайцева. М., 2016), «Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 50-летию доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко. М., 2016), «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2016), «Право, наука, образование: традиции и перспективы» (Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 85-летию образования Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2016.), «Проблемы эффективности права в современной России» (Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016), «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2016» (XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2016), «Современные проблемы уголовной политики» (VI Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2015), «Развитие права: актуальные проблемы и перспективы» (Всерос. науч.-практ. конф. Моздок, 2015), «Актуальные проблемы уго-

ловного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии» (Международ. науч.-практ. конф. М., 2014).

Основные положения и выводы исследования внедрены в учебный процесс Кубанского государственного университета, Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), Балтийского федерального университета им. И. Канта, а также в практическую деятельность Краснодарского краевого суда и Ставропольского краевого суда.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, шести глав, разбитых на 12 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Глава I.

Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: теоретические и правовые основы

§ 1.1. Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея: понятие, сущность и назначение

Обращаясь к анализу монографических работ, изданных за последние годы, периодических изданий юридического характера и правоприменительных актов высших судебных инстанций России, к пояснительным запискам и преамбулам к тексту ряда федеральных законов, можно констатировать все более нарастающие обращения законодателя, российской доктрины и практики к сути и назначению категории «правовая определенность».¹ Последняя при этом одновременно характеризуется и в качестве фундаментального («общего», «конституционного», «межотраслевого»...) принципа права², и в виде определяющего элемента более общей идеи – верховенство закона³, и

---

¹ См.: Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы): монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 408 с.

² См., напр.: Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 251.

³ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. «Дело Брумареску против Румынии (Brumarescu v. Romania)» (жалоба № 28342/95) // СПС «Гарант».

как искомый, желательный результат правового регулирования, к которому стремятся правовое государство и гражданское общество¹.

Не отрицая ни первого, ни второго, ни третьего, вместе с тем, отметим явную неопределенность данной фундаментальной идеи непосредственно в нормативном и содержательном ее выражении. Представляется далеко не каждый исследователь или субъект практического применения права в состоянии (сразу) привести и охарактеризовать нормативные акты, в тексте которых, в части или исчерпывающе, закреплены нормативное содержание данной фундаментальной идеи, основные ее элементы, свойства или критерии.

Практически каждый исследователь, как данность, будет апеллировать к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция, Конвенция)², одновременно подчеркивая, что с ратификацией этого акта правовая определенность приобрела значение общепризнанного принципа международного права и для системы российского законодательства. Соответственно, будет резюмирован вывод о том, что, в силу прямых конституционных велений (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), его нормативная сущность и содержание обязательны для субъектов правотворческого и правоприменительного процесса России.

Вместе с тем, как известно, Европейская конвенция не содержит ни нормативного закрепления указанного принципа, ни конкретного его определения, ни достаточно ясного нормативного содержания. Последнее, наполняется (корректируется, уточняется) путем анализа и истолкования Европейским Судом, к примеру: надлежащих правовых оснований для тех или иных ограничений применительно к участникам правовых отношений (ст.ст. 2, 5, 8–12 Конвенции, ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции); правовой регламентации надлежащей процедуры установления виновности обвиняемого (п. 2 ст. 6

---

¹ См., напр.: Рукавишникова А.А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 100-101.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) и Протоколы к ней // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

Конвенции); правовой определенности преступных деяний и наказаний, возлагаемых за них (ст. 7 Конвенции); правового регулирования процедуры обжалования приговоров по уголовным делам (ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции); правил *res judicata* и *non bis in idem* применительно к недопустимости повторного осуждения и наказания в уголовном порядке (ст. 4 Протокола № 7 Конвенции)¹.

В итоге, наиболее часто цитируемое содержание категории «правовая определенность» – во многом следствие и результат эволюционного толкования текста Конвенции непосредственно Европейским Судом, акты которого *ipso facto* обязательны для российского правотворчества и правоприменения, причем в смысловой интерпретации, предложенной непосредственно данным Судом². Последняя, между тем, достаточно неоднозначна, в том числе, в силу эволюционного (по времени и смыслу) познания Европейским Судом основных положений текста Конвенции³.

Как следствие, налицо легальные в целом возможности к субъективному выбору и еще более субъективной интерпретации правоприменителями отдельных положений Европейской конвенции в прецедентном ее толковании, что явно не «добавляет» определенности в сфере правовых отношений. В данной связи мы несколько скептически оцениваем резюмирующую уверенность И.С. Дикарева в том, что элементы, через которые в настоящее время раскрывается содержание принципа правовой определенности, не только известны каждому юристу, но интуитивно понятны даже людям весьма далеким от юриспруденции, ибо именно в этих элементах заключены чаяния ря-

---

¹ См. подробнее: Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2. С. 40-47; Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 144-145; и др.

² См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собр. законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

³ См. подробнее: Ковтун Н.Н., Шунаев Д.М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека // Российский судья. 2014. № 9. С. 38-42.

дового гражданина, желающего видеть в законе надежный щит, а в государстве гаранта своей безопасности¹.

Обратим внимание и на методическую неточность исходных посылов этого автора, *во-первых*, обращающегося исключительно к определенности закона, а не права (категории, подчеркнем, более содержательной); *во-вторых*, патерналистски усматривающего именно в государстве, а не в праве основного гаранта личности и в целом членов гражданского общества.

Отсутствие точного понимания сущности и содержания идеи правовой определенности минимизирует и основное **назначение** последней, суть которой в обеспечении особого правового состояния стабильности и безопасности функционирования как самого общества и государства, так и «рядовых» его членов, требующих стабильности и безопасности правового статуса, правовых отношений, последствий применения права. Методологически точно и верно на это назначение категории «правовая определенность» указывается, к примеру, в системе французского (*securite juridique*) и немецкого (*rechtssicherheit*) права, где правовая определенность характеризуется, прежде всего, с позиций «правовой безопасности».

Стоит задаться вопросом, насколько суть данной фундаментальной идеи воспринята российским законодателем, научной доктриной, субъектами практического применения права, прямо или косвенно апеллирующими к правовой определенности как к эффективному средству правового регулирования, социально значимой цели, искомому результату указанного регулирования, обеспечивающему в итоге подлинный режим (состояние) правовой безопасности личности, общества, государства.

По идее, доктрина российского (в том числе уголовно-процессуального) права в целом солидарна в вопросе о том, что правовая определенность становится все более значимым фактором текущего правотворческого и правоприменительного процесса в государстве и обществе. На

---

¹ Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. Волгоград: ВолГУ, 2015. С. 4.

этом единство взглядов и мнений, пожалуй, заканчивается, так как видовая принадлежность исследуемой фундаментальной идеи и, особенно, нормативное ее содержание (в большинстве своем) трактуются с принципиально различных позиций.

К примеру, судья Верховного Суда РФ профессор В.И. Анишина¹, с одной стороны, констатирует, что исследование категории «правовая определенность» становится актуальной проблемой в доктрине современного конституционного права, с другой, трактует эту идею как «важнейший международный и конституционный принцип», как принцип «общеправовой». Основания для подобных подходов данному исследователю видятся в том, что, являясь универсальным критерием оценки конституционности проверяемых норм, принцип правовой определенности распространяет свои требования на все отрасли, институты и сферы национального правового регулирования.

Судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь, несколько не отрицая значение исследуемой идеи для становления и развития современного конституционализма в России, также делает вывод, что правовая определенность, скорее, является универсальным принципом современной статики и динамики права².

А.П. Фоков и Я.М. Винокурова солидарно суммируют, что принцип правовой определенности охватывает разные смысловые значения, которые опосредуются областью (отраслью) его практической реализации. Отсюда убедительными и верными в итоге видятся указанным ученым позиции В.И. Анишиной и Т.Н. Назаренко³.

---

¹ Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Правовая определенность как конституционная ценность // Конституция, личность и суд в современной России: материалы науч. конф. памяти профессора Н.В. Витрука. М.: РАП, 2013. С. 149.

² Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. №10. С. 4-10.

³ См.: Фоков А.П., Винокурова Я.М. Правовая определенность в практике Европейского Суда по правам человека по делам против России в 2014 году // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 16.

Можно было бы согласиться с позициями указанных авторов не умножать далее сущности и, без особых оговорок, признать за идеей правовой определенности: *во-первых*, значение принципа российского права; *во-вторых*, фундаментальный и универсальный характер данной идеи; *в-третьих*, самостоятельную роль и значение этого принципа в текущем правовом регулировании. Можно, если бы сами эти позиции были более или менее постоянны, и строго определены. Но вот, к примеру, та же профессора В.И. Анишина не менее убедительно пишет о том, что определенность именуется универсальным **критерием** в силу конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, так как «такое равенство может быть обеспечено только лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями»¹.

Соответственно, А.П. Фоков и Я.М. Винокурова², суждение которых видится вполне верным, считают методически обоснованным указать данному автору на существенное различие (для области права) категорий «критерий»³ и «принцип»⁴. Сделан вывод и о том, что неправомерное использование первого термина явно умаляет фундаментальный характер исследуемой правовой идеи.

Справедливости ради следует отметить, что «истоки» указанного подхода обнаруживают себя в позициях высшего (национального) органа конституционного правосудия, который первоначально охарактеризовал правовую определенность как принцип⁵, но впоследствии, как верно подметил

---

¹ Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Указ. соч. С. 155.

² Фоков А.П., Винокурова Я.М. Указ. соч. С. 18.

³ «Критерий» – существенный отличительный признак, на основании которого производятся оценка, определения или классификация чего-либо // Словарь иностранных слов / Н.Г. Комлев. М.: Эксмо-Пресс, 2006).

⁴ «Принцип» – моральное, научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают // Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. СПб.-М., 1980-1982. С. 378.

⁵ См., напр.: Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1998. № 6.

И.М. Евлоев¹, применительно к последнему стало использоваться также понятие «критерий». В настоящее время, без разграничения методических и методологических различий, нередко, используются оба указанных термина, что также не добавляет ясности и определенности в понимание сути исследуемой идеи.

Несмотря на то, что в актах Европейского Суда² или, к примеру, в практике высших судебных инстанций России³ исследуемая правовая идея однозначно характеризуется в качестве самостоятельного и фундаментального принципа, российская доктрина также не столь однозначна в этих вопросах, подвергая сомнению, как первое, так и второе⁴.

Так, если Т.Н. Нештаева считает необходимым конкретизировать свои подходы в этом принципиальном вопросе, констатируя, что «правовая определенность» есть основной элемент принципа верховенства права, являющегося основой конституций современных государств, и, соответственно, указанный принцип закреплен в международных договорах, в которых участвует

---

¹ Евлоев И.М. Правовая определенность: принцип или критерий? // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сб. науч. тр. М., 2012. Вып. VII. С. 250.

² См., напр.: Постановление ЕСПЧ по делам «Мухарев против Российской Федерации» от 3 апреля 2012 г. (жалоба № 22921/05); «Худякова против Российской Федерации» от 8 января 2009 г. (жалоба № 13476/04); «Пелевин против Российской Федерации» от 10 февраля 2011 г. (жалоба № 38726/05); «Акрам Каримов против Российской Федерации» от 28 мая 2014 г. (жалоба № 62892/12) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова» // Собр. законодательства РФ. 2012. № 44. Ст. 6071; Определение Верховного Суда РФ от 26 июня 2013 г. №5-АПГ13-20; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 апреля 2013 г. №18245/12; Определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2013 г. №50-Д13-56; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 апреля 2012 г. №21-П12; и далее // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ К примеру, по данным анкетирования практикующих судей кассационного/надзорного состава суда только 17,4% респондентов готовы признать, что эта идея является общеправовым, универсальным (в т. ч. для УСП России) принципом права; 47,6% опрошенных относит его положения исключительно к системе конституционного права; 27,5% готовы воспринять содержание этой идеи применительно к системе гражданского/гражданско-процессуального права; 7,5% однозначны в суждении, что данный принцип (пока) не входит в систему российского права (анкета 1; приложение 2 к диссертации).

Российская Федерация¹, то другие ученые не столь однозначны в этих моментах.

А.П. Фоков и Я.М. Винокурова, анализируя, в частности, позиции профессора А.Г. Гаджиева, акцентируют внимание на утверждении последнего, в соответствии с которым, несмотря на формальное название «принцип правовой определенности», последний носит не самостоятельное, а субсидиарное значение, являясь «... частью нормативного содержания конституционного принципа верховенства права»².

Можно было бы остановиться на этом, отметив в плане полемики, что отдельные авторы несколько своеобразно понимают соотношение и диалектику «общего», «особенного» и «единичного» в исследовании столь сложных явлений права как мировоззренческие, по сути, идеи (принципы)³. Однако далее указанные исследователи стремятся еще более конкретизировать свои подходы в этом вопросе, апеллируя, в том числе, к авторитетному и, как утверждается, теоретически верному выводу профессора В.В. Ершова.

Между тем, по утверждению последнего «доктрина “верховенство права” еще не сложилась как признанная система научных взглядов, имеющих существенное практическое значение. В итоге, сегодня верховенство права можно рассматривать скорее как потенциально глубокую и плодотворную научную концепцию, требующую своего дальнейшего развития с позиции интегративного понимания права»⁴. Как следствие этих «убедительных» выводов, видимо, нет оснований для признания принципом права не только

---

¹ Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. 124-140.

² Цит. по: Фоков А.П., Винокурова Я.М. Указ. раб. С. 18. Аналогично см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П по делу о проверке конституционности положений ст. 113 Налогового кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 4; и др.

³ По сути, в том же контексте, видимо, понимается взаимодействие категорий «цель» и «средство», где второе нередко является первым, и наоборот. См. подробнее, например: Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986.

⁴ Ершов В.В. Верховенство права – концепция или доктрина? // Российское правосудие. 2014. № 6 (98). С. 14; Фоков А.П., Винокурова Я.М. Указ. соч. С. 18-19.

идеи «правовая определенность», но и более общей идеи – «верховенство права», ибо последние, если и существуют в настоящее время реально, то лишь в потенции глубокой и плодотворной научной концепции, но не как правовая реальность.

Неудивительно, что, оценивая указанное разнообразие подходов и мнений, М.В. Пресняков называет правовую определенность «весьма эклектичным понятием, объединяющим самые различные требования к качеству закона и правоприменительной практики. В связи с данным и попытки дать единое понятие правовой определенности в литературе предпринимаются нечасто»¹.

В том же смысловом контексте А.П. Фоков и Я.М. Винокурова формулируют вывод о том, что до настоящего времени, как в науке, так и в судебной практике не достигнуто единообразного подхода к понятию правовой определенности, не определена четко его правовая природа².

Та же разнополярность суждений и мнений наблюдается в оценке нормативного содержания категории «правовая определенность».

По мнению, ранее цитируемых В.И. Анишиной и Т.Н. Назаренко, принцип правовой определенности синонимичен традиционной категории римского права *res judicata*, означающей недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу решением. Однако со временем, уточняют далее те же авторы, – содержание данного принципа, первоначально достаточно узкое, благодаря его применению и толкованию Европейским Судом значительно расширилось, охватив стабильность правового регулирования и существующих правоотношений³.

---

¹ Пресняков М.В. Правовая определенность и определенность прав в современном конституционно-правовом дискурсе // Гражданин и право. 2014. № 4. С. 3-16.

² Фоков А.П., Винокурова Я.М. Указ. соч. С. 17.

³ Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе. [Электронный ресурс] http://www.journal-nio.com/index.php?id=1957&Itemid=117&option=com_content&view=article.

Если конвенционально и в максимально узком значении правовая определенность для указанных авторов – правило *res judicata*; в расширенном своем понимании – это еще и стабильность, как текущего нормативного регулирования, так и основанных на нем отраслевых правовых отношений.

Рассмотрение принципа правовой определенности в широком и узком смысле предлагается также И.М. Евлоевым. В широком смысле, как утверждает отмеченный автор, исследуемое понятие подразумевает стабильность правоотношений и их правовое регулирование, ясность наличествующих прав и неизменность правового статуса лица. В узком смысле указанное понятие сводится к невозможности пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, к критерию допустимости обращения в органы конституционной юстиции, а также к пониманию принципа как мерила оценки нормативного правового акта с точки зрения его недвусмысленности¹.

В отличие от ранее приведенных позиций в широкое содержание идеи правовой определенности, как видно, дополнительно включен элемент «ясности наличествующих прав» – фактически ясность, точность действующих правовых предписаний (статика закона). Спорить с данным утверждением, думается, нет оснований. И, напротив, указание на «неизменность правового статуса лиц» видится явно излишним, дублируя своим содержанием элемент стабильности правового регулирования и правовых отношений. В узком смысле в понимании исследуемой идеи усматривается суть принципа *res judicata*. Что же касается «критерия допустимости обращения в органы конституционной юстиции», то эта «новация» вряд ли имеет отношение к исследуемой категории, претендуя скорее на элемент содержания конституционного принципа обеспечения судебной защиты (ст. 46 Конституции РФ). Она же может быть оценена как элемент содержания принципа «широкой свободы обжалования» применительно к апелляционному, кассационному или надзорному порядку проверки судебных решений в российском уголовном

---

¹ Евлоев И.М. Правовая определенность: принцип или критерий? С. 250.

процессе¹. Как представляется, нельзя отнести к содержанию исследуемого принципа и явно оценочное «мерило» проверки закона на предмет его недвусмысленности. *Во-первых*, определяемое не может устанавливаться через определяющее. *Во-вторых*, указанное «мерило» скорее критерий оценки (качества) закона, причем критерий, имеющий свое содержание.

О.О. Журавлева определяет содержание правовой определенности в формальном и материальном аспекте². С ней соглашается М.В. Пресняков, раскрывая понятие материального (фактического) аспекта правовой определенности как определенность действительного положения лица, например, точность и стабильность приобретаемых на основе закона субъективных прав и обязанностей. При этом акцентируется, что материальный аспект определенности несет «внеправовой» характер, а телеологически материальная определенность первична по отношению к формальной³.

Этот же автор, но уже в другой работе, пишет о таких аспектах правовой определенности, как формальная определенность норм права и четкое иерархическое построение системы источников права. В контексте содержательной характеристики принципа правовой определенности им же анализируется вопрос об ответственности государственных служащих за непринятие нормативных правовых актов, регулирующих процедурные вопросы реализации некоторых прав граждан⁴.

Формальную определенность действующих норм (предписаний) – можно оставить без комментария; об этом элементе содержания исследуемого правового явления достаточно пишут и другие ученые. Указание автора на определенность отраслевой иерархии источников права, стоит отметить, – напротив, новация, так как на этот элемент содержания идеи правовой опре-

---

¹ О содержании последнего см., напр.: Ковтун Н.Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок // Юридическая техника: ежегодник. Н. Новгород. 2011. № 5. С. 219-225.

² Журавлева О.О. Принцип правовой определенности и акты высших судебных органов в налоговом праве // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 73-77.

³ Пресняков М.В. Указ. соч. С. 3-16.

⁴ Пресняков М.В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 33-42.

деленности ссылок не так уж и много, в т. ч. и в доктрине российского уголовно-процессуального права. Отдельно нужно отметить интерес исследователя к анализу индивидуальных правоприменительных актов, содержание и правовые последствия которых не могут быть выведены за общее содержание принципа правовой определенности.

Я.М. Шабалина дополнительно разъясняет, что формальный аспект принципа правовой определенности охватывает это понятие в широком смысле, в то время как материальное значение конкретизируется в узком смысле в зависимости от отрасли права¹.

Достаточно известны также позиции тех авторов, которые последовательно пишут о том, что содержание принципа правовой определенности включает в себя: стабильность правового регулирования²; ясность и четкость правовых предписаний³; устойчивость и обоснованность окончательных судебных решений⁴; гарантии для заинтересованных лиц в разумной степени предвидеть последствия любого юридического действия (И.А. Покровский⁵, Ю. Романец⁶, А.Р. Султанов⁷).

Аналогичные тенденции проявляются в правосознании судей, явно различно понимающих нормативное содержание идеи «правовая определенность» применительно к статике и динамике российского уголовно-процессуального права.

Так, подавляющее большинство из них уверены в том, что все нормативное содержание данной идеи должно быть сведено к ясности, точности,

---

¹ Шабалина Я.М. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Российское правосудие. 2011. № 8 (64). С. 70.

² См.: Ковтун Н.Н., Шунаев Д.М. Указ. соч. С. 38-42.

³ См.: Массаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7. С. 22-25.

⁴ См.: Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права // Государство и право. 2015. № 8. С. 32-42.

⁵ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2009. 351 с.

⁶ См.: Романец Ю. Правовая определенность или безнаказанность? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49. С. 6-7.

⁷ См.: Султанов А.Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 30-39.

полноте наличествующих правовых предписаний (87,6% опрошенных)¹; еще 67,4% настаивают на темпоральной стабильности текущего нормативного регулирования; 58,3% относят к правовой определенности потребность в единстве и стабильности судебной практики; 47,2 готовы признать, что эта идея включает в себя стабильность и незыблемость окончательных актов суда; только 7,4% апеллируют к ясности и точности системы отраслевых источников права².

В одной из последних по времени монографических работ Т.М. Алексеевой, всецело посвященной комплексному и всестороннему анализу принципа правовой определенности, выделяются и последовательно анализируются три основных подхода к пониманию сути и содержания принципа правовой определенности³.

Первую группу, по мнению Т.М. Алексеевой⁴, представляют те ученые, которые не воспринимают правовую определенность как самостоятельный принцип российского права.

Для иллюстрации названный автор приводит позиции М.В. Преснякова⁵, который, как утверждается, однозначен в вопросе о том, что принцип правовой определенности не носит самостоятельного характера. Нельзя его рассматривать и в качестве принципа, входящего в содержание более общей идеи верховенства права. Основные аргументы указанного заключаются в том, что сама данностьология слова «определенность» подчеркивает ее атрибутивный характер; это не самостоятельная категория, а свойство, качество, признак чего-либо. Известно и то, что правовая определенность как определенное качество закона и правоприменительной практики (определенность

---

¹ При этом отметим, подавляющее большинство данных ответов предложено судьями кассационного/надзорного состава суда со стажем работы от 15 до 20 лет и свыше 20 лет.

² Приведенные данные – итог обработки анкеты опроса судей кассационного или надзорного состава суда (анкета, приложение № 2 к диссертации).

³ Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09). М., 2015. 264 с.

⁴ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 48-51.

⁵ Пресняков М.В. Правовая определенность как качество права // Гражданин и право. 2012. № 10. С. 20-35.

статике и динамике права – М.С.) обеспечивается согласованным взаимодействием ряда правовых идей, балансирует на отдельных гранях основных конституционных принципов, является результатом их взаимодействия и взаимоограничения. Наконец, возможность непосредственного применения правовой определенности, если рассматривать ее в качестве фундаментального принципа, затруднительна, поскольку меры, направленные на обеспечение данной идеи, носят разноплановый и эклектичный характер, для того чтобы их можно было охарактеризовать в качестве принципа.

Сказано, стоит признать, красиво, однако попробуем разобраться. Прежде всего, удивляет подход указанного исследователя к данномулогии слова «определенность». Отрицая самостоятельность последней, автор категоричен в суждении, что это не более чем атрибутивное свойство, «... признак чего-то». Чего именно – не уточняется. Позволим себе предположить, что это свойство (качество, признак) права, коль скоро речь идет именно об анализе категории «правовая определенность»¹. В данной связи атрибутивная связь определенности с правом видится очевидной. Не убеждает и довод о том, что суть данной идеи «обеспечивается согласованным взаимодействием ряда правовых принципов», что она «... балансирует на отдельных гранях основных конституционных принципов», «... является результатом их взаимодействия и взаимоограничения». Указанное, нужно признать, верно и методологически точно, однако относится к содержанию любого из принципов права. К примеру, к известной идее публичной «законности», которая столь агрессивна в нормативном и содержательном своем выражении, что практически «оставляет» без содержания большинство из непререкаемых принципов системы российского права. Автора «напрягают» разноплановость и эклектика мер, направленных на обеспечение исследуемой им идеи? Указанное

---

¹ Не приходится сомневаться, что автору также известно методологическое, по сути, различие между категориями «право» и «закон», особенно в контексте того, что содержание права изначально включает в себя не только собственно нормы (что характерно для закона), но и правосознание участников правовых отношений, правовую идеологию, процесс правотворчества и правореализации. См. подробнее: Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. 332 с.

явно затрудняет точное понятийное определение исследуемой категории? Но, *во-первых*, собственно принцип и меры, направленные на его обеспечение, суть изначально не тождество. *Во-вторых*, назначение доктрины как раз и заключается в том, чтобы дать разумное и желательно операциональное объяснение каждому из элементов и явлений непосредственного предмета познания, определить его функциональную роль и значение в общем правовом механизме, а не в том, чтобы апеллировать к «затруднительности» и «эклектике», предложенным к анализу сложных явлений.

Не столь однозначны в том же вопросе позиции А.Т. Боннер и О.Ю. Котова, которые в одной из своих работ отмечают, что в Европейской конвенции мы не найдем ни одного упоминания о данном принципе. Текстуально он не закреплён и в иных международно-правовых источниках, в том числе общепризнанного характера. В итоге, как утверждают указанные авторы, принцип правовой определенности – один из основополагающих аспектов принципа верховенства права. Соответственно, правовая определённость является необходимым следствием и условием реализации принципа верховенства права¹.

В более позднем исследовании те же авторы уже не столь однозначны в своих итоговых выводах, заявляя, что принцип правовой определенности – один из наиболее сложных принципов, разработанных Европейским Судом, который является производным, выведенным судьями ЕСПЧ в процессе применения Конвенции по уголовным делам. Содержательно этот принцип определяет окончательность и обязательность судебных решений (по сути, принцип *res judicata* – М.С.), и он необходим для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего при-

---

¹ Боннер А.Т., Котов О.Ю. Принцип правовой определенности в практике Европейского суда по правам человека // Закон. 2008. № 4. С. 199-211. Аналогично: Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 3. 124-140.

знанного судом статуса¹. Как видно, исследователи постепенно прошли от полного отрицания самостоятельности данной фундаментальной идеи, до констатаций фактически тождества ее с идеей *res judicata*.

Подобной двойственностью характеризуются позиция М.Н. Дмитриева. С одной стороны, он признает существование принципа правовой определенности, рассматривая его как норму права, которая должна иметь конкретное содержание². С другой стороны, он же задается вопросом, как в российской правовой системе, относящейся к романо-германской системе, в которой основным источником права является нормативный акт, может и должен реализовываться указанный принцип, имеющий естественно-правовую природу³.

В качестве выхода из данной коллизии и возможного ответа на поставленный выше вопрос отдельные авторы предлагают закрепить данный принцип в конкретной норме закона, одновременно определив в указанной норме и нормативное содержание данной продуктивной идеи – в точном соответствии с нормами Конституции Российской Федерации⁴.

Столь «простое» решение представляется, конечно, заманчивым, но вряд ли осуществимым. *Во-первых*, в силу того, что само содержание исследуемого принципа видится большинству исследователей явно неопределенным, эклектичным. Отсюда явные сложности для оптимального изложения всех элементов этого содержания в единой согласованной норме. *Во-вторых*, выдвигая требование о точном соответствии этого содержания предписаниям Конституции Российской Федерации, хотелось бы методологической точности в перечне самих конституционных велений, к которым так явно апеллируют, но не раскрывают при этом ни их возможного перечня, ни естествен-

---

¹ См.: Боннер А.Т., Котов О.Ю. Принцип правовой определенности: проблемы понимания // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: сб. науч. ст. М., 2011. С. 75, 77.

² При этом автор в целом не комментирует, что в ряде случаев данное (конкретное) содержание может быть изначально неопределенным, по сути.

³ Дмитриев М.Н. О принципе правовой определенности в российском гражданском процессе // Цивилист. 2010. № 4. С. 94-98.

⁴ См., напр.: Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 53.

ной связи с сущностью исследуемой фундаментальной идеи. В данной связи на исходном этапе куда как более актуальна задача определения исходного содержания исследуемой идеи, и лишь затем поиск взаимосвязи и взаимообусловленности основных ее элементов.

Вторая группа, – в «дифференциации» Т.М. Алексеевой, – объединяет исследователей, которые, признавая фундаментальность принципа «правовая определенность», вместе с тем характеризуют лишь отдельные аспекты данной идеи. К примеру, В.А. Давыдов, анализируя уголовное производство России по новым и вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 49 УПК РФ)¹, делает вывод о том, что принцип законности «вбирает» в себя и принцип правовой определенности. Суть последнего, по мнению названного автора, заключается в том, что вступившее в законную силу судебное решение (окончательный акт суда) по общему правилу не может быть пересмотрено (отменено/изменено). Исключение из этого правила составляют случаи, когда какие-либо новые или вновь открывшиеся обстоятельства свидетельствуют о существенном нарушении закона, допущенном судом.

Как видно, сущность исследуемого принципа указанным автором сведена, в конечном итоге, к известной идее *res judicata*; при этом последняя, по буквальному смыслу приведенных суждений, не более чем элемент более общей идеи публичной законности. Между тем, очевидно, что при подобном подходе принцип правовой определенности теряет самостоятельное свое назначение, сущность и содержание; его элементы поглощаются агрессивным содержанием всеобщей идеи законности. Для функционирования иных идей в механизме правового регулирования «места» в итоге не остается. Неудивительно, что Т.М. Алексеева в своей монографии высказывается категорически против, как относительно подобного понимания сути категории

---

¹ Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М.: Изд-во Юрайт, 2011. С. 55-56.

«правовая определенность», так и относительно характера «взаимодействия» последней с идеей законности¹.

Нормативное содержание правовой определенности видится В.А. Давыдову лишь в правиле *res judicata*. О стабильности правового регулирования и правовых отношений, стабильности установленного статуса их субъектов, ясности и точности предписаний закона (*etc.*), как возможных элементах исследуемой идеи, речь вообще не идет; они явно за рамками искомого содержания. Тем самым отрицаются как позиции высшего органа конституционного правосудия, так и позиции Европейского Суда по правам человека, более широко раскрывающие содержание данной фундаментальной идеи. Кроме того, более чем узко в интерпретации указанного исследователя не только содержание идеи *res judicata*, но и законных оснований ее опровержения (при производстве по новым или вновь открывшимся обстоятельствам – М.С.). Нормы частей 3 и 4 статьи 413 УПК РФ, как представляется, более содержательны в этом вопросе. Соответственно позиции В.А. Давыдова вряд ли могут служить исчерпывающим инструментарием для всестороннего познания и понятийного определения исследуемой идеи «правовая определенность».

Определенным тождеством приведенной позиции являются выводы С.В. Зайцева, который, изучая сущность и содержание принципа правовой определенности применительно к гражданскому судопроизводству России, приходит к выводу о том, что в чистом виде он представляет собой не что иное, как аналог принципа публичной законности. При этом сущность указанного принципа заключается (1) в ясности и четкости действующих правовых норм, (2) устойчивости законных и обоснованных судебных актов, а также стабильности складывающихся на их основе правоотношений. Отдельно подчеркивается, что именно ЕСПЧ включил в этот принцип правило *res judicata*. Отмечается указанным автором и то обстоятельство, что сфера

---

¹ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 52.

действия исследуемого принципа распространяется на все общественные отношения, урегулированные нормами различных отраслей права¹.

По поводу четкости и ясности действующих правовых предписаний – спорить нет необходимости, на этот элемент содержания правовой определенности указывают большинство ученых, причем, как правило, вне какой-либо связи с идеей публичной законности. Стоит согласиться и с тем, что в содержание этого принципа входит идея *res judicata*; отчасти, в ее понимании, предложенном непосредственно ЕСПЧ. Несколько завуалированное указание на межотраслевой характер исследуемой идеи также возможно принять. Однако видеть тождество или аналоги исследуемой в данном случае идеи с принципом публичной законности (особенно в российской его интерпретации), как и ранее, категорически нельзя, ибо эти идеи принципиально различны, по сути, содержанию, назначению. Последнее, правда, не отрицает их диалектических взаимосвязей и взаимообусловленности в текущем правовом регулировании и отраслевой динамике права.

По мнению М.В. Мерзляковой, принцип правовой определенности теснейшим образом связан с принципом *res judicata* (принцип окончательности судебного решения) и требует, чтобы решение судов, вынесших окончательное решение по спорному вопросу, не ставилось под сомнение².

Здесь, как минимум, можно констатировать признание самостоятельного значения принципа «правовая определенность» в системе правового регулирования. Вместе с тем, удивляет трактуемая его связь с идеей *res judicata*. М.В. Мерзлякова, с одной стороны, утверждает, что сущность правовой определенности заключается в том, чтобы окончательные акты суда не ставились под сомнение. С другой стороны, она настаивает на теснейшей связи исследуемой идеи с принципом *res judicata*, суть которого как раз заключается в обеспечении незыблемости (стабильности, исполнимости...) оконча-

---

¹ Зайцев С.В. Основания для отмены вступивших в законную силу судебных актов в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 147-148.

² Мерзлякова М.В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 21.

тельных актов суда, которые если и могут быть опровергнуты, то лишь при наличии фундаментальных или существенных к тому оснований. В итоге достаточно трудно понять, как два аналогичных, если не тождественных, содержания теснейшим образом взаимосвязаны между собой.

Куда как более приемлемы позиции С.В. Луцаева. Последний прямо пишет о том, что в законодательной сфере принцип правовой определенности включает в себя требования к качеству закона (определенность закона – М.С.) и к его применению (определенность права – М.С.). Другой аспект связан с недопустимостью произвольного изменения установленных моделей правового регулирования. В судебной деятельности это установление сроков обжалования судебных актов, а также правовое значение вступивших в законную силу судебных решений для последующего разрешения иных дел. Сюда же относится вопрос о пересмотре судебных актов в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам¹.

Как можно видеть, помимо включения в содержание исследуемой идеи правил собственно *res judicata*, автор апеллирует к качеству текущего законодательства и, что особенно важно, к качеству практического его применения. Представляется, что делается методологически важный посыл, согласно которому идея правовой определенности охватывает своим содержанием не только определенное качество закона, но и качество практического его применения. Последнее прямо зависит не только от реального качества и определенности действующего закона, но и от таких явлений практического применения права как правосознание участников правовых отношений, правовая идеология, правовая политика. Далекое не факт, что даже реально качественный и содержательно определенный закон есть гарантия поддержания/обеспечения режима (состояния) правовой безопасности личности, общества, государства.

---

¹ Луцаев С.В. Принцип правовой определенности и его реализация // Правовая Россия в XXI веке: вопросы теории и практики: материалы Межд. науч.-практ. конф. М., 2010. С. 86-92.

Не менее интересны позиции профессора Г.А. Гаджиева, который утверждает, что феномен правовой неопределенности в правовом регулировании не ограничивается лишь неясностью, противоречивостью нормы. Существует также проблема достижения единообразия в понимании одних и тех же норм высшими судами. Кроме того, возможность пересмотра вступивших в силу решений – это всегда зона риска для правовой определенности¹.

Пока оставим без обсуждения первый и третий элементы феномена правовой определенности, приводимые Г.А. Гаджиевым, ибо для цели настоящего исследования принципиален именно второй элемент, а именно проблема достижения единообразия в понимании одних и тех же норм высшими судами Российской Федерации, которую названный автор, как видим, явно связывает с идеей правовой определенности. Речь идёт, *во-первых*, об определенности правосознания важнейшего участника правовых отношений – суда.

Во-вторых, об определенности итоговых актов применения права судом; фактически – определенности (единства) судебного прецедента, формируемого высшими судебными инстанциями государства. По-разному интерпретируя и соответственно применяя закон именно суды, посредством вынесения разнородных актов применения права (индивидуальных нормативных правовых актов), в состоянии формировать состояние правовой неопределенности, подрывая тем самым устои правовой безопасности и стабильности функционирования личности, общества, государства. Соответственно, выделение и исследование указанных элементов в содержании изучаемой категории, как представляется, методологически необходимо и важно.

---

¹ Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4(89). С. 16-28.

Следует обратиться также к анализу выводов О.О. Сухаревой¹. Анализируя Конституцию Испании (1978 г.), автор подчеркивает, что среди «вдохновляющих» принципов права, закрепленных в этом акте, именно правовая определенность является главенствующим принципом, остальные – ее проявлениями. Аргументы указанного видятся в том, что правовая определенность представляет собой «принцип-сумму» других конституционных принципов. Правовая определенность обладает и собственным (своим) содержанием, отличным от результата простого сложения иных конституционных идей. Последнее, как подчеркивается, имеет объективное и субъективное выражение. В объективном аспекте правовая определенность проявляется в точности, ясности и непротиворечивости системы права; в субъективном – в предсказуемости последствий применения права органами публичной власти.

Объективный аспект, в понимании О.О. Сухаревой, – предельно важен, ибо, как представляется, раскрывает еще один элемент содержания категории «правовая определенность», а именно требование точности, ясности и непротиворечивости системы права. Стоит подчеркнуть, не норм, ни в целом закона, а именно системы права. Между тем последняя предполагает, *во-первых*, точность, ясность и непротиворечивость, всех форм выражения права (его нормативных источников) и, особенно, их иерархии. *Во-вторых*, соблюдение тех же, по сути, критериев непосредственно к правовым предписаниям (нормам закона). *В-третьих*, точность, ясность, непротиворечивость публичных актов применения права; особенно, итоговых – постановленных судом. *В-четвертых*, объективацию указанных критериев в правосознании участников правовых отношений, действующих *ex officio*. Именно указанные элементы позволяют говорить в целом об определенности права, а не об определенности норм и закона – суть составных элементов в содержании более общей идеи – определенности права.

---

¹ Сухарева О.О. Принцип правовой определенности в системе ценностей и принципов, установленной Конституцией Испании 1978 г. // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 16. С. 36-40.

В понимании Н.Н. Ковтуна и А.А. Зорина содержание принципа правовой определенности в контексте анализа актов конституционного правосудия, *во-первых*, включает в себя: (а) стабильность правового регулирования в определенной отрасли правовых отношений; (б) реальную исполнимость судебных решений, вступивших в законную силу (окончательных актов суда). В свою очередь, стабильность правового регулирования требует, чтобы: (а) система действующих правовых предписаний (норм) сохраняла устойчивый характер – в достаточно обозримый период; (б) язык закона должен быть ясным, исключать в процессе правоприменения неоднозначность и, тем более, коллизии. К минимуму должна быть сведена также возможность субъективной оценки истинного содержания нормы, допускающей двойственное ее толкование. *Во-вторых*, правовая определенность проявляет себя на уровне правоприменительной практики, где является гарантией стабильности индивидуальных правоприменительных актов, и, прежде всего, итоговых судебных решений. *В-третьих*, суть данной идеи указанными авторами связывается с сутью правила *res judicata* и конституционной нормой *non bis in idem*¹.

Еще более широко содержание принципа правовой определенности раскрыто в работе Н.Н. Ковтуна и А.Д. Шунаева, в рамках которой сущность и содержание исследуемой категории раскрываются через диалектику связей с принципами правовой стабильности, неопровержимости окончательных актов суда, общеобязательности постановленных судебных решений, с правилом *res judicata*².

К сторонникам второй группы можно отнести и тех авторов, которые пытаются обосновать двойственное понимание принципа правовой определенности: в материальном и формальном его выражении, в широком и узком смысле. По мнению Я.М. Шабалиной, к примеру, любые закон, понятие, ка-

---

¹ Ковтун Н.Н., Зорин А.А. Содержание принципа правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ // Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. 2015. № 3(28). С. 143-149.

² Ковтун Н.Н., Шунаев Д.М. Правовая определенность и *res judicata*... С. 38-42.

тегория, даже самые широкие в своем применении и совершенные в своей отрасли, неизбежно требуют корректировки с позиции эволюционного подхода. Указанное вполне справедливо для принципа правовой определенности, который со временем приобрел новое, максимально узкое адресное толкование – принцип правовой определенности в практике ЕСПЧ. Между тем, этот подход раскрывает лишь частный случай понимания правовой определенности, толкуемый и раскрываемый Европейским Судом для определенных, рассматриваемых правовых реалий. В широком же смысле принцип правовой определенности представляет собой общеправовой принцип, характерный для всех отраслей права. И данная суть принципа, по мнению Я.М. Шабалиной¹, это точность и конкретность изложения правовых норм с целью обеспечения предсказуемости последствий любого правового акта².

Определенные признаки новизны в позиции этого автора видятся лишь в указании на то, что при анализе сути и содержания принципа «правовая определенность» не принимается во внимание или, напротив, чрезмерно акцентируется максимально узкое и адресное его толкование – как принципа правовой определенности в практике ЕСПЧ. В итоге именно это содержание, нередко «выдается» исследователями или практическими субъектами применения права за исчерпывающее понятие, сущность и содержание исследуемой фундаментальной идеи. Между тем, назначение, действительно, комплексного и всестороннего исследования и определение на данной основе методологически точного понятийного ряда заключаются в анализе и учете всех проявлений избранного к анализу правового явления. Отсюда стремление понять аргументацию всех возможных исследователей, избравших в ка-

---

¹ Шабалина Я.М. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Российское правосудие. 2011. № 8. С. 69-71.

² Как и ранее, мы в принципе не согласны с (выше) указанной «сутью», неправомерно не принимающей во внимание субъективные моменты реализации, по идее, ясных и точных велений закона (правосознание, установки и т. п. властных субъектов применения права), вследствие чего исходные нормы закона и акты «ясного» их применения – не всегда суть полное тождество.

честве предмета анализа те или иные акты явления «правовой определенности».

Третья группа ученых, как утверждает Т.М. Алексеева¹, наиболее широко представлена в российской доктрине. Суть доводов представителей данной группы заключается в том, что правовая определенность есть исключительно принцип *res judicata* (принцип стабильности окончательных актов суда). Важно и то, что представители данной группы последовательно проводят строгое разграничение между собственно принципом правовой определенности и качеством определенности или определенности индивидуального судебного акта. Последнее не признается элементами принципа правовой определенности, элементами его содержания.

Основания для отстаивания этих позиций выводятся из анализа нормативно-исторических памятников. Прежде всего, из основ и рецепции классического римского права, в рамках которого, как обосновывается, впервые и получили свое терминологическое обозначение и нормативное закрепление такие правовые последствия вступления судебного акта в законную силу (окончательного акта суда), как неопровержимость, исключительность, преюдициальность, обязательность и исполнимость (по сути, *res judicata*)².

Не менее известны и обращения к Уставу уголовного судопроизводства Российской Империи (1864 г.), по нормам которого идея *res judicata* в диалектическом сочетании с принципом *non bis in idem* ставили заслон повторному уголовному преследованию лица по обвинению, за которое оно уже было осуждено³. Подчеркивается и то, что идея правовой определенности

---

¹ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 87, 94, 104.

² См.: Рехтина И.В. Истоки принципа правовой определенности (*res judicata*) в законодательстве Древнего Рима // Вопросы современной юриспруденции: материалы XXVII Международ. заоч. науч.-практ. конф. (31 июля 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 71-79; Хорунжий С.Н. Становление и развитие института законной силы судебного решения // Образование и право. 2012. № 12. С. 21; Миннегалиева Л. Взгляд Европейского Суда по правам человека на надзорное производство в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 2. С. 42.

³ См.: Аширбекова М.Т. Влияние принципа правовой определенности на построение систем судебно-проверочного производства УУС и УПК РФ // Апелляция, кассация, надзор:

посредством элементов своего содержания устанавливает запрет для продолжения доказывания фактических обстоятельств в суде кассационной инстанции, так как окончательность приговора означает окончательность разрешения уголовно-правового спора в установленном законом порядке¹.

Ю.Ю. Берестнев и М.В. Виноградов² в этом контексте указывают, что правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*, т. е. принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела, в том числе Европейским Судом в своей практике, а не только властями государств-ответчиков. В том же содержательно ограниченном контексте идеи *res judicata* принцип правовой определенности исследуется В.А. Давыдовым³ и в монографической работе И.С. Дикарева⁴.

Можно далее приводить перечень и аргументы сторонников указанной группы, анализировать нюансы подходов или акцентировать внимание на главном, однако указанное вряд ли будет продуктивным как для целей и задач избранного исследования, так и для уяснения истинного содержания принципа правовой определенности. В данной связи мы остановимся на анализе позиций Т.М. Алексеевой, выводы которой не только предельно однозначны, но и включают в себя полемику с иными учеными, отстаивающими более широкое содержание исследуемой фундаментальной идеи.

Т.М. Алексеева последовательна в вопросе о том, что правовая определенность – в современном уголовном процессе России – есть исключительно устойчивость, незыблемость, непоколебимость судебного решения, вступив-

---

новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения / Под ред. Н.А. Колоколова. В 2 ч. М., 2015. Ч. 2. С. 3-4.

¹ Аширбекова М.Т. Указ. соч. С. 6-7.

² Берестнев Ю.Ю., Виноградов М.В. Европейский Суд по правам человека и его практика: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi*? // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 64-77.

³ Давыдов В.А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения // Уголовный процесс. 2012. № 11(95). С. 44-50.

⁴ Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. Волгоград, 2015, 175 с.

шего в законную силу (*res judicata*)¹. И, напротив, понимание и характеристика правовой определенности как ясности, четкости, недвусмысленности, непротиворечивости правовых норм и положений судебных актов не могут рассматриваться в качестве исследуемого принципа, ибо скорее выступают в качестве характеристики нормы права или судебного акта².

Для обоснования указанного приводится ряд актов ЕСПЧ³ и Конституционного Суда РФ⁴, по смыслу которых однозначно указывается на существование общего принципа правовой определенности, означающего, что закон и судебный акт должны быть ясными, непротиворечивыми и предсказуемыми. Казалось бы, и вывод из этих позиций должен быть однозначен – правовая определенность, по самой своей сути, неразрывно связана с ясностью, непротиворечивостью и предсказуемостью, стабильностью, как закона, так и основанного на нем итогового судебного акта. Тем не менее, Т.М. Алексеева, необъяснимо отрицая диалектику изложенного, видит в указанном лишь характеристику качества нормы закона или судебного акта, но никак не самостоятельные элементы содержания исследуемой в данном случае идеи⁵.

Возражая С.В. Луцаеву, который включает в содержание принципа правовой определенности не только правило *res judicata*, но и отмеченные

¹ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 10, 43, 55, 60, 66, 72, 87, 94, 104. Практически аналогично: Берестнев Ю.Ю., Виноградов М.В. Европейский Суд по правам человека и его практика: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi*? С. 64-67.

² По сути, аналогичны позиции указанного автора и по отношению к иным содержательным элементам, не входящим в *res judicata*.

³ См.: Постановления ЕСПЧ по делам «Чумаков против Российской Федерации» от 24 апреля 2012 г. (жалоба №41794/04); «Пелевин против Российской Федерации» от 10 февраля 2011 г. (жалоба №38726/05); «Акрам Каримов против Российской Федерации» от 28 мая 2014 г. (жалоба №62892/12) и др. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова // Собр. законодательства РФ. 2012. №15. Ст. 1810; Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова» // Собр. законодательства РФ. 2012. № 44. Ст. 6071 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 43-45, 46.

требования к качеству закона и его применению, Т.М. Алексеева упрекает последнего в том, что он не указывает, к какому именно аспекту относится отстаиваемая им фундаментальность. В итоге, понятие принципа определенности, предлагаемое С.В. Луцаевым, суммирует Т.М. Алексеева, остается нечетким¹. Между тем, в критикуемом суждении речь вообще не идет о свойствах фундаментальности перечисленных С.В. Луцаевым элементов. Данный автор просто стоит на позициях, согласно которым правовая определенность, это не только идея *res judicata*, но и качество закона, а равно практики его применения. Именно эти суждения, по идее, должны быть предметом обоснованной и взвешенной критики со стороны оппонентов. Вместо этого в утверждениях Т.М. Алексеевой наблюдается косвенная подмена тезиса в споре, а не действительно серьезные возражения по сути отстаиваемых С.В. Луцаевым позиций.

Аналогично выстроена система «возражений» применительно к анализу позиции С.В. Зайцева, который также видит в содержании принципа правовой определенности не только сущность правила *res judicata*, но свойство ясности и четкости действующих правовых норм. Не дискутируя по поводу правомерности включения в содержание исследуемого принципа указанных элементов, Т.М. Алексеева, делает вывод о том, что для данного автора идея правовой определенности – есть принцип *res judicata*².

Почему за рамками столь однозначного вывода остался элемент ясности и четкости действующих правовых предписаний, на которые также неоднократно указывает цитируемый автор, оппонентом не поясняется.

Справедливости ради нужно отметить, что Т.М. Алексеева несколько «смягчает» свои подходы применительно к анализу позиций О.О. Сухаревой, которая видит содержание принципа правовой определенности, как в точности, ясности и непротиворечивости системы права, так и в предсказуемости последствий применения права органами публичной власти. Соглашаясь с

---

¹ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 54.

² Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 55.

последним, Т.М. Алексеева признает, что принцип правовой определенности представляет собой многоаспектное понятие. Однако для целей исследования важно лишь такое проявление исследуемого принципа, как право на стабильность **окончательных** судебных решений и их исполнение (тем самым – в наличии вновь возвращение исключительно к идее *res judicata*)¹.

Анализируя исследуемое понятие в практике Европейского Суда по правам человека, Т.М. Алексеева среди особо значимых постановлений, в том числе, приводит постановление по делу «Рябых против России»². Особую ценность этого акта исследователь видит в том, что именно в этом постановлении «... Европейский Суд прямо указал, что правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*, т. е. принципа окончательности судебных решений»³. Из сути данного тезиса, естественно, возникает вывод о том, что правовая определенность есть исключительно *res judicata*⁴.

Но если правовая определенность есть единственно *res judicata*, как последовательно и непреклонно обосновывает Т.М. Алексеева, то выходит, что, исследуемая правовая идея призывает к уважению самое себя (правовая определенность предполагает уважение правовой определенности). Иной правовой определенности, кроме – *res judicata*, как утверждает Т.М. Алексеева, ведь просто не существует. Или все же надо признать, что Европейский Суд (в т. ч. в указанном акте) видит в правовой определенности не только суть *res judicata*, но и содержательно более сложное и комплексное правовое явление.

В той же мере позиции Т.М. Алексеевой оказываются несколько поколебленными при анализе постановления Европейского Суда по делу «Велич-

---

¹ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 59.

² Постановление ЕСПЧ по делу «Рябых против России» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 77.

⁴ Там же. С. 77.

ко против Российской Федерации»¹. Обращаясь к содержанию и итоговым выводам этого акта, автор делает вывод о том, что вопрос о силе принципа *res judicata* возник еще до вынесения решения по существу дела (на досудебном этапе – М.С.). Он же положительно разрешен ЕСПЧ в содержательной части вынесенного акта. Как следствие, Т.М. Алексеевой обосновывается вывод о том, что действие принципа правовой определенности распространяется не только на судебные решения, которыми заканчивается производство по делу (окончательные акты суда), но и на промежуточные правовые решения. В том числе те, которыми вопрос о виновности не решается, но которые влияют на личную ситуацию заявителя². Между тем, помнится, ранее указанным автором категорически утверждалось, что идея *res judicata* касается исключительно окончательных актов суда; причем неоднократно акцентировалось, что это принципиальное, неотъемлемое свойство *res judicata* как (в целом и единственно!) правовой определенности.

Вне обсуждения и контраргументов Т.М. Алексеевой остается и тот факт, что в этом же акте ЕСПЧ прямо указывает на важную сущность принципа правовой определенности, одна из сторон которого подразумевает, что законодательство должно быть предсказуемым (ясным, точным, не коллизионным – М.С.) с точки зрения его применения и отвечать стандарту «законности», установленному Европейской конвенцией. И только второе значение данной идеи связано с принципом *res judicata*, ибо по смыслу ст. 6 Европейской конвенции, принцип правовой определенности, как утверждает ЕСПЧ, требует: если суды окончательно разрешили вопрос судебного спора, их решение не должно ставиться под сомнение. Отступления от данной идеи, принципиально подчеркивает ЕСПЧ, оправданы только при обстоятельствах существенного и непреодолимого характера³.

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Величко против Российской Федерации» от 15 января 2013 г. (жалоба №19664/07) // СПС «КонсультантПлюс».

² Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 84.

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Рябых против России» от 24 июля 2003 г. (жалоба №52854/99) // СПС «КонсультантПлюс».

О тех же значениях принципа правовой определенности (применительно к исследуемому акту ЕСПЧ – М.С.) пишет Т.В. Трубникова¹, к анализу позиций которой обращается Т.М. Алексеева². При этом необъяснимо резюмируется тот же итоговый вывод: принцип правовой определенности можно охарактеризовать лишь как межотраслевой процессуальный принцип, который означает в контексте уголовного процесса незыблемость и устойчивость приговора, вступившего в законную силу (по факту – исключительно идея *res judicata*)³.

Обращаясь к анализу актов конституционного правосудия, Т.М. Алексеева последовательно приводит и анализирует те акты, в содержании которых Конституционный Суд РФ, действительно, связывает принцип правовой определенности исключительно с идеей *res judicata*⁴. Закономерен и вывод из указанного анализа о том, что иного содержания в исследуемой идее (*res judicata*) не содержится в принципе. Между тем, думается, не менее известны акты высшего органа конституционного правосудия России, где категория «правовая определенность» никак не связана с идеей *res judicata* и раскрывается Конституционным Судом РФ, к примеру, через определенность нормы закона и, как следствие, неопределенность наличествующего статуса заявителя.

Так, в постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П высшим органом конституционного правосудия сформулирована правовая позиция, в которой акцентируется внимание на необходимости соблюдения в законотворческой деятельности принципа формальной определенности закона, предполагающего

---

¹ Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск, 2011. С. 244-245.

² Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 85-87.

³ Алексеева Т.М. Указ. соч. С. 87.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ...» // Собр. законодательства РФ. 2005. № 22. Ст. 2194; Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. №1616-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Локотковой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав ...» // СПС «КонсультантПлюс».

точность и ясность законодательных предписаний¹; в постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П принцип правовой определенности констатирован как общеправовое начало, которое «предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость судебного решения»².

Однозначно воспринимая исследуемую идею как самостоятельный и фундаментальный принцип российского права, вместе с тем следует признать и тот факт, что, являя себя в качестве универсального общеправового начала, эта идея имеет существенные особенности в своем содержании применительно к той или иной отрасли права. Отчасти указанные особенности обусловлены предметом и методом правового регулирования, отчасти структурой и динамикой реализующихся правовых отношений. Отсюда, во многом понятны акцентуации М.В. Преснякова, как эклектики (нормативного) содержания категории «правовая определенность», так и к разнородности правовых средств, направленных на ее обеспечение.

Указанное справедливо и верно. Но только отчасти, поскольку, как представляется, всегда объективно в наличии неизменная основа данной фундаментальной идеи: обеспечение режима (состояния) правовой безопасности личности, общества, государства – как основы оптимального функционирования правового государства и гражданского общества. Соответственно, должны быть едины основные элементы содержания данной идеи, которые обязаны объективировать себя вне зависимости от отрасли права, предмета и метода регулирования, субъектов, объекта и содержания реализующихся правовых отношений.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. №8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гр. М.А. Асламазян» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2007. 14 февраля.

Отталкиваясь от анализа ранее приведенных доктринальных позиций и мнений, как гипотезы к исследованию, требуется указать на внутреннее авторское убеждение относительно системы этих основополагающих содержательных элементов:

(1) идея (принцип) правовой определенности объективирует себя через **потребность в стабильном правовом регулировании**. Содержательно (как элементы) указанная потребность раскрывает себя через:

- относительную временную и смысловую стабильность текущего нормативного регулирования и основанного на нем процесса реализации правовых отношений (В.И. Анишина, И.С. Дикарев, Т.Н. Назаренко и др.);

- формальную определённость действующих норм права (Г.А. Гаджиев, М.Н. Дмитриев, С.В. Зайцев, С.В. Луцаев, О.О. Сухарева, Я.М. Шабалина и др.);

- ясность наличествующих прав и неизменность правового статуса лиц/участников правовых отношений (И.М. Евлоев, М.В. Пресняков), – основанных на указанных нормах;

- точность, ясность и непротиворечивость в целом системы права (О.О. Сухарева); в том числе четкое, методически правильное иерархическое построение системы отраслевых источников права (Н.Н. Ковтун, М.В. Пресняков), позволяющее однозначно решать практические коллизии в конкуренции норм однородной или разной юридической силы;

(2) второй элемент содержания идеи «правовая определенность» охватывает собой **потребность определенности динамики (применения) права**. В этом аспекте исследуемая правовая идея объективирует себя не только через властные акты применения права (индивидуальные нормативные правовые акты), но и через такие составные его элементы, как правовая идеология, правовая политика, правосознание, установки публичных субъектов правовых отношений. Отсюда и формы объективации данной потребности являют себя через:

- необходимое единообразие в понимании и применении одних и тех же норм как всеми судами судебной системы Российской Федерации (Г.А. Гаджиев, Н.Н. Ковтун), так и иными публичными участниками реализующихся уголовно-процессуальных отношений;

- критерии устойчивости судебных актов, в т. ч. официально объективизируемых как прецеденты – образцы применения права, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, и, соответственно, стабильности складывающихся на их основе правоотношений и состояний (С.В. Зайцев);

- определенность иных индивидуальных нормативных правовых актов, реализуемых органами, действующими *ex officio* (М.В. Пресняков);

(3) третий элемент содержания принципа «правовая определенность» в уголовном судопроизводстве России объективирован в идее *res judicata*. Достаточно известно и содержание данной идеи, выраженной через окончательность и обязательность судебных решений, вступивших в законную силу; их непоколебимость и исполнимость; через потребность того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего окончательно признанного судом статуса, изменение которого может быть допустимо лишь при наличии к тому исключительных/существенных оснований, ставящих под сомнение саму суть и назначение статики и динамики права¹.

Основываясь на этих исходных посылах, определимся с содержанием исследуемой нами идеи применительно к уголовно-процессуальному праву России, где каждый из указанных элементов, оставаясь неизменным в своей методологической сути, но дополняясь специфическим отраслевым своим содержанием, должен либо объективировать себя в статике и динамике пра-

---

¹ См. об этом: Сидоренко М.В. К дискуссии о содержательных элементах категории «правовая определенность» в российском праве (часть 1) // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – С. 171-174.

ва, либо явить внутреннюю противоречивость, отстаиваемой в данной работе гипотезы.

§ 1.2. Правовая определенность статике и динамики российского уголовно-процессуального права

Как уже отмечалось, принцип правовой определенности проявляет себя через потребность в стабильном правовом регулировании определенной отрасли правовых отношений¹. Соответственно, содержательные элементы данной потребности объективируются через критерии устойчивости и предсказуемости текущего нормативного регулирования².

Последнее, как правило, определяется как воздействие с помощью права на общественные отношения, структурно включающее в себя два основных этапа: создание оптимальных правовых предписаний (статика права) и непосредственная реализация их в отраслевых правовых отношениях (динамика права)³.

Как верно указывают Н.Н. Ковтун и А.А. Зорин⁴, этот элемент правовой определенности, во-первых, требует, чтобы система действующих правовых предписаний сохраняла устойчивый характер, как минимум, в достаточ-

---

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Российская газета. 2007. 14 февраля.

² Термин «стабильность», как известно, означает: «... устойчивость, постоянство, неизменность». К примеру, исследуемого явления. См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / А.Н. Российская: Российский фонд культуры: 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994.

³ См., напр.: Теория государства и права: учеб. / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. С. 212-213.

⁴ Ковтун Н.Н., Зорин А.А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ. С. 143-149.

но обозримый период. Причем речь идет именно о системе уголовно-процессуального права в целом, а не стабильности отдельно взятого уголовно-процессуального закона (УПК РФ). Достаточно логично и требование, суть которого в том, что сами нормы и изначально, и по темпоральным своим характеристикам должны быть достаточно определенными по смыслу своих предписаний. Применительно к правилам законодательной техники это означает, что язык закона должен быть ясным для понимания, исключать неоднозначность и, тем более, коллизионность в процессе практического своего правоприменения. К минимуму должна быть сведена также возможность субъективной оценки истинного содержания нормы, допускающей двойственное ее толкование. Причем указанное – императив не только для практики, но и для законодателя, в том числе как следствие правовой позиции, сформулированной высшим органом конституционного правосудия в постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П¹. Суть данной позиции, стоит напомнить, заключается в необходимости соблюдения в законотворческой деятельности принципа формальной определенности закона, предполагающего точность и ясность исходных законодательных предписаний.

Правовая определенность (как режим/состояние), объективирует себя на уровне текущей правоприменительной деятельности (динамика права), и через критерии законности, обоснованности, мотивированности (как следствие – устойчивости) индивидуальных нормативных правовых актов – властных решений государственных органов и должностных лиц, действующих *ex officio*. Как представляется, именно последние реально формируют стабильность реализующихся правовых отношений, устойчивость статуса лиц, ими установленного; в конечном итоге – определенность динамики права. В данной связи, вряд ли оправданным и достоверным будет анализ состояния определенности отдельно норм и практики их применения. Только кон-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. №8-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 188 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

венциальная согласованность статике права (стабильности однородных правовых предписаний) и динамики права (юридической деятельности и актов, ее констатирующих) показывает реальное положение дел в сфере правовой определенности российского уголовно-процессуального права.

Закономерен вопрос, насколько действующее уголовно-процессуальное регулирование в Российской Федерации и объективация последнего в актах применения права соответствуют названным исходным критериям?

Для ответа на этот вопрос и, как следствие, констатации достоверного вывода о наличии, отсутствии состояния правовой определенности в сфере функционирования современного российского уголовно-процессуального права, скорее всего, необходимы объективные и верифицируемые критерии. Правовая определенность, *во-первых*, косвенно проявляет себя через конвенциональную устойчивость основных институтов и норм действующего уголовно-процессуального права России. Соответственно критерий возможного «замера» (их нормативная сущность и содержание, в известных временных составляющих), остался либо неизменным, либо, несмотря на внесенные изменения/дополнения, не изменил кардинально исходных, сущностных своих предписаний.

Во-вторых, то же состояние определенности отчасти объективирует себя через субъективную удовлетворенность субъектов правовых отношений, как предоставленным процессуальным статусом (статика права), так и актами практического применения права в тех отношениях, где они объективированы как субъектный состав со своим интересом (динамика права). Количественные и качественные критерии указанной удовлетворенности в той или иной мере отражаются в суммарных оценках российской доктрины относительно «сущего» и «должного» в уголовном судопроизводстве России, предлагаемых новациях *de lege ferenda*, актах обжалования состоявшихся процессуальных решений и, соответственно, актах их изменения или отмены. Отчасти те же критерии – в эмпирических данных «замеров» относительно дове-

рия и уважения социума к публичным органам применения права или в целом к установленным институтам правовой защиты.

Понимая некоторую условность приведенных критериев, тем не менее, видится возможным утверждать, что в целом «срезы» по каждой проблеме в состоянии представить, как в целом достаточно реальное состояние дел в сфере правовой определенности российского уголовно-процессуального права, так и указать на узловые проблемы применительно к намеченному предмету исследования. При этом определяющими для итоговых выводов будут объективные закономерности исследуемого явления, а не выступающие нередко на первый план частности или статистические погрешности в его субъективной оценке и описании.

С учетом этих исходных позиций стоит обратиться к характеристикам стабильности норм российского уголовно-процессуального права, явлениям коллизии их предписаний в практической сфере правовых отношений, к объективации вследствие указанного состояния неопределенности исследуемой отрасли права или субъективной надуманности указанного. При этом возможно оставить без обсуждения известные посылы российской уголовно-процессуальной доктрины, весьма негативно характеризующие тот факт, что только за первые несколько лет функционирования УПК РФ (2001 г.) в его нормативную ткань было внесено свыше полутора тысяч изменений и дополнений. Указанное, как отмечалось, уже само по себе свидетельствовало о качестве и сбалансированности, как данного акта, так и определенности основанных на нем отношений и правовых состояний¹.

Указанное, нельзя не признать, действительно имело место. Эти же акты имеют место быть в настоящее время, в силу чего количество внесенных в

---

¹ См., напр.: Митин А.А. Ямщик, не гони лошадей, или о некоторых особенностях российского нормотворчества. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravorub.ru/articles/40071.html>; Семенцов В.А. Некоторые мифы и реальность современного отечественного уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. С. 345-358; Якубина Ю.П. Новый этап развития форм предварительного расследования по УПК РФ // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4 (6). С. 132-133; и др.

УПК РФ изменений значительно превышает выше приведенные единицы. Тем не менее, голословно апеллировать к указанным сугубо количественным данным, как к негативному факту, не видится возможным.

Во-первых, в силу того, что большинство внесенных изменений как раз имело задачей формирование режима определенности в исследуемой отрасли права.

Во-вторых, в данной «общей» статистике, как правило, не учтены изменения иных федеральных нормативных источников, также объективно входящих в систему российского уголовно-процессуального права. Отчасти не приняты во внимание и предписания высшего органа конституционного правосудия. Между тем, несмотря на известную констатацию вывода о том, что именно последние нередко кардинально меняют сущность и содержание, как отдельных норм УПК РФ, так и достаточно обособленных правовых институтов, «имплементация» указанных актов непосредственно в деятельность характеризуется явно избирательным подходом, причем со стороны как законодателя, так и практики уголовного судопроизводства России, нередко годами не претворяясь непосредственно в актуальные предписания-нормы. В итоге, апелляции исключительно к перманентным изменениям и дополнениям норм УПК РФ во многом лишены достоверности.

В-третьих, в последние годы российская доктрина и практика обоснованно ставят под сомнение весьма субъективные «всплески» законодательной активности, которые весьма емко именуется законодательным спамом¹, что достаточно объективно отражает как сущность, так и реальную продуктивность перманентно предлагаемых или лоббируемых нормативных новаций².

---

¹ См., напр.: Добрынин К.Э. Если депутаты будут заниматься «законодательным спамом», то благодарности не дождутся // Уголовный процесс. 2016. № 1. С. 38-43.

² Отметим, 68,7% опрошенных судей так же считают, что многочисленные и не всегда согласованные с общей системой права изменения и дополнения норм УПК РФ не всегда оправданы, и не вызваны реальными потребностями динамики российского уголовно-процессуального права (анкета 2, приложение № 2 к диссертации).

Наконец, *в-четвертых*, предмет намеченного анализа: правовая определенность функционирующего уголовно-процессуального права России, а не анализ его состояния в той или иной временной ретроспективе.

В юридической литературе приводятся данные, характеризующие реальное отношение общества к органам и актам судебной и правоохранительной системы, к доступности и эффективности институтов правовой и судебной защиты, к ее итоговым результатам¹.

Эта эмпирика в целом известна и достаточно прокомментирована юридическим сообществом, средствами массовой информации, доктриной. Искусственно «спекулировать» на негативном факторе указанных эмпирических данных, создавая необходимый «фон» для заранее заданных суждений и выводов, не представляется возможным, ибо указанное не добавит ни объективности в предмете исследования, ни достоверности его результатам. В данной связи предмет непосредственного анализа (данного раздела работы) диалектика, с одной стороны, ясности и точности (стабильности) легальной системы норм, имеющих уголовно-процессуальную сущность; с другой – акты объективации указанных норм в динамике уголовно-процессуальных отношений и властных актах текущего применения уголовно-процессуального права.

На первый взгляд, несмотря на массу внесенных изменений и дополнений, действующий УПК РФ, как и ранее, оставляет широкие возможности для критики и соответствующих «итоговых» выводов. Примеры тому являют себя буквально с первых статей УПК РФ. Для иллюстрации стоит привести отдельные «неопределенные» нормы закона:

---

¹ См., напр.: Доверие граждан к судебной системе решено не учитывать при ее развитии. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.ru/review/view/81479/> (дата обращения 07.03.2016); Суды обновили, а доверия нет. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/12/16/sudy-obnovili-adoveriya-net> (дата обращения 07.03.2016); URL: Оценка деятельности судов в РФ http://wciom.ru/database/open_projects/otsenka_deyatelnosti_sudov_v_rossii/ (дата обращения 07.03.2016); Римский В.Л. Обзор социологических исследований судебной системы России, выполненных с конца 1991 года по настоящий момент (М., 2009). URL: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/soc/Rim9128.htm> (дата обращения 07.03.2016) и др.

- «производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с настоящим Кодексом...» (ч. 1 ст. 2 УПК РФ);

- «производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории Российской Федерации, ведется в соответствии с правилами настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 3 УПК РФ);

- «при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства, соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено настоящим Кодексом» (ст. 4 УПК РФ);

- «суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом» (ч. 2 ст. 7 УПК РФ);

- «при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» (ч. 1 ст. 8.1 УПК РФ).

Как видно, в каждой из приведенных норм закон апеллирует лишь к производству **по уголовному делу**, для которого в буквальном своем толковании собственно и обязательны «цитируемые» нормативные предписания. Тем не менее, как известно, уголовное судопроизводство России включает в себя и производство в стадии возбуждения уголовного дела (гл. 19–20 УПК РФ), когда уголовного дела, как такового, еще нет в объективной реальности. Известны и временные рамки указанной стадии (деятельности): 10–20–30 суток. Отсюда закономерен вопрос: насколько для этого производства также являются императивом приведенные выше нормы, при условии, что в «буквальном» своем толковании данные нормативные предписания обязательны лишь для «производства по уголовному делу». Однако для подобной постановки вопроса, очевидно, в принципе нет оснований, ибо наработанной прак-

тики и высокого правосознания публичных участников уголовно-процессуальных отношений изначально достаточно для того, чтобы «снять» искусственную неопределенность закона и обеспечить правильную реализацию исследуемых предписаний в динамике российского уголовно-процессуального права.

Равным образом нет коллизионной неопределенности в буквальном правомочии прокурора: «проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях» (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Несмотря на явное отсутствие в правовой системе России указанного федерального закона, участникам правовых отношений изначально ясно, что речь идет о властных и достаточно наработанных правомочиях прокурора в стадии возбуждения уголовного дела (гл. 19–20 УПК РФ); как следствие, примеров воспротивиться указанным правомочиям («потребовать» буквальной определенности закона) в целом не наблюдается. Соответственно, утверждать, что в наличии явное состояние неопределенности права или наличие негативной практической ситуации – также нет оснований.

При известном желании можно «усмотреть» коллизионную неопределенность закона или текущей правоприменительной практики и в п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, по сути которых отменить/изменить решение, вынесенное судом, вправе только вышестоящий (в судебной иерархии) суд. Между тем, и нормативно, и в практической плоскости достаточно известны примеры, согласно которым субъектом отмены или изменения указанных решений выступает не только суд, непосредственно вынесший исходное решение (см., например, ч. 7 ст. 106 УПК РФ), но и в ряде случаев следственные органы (ч. 2 ст. 110 УПК РФ). При этом особо конфликтных и широко озвученных возражений к буквальным предписаниям п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ ни практика, ни доктрина не отмечают. Нет, соответственно, в объективной реальности и коллизионного состояния неопределенности права.

В той же субъективной оценке несколько двусмысленными видятся нормы ч. 1 ст. 178 УПК РФ, по буквальной сути которых осмотр трупа, в том числе связанный с его эксгумацией, производится с обязательным участием судебно-медицинского эксперта. При закреплении данной нормативной конструкции законодателем явно упущено, что в уголовно-процессуальном смысле эксперт объективируется лишь как субъект, которому в установленном законом порядке поручено производство экспертизы. При отсутствии (властного) решения о производстве указанной экспертизы, врач – специалист в области судебной медицины – участвует в следственных действиях в качестве необходимого специалиста. Тем не менее, и в этом случае правосознания участников правовых отношений, и наработанной компетентности вполне достаточно для того, чтобы нивелировать дефекты законодательной техники и в принципе исключить (надуманные) коллизии – как в ходе этого вида осмотра, так и при оценке легитимности его результата.

В буквальном истолковании можно «искать» неопределенность закона и в предписаниях ч. 3 ст. 223 УПК РФ, согласно которым управомоченный прокурор вправе продлить срок ординарного дознания «до 30 суток». Очевидно, что при известном желании указанное можно трактовать и до 30 исходных суток, отведенных на реализацию ординарного дознания (гл. 32 УПК РФ), и как «еще 30 суток» – в дополнение к «первичному» (30-дневному) сроку. Тем не менее, и в этом случае, несмотря на определенный дефект законодательной техники, доктрина и практика практически однозначны в истинной сути законодательной воли, в принципе, не апеллируя к неопределенности права, к искусственной коллизии правовых отношений и правовых состояний.

Столь же критически доктриной и практикой оценены буквальные предписания п. 2 ч. 2 ст. 239 УПК РФ, согласно которым, прекращая производство по делу, судья одновременно должен решить в постановлении вопросы об отмене «контроля и записи переговоров» как следственного действия. Основы указанного скепсиса заключаются в том, что по нормам ч. 5

ст. 186 УПК РФ реализация контроля телефонных и иных переговоров, как указанного действия, должна быть императивно прекращена «не позднее окончания предварительного расследования по уголовному делу». Фактически, одновременно с направлением данного уголовного дела с обвинительным заключением прокурору (ст. 221–222 УПК РФ). В итоге, именно последнее нормативное предписание, правильно воспринятое и оцененное публичными участниками правовых отношений, является определяющим для текущей следственной и судебной деятельности, не порождая ни искусственной неопределенности права, ни негативных коллизий для практики.

Можно далее множить примеры аналогичных дефектов законодательной техники, создающих определенную двусмысленность в понимании сути действующего уголовно-процессуального закона или нормативного его содержания (УПК РФ). Однако указанное явно надуманно, ибо большинство из этих изъянов в достаточной мере нашло свое объяснение в российской уголовно-процессуальной доктрине¹ и практике. Достаточно очевидно и то, что в ряде случаев, при формальной неопределенности наличествующих правовых предписаний, надлежащее правосознание властных субъектов правовых отношений и их компетентность легко нивелируют определенные дефекты законодательной воли, снимая напряженность в практической сфере применения права, в практических его результатах². В данной связи предмет действительно необходимого анализа – скорее, **состояние объективной колли-**

---

¹ См., напр.: Белкин А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть I. Общие положения и принципы уголовного судопроизводства. Изд. 2-е, доп. – М.: МГУПИ, 2010; УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть IV. Иные участники уголовного судопроизводства. Отводы в уголовном процессе. М., 2011; УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть V. Доказательства и доказывание. М., 2011; Ковтун Н.Н. УПК – принят. УПК – действует. УПК – можно снова менять (к 100-летию Государственной Думы России) // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 7-11; Сидоренко М.В. Правовая определенность через призму законодательных ошибок уголовно-процессуального права России // Российский следователь. 2016. № 4. С. 36-38; и др.

² На данное обстоятельство справедливо указывают 73,2% опрошенных нами респондентов, отправляющих правосудие в судах кассационной и надзорной инстанции (анкета 1, приложение № 2 к диссертации).

зии¹, складывающейся в результате неоднозначного изложения, понимания, субъективной интерпретации и, соответственно, применения тех или иных предписаний российского уголовно-процессуального права. Причем для цели и задач настоящего исследования не принципиально, что эта коллизия «создана»:

- непосредственно «негативным» текстом (буквой) закона², который соответственно объективирован в длительных коллизионных правовых отношениях и актах применения права; или

- правосознанием и субъективными установками властных субъектов применения права и, соответственно, актами объективации указанных факторов в практической сфере – при конвенциально наличной ясности, точности, стабильности имеющихся правовых предписаний.

Нормативная и практическая составляющие уголовно-процессуального права России в избытке являют примеры, когда практическая правовая коллизия является следствием либо реального изъяна наличествующих правовых предписаний, либо «дефекта» правосознания участников правовых отношений³, либо кумулятивным эффектом «наложения» вышеуказанных факторов. Как следствие, отдельное их рассмотрение в ряде случаев является невозможным, что, естественно, учитывается для итоговых оценок и выводов в контексте предмета и цели намеченного исследования.

Объективацией первой системы коллизий (дефект закона) служат, к примеру, дефекты законодательной техники, связанные с явной неоднознач-

---

¹ Суть наших подходов заключается в том, что коллизия не есть пробел, конкуренция или несогласованность однородных правовых предписаний; коллизия есть **негативное состояние правоприменительной практики**, складывающееся (как закономерность) в результате нарушения стабильности правового регулирования или субъективной (негативной) интерпретации права тем или иным властным субъектом применения права.

² Термин «закон» в исследуемом контексте носит обобщающий характер. По факту состояние коллизии может быть следствием несогласованности правовых предписаний различных форм выражения российского уголовно-процессуального права.

³ В основе указанного «дефекта» могут быть, как сугубо явления права, так и факторы, лишь косвенно имеющие отношение к уголовно-процессуальному праву (неоднозначная уголовная и (или) уголовно-процессуальная политика, материально-организационные факторы функционирования правовой системы, ведомственные интересы, личная заинтересованность субъектов применения права и т. п.).

ностью правовых предписаний, регламентирующих порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования по нормам УПК РФ:

- первый срез данной коллизии вызван двусмысленным использованием оператора «вправе» в нормах ст. 25, 28 УПК РФ, по буквальной сути которого суд, следователь, дознаватель, по идее, вправе дискреционно решать вопрос о целесообразности прекращения уголовного дела (уголовного преследования) естественно, при наличии к тому указанной в законе системы условий. Негативные следствия данной дискреции, в итоге, объективируют себя как скрытый фактор коррупции или явно субъективных подходов. Во-вторых, та же дискреция нередко является, завуалированным средством известной «корректировки» ведомственных показателей деятельности. В-третьих, субъективная ее составляющая нивелирует функцию права, ибо объективное наличие основания для принятия соответствующих процессуальных решений подменяется субъективным усмотрением властных субъектов применения права.

Соответственно, императивный оператор «обязан» применительно к указанным нормам, как представляется, был бы более точным для воли закона и практики. Тем более что по смыслу ч. 1 ст. 212 УПК РФ именно он изложен в императивном контексте. Однако в ч. 2 ст. 239 УПК РФ законодатель вновь обращается к дискреционному оператору суд «может прекратить», что заставляет сомневаться в истинных векторах законодательной воли. В п. 2 ст. 254 УПК РФ мы вновь имеем дело с императивом «обязан». Как итог, одним из безусловных оснований к отмене состоявшегося приговора является «непрекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 254 настоящего Кодекса» (п. 1 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), что по факту однозначно нивелирует (обсуждаемую) дискрецию «вправе». Наличествующая эмпирика отмены состоявшихся актов суда по этому основанию также достаточно объективно отражает реальное состояние дел с определенностью понимания и применения исследуемого института в судебной-следственной практике Российской Федерации;

- второй срез коллизии объективирован «при помощи» актов конституционного правосудия. С одной стороны, нормы ч. 2 ст. 239, ст. 254 УПК РФ ориентируют судью к (незамедлительному) прекращению производства по делу при наличии оснований, установленных в указанных нормах. С другой, в силу правовых позиций, высказанных, к примеру, в постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П, суд не вправе прекратить производство по делу до тех пор, пока в ходе судебного разбирательства не будут исследованы все доказательства по делу, заслушаны и всесторонне оценены итоговые позиции сторон¹. В итоге, прекращение производства по делу если и возможно, то лишь по окончании прений сторон в суде первой инстанции. Как следствие, на практике сформирована ситуация, при которой в одних регионах страны указанные правовые позиции Конституционного Суда восприняты судами как безоговорочный императив², в других, они же конвенциально игнорируются, и нормы ч. 2 ст. 239, ст. 254 УПК РФ применяются судом буквально³. Отсюда и известный «простор» для апелляционных и кассационно-надзорных инстанций к оценке критерия законности указанных актов суда в заранее заданном «интересе»;

- еще один срез той же коллизии проявляет себя через субъективное восприятие судьями норм ч. 2 ст. 239, ст. 254 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ. Стоит пояснить: нормы ст. 239 и ст. 254 УПК РФ не содержат оснований, предусмотренных пп. 1,2 ч. 1 ст. 24 или п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, и соответственно не позволяют прекращать производство по делу в суде по реабилитирующим

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. №18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собр. законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

² См., напр.: Апелляционное определение Самарского областного суда от 12 ноября 2014 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>; Кассационное определение Томского областного суда от 19 ноября 2012 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>.

³ См., напр.: Апелляционное определение Воронежского областного суда от 28 февраля 2013 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

основаниям. В силу ч. 8 ст. 302 УПК РФ суд в указанной ситуации императивно обязан к постановлению оправдательного приговора. Но поскольку последние (с сугубо ведомственных позиций) негативно «отражают» статистику в «общем» деле борьбы с преступностью, судьи, игнорируя достаточно ясную волю закона, как правило, почитают за благо вынести постановление о прекращении производства по делу, а не оправдательный приговор. При этом, несмотря на апелляции заинтересованных лиц (в том числе требующих применения института реабилитации), суды вышестоящих инстанций не очень спешат к исправлению данных нарушений закона¹.

Не менее известны также коллизии, связанные с отсутствием в уголовно-процессуальном законе ясных и четким критериев, объективация которых позволяет ставить вопрос о признании полученных фактических сведений в качестве недопустимых средств доказывания (доказательств) (ч. 1 ст. 74 УПК РФ)².

Фрагментарные предписания норм ст. 75 УПК РФ не компенсируют данной пробельности законодательной воли. В итоге, как перманентно резюмируется в российской уголовно-процессуальной доктрине, этот принципиальный вопрос решается судьями, в том числе для идентичных нарушений закона, в зависимости от «региональных» правоприменительных установок, субъекта или объекта нарушения, лица, в отношении которого ведется производство по делу, иных субъективных факторов³.

Не удивляет тот факт, что в целом «не прижился» в российском уголовном процессе потенциально эффективный институт предварительных

---

¹ Более полно и всесторонне эти моменты рассмотрены в параграфе 5.2 главы V настоящей работы.

² См. подробнее: Терехин В.В. Недопустимые доказательства в уголовном процессе России: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук (12.00.09). – Н. Новгород, 2016. 52 с.

³ См., напр.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью уголовного преследования, реализуемого в отношении специальных субъектов уголовного судопроизводства России (гл. 52 УПК РФ): монография / Н.Н. Ковтун, Р.В. Ярцев, Т.П. Захарова, Ш.Р. Галиуллин. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2007. 210 с.

слушаний, изначально предусмотренный для объективного разрешения этого вопроса по правилам судебного рассмотрения и независимой процедуры состязательного судебного разбирательства (п. 1 ч. 2 ст. 229, ст. 234-236 УПК РФ). Надежды стороны защиты, массово апеллировавшей (в первые годы функционирования нового УПК РФ) к процедурам этого института, весьма однозначно нивелированы установками высших судебных инстанций России и актами конституционного правосудия. Исследование вопроса о допустимости доказательств единственно продуктивно лишь в рамках судебного следствия (гл. 37 УПК РФ), так как именно этот порядок единственно в состоянии дать цельное и верное представление как о допущенных нарушениях закона, так и легитимности полученных при этом фактических данных¹. В итоге, указанные ходатайства сторон на предварительных слушаниях, как правило, остаются без рассмотрения по существу, при объявлении судом потенциальной «возможности» к их разрешению непосредственно в ходе судебного разбирательства².

Со временем «верное и цельное» представление по данным моментам, видимо, настолько сложилось, что даже заинтересованные исследователи не всегда в состоянии подобрать репрезентативную выборку данных, позволяющих достоверно вычленивать и обозначить критерии для верификации недопустимости полученных сведений. Поэтому вряд ли нужны особые доводы к обоснованию тезиса, суть которого в том, что состояние данной перманентной коллизии вызвано не столько серьезными дефектами воли закона (ст. 234-236 УПК РФ), сколько субъективными установками в правосознании судей: *во-первых*, с «большим пониманием» восприняли явно субъективные правовые позиции высшего органа конституционного правосудия, фактически нивелировавшие сущность и назначение института предварительных слушаний для исследуемой ситуации; *во-вторых*, «правильно» уяснили век-

---

¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П.

² См. подробнее, напр.: Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации: учеб. пособие. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. 296 с.

торы актуальной уголовно-процессуальной политики, в том числе официально одобряемой и поддерживаемой высшими должностными лицами судебной системы Российской Федерации.

О фундаментальных проблемах единообразного понимания и буквального применения преюдиций в уголовном судопроизводстве (ст. 90 УПК РФ) написано столь скрупулезно и много, что имеет смысл оставить без обсуждения эти вопросы¹, и сделать вывод лишь о том, что эта гарантия уже «преобразована» в легальную фикцию российского уголовно-процессуального права, не выполняя ни нормативного, ни социального своего назначения. Причины указанного, как в исходной двусмысленности, перманентно изменяемой, воли закона (ст. 90 УПК РФ), так и в субъективных актах интерпретации указанной воли публичными субъектами применения права применительно к каждой из спорных правовых ситуаций. Как следствие, неопределенность сути и содержания права и правовых состояний в этом вопросе есть эффект кумулятивного наложения неоднозначной воли закона и актов его интерпретации властными субъектами применения права.

В виде фактической фикции и серьезной коллизии практики к настоящему времени объективирован институт оперативного судебного контроля (ст.ст. 108, 125, 165 УПК РФ), изначально задуманный в качестве одной из наиболее эффективных гарантий прав и свобод личности в обновленном уголовном судопроизводстве России. Достаточно объективные характеристики неоптимального нормативного регулирования этого института, практические коллизии в реализации основных его предписаний и реальные «результаты» столь широко и подробно проанализированы в десятках и сотнях работ, в том

---

¹ См., напр.: Азаренок Н. Конституционно-правовые основы преюдиции в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2012. № 4. С. 50-57; Заржицкая Л.С. Преюдиции в уголовно-процессуальном доказывании: результаты исследования // Уголовный процесс. 2012. № 10. С. 31; Карабанов А.Л. Толкование Конституционным Судом РФ преюдиции в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 71-73; и др.

числе монографического и диссертационного характера¹, что вряд ли надо повторяться в этих моментах.

Именно констатация кризиса этого института, вне зависимости от того признается или отрицается это публичными функционерами права, является единственно объективной причиной активизации известной дискуссии об актуальности введения в российский процесс фигуры «следственного судьи»². Между тем, можно предположить, и статус и результаты деятельности последнего, выскажем предположение, при общем кризисе системы российского уголовно-процессуального права, аналогичным образом будут нивелированы, опорочены, бюрократизированы, причем в достаточно обозримый период, в том числе и по причине того, что ни доктрина, ни практика пока не в состоянии определиться: он – субъект юрисдикционных или сугубо следственных функций.

Одной из наиболее перспективных новаций УПК РФ (2001 г.) были объявлены нормы, призванные к обеспечению реального равенства сторон в центральном вопросе процесса: обеспечении права сторон на равное собиранье и представление в уголовное судопроизводство непосредственно доказательств. Именно в контексте реализации данной идеи законодатель закрепил право частных заинтересованных лиц (их адвокатов) к самостоятельному представлению в уголовный процесс непосредственно легитимных фактических данных, как средств обоснования своих притязаний (п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 2 ст. 46, п. 4 ч. 2 ст. 47, ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

---

¹ См., напр.: Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / (А.И. Давыдова и др.); под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009. 847 с.

² См., напр.: Морщакова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iaaj.net/node/1718>; Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель. [Электронный ресурс]. URL: // http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html; Ковтун Н.Н. Институт специализированных следственных судей: к дискуссии о векторах законодательной воли // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 174-183; Амирбеков К.И. Концепция о функциях следственного судьи // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 42-45.

Указанные новации были столь высоко оценены российской уголовно-процессуальной доктриной, что всерьез утверждалось о зарождении российского аналога «адвокатского» расследования¹. Перспективы последнего виделись весомыми, практически осязаемыми, направленными к формированию подлинно состязательного строя процесса и обоснованию искомой истины в условиях равных процессуальных возможностей двух равноценно обеспеченных правом сторон.

К настоящему времени об «адвокатском расследовании» – в целом не вспоминают; следственно-судебная практика однозначно расставила акценты в дискуссии «о конституционном равенстве процессуальных возможностей». Не нормы, формирующие процессуальный статус заинтересованных лиц (в том числе как самостоятельных субъектов доказывания), а исключительно публичные констатации ч. 1 ст. 86 УПК РФ, в интерпретации публичных субъектов применения права, предопределили итоги дискуссии о реальных субъектах доказывания. Согласно последним, собрание доказательств в уголовном судопроизводстве России осуществляется исключительно дознавателем, следователем, судом, но никак не частными заинтересованными лицами. Соответственно ходатайства последних о приобщении (якобы) доказательств, полученных (сформированных) ими, отклоняются следственными органами и судами практически повсеместно. Доктрина давно и безрезультатно пишет об этом². Приводятся и «исчерпывающие» мотивы указанного: «обстоятельства, об установлении которых ходатайствуют стороны (по мнению следственных органов. – М.С.), достаточно установлены материалами

---

¹ См.: Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М.: Юнити, 2009. 173 с.; Маслов И. Адвокатское расследование // Законность. 2004. № 10. С. 34-38; Семенцов В.А. Полномочия адвоката по участию в собирании (формировании) доказательств в уголовном судопроизводстве // Вопросы правоведения. 2010. № 4. С. 359-381; Чупилкин Ю.Б. Адвокатское расследование в российском уголовном судопроизводстве: миф или реальность? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iuaj.net/node/492>; и др.

² См., напр.: Лазарева В. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 97-98; Калинкина Л.Д. Эксцессы состязательности сторон в российском уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2011. № 3. С. 21-25.

дела. В данной связи истребование и приобщение дополнительных материалов или проведение испрашиваемых следственных, процессуальных действий явно избыточно для процесса доказывания»¹.

В попытках оспорить эти установки в понимании и применении права заинтересованные лица закономерно обращаются за судебной защитой, благо последняя гарантирована Конституцией РФ (чч. 1, 2 ст. 46) и нормами ст. 125 УПК РФ. Итоги данной «защиты» достаточно описаны в российской доктрине. Констатации выводов, согласно которым: в силу п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ «следователь самостоятельно определяет ход и направления расследования, и суд не вправе указывать ему, какие следственные или процессуальные действия надо реализовать», уже сформированы в качестве наработанных «штампов», как правило, завершающих итоги рассмотрения жалоб на действия и решения следственных органов². В итоге, определенность в вопросе о реальном наличии/отсутствии указанной судебной защиты – предмет различного восприятия публичных и частных заинтересованных лиц.

Достаточно известно и то, что, как данная практика, так и правосознание судей нашли полное понимание у высшего органа конституционного правосудия. По сути правовых позиций последнего сторона защиты, к примеру, не вправе ни провести «параллельную» экспертизу, ни представить ее результаты в уголовный процесс, в том числе и в тех исключительных ситуациях, когда результаты указанной экспертизы полностью опровергают выводы следственных или судебных органов. Экспертиза и ее результаты, «поясняет» высший орган конституционного правосудия, столь специфическое следственное действие, что может назначаться и реализовываться только ре-

---

¹ См.: Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 32-42; и др.

² См.: Власенко Н.В. Спорные вопросы при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 26-29; Ковтун Н.Н. Предмет судебного следствия в судебно-контрольных производствах // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 14-19.

шением следственных органов или суда, но никак не интересом частных заинтересованных лиц¹.

«В штыки» восприняты судебским сообществом и новеллы закона, закрепляющие в качестве легитимных доказательств по делу как результаты освидетельствования и получения образцов для сравнительного исследования, так и объяснения от заинтересованных лиц, полученные (сформированные) в стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ)².

Несмотря на изначальную определенность законодательной воли, по сути которой, при соблюдении общих положений ст. 75 УПК РФ, указанные объяснения являются не только легитимными доказательствами по уголовному делу, но и могут быть положены в основу итоговых процессуальных решений (ч. 1.2 ст. 144, ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ), судьи нивелируют волю закона, однозначно отказывая в признании доказательственного значения указанных объяснений. Причины данной коллизии в исходных «установках» правосознания судей, согласно которым:

- объяснения не входят в перечень доказательств, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следовательно, легитимными средствами доказывания в российском уголовном процессе они не являются³;

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская газета. 2004. 7 июля.

² Федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 895.

³ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 4 июня 2013 г. № 41-АПУ13-13сп [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>; Апелляционное постановление Московского городского суда от 27 ноября 2013 г. № 310-11567/13 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mos-gorsud.ru/files/docs>; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Карелия от 28 октября 2013 г. № 22-2034/2013 [Электронный ресурс] // URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyi-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-4395010276>.

- объяснения получены не в порядке, предусмотренном УПК РФ. В силу этого они не могут быть признаны ни иными документами (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), ни в целом доказательствами по делу¹;

- при получении объяснений не обеспечены процессуальные права лиц (конвенционально – свидетеля², потерпевшего³, подозреваемого⁴), от которых получены объяснения, в силу чего полученные сведения не могут быть признаны в качестве легитимных средств доказывания.

Российские исследователи единогласно констатируют практически полное отсутствие актов суда, в содержательной части которых (при обосновании итоговых выводов и суждений) были бы ссылки на объяснения всесторонне проверенные и оцененные в судебном процессе⁵.

Аналогично отношение судей и к результатам производства до возбуждения уголовного дела иных (законодательно «разрешенных») следственных действий⁶. Отсюда в наличии состояние достаточно серьезной коллизии в динамике права – при конвенционально исходной, как представляется, ясности и однозначности введенных нормативных новаций.

---

¹ По сути, речь идет о полном отсутствии (в законе) легальной процессуальной формы получения объяснений в порядке ст. 144 УПК РФ. См.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда по делу от 6 марта 2014 г. № 22-224/2-14 [Электронный ресурс] // URL: <http://oblsud.yld.sudrf.ru/>; Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 14 мая 2013 г. № 22-3313/2013 [Электронный ресурс] URL: <http://kraevoy.krk.sudrf.ru/>; приговор Вичугского городского суда Ивановской области от 6 сентября 2013 г. по делу № 1-80/2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://vichugsky.iwn.sudrf.ru/>.

² См., напр.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда по делу от 6 марта 2014 г. № 22-224/2-14 [Электронный ресурс] // URL: <http://oblsud.yld.sudrf.ru/>.

³ См., напр.: Приговор Вичугского городского суда Ивановской области от 6 сентября 2013 г. по делу № 1-80/2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://vichugsky.iwn.sudrf.ru/>.

⁴ См., напр.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Костромского областного суда от 17 сентября 2013 г. № 22-1283 [Электронный ресурс] // URL: <http://oblsud.kst.sudrf.ru/>.

⁵ См., напр.: Фролова Е., Горбань А. Правовая обеспеченность доказательственной силы объяснения в уголовном процессе России // Уголовное право. 2015. № 3. С. 112-118.

⁶ См.: Кудрявцева Т.Г., Кожухарик Д.Н. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Российский следователь. 2014. № 5. С. 28-30; Шалумов М.С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2005. №3. С. 32; и др.

Причина данной коллизии, на наш взгляд, очевидна. *Во-первых*, это правосознание судей, десятилетиями отрицающих легитимность и ценность указанных сведений для процесса и итогов уголовно-процессуального доказывания. *Во-вторых*, их же уверенность в том, что эти установки и их объективация в практике будут всецело поддержаны властным ресурсом вышестоящих судебных инстанций и высших должностных лиц судебной системы.

Напротив, именно неопределенность закона, по сути которого: субъекты проверки сообщения о преступлении наделены правомочием не только истребовать в рамках данной проверки предметы и документы, но и «... изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), стала причиной, как серьезных коллизий на практике, так и противоречивых суждений в доктрине. Одни из ученых, «склонились» к констатации вывода о наличии легальной в целом возможности к производству выемки в стадии возбуждения уголовного дела¹. Другие, категорически отрицают такую возможность, подчеркивая, что единственно легитимным средством указанного «изъятия» является обнаружение искомых предметов и документов в ходе производства тех следственных действий, которые непосредственно указаны в нормах ч. 1 ст. 144 УПК РФ². Судебная практика, по факту, одноmomentно являет коллизионные примеры как отрицания легитимности фактических данных, полученных посредством указанной «выемки», так и признания их решающей ценности при обосновании итоговых актов.

В качестве не менее серьезной коллизии в российском уголовном процессе объективированы нормы, регламентирующие отдельные виды дознания. *Во-первых*, ни доктрина, ни практика «не в состоянии» однозначно

---

¹ См., напр.: Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23-28; Халиков А.Н. Собираение доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. 2013. №12. С. 54-57; и др.

² Пока же практика в достаточной мере являет примеры «легитимности» каждого из этих подходов. См., напр.: Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. №3. С. 44-50.

определился в вопросе о том, сколько именно видов дознания установлено действующим правовым регулированием. Предметом дискуссии являются нормы ст. 157 УПК РФ и п. 7–8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ.

Применительно к первым безоговорочно констатирован тезис о том, что предписания указанной нормы нельзя рассматривать как один из видов дознания, ибо законодатель отнес исследуемые предписания к системе общих условий предварительного расследования (гл. 21 УПК РФ)¹.

С последним можно не спорить, но лишь при исходной достоверности ответа на следующий, как представляется, определяющий вопрос: в какой именно форме (последние 15 лет) органом дознания реализуются неотложные следственные действия и принимаются значимые процессуальные решения; при условии, что российскому закону и практике известны лишь две легитимные процессуальные формы расследования на досудебном этапе: следствие и дознание².

Значительно больше коллизий являет форма дознания, предусмотренная пп. 7 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ, ибо впервые для доктрины и практики сформирована столь «гибридная» форма расследования, согласно которой субъектом расследования определен следователь, а формой реализации последнего – дознание. Как итог, на практике объективирована система фактически неразрешимых коллизий в оппозиции отношений «следователь – прокурор», при которой, с одной стороны, практически нивелированы властно-распорядительные полномочия прокурора по надзору за данной формой дознания. С другой стороны, поставлены под сомнение фактические результаты указанной деятельности, как формы расследования легитимной и изначально определенной по сути. Следует указать и то, что функционирование данной

---

¹ См.: Морозкина И.А. Роль совершенствования института дознания в концепции совершенствования досудебного производства по уголовным делам // Российский следователь. 2007. № 6. С. 21-23; Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблема ее реализации в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 21, 477; и др.

² См. подробнее: Гусейнов Н.А. Латентная дифференциация дознания в уголовном судопроизводстве России по нормам УПК РФ // Российский следователь. 2016. № 4. С. 17-21.

формы дознания, как верно отмечается в российской уголовно-процессуальной доктрине, в принципе не обусловлено реальными потребностями практики, а отказ от нее был бы за благо¹.

Состоянием коллизии характеризуется и внутреннее содержание каждого из «наработанных» видов дознания. К примеру, для ординарной его формы, регламентированной нормами гл. 32 УПК РФ, предметом дискуссий в доктрине и негативных конфликтов в практической плоскости служат:

- оправданность перманентных новаций по максимально возможному увеличению сроков реализации данной формы расследования (чч. 4 и 5 ст. 223 УПК РФ), производству дознания группой дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ), регламентации порядка приостановления и возобновления производства этого вида дознания (чч. 3.1, 3.2, 3.3 ст. 223 УПК РФ). В сугубо ведомственной «борьбе за полномочия», за формирование ведомственного «квазианалога» следствия, как отмечается в российской доктрине, оказалась утрачена сама суть данной формы расследования, как производства оперативного, упрощенного, близкого к известным аналогам суммарного производства²;

- легитимность установленного порядка, при котором о юридической и фактической сути обвинения обвиняемый «узнает» лишь из текста обвинительного акта, ибо ранее ему обвинение не предъявлялось и не разъяснялось. Между тем доктрина и судебная практика практически однозначны в вопросе о том, что безусловным и существенным нарушением права на защиту от обвинения является процессуальный порядок, при котором уголовное дело направляется в суд при фактически невыясненной позиции обвиняемого по сути инкриминируемого ему обвинения. Действующая регламентация дозна-

---

¹ См., напр.: Мусейбов У.А. Производство дознания следователем: проблемы правового регулирования // Российский следователь. 2013. № 9. С. 12-13; Семенцов В.А., Науменко О.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 200 с.; Францифоров Ю.В. Актуальные проблемы производства предварительного расследования в форме дознания // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 10-13; и др.

² См.: Гусейнов Н.А. Указ. раб. С. 17-21.

ния, напротив, не обязывает дознавателя допросить обвиняемого по сформированному обвинению (ст. 226 УПК РФ), выяснить итоговое к нему отношение, зафиксировать и проверить доводы обвиняемого, призванные к опровержению указанного обвинения¹.

Те же по сути проблемы являют себя при сокращенной форме дознания, регламентированной гл. 32.1 УПК РФ. Достаточно двусмысленным с позиций конституционного принципа невиновности выглядит требование закона о безусловном признании подозреваемым вины в совершении преступления, как одно из условий для реализации сокращенной формы дознания (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). В отличие от особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), где аналогом указанного условия закреплена необходимость добровольного признания обвинения, в рамках сокращенной формы дознания законодатель просто вынужден апеллировать к категории «вина». Причины указанного известны; поскольку при данной форме расследования обвинения нет, и не «предвидится» вплоть до завершения предварительного производства по делу (чч. 1-3 ст. 226.7 УПК РФ), остается требовать признания именно «вины». Естественно, скромно вуалируя при этом и суть принципа презумпции невиновности, и следствия из него вытекающие.

Равным образом неуместны в структуре гл. 32.1 УПК РФ неоднократно повторенные, требования законодателя (ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ) к переходу на ординарный режим дознания при обнаружении оснований для реализации в отношении подозреваемого производства о применении принудительных мер медицинского характера (п. 2 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). Единственно легитимной формой расследования в указанном случае является предварительное следствие (ч. 1 ст. 434 УПК РФ); отсюда столь «рекомендуемые» законом переходы на ординарный режим дознания – суть изначальная нелегитимность

---

¹ См., напр.: Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Правотворческие ошибки в контексте юридических коллизий уголовного судопроизводства России // Следователь. 2008. №12. С. 9-16; Семенцов В.А. Проблемы совершенствования дознания как формы предварительного расследования // Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар, 2013. С. 236-246.

фактических его результатов и существенное нарушение прав заинтересованных лиц в указанном производстве¹.

Несогласованными также видятся нормы, согласно которым, с одной стороны, подозреваемому, вносящему ходатайство о сокращенном порядке, категорически запрещено оспаривать вину и правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). С другой стороны, он же, безусловно, вправе рассчитывать на удовлетворение ходатайств «о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных к восполнению пробелов в доказательствах, собранных в объеме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления» (п. 2 ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ). Нам, конечно, могут возразить, что исследуемые нормы вполне согласованы, ибо обвиняемый оспаривает указанные юридические факты не применительно к постановлению о возбуждении уголовного дела, а применительно к сути и содержанию итогового обвинительного постановления. По факту это именно так, однако видится верным воздержаться от комментариев по сути столь искусственных «возражений». Откажемся и от обсуждения того, что действующий уголовно-процессуальный закон в принципе «не обсуждает» моменты, связанные с потенциальным изменением юридической квалификации содеянного на момент заявления исследуемого ходатайства подозреваемого «о сокращенном порядке» и на момент завершения расследования. Указанное «согласие», видимо презюмируется. Между тем, насколько указанная «презумпция» органов предварительного расследования обоснована, нередко, выясняется уже при рассмотрении дела в суде.

Не разрешен российской уголовно-процессуальной доктриной и практикой также вопрос о необходимости реализации акта привлечения в каче-

---

¹ См. об этом: Семенцов В.А., Пестов А.Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 176 с.

стве обвиняемого (ст. 171–175 УПК РФ) в той ситуации, когда решением прокурора уголовное дело с обвинительным актом или обвинительным постановлением направляется для производства предварительного следствия. Поскольку и фактически, и юридически (пп. 2, 3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ) преследуемые лица уже не только находятся в статусе обвиняемых, но и обвинение им юридически предъявлено, коллизия («повторного» привлечения в качестве обвиняемого) приобретает весьма осязаемое практическое и, отчасти, решающее значение¹.

Можно с высокой степенью достоверности сделать вывод о том, что суммарная суть указанных производств, по сути, нивелирована системой несбалансированных, как правило, ведомственно «окрашенных» новаций, «бюрократизирована» по максимуму, утратив изначальное свое назначение. Как следствие, можно понять и призывы отдельных авторов к отказу от данной формы расследования, к переходу исключительно на режим предварительного следствия, как формы максимально оптимальной, эффективной, законодательно выверенной. Увы, но, как суммируют доктрина и практика, и при данной форме расследования проблем и коллизий не меньше, свидетельством этому перманентно оживляющиеся дискуссии об очередной реформе следственного аппарата России, введении фигуры «судебного следователя» или «следственного судьи», практической «оптимизации» процесса и средств доказывания, изыскании законодателем более упрощенных познавательных форм.

Система аналогичных коллизий объективирована и применительно к судебным стадиям и производствам уголовного судопроизводства России. Ранее, в частности, мы обращались к коллизиям в реализации предварительных слушаний, сущность и назначение которых – в разрешении вопроса о ле-

---

¹ См. подробнее: Сидоренко М.В. О правовой определенности статуса лиц, в отношении которых фактически реализуется уголовное преследование // Российский следователь. 2016. № 5. С. 23-25.

гитимности доказательств, представленных в процесс той или иной стороной.

Еще более серьезной коллизией практики явил себя институт возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), который в своей изначальной сути отрицал любые аналоги к институту возвращения дел на дополнительное расследование. Однако со временем, в том числе посредством актов конституционного правосудия, усилий Пленума Верховного Суда РФ и законодателя, он был не только «преобразован» в явный аналог данного института, но и аккумулировал его наиболее негативную инквизиционную сущность. При этом если одни из исследователей принципиально указывают на изначальную несогласованность «коррелирующих» актов конституционного правосудия и внесенных на их основе нормативных новаций в УПК РФ состязательному строю процесса и роли суда в нем¹, то другие не менее «истово» отстаивают «независимую» роль и публичное назначение суда в процессе отправления правосудия².

Не меньше коллизий являет процессуальная форма рассмотрения дел по первой инстанции, где, прежде всего, являет себя кардинальное различие взглядов доктрины и правоприменительной практики в вопросах:

- о пределах «активной» роли суда при (изначально) декларированном состязательном строе процесса³, особенно, в принципиальных вопросах доказывания и поиска «объективной истины» – как цели процесса¹;

---

¹ См.: Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98-103; Ковтун Н.Н. Суды fema // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 20-27; Никонов М.А. Переквалификация in devaforem // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 42-49; и др.

² См.: Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 37-40; Рябинина Т.К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Российской следователь. 2013. № 24. С. 6-10; Зайцева Е.А. Постановления Конституционного Суда РФ по жалобе Б.Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 5. С. 39-43.

³ См.: Зайцев О.А., Пастухов П.С. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное право. 2014. № 6. С. 84-88; Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция.

- оправданных отступлений от правил устности и непосредственности при оглашении в ходе судебного заседания показаний тех или иных лиц, полученных на предварительном расследовании (ст.ст. 276, 281 УПК РФ)²;

- произвольного рассмотрения / отклонения судом ходатайств сторон, направленных к восполнению доказательственного материала и обоснованию своих притязаний;³

- внесению замечаний на протокол судебного разбирательства и реального обеспечения права сторон на доказательственное значение аудио- и видеозаписи судебного разбирательства;⁴ и т. п.

Весомую «лепту» в общее понимание и поддержание состояния правовой определенности в уголовном судопроизводстве России вносят и индивидуальные правоприменительные акты, принимаемые судами по итогам отправления правосудия. Можно привести для примера судебные «модификации» норм ч. 7 ст. 246 УПК РФ. В случае полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения в суде первой инстанции и изложения мотивировки такого отказа, суд императивно обязан прекратить производство по делу. Основания указанного не только в нормах ч. 7 ст. 246 УПК РФ, но и в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, так как «суд, осуществляющий су-

---

2003. № 11. С. 32; Балакшин В. Состязательность или оптико-акустический обман? // Законность. 2001. № 12. С. 13-15; и др.

¹ См., напр.: Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 10-17; Александров А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 66-73.

² См., напр.: Брусницын Л.В. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших по согласию и без согласия сторон: Позиции ЕСПЧ и российского законодателя в УПК РФ // Государство и право. 2013. № 7. С. 27-35; Хырхырьян М.А., Плотников И.В. Некоторые особенности оглашения показаний в суде // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 58; и др.

³ См., напр.: Калинин Л.Д. Повторные ходатайства об исключении доказательств в российском уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 5. С. 66-74; Пашин С.А. Без состязательной экспертизы в уголовном процессе не будет настоящей состязательности // Уголовный процесс. 2012. № 12. С. 34-37; и др.

⁴ См., напр.: Куприянов А.А. Ждем видеозапись заседания // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 8; Несоответствие текста протокола судебного заседания аудиозаписи, выполненной стороной защиты, не поставило под сомнение его достоверность // Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 14-АПУ15-3СП. Цит. по: Дайджест практики Верховного Суда РФ по уголовным делам // Уголовный процесс. 2015. № 10. С. 14.

дебную власть посредством... уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия»¹. В свою очередь, в соответствии с п. 6 ст. 5, ч. 3 ст. 37 УПК РФ функция поддержания обвинения в суде является исключительной компетенцией прокуратуры. Предложения российской доктрины о целесообразности наделения потерпевшего (в указанной ситуации) функцией «субсидиарного» обвинения², как известно, не нашли понимания ни у законодателя, ни у высшего органа конституционного правосудия³, однозначно констатировавших вывод о том, что указанная функция является деятельностью сугубо публичной, осуществляемой *ex officio* в общественном интересе.

Соответственно, при столь очевидной однозначности правовых предписаний алгоритм действий и решений суда для указанной ситуации предопределен изначально: суд не вправе продолжить производство по делу, а императивно обязан к его завершению⁴.

Именно указанные решения были приняты судами первой инстанции в ситуациях, описываемых Т. Ермаковой⁵. При ясной сути исходных предписаний закона и аналогичном их понимании в актах конституционного право-

---

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений чч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, чч. 1 и 2 ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска» // Российская газета. 2005. 8 июля.

² См., напр.: Лапатников М.В. Перспективы субсидиарного обвинения в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 37-41; Кириллова Н.А. Правовые последствия отказа от обвинения // Российская юстиция. 2006. № 7. С. 54-55; и др.

³ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1711-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баска Юрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., к примеру: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 14-о06-18 // Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>.

⁵ Ермакова Т. Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? // Уголовное право. 2015. № 6. С. 90-96.

судия, по идее, не возникало сомнений в критериях законности и обоснованности указанных актов суда. Тем не менее, при проверке в вышестоящей инстанции указанная однозначность правовых предписаний не стала препятствием к опровержению постановленных актов суда первой инстанции.

В первом случае, отменяя 12 ноября 2014 г. решение суда первой инстанции, судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда указала, что отказ государственного обвинителя от обвинения следует расценивать формально, так как этот отказ является немотивированным и соответственно нарушающим права потерпевшего на справедливое правосудие. В силу каких причин мотивы государственного обвинителя, высказавшего суждение о неподтверждении отстаиваемого обвинения исследованными материалами дела, следует оценивать формально и как полное отсутствие мотивации, вышестоящий суд, к сожалению, не поясняет¹.

В аналогичном случае судебная коллегия Воронежского областного суда, отменяя 28 февраля 2013 г. решение суда первой инстанции, сослалась на то, что отказ от государственного обвинения может иметь место только по завершении исследования всех доказательств сторон и заслушивании их итоговых прений². Поскольку в силу «несвоевременного» отказа прокурора от обвинения потерпевшие были лишены возможности к изложению своих мнений, принятое процессуальное решение, в итоге, нельзя считать законным и обоснованным³.

Еще ранее судебная коллегия Томского областного суда 19 ноября 2012 г.⁴, при установлении факта отказа государственного обвинителя от обвинения ввиду отсутствия достаточной совокупности доказательств по делу, от-

---

¹ Апелляционное определение Самарского областного суда от 12 ноября 2014 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

² Апелляционное определение Воронежского областного суда от 28 февраля 2013 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>.

³ Между тем, напомним, и по сути закона, и по сути итоговых выводов высшего органа конституционного правосудия позиции потерпевших в принципе не являются значимыми для определения итоговых действий и решений суда по правилам ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

⁴ Кассационное определение Томского областного суда от 19 ноября 2012 г. Текст определения размещен в ГАС «Правосудие» // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>.

менила аналогичное решение суда первой инстанции. Мотивация этого акта заключалась в том, что государственный обвинитель не дал всесторонней оценки каждому из доказательств, в силу чего мотивировка отказа является неполной и нарушающей права потерпевшей.

По идее понятна столь неожиданная «забота» вышестоящих инстанций к обеспечению интересов и прав указанных потерпевших; возможно, отчасти, она и социально оправдана. Однако, ни один из рассмотренных актов судов вышестоящей инстанции не имеет надлежащей основы ни в законе, ни в актах конституционного правосудия.

Стоит напомнить, что в последних – в принципе отрицается правовое значение воли потерпевшего в вопросе отстаивания обвинения перед судом. Не отражают указанные примеры и общих закономерностей практики. Специалистам не менее известны примеры, когда обращения потерпевших в полностью тождественных ситуациях не находили ни малейшего «отклика» в судах вышестоящих инстанций или в Конституционном Суде РФ. В итоге, посредством столь избирательного (обусловленного внеправовыми факторами) правосудия правовая определенность несколько не прибавляет в своем состоянии, а судьи все более «утверждаются» в установках о праве манкировать волей закона.

Известные «эксперименты» с участием присяжных заседателей в отправлении правосудия также, весьма ожидаемо, с одной стороны, закончились максимальным сокращением подсудности дел, могущих быть предметом рассмотрения в данном суде; с другой – явно лоббируемыми «новациями», по сути которых этот порядок отправления правосудия уже распространен на суды районного, городского звена. Правда, в несколько ином составе «присяжных», полномочия которых несколько сложно понять: это «расширенная коллегия шеффов», голосующих совместно с председательствующим по делу по основным вопросам уголовного дела, или сугубо российская модификация известного «бренда», обусловленная известными факторами внеправового порядка.

Стремительно нарастающие «показатели» рассмотрения дел в особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ), столь одобрительно воспринятые и «претворенные в жизнь» практикующим судебским сообществом¹, со временем объективировались в достаточно острую дискуссию о реальном предмете и «правилах» проверки указанных дел в апелляционной инстанции или непосредственно в Европейском Суде². Как следствие, практические результаты данной дискуссии (конечно при отсутствии «должной» реакции со стороны высших судебных инстанций страны) могут значительно, изменить как указанные «удобные» показатели, так и субъективное стремление судей к реализации именно такого порядка отправления «правосудия».

Не менее известны и обсуждаемы правовые коллизии, суть которых в различном понимании доктриной и практикой правомерности «преюдициального» использования приговоров, постановленных в отношении лиц, сотрудничающих с прокурором (гл. 40.1 УПК РФ), и в дальнейшем используемых как безусловное и преюдициальное доказательство обвинения иных соучастников, «сотрудничать» не пожелавших³. При этом особо настораживает тот факт, что, несмотря на неоднократные предупреждения Президиума Верховного Суда РФ о недопустимости обращения к подобным «преюдициальным» средствам доказывания по делам о групповых преступлениях, практика все также считает возможным ставить к «исследованию» и к обоснованию

---

¹ В последние годы количественные показатели дел, рассмотренных в «упрощенном» особом порядке (гл. 40 УПК РФ), в среднем по России составили от 70 до 75%, чему в немалой степени способствовала и, в целом понятная, активность судей к реализации именно такого порядка реализации судебного разбирательства (*sapienti sat*).

² См.: Качалова О.В. Пересмотр приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, в суде апелляционной инстанции // *Российский судья*. 2015. № 12. С. 32-36; Трубникова Т.В. Особый порядок принятия судебного решения: возможна ли успешная жалоба в ЕСПЧ? // *Уголовный процесс*. 2016. № 2. С. 33-41; Ковтун Н.Н. Апелляция год спустя: реалии и прогнозы // *Уголовный процесс*. 2014. № 2. С. 45; 2014. № 3. С. 60-67.

³ См., напр.: Курченко В.Н. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // *Уголовный процесс*. 2012. № 3. С. 10-19; Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // *Российский судья*. 2013. № 2. С. 42; Степаненко Д.А., Днепровская М.А., Шумилина Н.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые вопросы практики применения // *Российская юстиция*. 2013. № 8. С. 24-25.

приговора суть предрешающих фактических и юридических выводов указанных актов.

Кардинальное реформирование апелляции, столь широко анонсированное Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, сначала стало предметом весьма острых коллизий и споров относительно истинного назначения данной формы проверки – как нового рассмотрения дела более опытным и компетентным судом¹ или всего лишь формы «документальной» проверки доводов и притязаний сторон², впоследствии, по сути, – однозначной констатацией вывода о нарастающих закономерностях в реализации данной формы проверки по наработанному образцу «советской» кассации³.

Состоянием той же перманентной коллизии характеризуются результаты кардинальной реформы кассационного и надзорного порядка проверки судебных решений в уголовном судопроизводстве России (Закон № 433-ФЗ)⁴.

При изначально состязательной сути реализованных реформ⁵, они все более «корректируются» разъяснительными толкованиями Пленума Верховного Суда РФ⁶, новациями закона⁷, прецедентами высших судебных инстан-

¹ См., напр.: Ляхов Ю.А. Введение апелляции в уголовном судопроизводстве России – усиление гарантий правосудия // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 23-25; Шалумов М.С. Апелляция в уголовном процессе: спорные вопросы и развитие // Уголовный процесс. 2013. № 10. С. 58-67.

² См., напр.: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2015. Ч. I. 552 с.

³ См.: Ковтун Н.Н. Апелляция год спустя: реалии и прогнозы // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 38-45; 2014. № 3. С. 60-67; Янин М.Г. Кассационный уклон «новой» апелляции // Уголовный процесс. 2014. № 6. С. 20-27; Паничева А. Является ли пересмотр уголовных дел во 2-й инстанции апелляционным? // Уголовное право. 2015. № 4. С. 100-104.

⁴ См.: Сидоренко М.В. Коллизии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов // Общество и право: научно-практический журнал. 2017. № 2. С.166-170.

⁵ См.: Алексеева Т. Пределы принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам // Уголовное право. 2015. № 2. С. 99-107.

⁶ См., напр.: Ковтун Н.Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 26-30; Дикарев И. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам производства в суде кассационной инстанции // Уголовное право. 2014. № 2. С. 107-111; и др.

⁷ См., напр.: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и призна-

ций России¹, суждениями российской уголовно-процессуальной доктрины². В итоге, практически нивелированы, как ценность фундаментального правила *res judicata* применительно к окончательным актам суда, так и сами результаты реформы.

Пожалуй, надо остановиться в примерах, определяясь в итоговых выводах и закономерностях, реально характеризующих статику и динамику российского уголовно-процессуального права в современных условиях.

Как представляется, реализованный анализ позволяет констатировать вывод о том, что система российского уголовно-процессуального права, по факту, находится в состоянии глубокого кризиса. При этом характеристики этого кризиса, прежде всего, объективированы через потребность в стабильности текущего нормативного регулирования, которое не обеспечивает ни ясности и точности исходных правовых предписаний, ни нормативной согласованности в целом системы российского уголовно-процессуального права, коллизионного и в формах своего выражения, и в иерархии однородных правовых предписаний. Соответственно, бесполезны и голословны нарастающие требования российской доктрины к принятию нового уголовно-процессуального кодекса, призванного, как анонсируется, к установлению искомой стабильности и оптимальности в правовом регулировании³. Определенность и согласованность необходимы именно в общей системе источников исследуемой отрасли права, а не в отдельных актах нормативного его выражения. Отсюда насущна потребность в объективном анализе всех форм выражения российского уголовно-процессуального права, и лишь затем воз-

---

нии утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 12 января.

¹ См. подробнее о сути указанных прецедентов: Ковтун Н.Н. *Res judicata* реформированной российской кассации // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 121-130.

² См., напр.: Фомин М.А. Пределы обжалования приговора в суде кассационной инстанции // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 64-79.

³ См., напр.: Смирнов А.В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс? // Уголовный процесс. 2014. № 9. С. 74-86.

можны констатации и принятие мер по формированию определенности статистики данной отрасли права.

Не менее явно состояние кризиса в динамике российского уголовно-процессуального права. Последний все более проявляет себя в коллизионных правовых отношениях и индивидуальных актах применения права, в неудовлетворенности основных субъектов правовых отношений как законодательно установленным статусом, так и актами реализации этого статуса в уголовном судопроизводстве России. Степени и акты указанной неудовлетворенности, безусловно, различны, в том числе применительно к отдельным институтам и стадиям уголовного судопроизводства России. Однако есть и достаточно объективные «маркеры», характеризующие, к примеру:

- динамику статистических данных, отражающих количество возбужденных уголовных дел; их же количество, реально оконченных расследованием; количество дел, рассмотренных по существу с вынесением итоговых актов отправления правосудия;

- динамику апелляционного обжалования и рассмотрения дел, где заявителями поставлены под сомнение итоговые выводы и констатации суда первой инстанции по основному вопросу уголовного дела;

- определенность окончательных актов суда и, соответственно, правовых состояний окончательно ими установленных. Суть этих маркеров аккумулирована в правилах *res judicata*, что также предмет для анализа, обобщений, предложений и выводов¹.

При анализе следствий указанного кризиса тревожит и то, что к изъянам собственно правовых предписаний весомо «плюсуются» такие субъективные факторы, как правосознание и нигилистические установки властных субъектов применения права. Последние особо опасны в тех ситуациях, когда ясная воля закона или его легальная в целом дискреция субъективно «преобразуются» в такую правовую реальность, которая не соответствует ни

---

¹ Сидоренко М.В. Правовая определенность статистики и динамики российского уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2016. № 5. С. 323-329.

букве и духу закона, ни потребностям заинтересованных лиц в праве, как регуляторе. Когда акты применения права служат лишь средством «ведомственного» представления о сущем и должном в данной отрасли общественных отношений, реальное состояние государства и общества не может характеризоваться как состояние правовое, определенное, содержанию, правовым состоянием. В этом контексте исследование причин указанных установок судей и иных властных субъектов применения права и их «генезиса» применительно к современному состоянию права есть также необходимое условие обеспечения правовой определенности в сфере российского уголовно-процессуального права.

Глава II.

Правовая определенность источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права

§ 2.1. Понятие, система и иерархия источников российского уголовно-процессуального права

На первый взгляд, задача методологически точного определения системы источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права не представляет особой проблемы ни для уголовно-процессуальной доктрины, ни в плане практического правоприменения, ни в сугубо методическом плане¹. Практически каждый исследователь, как данность, считает необходимым указать, что в соответствии с пунктом «о» ст. 71 Конституции РФ уголовное судопроизводство отнесено к ведению федерального законодателя; соответственно, эта отрасль государственной деятельности регулируется исключительно федеральными законами, приоритет среди которых, естественно, отдан уголовно-процессуальному кодексу как нормативному акту кодифицированного характера. Затем не менее обязательно следует оговорка о том, что главенствующее значение в системе источников российского уголовно-процессуального права занимает Конституция РФ с традиционными акцентами на тех ее положениях, которые говорят о высшей юридической

---

¹ Здесь и далее понятие «источник права» понимается и исследуется исключительно в его формально-юридическом смысле. См. подробнее: Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 2004. С. 149; Мицкевич А.В. Общая теория государства и права: академический курс. В 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 2. С. 264.

силе норм этого акта, их прямом и непосредственном действии (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ).

Далее единство подходов и мнений, как правило, заканчивается. причем в плане как определения возможных источников данной отрасли права, так и выстраивания точной их иерархии в текущем правовом регулировании¹. Между тем, стабильность в правовом регулировании и правовая определенность в целом, как желаемый результат указанного регулирования, предполагают порядок, при котором изначально и методически точно определены, как легитимные средства исследуемого регулирования, так и их иерархия, позволяющие однозначно решать вопросы практической коллизии или явной конкуренции норм.

Учитывая значение указанных факторов для обеспечения состояния правовой определенности, доктрина, казалось бы, давно должна была определиться в этих вопросах, однозначно установив перечень и иерархию источников права, предложив алгоритмы разрешения темпоральной, пространственной или содержательной коллизии норм, которая нередко являет себя в процессе функционирования уголовного судопроизводства России. Однако на деле доктрина лишь намечает подходы в этих моментах, являя все многообразие возможных суждений и мнений применительно к каждому из поставленных на обсуждение вопросов. Объективным свидетельством тому служат учебные издания, призванные дать обучаемым первое и ясное представление о системе российского права, иерархии его источников, механизме регулирующего воздействия на общественные отношения, сути и назначении норм.

Обратимся к хрестоматийному изданию, которое давно и по праву признано в качестве методического императива для начинающих аспирантов,

---

¹ Методологически точное определение иерархии источников (форм выражения) права изначально требует известная правовая константа: «иерархически вышестоящая правовая норма отменяет действие нижестоящей» (*lex superior derogat legi inferior*).

молодых преподавателей. Имеется в виду «Очерк развития науки советского уголовного процесса» (1985 г.)¹.

Никак не в упрек авторам данной, действительно, фундаментальной работы, отметим, что в разделе, посвященном проблемам российского (вернее, «советского») уголовно-процессуального права, нет обращения ни к проблеме источников данной отрасли права, ни к их иерархии, ни к возможным коллизиям в практической сфере их применения. Можно было бы, конечно, признать, что за период развития национального уголовно-процессуального права, охваченный данным изданием, указанные проблемы в принципе не объективировали себя, что, отчасти, исключало потребность в их обсуждении. Однако к моменту принятия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (УПК РФ) они же, как представляется, более чем явно обозначили себя, как в области российской уголовно-процессуальной доктрины, так и в сфере практического применения права. Соответственно уже к началу 2000-х годов российской доктриной закономерно и достаточно веско была озвучена потребность разработки и принятия единого закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», призванного, в том числе, к комплексному решению указанных дискуссионных вопросов².

Увы, но при полном отсутствии онога на дату исследования, есть просто вынужденная необходимость обратиться к анализу в ведущих учебниках дисциплины «Уголовно-процессуальное право», в том числе рекомендованных в качестве эталона для системы юридических вузов Министерством образования и науки Российской Федерации. При этом в качестве цели субъективно была объективирована потребность в уяснении реального видения исследуемой проблемы наиболее квалифицированной частью юридического

---

¹ Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 1985. 252 с.

² См. подробнее, напр.: Лукьянова Е.А. Закон о законах // Законодательство. 1999. № 11. С. 34-35.

сообщества Российской Федерации¹. В той же мере интерес к осмыслению векторов разрешения озвученных выше проблем ведущими юристами России, для начала хотя бы в методическом плане. Обращение, как представляется, оказалось весьма познавательным.

В учебнике «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» под общей редакцией профессора П.А. Лупинской² система источников российского уголовно-процессуального права представлена следующим образом³. Характеризуя законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства России, П.А. Лупинская исследует Конституцию РФ. Затем обращается к анализу УПК РФ (2001 г.), особо акцентируя, что «законы РФ, устанавливающие правила производства по уголовным делам и принятые после принятия УПК РФ, должны включаться в УПК путем изменения, дополнения его норм или в виде самостоятельных глав, разделов УПК»⁴.

Тем самым, автор, на наш взгляд, определяется в правилах разрешения темпоральной или содержательной коллизии норм УПК РФ и иных федеральных законов, отстаивая, в итоге, безусловный приоритет в правовом регулировании единого и кодифицированного уголовно-процессуального закона (УПК РФ).

На той же странице П.А. Лупинской отмечается, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; акцентируется и приоритет норм международного договора перед нормами УПК РФ. Какие именно категории следует понимать под общепризнанными прин-

---

¹ Мы, как исходный методический факт, резюмируем вывод о том, что авторами отраслевого учебника (в т. ч. для системы юридических вузов) *a priori* должны выступать наиболее подготовленные, как в теоретическом, так и в методическом плане исследователи, ясно понимающие для каких целей, и какой именно целевой аудитории адресованы, подготовленные ими издания.

² В качестве исходной даты анализа конвенционально избран период с момента принятия нового УПК РФ (2001 г.) и по настоящее время (2016 г.)

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юрист, 2003 (автор главы – П.А. Лупинская).

⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. С. 35.

ципами или нормами международного правового характера, как реальными источниками российского уголовно-процессуального права, автор, отметим, не поясняет. Не указывается также, какое именно место указанные акты и нормы занимают в иерархии источников исследуемой отрасли права. Между тем, признание общепризнанных норм и принципов международного права составной частью системы российского законодательства в принципе не разрешает проблему их соотношения с нормативными предписаниями Конституции РФ; что в настоящее время объективировалось в достаточно серьезную коллизию, как статичности, так и динамики права.

Трудно переоценить, – продолжает указанный автор, – и роль Конституционного Суда РФ в приведении уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Конституцией РФ. При этом, однако, правовая сущность и роль указанных актов в работе не анализируются; не указывается и иерархическое «место» указанных актов в действующей системе российского уголовно-процессуального права. Отсутствует также исходная ясность в вопросе о том, в качестве источника права следует воспринимать только акты в форме постановлений или и определения данного органа? Нет также указаний на оптимальный способ разрешения возможных коллизий между предписаниями собственно норм УПК РФ и актов конституционного правосудия.

В заключение главы П.А. Лупинская указывала на важное значение для законотворческой и правоприменительной деятельности постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, возникающим в судебной практике¹. Следует ли указанные разъяснения считать также источником исследуемой отрасли права, и каким именно в иерархии форм выражения права – автор, отметим, не поясняет. В итоге, применительно к данной системе более или менее понятна роль лишь Конституции РФ, международных договоров,

---

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. С. 36. См. также: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3 изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 41–50.

непосредственно УПК РФ, а также отчасти, иных федеральных законов, содержащих процессуальные нормы.

Несколько более строго система источников исследуемой отрасли права изложена в учебнике под научной редакцией профессора В.Т. Томина¹. Система источников авторами конвенционально дифференцирована на три относительно самостоятельные подгруппы: (1) общепризнанные принципы и нормы международного права; (2) законы Российской Федерации; (3) подзаконные нормативные акты. Раскрывается и содержание каждой подгруппы.

Применительно к первой подгруппе автор главы (Н.Н. Ковтун), апеллируя, в том числе, к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8² и от 10 октября 2003 г. № 5³, определяется в сути и перечне актов, в нормах которых закреплены общепризнанные принципы и нормы международного права. Называя среди последних Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), исследователь акцентирует, что эти акты приняты Генеральной Ассамблеей ООН, ратифицированы или одобрены подавляющим числом государств-членов мирового сообщества, отсюда, их общепризнанный и руководящий характер.

Вторая группа источников (законы РФ) иерархически выстроена системой следующих актов: Конституция РФ, федеральные конституционные законы; международные договоры межгосударственного характера, федеральные законы (УПК РФ, как основополагающий и кодифицированный нормативный акт и иные федеральные законы, содержащие нормы уголовно-

---

¹ Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Тomin. М.: Юрайт-Издат, 2003. 821 с. (автор главы – Н.Н. Ковтун).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

процессуального характера); постановления Конституционного Суда РФ; законы субъектов РФ¹.

Третья подгруппа включает в себя нормативные указы Президента Российской Федерации (по вопросам уголовно-процессуального права), постановления Правительства Российской Федерации, постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (об амнистии).

Анализируя полномочия Пленума Верховного Суда РФ по даче разъяснений по наиболее сложным и коллизионным вопросам судебной практики, Н.Н. Ковтун признает, что по факту и эти акты следует считать косвенными источниками современного уголовно-процессуального права России. И, напротив, он же категорически отрицает нормативное значение для уголовного судопроизводства России ведомственных нормативных актов (МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Министерства юстиции РФ), принятых по отдельным вопросам уголовного судопроизводства России².

В курсе лекций «Уголовный процесс: Общая часть» под редакцией Л.В. Яковлевой и И.Р. Харченко³ система российского уголовно-процессуального права в качестве отдельных форм выражения права не дифференцирована, и содержательно характеризуется следующим образом.

Авторы курса отмечают, что именно уголовно-процессуальный закон является основным источником российского уголовно-процессуального права. Еще через несколько страниц они же характеризуют Конституцию РФ, одновременно констатируя, что именно «она является нормативным актом

---

¹ Обращаясь к анализу норм ст. 4, 13, 27, 28 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», Н.Н. Ковтун делает вывод о том, что по отдельным вопросам уголовного судопроизводства возможно принятие и законов субъектов Российской Федерации. В качестве примера в работе приведены законы, регламентирующие деятельность мировых судей в том или ином субъекте Российской Федерации.

² Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. С. 67, 68.

³ Яковлева Л.В., Харченко И.Р. Уголовный процесс. Общая часть: курс лекций. Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2006. 304 с.

всех отраслей права и при этом находится во главе источников права каждой отрасли, а УПК является нормативным центром (ядром) в системе законов – источников уголовно-процессуального права. Другие законы как бы окружают его с разных сторон и уровней зависимости от юридической силы и степени регулирования ими уголовно-процессуальных отношений»¹.

Поскольку далее не приводятся ни структура данной системы, ни «орбиты», на которых определено «место» иным федеральным законам, остается только гадать:

во-первых, о том, где «находится» Конституция РФ – непосредственно над данной национальной системой, рядом с «ядром» или на известном удалении от последнего;

во-вторых, есть ли место на тех же «орбитах» для общепризнанных принципов и норм международного права, актов конституционного правосудия, международных договоров?

Стоит подчеркнуть для общего понимания, что весьма сомнительным видится и исходный тезис о том, что именно УПК РФ является ядром данной сложной «орбитальной» системы, изначально предопределяя орбиты для иных форм выражения исследуемой отрасли права.

Куда как более выдержанными и содержательными видятся позиции авторов учебника «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» под общей редакцией профессора Ю.К. Якимовича², которые пишут о том, что «нормы УПК РФ не содержат перечня источников уголовно-процессуального права и не устанавливают их четкой иерархии. Поэтому их необходимо анализировать с учетом положений Конституции РФ, а также постановлений и определений Конституционного Суда РФ»³.

---

¹ Яковлева Л.В., Харченко И.Р. Указ. раб. С. 37.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007 (авторы главы – Ю.К. Якимович, Т.В. Трубникова).

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. С. 32-33.

В соответствии с данным исходным посылом иерархия источников исследуемой отрасли права определена авторами следующим образом: (1) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры; (2) Конституция РФ; (3) федеральные конституционные законы; (4) законы РФ (УПК РФ и иные федеральные законы России)¹.

Категорически отрицается авторами отнесение к источникам российского уголовно-процессуального права законов субъектов Российской Федерации. Не столь последовательны их позиции относительно подзаконных нормативных актов. С одной стороны, на странице 39 учебника Ю.К. Якимович и Т.В. Трубникова утверждают, что «по общему правилу нормы уголовно-процессуального права не могут содержаться ни в указах Президента РФ, ни в постановлениях Правительства РФ, ни тем более в ведомственных нормативных актах Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ и др. спецслужб». С другой стороны, буквально в следующем абзаце, суммируя систему и иерархию источников российского уголовно-процессуального права, они же включают в эту систему «подзаконные нормативные акты, если необходимость их принятия прямо предусмотрена УПК РФ»².

Указанная необходимость, напомним, прямо и предусмотрена. К примеру, в нормах ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 106, ч. 10 ст. 107 и др. УПК РФ.

Остановимся на содержательной характеристике источников каждой подгруппы в интерпретации указанных авторов. Применительно к первой подгруппе Ю.К. Якимович и Т.В. Трубникова отмечают, что «не вполне ясно, что входит в систему общепризнанных принципов и норм международного права». Соответственно, как представляется данным исследователям, в каждом конкретном случае решить вопрос о том, является ли определенный принцип или определенная норма международного права «общепризнанными» или нет, может лишь Конституционный Суд РФ³.

---

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. С. 33-37.

² Указ. соч. С. 39.

³ Указ соч. С. 33.

Суждение, признаем, интересно, однако, возникают вопросы.

Во-первых, насколько указанное отнесено к ведению Конституционного Суда РФ? *Во-вторых*, с правовой и с морально-этической точки зрения несколько сомнителен исходный посыл, согласно которому перечень общепризнанных принципов и норм международного права в целом для мирового сообщества должен определять именно российский орган конституционного правосудия, в том числе с возможными властными констатациями относительно перечня и сути последних. Насколько, с указанным перечнем и, сугубо российским, пониманием их общепризнанности согласятся Генеральная Ассамблея ООН и в целом страны мирового сообщества – отдельный вопрос, он не предмет для дискуссий в рамках данной работы. В итоге, следует ждать дальнейших «новаций» в этом вопросе.

Не совсем правомерно, как представляется, и приведение в едином синонимическом ряду общепризнанных международных договоров – источников российского уголовно-процессуального права – таких актов как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.). Первые два, нельзя не согласиться, содержат ряд общепризнанных норм международного права и аналогичных, по сути, норм. Последний – также международный договор, но нормативный акт регионального характера, в принципе не обязательный для иных государств-членов мирового сообщества¹. Соответственно, у указанных актов, как представляется, разные «место» и роль в иерархии отраслевых источников права.

С методических позиций оставлен без ответа также вопрос о конкуренции в уголовно-процессуальном правовом регулировании норм Европейской конвенции (1950 г.) и непосредственно Конституции Российской Федерации. Суждение авторов, согласно которому «в случае противоречия норм, содер-

---

¹ См. подробнее, напр.: Ковтун Н.Н., Симагин А.С. Европейская конвенция и акты Европейского Суда по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод личности при осуществлении уголовного судопроизводства России: учеб. пособие. Н. Новгород, 2007. 126 с.

жащихся в Конвенции, нормам, установленным во внутреннем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, применению подлежат нормы Конвенции»¹, как минимум, не отвечает на два принципиальных вопроса:

- *во-первых*, включает ли **внутреннее** законодательство Российской Федерации процессуальные нормы непосредственно конституции? Или нормы данного акта не могут быть отнесены к указанной внутренней группе источников уголовно-процессуального права России;

- *во-вторых*, кто именно (какой орган?) должен констатировать факт, что внутреннее законодательство Российской Федерации и нормы Европейской конвенции оказались в состоянии недопустимой коллизии? Между тем, правовая определенность в этих практически ориентированных моментах, как представляется, нужна изначально².

На тех же исходных позициях Ю.К. Якимович остается и в более поздней работе, датированной 2015 г.³ Правда, надо отметить некоторую неопределенность исследователя в вопросе о юридической природе актов конституционного правосудия. С одной стороны, Ю.К. Якимович однозначен в вопросе о том, что в современных процессуальных условиях Конституционный Суд РФ подменяет законодателя, фактически внося изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Последнее, по мнению данного исследователя, недопустимо и прямо запрещено Конституцией РФ⁴. С другой стороны, он же отмечает, что юридически ни акты Конституционного Суда РФ, ни постановления Пленума Верховного Суда РФ не должны служить источниками уголовно-процессуального права России, но фактиче-

---

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. С. 35.

² Напомним, в анализируемой системе международные договоры конвенциально определены в группу общепризнанных принципов и норм международного права; при этом указанная группа (в ее авторской интерпретации и иерархии) занимает приоритетное место перед нормами непосредственно Конституции Российской Федерации.

³ Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Том. ун-т, 2015. 168 с.

⁴ Якимович Ю.К. Указ. соч. С. 13, 22.

ски они таковыми являются¹. При явной объективации этого факта автором, правда, без ответа оставлен вопрос: какое именно место в иерархии источников и в практической конкуренции норм следует закрепить за последними актами?

Неоднозначны также позиции исследователя в вопросе о конкуренции в правовом регулировании норм УПК РФ и норм иных федеральных законов. Если в более ранней работе Ю.К. Якимович предлагал принять во внимание такие известные факторы, как конкуренция предыдущего и последующего законов, приоритет специального предмета правового регулирования перед общим, закрепление новым законом дополнительных процессуальных гарантий для личности², то в более поздней работе (2015 г.) – позиции принципиально отличны. В частности, Ю.К. Якимович однозначен в суждении, что «если при принятии последующего федерального закона законодатель счел необходимым внести в него нормы, противоречащие нормам УПК, данным же законом он должен внести и соответствующие изменения в УПК. Если же он этого не сделал, то это проблема законодателя, а не правоприменителя»³.

Однако не ясно, Ю.К. Якимович признает ранее отстаиваемые правила конкуренции норм УПК РФ и иных федеральных законов (контекст – Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г № 439-О), или указанной проблемы в уголовном судопроизводстве России в принципе нет.

В учебнике «Уголовный процесс» под общей редакцией профессора А.В. Смирнова⁴ авторы однозначны в исходном методическом тезисе: «в соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ единственными законами, которые могут

---

¹ Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 24.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. С. 37. Указанные тезисы, отметим, отстаиваются автором в контексте правовых позиций, сформулированной в определении Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О.

³ Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. С. 14.

⁴ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КноРус. 2008. (авторы главы – А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский).

быть источником уголовно-процессуального права, являются Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Конституция Российской Федерации, на которой Кодекс основан»¹. В то же время, в дальнейшем, при анализе позиций, высказанных Конституционным Судом РФ в определении от 8 ноября 2005 г. № 439-О², эти же авторы признают нормативное значение в правовом регулировании федеральных законов и иных нормативных правовых актов.

Далее авторы, одними из немногих, дают довольно скрупулезный анализ общепризнанных принципов и норм международно-правового характера – как источников российского уголовно-процессуального права. При этом, правда, к числу общепризнанных, наряду с действительно актами международного правового характера, отнесены и нормы Европейской конвенции (1950 г.) – акта регионального характера, роль которого в иерархии источников российского права, как представляется, в системе международных договоров³.

Анализируя соотношение норм международного и внутреннего уголовно-процессуального права России, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский признают несомненный приоритет первого перед вторым. Однако при этом уходят от ответа на тот же предельно принципиальный для практики вопрос: охватывается ли понятием внутреннего законодательства Конституция РФ? Или этот акт вне указанной конкуренции?

На стр. 41 работы авторы отмечают, что «постановления Конституционного Суда РФ должны считаться самостоятельным источником права, поскольку, по существу, создают судебные прецеденты, ...то есть обоснованные в судебных решениях новые правовые нормы, обязательные в дальнейшем для применения». Содержатся ли аналогичные нормы-прецеденты в

---

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 26.

² Эти же, по сути, правовые позиции получили развитие в определениях Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 54-О, от 15 мая 2007 г. № 371-О-П // СПС «Консультант Плюс».

³ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 32-33.

определениях высшего органа конституционного правосудия (с положительным содержанием) – авторы не поясняют. Между тем, с позиций практического правоприменения ответ на этот вопрос также необходим; тем более что непосредственно по тексту учебника исследователи приводят ряд определений Конституционного Суда РФ, формирующих в принципе новые нормы-гарантии для уголовного судопроизводства России¹.

Напротив, не признаются источниками российского уголовно-процессуального права прецеденты судов общей юрисдикции, в том числе, акты высшей судебной инстанции России. Судебное толкование Верховного Суда РФ, содержащееся в приговоре, определении, постановлении, по мнению указанных исследователей, является не нормативным, а казуальным, т. е. юридически обязательным только в отношении лиц, участвовавших в деле и в пределах решения суда. В том же контексте разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, оцениваются как официальное судебное толкование в интересах закона, которое для судей, в силу их независимости, имеет лишь моральное ориентирующее значение². Видимо, в силу указанного не обсуждаются и вопросы известной ответственности судей за игнорирование указанных разъяснений высшей судебной инстанции.

Достаточно интересно представлена система источников российского уголовно-процессуального права в учебнике «Уголовный процесс», подготовленном С.Б. Россинским³. По мнению ученого иерархия указанных источников включает в себя⁴: (1) Конституцию РФ; (2) Уголовно-процессуальный кодекс РФ; (3) федеральные законы, регламентирующие отдельные уголовно-процессуальные отношения; (4) федеральные законы, регламентирующие ор-

---

¹ Для сведения: именно К.Б. Калиновский на протяжении ряда лет практически в каждом номере федерального журнала «Уголовный процесс» приводит и анализирует акты Конституционного Суда РФ, формирующие новые уголовно-процессуальные нормы. Среди последних, естественно, и достаточно значимые для правовой определенности акты этого органа в форме определений.

² Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 43-43.

³ Россинский С.Б. Уголовный процесс: учеб. М.: ЭКСМО, 2009. 736 с.

⁴ Россинский С.Б. Указ. соч. С. 51-55.

ганизацию и деятельность судебной системы и правоохранительных органов¹; (5) постановления Правительства РФ; (6) внутриведомственные и межведомственные нормативные правовые акты органов, участвующих в уголовном судопроизводстве; (7) международные договоры Российской Федерации. Приведен в работе и содержательный анализ данных источников (форм выражения права).

Отдельным параграфом рассматривается роль в правовом регулировании постановлений Пленума Верховного Суда РФ, решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека. Как полагает указанный автор, постановления Пленума – типичная разновидность интерпретационного акта судебной власти, форма официального толкования права; соответственно, эти предписания не являются нормативными правовыми актами (формами выражения права). Не должны они порождать и новых уголовно-процессуальных норм. Однако буквально в следующей фразе С.Б. Россинский делает вывод о том, что в современных условиях как Пленум Верховного Суда РФ, так и Конституционный Суд РФ, по сути, подменяют собой законодателя. Поэтому суды, органы предварительного расследования и прокуратуры, безусловно, должны в своей практической деятельности учитывать позиции, как высшего органа конституционного правосудия, так и пленума². Аналогично резюмирован вывод «о необходимости изучения и последующего использования правоприменителями основных решений Европейского Суда по правам человека, вынесенных как в отношении Российской Федерации, так и других стран»³.

Стоит уточнить: за рамками приведенных тезисов остался вопрос о «месте» указанных актов в иерархии источников российского уголовно-

---

¹ Примечательно, что применительно к данной группе указаны, как собственно федеральные законы, так и ряд федеральных конституционных законов (напр.: ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г., ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» от 23 июня 1999 г.; и др.). Между тем, на наш взгляд, эти формы выражения права находятся на разных ступенях правовой иерархии.

² Россинский С.Б. Указ. соч. С. 59-65.

³ Россинский С.Б. Указ. соч. С. 68.

процессуального права, что, как уже отмечалось, необходимо для понимания правил их конкуренции в системе национального регулятивного воздействия. В принципе неясна и роль модального оператора «учитывать» в правовом регулировании. Как известно, «учитывать» можно и на уровне правосознания, никак не объективируя результат такого «учета» в правовой реальности, и на уровне практического обоснования властных актов применения права по итогам реализации отраслевых правовых отношений.

Есть вопросы и к самой иерархии. Прежде всего, необъяснимо отсутствие в приведенной системе «общеизвестных принципов и норм международного права» – источника российского уголовно-процессуального права. Не нашлось в иерархии «места» и для нормативных указов Президента РФ или актов Государственной Думы РФ. Кроме того, с учетом предписаний ч. 3 ст. 1 УПК РФ, несколько сомнительно для исследуемой иерархии «место», отведенное ратифицированным международным договорам Российской Федерации межгосударственного характера, которые, по букве закона, явно имеют приоритет перед системой внутреннего законодательства и, по идее, не должны располагаться на последней ступени средств регулятивной системы.

На эти вопросы «отвечает» система источников права, предложенная профессором А.Д. Прошляковым¹. В отстаиваемой им системе форм выражения российского уголовно-процессуального права их иерархия выстроена следующим образом: (1) Конституция РФ; (2) федеральные конституционные законы; (3) УПК РФ; (4) иные федеральные законы; (5) законы СССР²; (6) нормативные указы Президента РФ. Здесь же указывается, что подзакон-

---

¹ Уголовный процесс Российской Федерации: учеб. / отв. ред. проф. А.П. Кругликов. М.: Проспект, 2009 (автор главы – проф. А.Д. Прошляков). См. также: Уголовный процесс: учеб. / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 46–54.

² В качестве примера автор приводит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. № 4891-X «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей». См.: Уголовный процесс Российской Федерации: учеб. / отв. ред. проф. А.П. Кругликов. С. 25-27.

ные нормативные акты министерств и ведомств не являются источниками исследуемой отрасли права, но, несомненно, оказывают влияние на текущую уголовно-процессуальную деятельность.

В качестве иных источников российского уголовно-процессуального права автор признает общепризнанные принципы и нормы международного права, а также постановления и определения Конституционного Суда РФ. Правда, отдельного комментария относительно их места в правовом регулировании в работе не наблюдается; отсюда, сложно понять, как они конкурируют с теми источниками, которые автором объединены в иерархию.

Здесь же (среди иных источников) А.Д. Прошляков признает нормативное значение для уголовного судопроизводства актов Государственной Думы РФ об амнистии, акцентируя внимание, что это своеобразный и специфический источник¹. В чем именно их специфика и своеобразие в правовом регулировании – отдельно не поясняется. В силу чего остается только принять указанную информацию к сведению. В заключение, отметим, что постановления Пленума Верховного Суда РФ автором, напротив, не признаются в качестве легитимного источника российского уголовно-процессуального права, а рассматриваются как акты официального судебного толкования.

Более «скромно» система источников исследуемой отрасли права представлена в работе Н.С. Мановой: «Уголовный процесс: курс лекций»². Раскрывая систему действующего уголовно-процессуального законодательства, автор, не дифференцируя отдельно те или иные формы выражения права, выстраивает следующую их иерархию: Конституция РФ, УПК РФ, федеральные законы (здесь в едином синонимическом ряду приведены, как собственно федеральные законы, так и федеральные конституционные законы). Составной частью указанной системы, указывает Н.С. Манова, являются общепризнанные принципы и нормы международного права. При этом ни иерархии

---

¹ Уголовный процесс Российской Федерации: учеб. / отв. ред. проф. А.П. Кругликов. С. 28-29, 30.

² Манова Н.С. Уголовный процесс: курс лекций. М.: ЭКСМО, 2010. 400 с.

или содержательной характеристики оных, ни собственно разграничения – в исследуемой главе не имеется.

Для обеспечения единообразного и правильного применения указанных законов большое значение, продолжает указанный автор, имеют постановления Пленума Верховного Суда РФ. Последние, по мнению Н.С. Мановой, нельзя считать источниками российского уголовно-процессуального права, так как они не создают новых норм. Особое место в уголовно-процессуальном применении имеют решения Конституционного Суда РФ, однако и в таких решениях, резюмирует автор, не создаются новые процессуальные нормы¹. На этом собственно анализ форм выражения российского уголовно-процессуального права в работе заканчивается.

А теперь перейдем к позициям авторов учебника «Уголовно-процессуальное право» под общей редакцией профессора В.М. Лебедева². Первой в системе источников российского уголовно-процессуального права в исследуемом издании, естественно, названа Конституция РФ. Следующим источником, отмечает В.И. Кононенко, являются принципы и нормы международного права и международные договоры.

По поводу международных договоров – спорить не зачем: как по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, так и в соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ нормы международного договора должны иметь приоритет перед нормами внутреннего законодательства Российской Федерации. По поводу общепризнанных принципов международного права можно возразить. Есть серьезные сомнения в том, что в целом мировое сообщество обязано изначально согласовывать (объективно – общепризнанные) принципы своего функционирования с Конституцией Российской Федерации (в т. ч. в ее достаточно известной интерпретации высшим органом российского конституционного правосудия). Отсюда отстаиваемая, в исследуемом издании, «соподчиненность» указан-

---

¹ Манова Н.С. Уголовный процесс: курс лекций. С. 27-29.

² Уголовно-процессуальное право: учеб. / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2012. 1016 с. (автор главы – В.И. Кононенко).

ных принципов нормам национальной конституции, как минимум, вызывает вопросы.

Основным источником российского уголовно-процессуального права, далее, – в той же системе, – назван УПК РФ, характеризуемый как федеральный закон. Однозначен автор и в том, что к источникам исследуемой отрасли права следует отнести акты Президента РФ и Правительства РФ, касающиеся сферы уголовного судопроизводства.

Несколько нивелирована указанная однозначность при оценке актов национального конституционного правосудия, ибо применительно к последним В.И. Кононенко лишь отмечает, что «в системе источников важную роль играют постановления Конституционного Суда РФ». Определения высшего органа конституционного правосудия (в том числе, с «положительным» содержанием), видимо, указанной роли не играют. Во всяком случае к ним автор главы не обращается, суть их не поясняет¹.

Весьма важным источником российского уголовно-процессуального права названы разъяснения (постановления) Пленума Верховного Суда РФ, которые, как подчеркивается, для судов носят обязательный характер. Насколько они же обязательны для органов обвинительной или следственной власти, как субъектов уголовно-процессуальных отношений, в работе также не раскрывается.

Завершает систему, несколько неожиданный тезис В.И. Кононенко о том, что источниками российского уголовно-процессуального права являются постановления судов второго звена судебной системы РФ². Посредством этого тезиса мы имеем объективацию вывода, суть которого в признании источником российского уголовно-процессуального права судебного прецедента. Причем прецедента не высшей судебной инстанции государства, а суда субъекта Федерации. Учитывая, что исследуемое издание в большинстве

---

¹ Уголовно-процессуальное право: учеб. / Под общ. ред. В.М. Лебедева. С. 83-84.

² Указ соч. С. 85.

своем подготовлено сотрудниками Российского университета правосудия¹ и «освящено» общей редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, ценность и практическую значимость последнего тезиса для целей исследования трудно переоценить².

Определенным «открытием» для задач работы явились и позиции профессора А.В. Гриненко, изложенные в учебнике «Уголовный процесс»³. По юридической силе источники российского уголовно-процессуального права, пишет указанный автор, располагаются следующим образом: (1) международные договоры РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права; (2) Конституция РФ; (3) федеральные конституционные законы; (4) УПК РФ; (5) иные федеральные законы, касающиеся уголовного судопроизводства. Напротив, подзаконные нормативные акты (ведомственные и межведомственные), – по мнению этого автора, не применяются и не входят в механизм уголовно-процессуального регулирования анализируемой отрасли права. Равным образом, постановления пленума и постановления и определения судов общей юрисдикции – суть судебные прецеденты не создают новых норм, но позволяют унифицировать судебную практику, иногда изменить законодательство⁴.

Как видим, в указанной иерархии безусловный приоритет в правовом регулировании (в практической конкуренции норм) отдан не Конституции РФ, а международным договорам межгосударственного характера, подписанным и ратифицированным Российской Федерацией и, следовательно, императивно обязательным для приоритетного исполнения. При официальном

---

¹ Стоит уточнить: на момент подготовки и издания исследуемой работы – Российской академии правосудия.

² Вместе с тем, обратим внимание указанного исследователя на то, что в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ уголовное судопроизводство отнесено к ведению исключительно федерального законодателя. В силу указанного есть определенные сомнения в том, что прецеденты областного (краевого) суда могут быть признаны легитимным источником исследуемой отрасли права.

³ Гриненко А.В. Уголовный процесс: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2013. 334 с.

⁴ Гриненко А.В. Уголовный процесс: учеб. для вузов. С. 23-27.

признании указанной иерархии, достаточно очевидно, что невыполнение условий и норм международного договора национальными органами не может быть «оправдано» тем, что нормы этого договора не соответствуют конституции или иному (органическому и т.п.) основному закону суверенного государства. Возможно, не случайно и то, что исследуемый источник приводится автором в едином синонимическом ряду (без иерархии) с общепризнанными принципами международного права¹.

Можно оставить без комментария, как систему источников российского уголовно-процессуального права, так и необходимые к ней пояснения, изложенные в учебнике «Уголовный процесс. Общая часть» под общей редакцией М.П. Полякова², так как, несмотря на изменение авторами раздела об источниках исследуемой отрасли права, при изучении текста работы усматриваются явные содержательные и структурные аналогии к позициям нижегородских процессуалистов, ранее достаточно широко проанализированные нами применительно к учебнику 2003 г.³

В учебнике «Уголовный процесс» под редакцией профессора А.И. Бастрыкина и А.А. Усачева⁴ анализ форм выражения российского уголовно-процессуального права предваряет исходный посыл, согласно которому «источники уголовно-процессуального права закреплены в ч. 1 ст. 1 УПК РФ»⁵. Соответственно, как резюмируют авторы, к ним относятся Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры. Приоритет Конституции РФ, как далее оговорено, обусловлен су-

---

¹ Субъективно отметим, что в данной же иерархии международные договоры косвенно «предшествуют» общепризнанным принципам и нормам международного права; что, на наш взгляд, вряд ли отвечает правовой природе и значению указанных актов.

² Уголовный процесс. Общая часть: учеб. / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. М.П. Полякова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. 306 с. (авторы главы – М.В. Лапатников, А.В. Федулов).

³ Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. 821 с.

⁴ Уголовный процесс: учеб. для бакалавров / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. М.: Юрайт, 2013. 511 с.

⁵ Уголовный процесс: учеб. для бакалавров / Под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. С. 30.

ществующей в России иерархией законов, основным из которых является конституция¹. Вторым по значимости источником является УПК РФ, основанный на Конституции РФ.

К общепризнанным международно-правовым принципам в сфере уголовного судопроизводства, по мнению авторов учебника, относятся такие принципы, которые: не позволяют распространять юрисдикцию одного государства на территорию другого; обязывают государства выполнять взятые на себя обязательства в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

К нормам международного права, которые также признаются источником анализируемой отрасли права, авторы «традиционно» относят Европейскую конвенцию (1950 г.). Международные договоры при этом, отметим, исследуются самостоятельно, а не в контексте реальной юридической природы указанной Конвенции². Отсюда можно сделать вывод о том, что Европейской конвенции отведена роль, как минимум, акта международного правового характера – аналогично нормам *jus cogens*.

К источникам права отнесены федеральные конституционные и федеральные законы, содержащие нормы, регламентирующие уголовно-процессуальные отношения³. Аналогичный вывод делается применительно к постановлениям Конституционного Суда РФ, при условии, что правовые позиции последних меняют нормы позитивного права. И, напротив, оговариваются авторы цитируемого издания, последнее не относится к определениям высшего органа конституционного правосудия; видимо, в силу их убеждения в том, что эти акты новых норм не порождают, «старых» не изменяют. Не

---

¹ Далее нами будут проанализированы позиции, согласно которым, отстаивание конвенционального тождества операторов «Конституция РФ» и «Основной закон», является методологически ложным, по сути, посылом, влекущим достаточно серьезные правовые последствия, как для понимания иерархии (отраслевых) источников права, так и для практического правоприменения. См.: параграф 2.2 главы II настоящей работы.

² Уголовный процесс: учеб. для бакалавров / Под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. С. 33.

³ Подчеркнем, исключительно – «уголовно-процессуальные»; вопрос о том, насколько в качестве тех же источников должны быть восприняты иные федеральные законы, имеющие специальный предмет правового регулирования, в работе остается открытым.

признаются источниками исследуемой отрасли права и толковательные разъяснения Верховного Суда РФ, а равно приказы и указания Генеральной прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, иных правоохранительных ведомств.

Как видим, итоговая иерархия источников уголовно-процессуального права в этом издании «выстроена» несколько хаотично, не позволяя однозначно понять приоритеты в практическом правовом регулировании.

Не отличаются принципиально и позиции авторов учебника «Уголовный процесс» под редакцией профессора В.П. Божьева¹. Справедливости ради нужно отметить, что, в отличие от вышеприведенных позиций, В.П. Божьев однозначен в вопросе о недопустимости конкуренции между нормами УПК РФ и нормами иных федеральных законов. Решающим для этого автора является вывод о том, что «процессуальные» нормы, вновь принимаемых федеральных законов должны императивно включаться в текст единого и кодифицированного уголовно-процессуального закона². В указанном – аналог позиций П.А. Лупинской и Ю.К. Якимовича. Не признаются данным автором в качестве легитимных источников российского уголовно-процессуального права и акты высшего российского органа конституционного правосудия.

Следует обратиться к учебнику «Уголовный процесс» под редакцией О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова³. Сразу нужно отметить, что в этом в издании нет ни согласованной системы источников, ни отдельно выстроенной их иерархии, ни обсуждения механизма разрешения коллизий между источниками разной юридической силы. Если в целом по содержанию, то основным источником российского уголовно-процессуального права признается УПК РФ. Вместе с тем, буквально в следующем предложении профессора Н.Г. Стойко пишет о том, что «высшими

---

¹ Уголовный процесс: учеб. для вузов / Под ред. В.П. Божьева. 4-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2014 (автор главы – В.П. Божьев).

² Уголовный процесс: учеб. для вузов / Под ред. В.П. Божьева. С. 43-44.

³ Уголовный процесс: учеб. для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; Под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015 (автор параграфа 2 главы 1 – Н.Г. Стойко).

по своей значимости и силе законодательными источниками являются международно-правовые акты и Конституция РФ»¹.

При этом какой именно акт (акты) имеет приоритет в правовом регулировании (конституция или акт международного правового характера), автор, к сожалению, не уточняет. Вместо этого констатируется тезис о том, что «международно-правовые акты рассматриваются в качестве неотъемлемой части российского уголовно-процессуального законодательства, по отношению к которому носят приоритетный характер»². Каким именно образом «неотъемлемая часть» системы имеет приоритет к целому (российскому уголовно-процессуальному законодательству) Н.Г. Стойко по тексту учебника также не поясняет.

Далее автором признается значение актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, но как непосредственно источников исследуемой отрасли права или как актов ориентирующего, информационного характера – по тексту работы разобраться достаточно сложно.

На странице 27 учебника признается, что к уголовно-процессуальной сфере относится ряд федеральных конституционных и федеральных законов. Признается и то, что подзаконные нормативные акты могут быть направлены на регулирование отдельных процессуальных вопросов. Своеобразным источником уголовно-процессуального права, по мнению Н.Г. Стойко, являются указания Генерального прокурора РФ и Председателя Следственного комитета РФ. В чем именно «процессуальное» своеобразие указанных актов для общей системы российского уголовно-процессуального права, в учебнике не раскрыто. Не указано и их возможное «место» в иерархии источников российского уголовно-процессуального права.

В рамках анализа нельзя оставить за рамками «спора» и «Курс уголовного процесса» под общей редакцией профессора Л.В. Головки (2016 г.). Ав-

---

¹ Уголовный процесс: учеб. для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]. С. 24.

² Там же.

тор главы «Источники уголовно-процессуального права» – Н.В. Ильютченко¹ – по идее, точна и в определении источника российского уголовно-процессуального права, и в критериях их возможной классификации, и, что особенно важно для целей настоящего исследования, в значении правильной иерархии форм выражения права для оптимальности исследуемого правового регулирования и деятельности².

И несмотря на то, что собственно сама иерархия в работе отдельно не выделена, содержательная характеристика искомых источников начата с Конституции РФ, которая, по факту, доминирует в указанной иерархии и по сути содержательных доводов, и в контексте итоговых выводов. При этом автор, оговаривается в вопросе о том, что в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8³ акты непосредственного применения Конституции РФ в уголовном судопроизводстве России несколько ограничены, что в целом оценивается исследователем не позитивно. Здесь же следует оговорка о примате Конституции РФ над актами международного правового характера, правда, еще без указания конкретного перечня последних и их возможной юридической силы. Третья «оговорка» (анализируемого раздела) посвящена актам конституционного правосудия, юридическая сила которых, в зависимости от содержания и итоговых выводов, дифференцируется Н.В. Ильютченко:

(1) на безусловно источники российского уголовно-процессуального права (постановления Конституционного Суда РФ) – контекст: проверяемый акт или норма признаны по итогам проверки неконституционными, и высшим органом конституционного правосудия сформированы новые правила поведения (нормы) в уголовном судопроизводстве России;

---

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. д-ра, профессора Л.В. Головки. М.: Статут», 2016. (автор главы 6 – Н.В. Ильютченко).

² При построении (искомой) иерархии автор, подчеркнем, исходит из критерия формальной юридической силы того или иного источника.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 г. № 5, от 16 апреля 2013 г. № 9 и от 3 марта 2015 г. № 9).

(2) сугубо правоприменительные акты – контекст: проверяемая норма или нормативный акт признаны по итогам проверки конституционными;

(3) негативные источники российского уголовно-процессуального права – контекст: проверяемая норма или нормативный правовой акт признаны неконституционными, без формирования нового правила поведения (нормы) непосредственно Конституционным Судом РФ. Применительно к данной подгруппе, правда, не указывается – итоговый вывод относится только к постановлениям высшего органа конституционного правосудия или и к его актам в форме определения. Последнее, нужно напомнить, практически значимо;

(4) не источники российского уголовно-процессуального права – контекст: норма признана конституционной, но по факту по итогам конституционного правосудия наполнена принципиально иным нормативно-правовым содержанием, выявленным/познанным Конституционным Судом РФ; причем без необходимых возражений в дальнейшем к российскому законодателю. При этом в работе, отметим, не поясняется: подлежит ли эта «не норма» применению в сфере практической уголовно-процессуальной деятельности, в том числе в тех практических ситуациях, когда сторона (например, при отправлении правосудия) прямо апеллирует к сути и смыслу «нового» конституционного толкования¹.

Не поясняет автор отдельно и то, на какой ступени иерархической лестницы находятся данные акты: «вровень» с конституцией-доминантой или на ступень ниже этого акта, но явно выше остальных форм выражения права? Между тем, вопрос об актах конституционного правосудия – один из наиболее коллизионных, и в доктрине российского права, и в практической уголовно-процессуальной деятельности².

---

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. д-ра, профессора Л.В. Головки. С. 232-235.

² На то, что именно данная форма выражения права вносит, по факту, наибольшую неопределенность в систему российского уголовно-процессуального права и в процесс практического уголовно-процессуального правоприменения весомо указывают 78,6% опро-

Далее в предлагаемой иерархии следует анализ норм международного права, которые включают в себя: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры. Последние, в свою очередь, делятся на конвенции и декларации. Первые – безусловно, источники российского уголовно-процессуального права с признанием их доминирования над уголовно-процессуальным законодательством России (но не Конституции РФ – *М.С.*); вторые – источники рекомендательного характера, императивом для российского правоприменения не являющиеся. Особое значение среди источников отведено Европейской конвенции и актам Европейского Суда по правам человека – наиболее значимым формам выражения российского права. Причем, нужно отметить, автор, с одной стороны, принципиально подчеркивает значимость Европейской конвенции именно для европейского (континентального) правового пространства. С другой стороны, этот акт на одной «горизонтали» с общепризнанными принципами и нормами Генеральной Ассамблеи ООН и многосторонними или двухсторонними договорами Российской Федерации в сфере уголовной юстиции, что вряд ли методологически, методически и практически верно.

Следующими в авторской иерархии характеризуются федеральные конституционные законы; особо подчеркиваются их судеустройственное значение для уголовного судопроизводства России и приоритет над иным законодательством федерального уровня. С указанным спорить не представляется необходимым.

Достаточно верно в регулирующей вертикали, в том числе на основе актов конституционного правосудия, охарактеризовано также соотношение кодифицированного уголовно-процессуального закона (УПК РФ) и иных законов федерального уровня.

В качестве отдельной подгруппы (иных источников российского уголовно-процессуального права) характеризуются подзаконные и ведомствен-

ные нормативные акты (§ 5 гл. 6)¹. При этом одни из них, конвенционально называемые условными источниками исследуемой отрасли права, вполне признаются упоминаемым автором в качестве действующего нормативного регулятора уголовного судопроизводства России (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ). Другие таковыми, по определению, не являются, поскольку адресованы, как правило, весьма узкому кругу сотрудников определенного ведомства и не являются императивом для иных участников процесса (приказы МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ).

Несмотря на значительную роль в системе российского уголовно-процессуального права, не признаются его легальным источником и постановления Пленума Верховного Суда РФ², а равно прецеденты высших судебных инстанций России³. За актами пленума, если и признается роль в правовом регулировании, то лишь в качестве актов толкования права – не более.

В итоге, и применительно к данной системе во многом «открытыми» остались вопросы, которые ранее были адресованы иным исследователям, предлагающим свое видение системы источников (форм выражения) российского уголовно-процессуального права и надлежащей их иерархии.

Предложенного теоретического и методического материала, как предполагается в целом достаточно, для того, чтобы понять исходную структуру системы источников исследуемой отрасли права и основные проблемы в «построении» методологически точной практической их иерархии.

Как уже отмечалось, потребность в последней явно объективирует себя применительно к практическим задачам правового регулирования уголовного судопроизводства России. В данной связи и для целей исследования, и в

---

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. д-ра, профессора Л.В. Головки. С. 252-253.

² См. об этом: Сидоренко М.В. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации как средство обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. 2015. № 4. С. 160-163.

³ См. о судебном прецеденте: Желдыбина Т.А. Судебный прецедент: современный взгляд // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2015. № 3. С. 53–56; Чесных И.И. Применение судебного прецедента в российских отраслях права // Государство и право в XXI веке. 2014. № 2. С. 15–18.

сугубо практическом плане видится прежде всего оптимальным уяснение сути основных коллизий при обращении к источникам различной юридической силы. Указанное, в свою очередь, требует определенности как в реальной юридической силе тех или иных форм выражения российского уголовно-процессуального права, так и в правилах конкуренции норм равной юридической силы. Вне указанной определенности, заложенной, в том числе, в правосознании основных субъектов реализующихся уголовно-процессуальных отношений и, прежде всего, суда, видится верным, как данность иметь не состояние определенности права, правовых отношений, итоговых правовых состояний, а субъективно окрашенный волюнтаризм органов судебной, обвинительной, следственной власти, лишь для формы завуалированный под акты практического явления права.

Указанная постановка проблемы имеет не только и даже не столько методический характер – также значимый для формирования правосознания будущих юристов – субъектов правовых отношений, – но и непосредственно для сферы практического текущего применения права, реализующегося в форме уголовно-процессуальных отношений. Именно в указанной сфере неопределенность в вопросе о реальной системе источников права и правилах их конкуренции в текущем правовом регулировании, в повседневном практическом применении более чем явно проявляет себя через систему фактически неразрешимых негативных коллизий, которые в принципе не обеспечивают ни состояния правовой защищенности, ни легитимного правового режима, ни эффективного достижения целей процесса.

В данной связи, прежде чем перейти непосредственно к анализу данных негативных коллизий в сфере уголовного судопроизводства России и объективации их следствий для состояния правовой определенности в государстве и обществе, кратко следует обозначить основные проблемы реализованного анализа, выраженные через различие доктринальных подходов и мнений:

(1) о сути и перечне общепризнанных принципов и норм международно-правового характера, их роли в правовом регулировании национального уголовного судопроизводства в целом и правосудия, в частности;

(2) о реальном «месте» Конституции Российской Федерации в системе и иерархии источников российского уголовно-процессуального права и возможной конкуренции ее предписаний с нормами международного правового характера (*jus cogens*) и международными договорами;

(3) о правовой природе, роли в правовом регулировании актов высшего органа конституционного правосудия; их иерархии в системе возможных источников российского уголовно-процессуального права;

(4) об иерархии источников исследуемой отрасли права федерального значения; императивных правилах конкуренции норм федерального законодательства при регулировании однородных уголовно-процессуальных или специальных правовых отношений;

(5) о роли, правовой природе и «месте» в правовом регулировании толковательных актов Пленума Верховного Суда РФ и прецедентов высших судебных инстанций государства;

(6) о нормативной силе для уголовного судопроизводства России подзаконных нормативных актов (указы Президента РФ, постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ, постановления Правительства РФ);

(7) о ведомственных нормативно-правовых актах правоохранительной системы государства в уголовно-процессуальном правовом регулировании.

Как представляется, только методически и методологически обоснованная определенность в системе этих проблем и вопросов позволит сформировать необходимый теоретический базис для исследования в целом вопросов определенности права, как оптимального средства и желаемого результата текущего и перспективного правового регулирования.

§ 2.2. Практические коллизии форм выражения (источников) российского уголовно-процессуального права

Практический срез проблем методологически точного определения системы источников российского уголовно-процессуального права и, особенно, выверенной их иерархии в правовом регулировании, как уже отмечалось, достаточно часто проявляет себя в коллизиях текущего правотворческого и правоприменительного процесса, проявляясь через те или иные акты явления права или его симулякры.

Здесь стоит пояснить. В предыдущей главе предпринят, как представляется, в целом объективный анализ высказанных доктринальных подходов к определению как системы легальных источников российского уголовно-процессуального права, так и субъективно отстаиваемой (иерархии) их предписаний в текущем правовом регулировании. Думается, достаточно объективно и резюме по итогам указанного анализа: методической точности (по сути – определенности) в настоящее время нет как в отношении в целом системы форм выражения исследуемой отрасли права, так и в отношении каждого из составных ее элементов. Более того, если отдельные авторы, понимая методическую и практическую значимость исследуемой проблемы, предпринимают попытки выстроить более или менее согласованную иерархию источников российского уголовно-процессуального права, то другие считают вполне допустимым подход, при котором те или иные формы выражения данной отрасли права предлагаются не в иерархии, а в достаточно «свободной повествовательной» форме.

Последнее, безусловное право каждого из ранее приведенных исследователей. Однако, как представляется, лишь при исходной констатации факта о объективном наличии в государстве и обществе состояния правовой определенности, как относительно легального перечня и силы разнородных форм

выражения права, так и безусловного отражения последнего в реализующихся правовых отношениях и актах применения права. Увы, указанного, как уже отмечалось, в настоящее время в целом не наблюдается ни в области легального правотворчества, ни в области российской уголовно-процессуальной доктрины, ни в сугубо практическом правоприменении, именуемом уголовное судопроизводство России.

Выше были достаточно высоко оценены система и иерархия источников российского уголовно-процессуального права, предложенная Н.Н. Ковтуном¹. Стоит напомнить, что система дифференцирована автором на три относительно самостоятельные подгруппы: (1) общепризнанные принципы и нормы международного права; (2) законы Российской Федерации; (3) подзаконные нормативные акты. Достаточно интересно выстроена и внутренняя иерархия внутри каждой подгруппы, по идее, позволяющая более или менее минимизировать возможные негативные коллизии в практической сфере применения права. В итоге, казалось бы, именно эту систему следует взять за основу применительно к обсуждению круга проблем, связанных с практической конкуренцией норм различной юридической силы при реализации исследуемых правовых отношений. Однако при более скрупулезном анализе данной системы объективируются такие коллизии, которые отчасти ставят под сомнение как в целом структуру анализируемой системы, так и предложенную иерархию основных ее элементов.

Так, в принципе не должны быть предметом дискуссий непререкаемый авторитет и роль в правовом регулировании общепризнанных принципов и норм международного права, как императивной формы выражения воли для большинства государств – членов мирового сообщества. Тем не менее, российская уголовно-процессуальная доктрина в последние годы все «громче» ставит вопросы о явной надуманности таких юридических фактов, как общепризнанные принципы и нормы международного права.

---

¹ Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. 821 с.

Профессор В.Т. Томин, к примеру, давно и последовательно пишет о том, что в современной межгосударственной и правовой реальности нет и не может быть ни в целом общепризнанных принципов, ни норм международного права; что это не более чем очередной блеф XX в., который объективно отвергается рядом стран мирового сообщества. При этом указанные подходы резюмируются данным исследователем вполне обоснованными¹.

Не менее известный процессуалист – профессора К.Ф. Гуценко – в том же понятийном контексте отмечал, что «аморфный и не поддающийся более или менее точному исчислению огромный конгломерат... международных договоров невозможно воспринимать в качестве составной части одной из многих отраслей российского законодательства»².

В том же негативном контексте надо оценивать суждения профессора В.П. Божьева: «общепризнанные принципы и нормы международного права реализуются в основном через внутреннее законодательство... указанные нормы подлежат включению в нормативную ткань Уголовно-процессуального кодекса РФ, а важнейшие из них – даже в Конституцию»³. В итоге указанным автором как бы отрицается самостоятельность указанной формы выражения права.

Аналогичны суждения профессора Г.М. Даниленко, посредством которых он обосновывает посылы о том, что «общепризнанные нормы международного права не обладают приоритетом по отношению к внутригосударственным правовым актам»⁴.

---

¹ Томин В.Т. «Права и свободы человека» – большой блеф XX века (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом). Омск, 2004. 148 с.; он же: Заметки на полях ученых записок. Избранные труды. СПб., 2004. С. 16.

² Уголовный процесс: учеб. для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 2004. С. 57. Справедливости ради отметим, что уже на следующей странице учебника автор не отрицает обязательность исполнения для национальных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней.

³ Божьев В.П. Источники уголовно-процессуального права. М., 1994. С. 4.

⁴ Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. 1995. № 11. С. 119.

Указанные сомнения российской уголовно-процессуальной доктрины вполне разделяются и практикующими юристами. Достаточно известный российский адвокат А.А. Куприянов, к примеру, однозначно пишет о том, что акты ЕСПЧ для России – ложный ориентир, а «общемировые ценности» – миф, насаждаемый очередной в исторической ретроспективе страной-гегемоном для вовлечения остальных стран в свою парадигму¹. Соответственно, им же однозначно констатирован вывод о том, что «допущение мультикультурализма в правовом пространстве есть вредная иллюзия, ведущая к неизбежному краху всей правовой системы, действующей в определенной стране. А добровольное признание Россией практики ЕСПЧ – просто нонсенс»².

Несколько ранее приводились позиции профессора Ю.К. Якимовича и доц. Т.В. Трубниковой, согласно которым также высказывалось явное недоумение относительно как роли в правовом регулировании, так и необходимого перечня общепризнанных принципов и норм международного права. Как следствие, сделан вывод о том, что в каждом конкретном случае суть подобного принципа (нормы), как общепризнанного, должна определяться исключительно Конституционным Судом РФ³.

Насколько Генеральная Ассамблея ООН и в целом мировое сообщество согласятся с указанными императивами российского органа конституционного правосудия, при этом не обсуждается⁴. Между тем, российской доктрине и юридической практике достаточно известны дискуссии о праве национально-

---

¹ Куприянов А.А. Новые правила апелляции: восстановление практики поворота к худшему // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 34-38.

² Куприянов А.А. Указ. соч. С. 34-38.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. С. 39.

⁴ Для сведения: на Венской конференции (1968–1969 гг.) признано нецелесообразным составление какого-либо единого перечня норм *jus cogens*, т. к. это могло бы, по мнению большинства участников Конференции, повлечь неправильное отношение к другим нормам международного права, занимающим весьма значимое место в регулировании международно-правовых отношений. См. подробнее: United Nations Conference on the Law of Treaties. First Sessions. P. 108-115; Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 146.

го высшего органа конституционного правосудия к проверке на «предмет конституционности» ратифицированных международных договоров Российской Федерации и итоговых актов Европейского Суда по правам человека. Не менее известны и «итоги» этой дискуссии, весьма одобрительно воспринятые как в целом российским законодателем и высшей исполнительной властью государства, так и определенной частью юридического сообщества России¹.

Достаточно двусмысленно выглядят и позиции российского законодателя. Казалось бы, нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ содержат исчерпывающий императив относительно данной формы выражения права как в национальном правовом регулировании, так и непосредственно в практическом применении. Однако стоит привести, для примера, ст. 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», определяющую основные начала, обеспечивающие единство судебной системы Российской Федерации. По буквальному смыслу закрепленных в данной статье предписаний указанное единство, в том числе, обеспечивается посредством «применения всеми судами Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации». Как видно, в законодательной «иерархии» этого нормативного правового акта весьма высокого федерального уровня роль общепризнанных принципов и норм международного права определена явно ниже актов федерального законодательства; фактически, на низшей ступени регулирующей вертикали.

Еще более лаконично и с «армейской прямоотой» этот же вопрос, к примеру, решен в Федеральном конституционном законе от 23 июня 1999 г. №1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации». В соответствии с бук-

---

¹ Более подробно и комплексно эти проблемы рассмотрены в параграфе 4.1 главы IV настоящей работы.

вальными предписаниями ч. 1 ст. 5 указанного закона: «Военные суды осуществляют правосудие самостоятельно, подчиняясь только Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам и федеральным законам». В контексте указанных предписаний комментарии к ценности иных форм выражения российского права, в том числе общепризнанного или международного правового характера, как представляется, в целом излишни.

Определенные сомнения для признания безусловной юридической силы общепризнанных принципов и норм международного права, как императива для национального правоприменения, дает и практическая сторона деятельности российских следственных и судебных органов. С одной стороны, в учебнике под редакцией Председателя Следственного комитета РФ профессора А.И. Бастрыкина однозначно резюмирован вывод о том, что к общепризнанным международно-правовым принципам в сфере уголовного судопроизводства, в том числе, относится категорический запрет на распространение уголовной юрисдикции одного государства на территорию другого¹. С другой стороны, более чем известны уголовные производства Следственного комитета РФ, возбужденные и расследуемые в настоящее время в отношении высших должностных лиц другого суверенного государства².

Указанная двойственность публично провозглашаемых деклараций, реальной практики уголовного судопроизводства и правосознания ведущих представителей российской уголовно-процессуальной доктрины и публичных субъектов исследуемых правовых отношений явно нивелирует значимые конституционные констатации относительно приоритетного значения указанных форм выражения права для юридического правоприменения в Российской Федерации.

---

¹ Уголовный процесс / Под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. С. 33.

² Справедливости ради отметим, что следственные и судебные органы указанного государства «отвечают» Российской Федерации не менее «симметрично».

Есть сомнения и относительно оптимальности второй подгруппы источников в дифференциации, предложенной Н.Н. Ковтуном. Прежде всего, теоретически и практически спорно закрепление в этой подгруппе Конституции Российской Федерации.

Для постановки данной проблемы в принципе нет оснований, так как указанный автор однозначно признает и высшую юридическую силу норм этого акта в правовом регулировании, и безусловный приоритет конституции в отраслевой иерархии источников российского права, и прямое действие конституционных норм. Все это, конечно, бесспорно. Тем не менее можно возразить: изначально «порочным» оказался исходный посыл, согласно которому Конституция РФ «возглавляет» **внутреннюю** систему источников права федерального уровня (закона РФ). Ошибочность и потенциальная угроза такого подхода, как отмечается в российской доктрине, заключается в том, что, будучи включенной в систему внутреннего законодательства государства и являясь, по сути, Основным Законом в национальной системе права, конституция неизбежно «проигрывает» в регулирующей конкуренции с ратифицированными международными договорами. Последние, как известно, имеют приоритет по отношению к внутреннему законодательству суверенного государства (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Между тем, для подобных подходов и выводов, как представляется, изначально нет оснований. Действующая Конституция РФ в принципе не содержит ни ссылок, ни содержательных или смысловых апелляций к категории «Основной закон». Указанной категории (в отличие от Конституции РСФСР 1918, 1925, 1937, 1978 гг.) нет в тексте этого акта. И это не упущение, не явный дефект законодательной техники; а изначально определяющая социально правовая константа. Во-вторых, текст и контекст конституции объективно дают основания для разграничения собственно внутреннего законодательства Российской Федерации и конституции, как непосредственно источника права; свидетельством тому – однозначные нормативные посылы этого акта: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы»,

«Конституция Российской Федерации, федеральные законы и указы Президента Российской Федерации», «Конституция и законы». В каждой из этих смысловых конструкций конституция изначально отграничена от иных нормативных правовых актов национальной системы, не совпадая с ними ни по сути, ни по «месту» в правовой иерархии. Отсюда, остается лишь разделить методически верное суждение А.В. Безрукова, согласно которому: понятие «законы», использованное в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, охватывает группу самостоятельных законодательных актов и на Конституцию РФ не распространяется (чч. 1, 2, 4 ст. 15, ч. 1 ст. 72 Конституции РФ)¹.

Сторонники включения конституции в группу внутренних источников федерального уровня (законы РФ) не принимают во внимание и определяющий посыл, суть которого в том, что в отличие от Основного Закона, Конституция обладает не только высшей юридической силой (в системе внутреннего) национального права, но и акцентирующим признаком верховенства. Между тем, именно этот признак дает основание для константы, суть которой в том, что конституция занимает доминирующее место не только в национальной системе права, но и в целом в государстве и обществе. Основной Закон, напротив, подобного верховенства не имеет, доминируя лишь в системе национальных законов.

Отсюда, соотношение между законами и конституцией, с одной стороны, и международными договорами и Конституцией РФ – с другой, как отмечается рядом исследователей², определяется принципиально различно. Законы не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15, чч. 2–4 ст. 125);

---

¹ Безруков А.В. Федеральная конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечения правопорядка в России // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 2–5.

² См.: Гюлумян В.Г. Принципы толкования Европейской Конвенции прав человека (критика и защита) // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 9; Безруков А.В. Указ. соч. С. 2–5.

международные договоры – должны лишь соответствовать этому акту (ч. 1 ст. 15, п. «г» чч. 2 и 6 ст. 125)¹.

Есть основания заключить, что в иерархии и в практической конкуренции источников российского уголовно-процессуального права Конституция РФ должна быть выведена за рамки подгруппы, объединенной общим родовым понятием – «федеральные законы». Достаточно очевиден и факт, что этот источник не может быть «определен» ни в какую иную подгруппу; он **доминирует** над иными формами выражения российского права, самодостаточен в своей юридической и социально-политической сути.

В итоге, проблема лишь в методически точном определении соотношения предписаний Конституции РФ с таким же конвенционально «обособленным» источником права, как «общепризнанные принципы и нормы международного права». Теория, законодатель и отраслевая практика применения права обязаны однозначно определиться в вопросе о том: могут ли нормативные предписания, воспринимаемые как общепризнанные принципы и нормы международного права, вступать в конкуренцию с нормами Конституции РФ или суверенная сила и верховенство последней в принципе не предмет для «выстраивания» различного рода иерархий и конкуренций.

«Первое» место в иерархии федеральных источников российского уголовно-процессуального права в системе, предложенной Н.Н. Ковтуном, по идее, уже «принадлежит» федеральным конституционным законам. Юридическая сила последних, обусловленная, в том числе, порядком принятия указанных актов и предметом их ведения, предопределяет их приоритет перед иными актами федерального уровня. Тот же приоритет в правовом регулировании федеральных конституционных законов перед нормами, например, УПК РФ, констатирует высший орган конституционного правосудия². Последнее, казалось бы, окончательно снимает споры в этом вопросе, гаранти-

---

¹ Предмет указанного соответствия – прерогатива высшего (национального) органа конституционного правосудия.

² См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П.

руя искомую определенность теории, правосознания и правовых отношений в сфере уголовного судопроизводства России.

Однако, как выяснилось, позиции Конституционного Суда РФ в этом вопросе не столь однозначны. В другом акте этот же орган не «усмотрел» принципиальной разницы между федеральными конституционными законами и иными федеральными законами, признав первые лишь разновидностью федерального законодательства Российской Федерации; соответственно, проверка федерального конституционного закона, как отмечено, - вполне в ведении высшего органа конституционного правосудия¹.

При указанном понимании юридической сути исследуемых актов, особых оснований для приоритета в иерархии «внутренних» источников права у федеральных конституционных законов как бы уже не имеется.

Кроме того, по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в случае противоречий между предписаниями федерального конституционного закона и нормами международного договора, ратифицированного Российской Федерацией (к примеру, Европейская конвенция), приоритет в нормативном регулировании должен быть отдан международному договору. Таким образом, в анализируемой иерархии доминирующее место, по идее, должно быть отдано нормам ратифицированного международного договора (межгосударственного характера); федеральные конституционные законы – соответственно, рангом (ступенью) ниже в регулирующей вертикали.

Однако и эта, казалось бы, «обретенная» определенность «места» федеральных конституционных законов в иерархии источников российского уголовно-процессуального права может быть поставлена под сомнение. Достаточно известны, в частности, посылы российской доктрины, в соответствии с которыми федеральные конституционные законы есть органическая

---

¹ См. подробнее, напр.: Визер Б. Некоторые размышления по поводу иерархии норм в системе конституционного права РФ // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 2. С. 27; Худолей К.М. Полномочия Конституционного Суда РФ: проблемы теории и практики конституционного правосудия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2 (12). С. 71–84.

часть конституции, ее логическое продолжение¹. При официальной констатации этих суждений доктрины (в том числе законодательном уровне) федеральные конституционные законы автоматически «исключаются» из системы внутреннего национального законодательства. Как следствие, они уже «оцениваются» либо как непосредственно конституционные нормы, либо как нормы аналогичной конституции юридической силы. И в том, и в другом случае система (иерархия) источников российского уголовно-процессуального права вновь оказывается в состоянии неопределенности; что может быть вполне допустимо с позиций доктрины, но неприемлемо в практической сфере применения права.

Между тем, для указанных «констатаций» доктрины, как минимум, нет оснований. Нормы федерального конституционного закона, как представляется, не могут быть признаны ни «органической частью» Конституции РФ, ни «логическим ее продолжением». *Во-первых*, в силу различного порядка принятия и предмета ведения указанных актов. *Во-вторых*, в силу их различной юридической сути, в силу которой, к примеру, федеральные конституционные законы могут быть проверены Конституционным Судом РФ на предмет конституционности, а для норм конституции указанное – явный абсурд. В итоге «место» федеральных конституционных законов – в системе (иерархии) внутреннего законодательства государства, а не над рамками национальной системы права.

Следует указать и то, что в последние годы объективирована также проблема, связанная с внутренней иерархией федеральных конституционных законов. Предметом дискуссии неожиданно оказался вопрос: обладают ли равной юридической силой нормы, содержащиеся в различных федеральных конституционных законах? По идее, основания для этой дискуссии явно надуманны, ибо непосредственно Конституция РФ не предусматривает гра-

---

¹ См., напр.: Малько А.В., Гайворонская Я.В. О роли федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в правотворческой политике // Государство и право. 2015. № 11. С. 26.

дации юридической силы этих законов. Тем не менее, практика российского правотворчества «сформировала» и эту проблему.

Статьей 1 Федерального конституционного закона (далее – ФКЗ) «О Верховном Суде Российской Федерации» устанавливается предмет его регулирования, который опосредуется как данным ФКЗ, принятым в соответствии с Конституцией РФ, так и Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации». В итоге, по факту, нормы ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» не должны (уже) противоречить, как собственно Конституции РФ, так и «базовому» ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», который (в силу выше указанной законодательной оговорки) уже имеет приоритетную силу как правовой акт, устанавливающий более общие параметры судебной системы России¹. Таким образом, явочным порядком к проблемам определения изначально точной иерархии источников российского уголовно-процессуального права «по вертикали» субъективно сформирована проблема определения их иерархии и конкуренции – «по горизонтали»².

Между тем, нет, и не может быть конкуренции между нормативными правовыми актами внутри одного их вида. Конституционный Суд РФ, принимая, в том числе, во внимание предписания ст. 76 Конституции РФ, достаточно однозначно высказался по данной проблеме³: «самопровозглашение» приоритета одного закона над иным однородным законом – в принципе недопустимо, ибо порождает неопределенность в правовом регулировании, является скрытым коррупциогенным фактором практического правоприменения. В данной связи, подобные «техничко-юридические дефекты» и сугубо ведомственные подходы к закреплению своего «доминирования» в определенной сфере правовых отношений должны быть исключены из процесса

---

¹ См.: Безруков А.В. Федеральная конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечения правопорядка в России. С. 2-5.

² См. подробнее: Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 32-42; Безруков А.В. Указ. соч. С. 2-5.

³ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ от 16 июня 1998 г.

российского правотворчества, правосознания законодателя и членов юридического сообщества. Необходимым и востребованным средством последнего является принятие и безусловное выполнение искомого закона о нормативных правовых актах Российской Федерации – внутренне сбалансированного и точно расставляющего акценты в вопросе о формах выражения национального права и объективной их иерархии в правовом регулировании¹.

Указанное тем более необходимо, что правовые следствия указанных «новаций» выходят за пределы отраслевых научных дискуссий, объективируя себя в качестве негативного фактора, подрывающего, в том числе, исходное состояние правовой определенности в государстве и обществе. Можно сравнить, для примера, правовые предписания более «общего» ФКЗ от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» и ФКЗ от 23 июня 1999 г. «О военных судах Российской Федерации».

По смыслу ч. 2 ст. 22 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», «военные суды рассматривают дела в качестве суда первой и второй инстанции, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам». Нужно подчеркнуть: указание на возможность **кассационного** рассмотрения дел этими судами в данной норме отсутствует. Принципиально иные нормативные предписания содержатся в ч. 5 ст. 9, ч. 3 ст. 14 ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», где полномочия указанных судов на кассационное рассмотрение судебных решений законодателем не только закреплены однозначно, но и в целом раскрыты. Спорить с последним, очевидно, нет оснований, если, конечно, не принимать во внимание более высокую юридическую силу «базового» ФКЗ № 1 «О судебной системе Российской Федерации». Практика отправления правосудия в военных судах, естественно, и не воспринимает указанное, восполняя наличествующую неопределенность закона как правильным правосознанием публичных участников правовых от-

---

¹ См. подробнее: Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14-23; Малько А.В., Гайворонская Я.В. Указ. соч. С. 24–32.

ношений, так и достаточно наработанной практикой отправления правосудия в этом вопросе.

Аналогичная неопределенность в понимании сути закона возникает при анализе ч. 2 ст. 1 ФКЗ от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции Российской Федерации», в соответствии с буквальными предписаниями которого Верховный Суд РФ более не является судом общей юрисдикции. Стоит уточнить: предписания о том, что указанный суд осуществляет правосудие посредством уголовного, гражданского или административного судопроизводства, в законе остались, однако, насколько последнее относится к сути «общей юрисдикции» – остается гадать. Тем более, что указание ч. 1 ст. 19 ФКЗ № 1 «О судебной системе Российской Федерации», согласно которому Верховный Суд РФ является высшим судебным органом, не компенсирует отмеченной спорной новеллы.

Как представляется, не «безобидны» также попытки к уточнению норм Конституции РФ посредством нормативных предписаний, содержащихся непосредственно в федеральных конституционных законах. Так, в соответствии с нормами ст. 31 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. «О чрезвычайном положении», «граждане, нарушившие правила комендантского часа, установленные в соответствии с п. "а" ст. 12 настоящего ФКЗ, задерживаются силами, обеспечивающими режим чрезвычайного положения, до окончания комендантского часа, а граждане, не имеющие при себе документов, удостоверяющих личность, – до выяснения их личности, но не более чем на трое суток по решению начальника органа внутренних дел или его заместителя».

Авторам данной новеллы, видимо, должно быть известно, что в соответствии с нормами ст. 22 Конституции РФ лицо может быть задержано без судебного решения на срок не более 48 часов. Не менее известны и отраслевые правила исчисления сроков в часах или сутках. В итоге, в нормах ст. 31 ФКЗ от 30 мая 2001 г. наличествует игнорирование одной из наиболее значимых конституционных гарантий. При современном уровне правосознания

и правовой определённости в государстве и обществе есть серьёзные сомнения, что в случае необходимости к вниманию и исполнению будут приняты именно конституционные нормы.

Следующим (третьим) в избранной для анализа иерархии указан такой источник российского уголовно-процессуального права, как международные договоры. Здесь позиции исследователей вполне обоснованы и вытекают из предписаний ч. 3 ст. 1 УПК РФ, согласно которым приоритет ратифицированного международного договора межгосударственного характера признается безусловным - как в отношении федерального закона, так и кодифицированного уголовно-процессуального акта (УПК РФ). Однако ранее неоднократно резюмирован конституционный и императивный посыл, суть которого в том, что нормы ратифицированного международного договора имеют безусловный приоритет в целом над нормами внутреннего законодательства государства (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Отсюда закономерен приоритет данной формы выражения права во внутренней иерархии источников права. В данной связи, определяющей в правосознании законодателя доктрины публичных участников правовых отношений должна являться именно эта незыблемая константа.

Увы, но куда более «смело» к определению юридической силы международного договора межгосударственного характера подходит доктрина российского права. Известны, к примеру, суждения, согласно которым нормы международного договора, имеющие приоритет перед «внутренними» законами РФ, автоматически приобретают статус конституционных норм и рассматриваются как неотъемлемая часть самой Конституции РФ¹.

По факту этих суждений мы имеем две автономные системы источников «равной» юридической силы: нормы собственно Конституции Россий-

---

¹ См.: Черниченко С.В. Права человека в контексте соотношения международного и российского права. Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия: сб. науч. ст. / под ред. В.М. Баранова. В 2 ч. Н. Новгород, 1996. Ч. 1. С. 32; Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 109, 125; Он же. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 39.

ской Федерации и «конституционные» нормы международного договора. При этом правда, не поясняется алгоритм устранения или минимизации возможных коллизий при практической конкуренции их предписаний.

Определенной модификацией этих подходов являются позиции С.М. Даровских. Она, с одной стороны, анализируя позиции ряда ученых¹, считает возможным солидаризироваться с теми из них, которые полагают, что международное и внутригосударственное право являются самостоятельными нормативными правовыми системами, взаимодействующими друг с другом, но не имеющими примата одна над другой². С другой стороны, буквально на следующей странице она же нивелирует ценность этой позиции, ибо суммирует, что в иерархии источников российского уголовно-процессуального права Европейская конвенция и Протоколы к ней стоят после Конституции РФ, но перед уголовно-процессуальным кодексом, федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами, регулирующими уголовно-процессуальное судопроизводство³.

Известны и более кардинальные выводы, к примеру, среди ученых, специализирующихся в области конституционного права. Последние, стоит напомнить, признают за международными договорами межгосударственного характера и высшую юридическую силу, и приоритет над Конституцией РФ⁴. В итоге, в соответствии с позициями Л.А. Окунькова, О.Н. Хлестова, О.И. Тиунова, Б.Л. Зимненко⁵, международные договоры РФ превосходят по

---

¹ См., напр.: Бякишев К.А., Моисеев Е.Г. Международное публичное право. М., 2006. С. 18–19; Безруков А.В. Конституция, Основной закон и международный договор: правовая природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 7. С. 9–11.

² Даровских С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 269, 270.

³ Даровских С.М. Указ. соч. С. 270.

⁴ См.: Авдеенкова М.П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право РФ. Курс лекций. Ч. 1. Основы теории конституционного права. М. 2002. С. 120.

⁵ Комментарий к Конституции РФ / под. ред. профессора Окунькова Л.А. М., 1996; Хлестов О.Н. Международное право и Российская Федерация // Московский журнал международного права. 1994. № 4. С. 55; Тиунов О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995.

юридической силе Конституцию РФ независимо от их внутреннего содержания¹. Противники столь кардинальных подходов, напротив, однозначны в суждении, что высшая юридическая сила и верховенство Конституции РФ распространяются не только на все внутригосударственные нормативные акты, включая законы, но и на нормы договорного международного права, ставшие частью правовой системы России².

К.Ф. Гуценко в контексте данной дискуссии пояснял, что правило, установленное ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «не распространяется на положения Конституции РФ, поскольку этот Основной закон страны имеет высшую юридическую силу... Он не может быть ни дополнен, ни изменен, ни отменен никаким международным договором, принципом или нормой»³.

Как следствие, доминирующим в российской доктрине и практике стал довод о том, что, с точки зрения соотношения положений Конвенции и Конституции РФ, в последней не обнаруживается сколько-нибудь значимых расхождений⁴. Наоборот, конституционные нормы являются более прогрессивными, как по юридической технике, так и по содержанию в части признания и соблюдения основных прав и свобод человека⁵.

В данной связи формально признавался лишь факт приоритетного значения Европейской конвенции и актов ЕСПЧ к внутренней системе нацио-

---

С. 181; Зимненко Б.Л. Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 6.

¹ Обоснование этих суждений – в нормах Венской Конвенции, согласно которым участник международного договора не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (ст. 27 Конвенции).

² См., напр.: Талалаев А.Н. Общеизвестные принципы и нормы международного права (конституционное закрепление термина) // Вестник МГУ. Серия 11, Право. 1997. № 3. С. 72-73; Зарубаева Е.Ю. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7.

³ Уголовный процесс: учеб. для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. С. 56-57.

⁴ См., напр.: Ковтун Н.Н., Симагин А.С. Европейская конвенция и акты Европейского Суда по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод личности при осуществлении уголовного судопроизводства России: учеб. пособие. Н. Новгород, 2007. 126 с.

⁵ См.: Гуценко К.Ф., Соколова А.В. Ратификация европейских конвенций: шаг вперед, два шага назад // Законодательство. 1998. № 5. С. 21.

нального права (без констатации подобных резюмирующих выводов применительно к Конституции РФ). Однако, ценность этой константы субъективно нивелировалась тем фактом, что в Российской Федерации ратификация международного договора, как правило, осуществляется в форме федерального закона. Отсюда известные посылы российской доктрины к определению данной формы выражения права на одной из «низших» ступеней в национальной правовой иерархии. Стоит напомнить, к примеру, систему доктринальных суждений, по сути которых во внутригосударственной сфере международный договор обладает юридической силой, равной силе национального акта Российской Федерации, которым он ратифицирован; не более¹.

Достаточно известна практическая объективация этих подходов в публичных актах применения права. Все более нарабатываемые правовые позиции Конституционного Суда РФ² и Пленума Верховного Суда РФ³, нивелируют приоритет данной формы выражения права в национальном правовом регулировании. Утверждать в данной связи о реальном ее воздействии на статику и динамику российского уголовно-процессуального права можно разве что в рамках научных дискуссий.

---

¹ См., напр.: Пшеничников М.А. Юрико-технические средства обеспечения соответствия российского законодательства международному праву. Проблемы юридической техники: сб. науч. ст. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 189; Барциц И.Н. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 62-63; Толстик В.А. Иерархия источников российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород. 2003.

² См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»; Ковлер А.И. Верховный Суд предостерег от автоматического пересмотра любых дел, по которым ЕСПЧ нашел нарушение // Уголовный процесс. 2013. № 8. С. 10.

Ступенью ниже в исследуемой иерархии источников права расположены такие акты федерального уровня, как УПК РФ, являющийся единым уголовно-процессуальным законом, и иные федеральные законы, содержащие либо сугубо «процессуальные» нормы, либо нормы, имеющие специальный предмет правового регулирования, конкурирующие с определенными институтами или нормами собственно УПК РФ (2001 г.).

При анализе этой подгруппы оговоримся в вопросе о том, что видится верным признавать доминирование в правовом регулировании норм федерального конституционного закона в той ситуации, когда они вступают в противоречие, корректируют или дополняют нормы собственно УПК РФ. Указанный приоритет однозначно констатирован как актами высшего органа конституционного правосудия¹, так и достаточно наработанной практикой высших судебных инстанций страны. В данной связи, как непререкаемый императив судебной и следственной практикой, к примеру, должны быть признаны нормы, согласно которым:

- установлены дополнительные процессуальные гарантии неприкосновенности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (ст. 12, ч. 2 ст. 24 ФКЗ от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ)²; определены отдельные его полномочия применительно к уголовному судопроизводству России (ст. 19, пп. 3, 4 ч. 1 ст. 29 ФКЗ от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ)³;

- более точно определен правомочный судебный состав при рассмотрении в порядке кассации уголовных дел и окончательных актов суда в президиуме суда республики, областного, краевого суда (ч. 4 ст. 6 ФКЗ «О Вер-

---

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П.

² В данном контексте налицо определенное несоответствие между порядком привлечения Уполномоченного по правам человека в РФ к уголовной ответственности по нормам ст. 448 УПК РФ и нормами указанного федерального конституционного закона.

³ К примеру, именно нормами указанного федерального конституционного закона установлено правомочие Уполномоченного по правам человека в РФ на принесение протестов в порядке кассации или надзора, на ознакомление с материалами уголовных дел, на присутствие в заседании суда кассационной/надзорной инстанции.

ховном Суде РФ; ч. 2 ст. 17 ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»¹; и т. д.

Надуманые возражения в части того, что эти моменты несколько иначе урегулированы нормами УПК РФ, в принципе не должны быть предметом дискуссий в силу как более высокой юридической силы федеральных конституционных законов, так и достаточно известных правил практической конкуренции норм. В данной связи можно сделать вывод: конкуренции могут вполне обсуждаться в рамках научной дискуссии или правотворческого процесса, но не служить основанием к отказу для применения в практическом уголовном судопроизводстве России норм более высокой юридической силы. Отрицание этого исходного факта разрушает определенность как статики, так и динамики российского уголовно-процессуального права.

Несколько иначе урегулированы вопросы конкуренции норм УПК РФ и иных федеральных законов. Казалось бы, незыблемый и общепризнанный приоритет норм кодифицированного нормативного акта (УПК РФ) перед нормами иного федерального закона (ч. 2 ст. 7 УПК РФ) более не является императивом для уголовного судопроизводства России. Правовые позиции высшего органа конституционного правосудия достаточно однозначно расставили акценты в этом вопросе: в случае конкуренции норм собственно УПК РФ и норм иного федерального закона по одному и тому предмету нормативного регулирования – приоритет УПК РФ не является безусловным. При разрешении возникшей коллизии правоприменителями во внимание должна быть принята следующая система условий:

- определению подлежит общий или специальный предмет правового регулирования применительно к реализуемым правовым отношениям. Под «общим» предметом при этом понимаются нормы, регулирующие собствен-

---

¹ Стоит сравнить: по нормам ч. 4 ст. 30 УПК РФ кассационное производство в президиуме областного (краевого ...) суда осуществляется в составе «... не менее трех судей»; в соответствии с приведёнными нормами федеральных конституционных законов – «... большинством членов президиума».

но **процессуальный порядок** осуществления уголовного судопроизводства России и сугубо процессуальные его отношения. «Специальный» предмет может быть связан с обеспечением банковской тайны или тайны почтовой связи, медицинской тайны или тайны адвокатской деятельности. При констатации, что реализуемые следственные, или процессуальные действия, или властные решения органов и лиц, действующих *ex officio*, вторгаются в сферу регулирования специальных норм и отношений, именно последние служат императивом для применения в правовом отношении, доминируя над «общими» предписаниями норм УПК РФ;

- приняты во внимание темпоральные характеристики указанной конкуренции и практической негативной коллизии, ибо «последующий» (по временным характеристикам) закон, содержащий конкурирующие нормы, либо имеет приоритет над нормами «предшествующего» закона, либо полностью отменяет последние. И то, что указанные («конкурирующие») новации не нашли своего своевременного отражения непосредственно в кодифицированном уголовно-процессуальном законе, уже не проблема законодателя, как помнится, утверждали Ю.К. Якимович¹ или, к примеру, П.А. Лупинская², а серьезная проблема текущего практического правоприменения в уголовном судопроизводстве России. В отличие от позиций приведенных ученых, подчеркнем и то обстоятельство, что приоритетом в исследуемой конкуренции обладают не только федеральные законы, содержащие, как утверждается, сугубо «процессуальные» нормы³, но и нормы «специальные», регулирующие

---

¹ Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск: Том. ун-т, 2015. С. 14.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003. С. 35.

³ См., напр.: Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 49–67; Россинский С.Б. Уголовный процесс: учеб. М.: ЭКСМО, 2009. С. 51–55; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2003. С. 35; Гриненко А.В. Уголовный процесс: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2013. С. 22–27.

специфические стороны общественных отношений, которые оказались в сфере взаимодействия с отношениями сугубо уголовно-процессуальными;

- наконец, при разрешении возникшей коллизии должно быть принято во внимание, что иным федеральным законом может быть сформирована система более эффективных процессуальных гарантий для обеспечения интересов и прав участников правовых отношений, чем аналогичными нормами УПК РФ. Именно этот, более высокий уровень правовой защищенности обуславливает в итоге доминирование норм иного федерального закона в конкуренции с кодифицированным уголовно-процессуальным законом, требуя учета и обеспечения данной более высокой системы гарантий¹.

Как следствие, по сути приведенных «разъяснений» высшего органа конституционного правосудия, как резюмировано в российской уголовно-процессуальной доктрине², фактически разрушенной оказалась достаточно согласованная система национального уголовно-процессуального права «по вертикали». Судебные и следственные органы, ведущие *ex officio* уголовный процесс, отныне обязаны практически «ежечасно» сверять:

- с каким («общим» или «специальным») предметом правового регулирования связана реализация того или иного уголовно-процессуального отношения (следственного, судебного или иного процессуального действия);

- нет ли применительно к реализуемым отношениям «последующего» федерального закона, вступающего в противоречие с нормами УПК РФ;

- не содержат ли нормы иного федерального закона системы дополнительных процессуальных гарантий личности, которые императивно подлежат обеспечению в реализуемом правовом отношении.

---

¹ См. подробнее: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П; Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О; от 2 марта 2006 г. № 54-О; от 15 мая 2007 г. № 371-О-П; и др.

² См., напр.: Головкин Л.В. Место кодекса в системе источников уголовно-процессуального права // Государство и право. 2007. № 1. С. 38-45; Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как фактор декодификации УПК РФ // Уголовный процесс. 2008. № 11. С. 3-10.

Серьезные коллизии указанного сравнения и субъективного выбора «правильной» нормы достаточно скоро объективировали себя в сфере уголовного судопроизводства России, порождая конфликты между судебными и следственными органами, ведущими уголовный процесс, и частными заинтересованными лицами или их юридически квалифицированными представителями. К примеру,

- серьезной коллизией явили себя нормы ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. № 391-1 и ч. 7 ст. 115 УПК РФ. В соответствии с ч. 4 ст. 26 Закона «О банках ...» сведения о наличии у гражданина (фигуранта уголовного дела) счета и/или вклада в кредитном учреждении могут быть предоставлены следственным органам лишь по их письменному запросу, по делам, которые находятся у них в производстве, с согласия руководителя следственного органа. Принципиально иначе изложена ч. 7 ст. 115 УПК РФ: руководители банков и иных кредитных организаций обязаны предоставить информацию о вкладах, счетах и денежных средствах или иных ценностях, находящихся на хранении, «... по запросу суда, а также следователя или дознавателя на основании судебного решения». Как следствие названной «конкуренции», на практике возникает ряд коллизионных проблем: а) тайна вклада – это сфера действия общего (УПК РФ) или специального закона («О банках и банковской деятельности»); б) какой закон (по времени) для приведенной ситуации принят позднее¹; в) какие нормы обеспечивают более высокий стандарт гарантий для заинтересованных лиц или кредитных организаций. И, напротив, какой алгоритм решений и действий менее «трудозатратен» для органов и лиц, ведущих процесс и вторгающихся в сферу обеспечения банковской тайны²;

---

¹ Поясним: ч. 7 ст. 115 УПК РФ – анализируется в редакции ФЗ от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ; ч. 4 ст. 25 «О банках и банковской деятельности» – в редакции ФЗ от 29 декабря 2015 г. (данном Федеральным законом ч. 4 ст. 26 – не изменялась).

² При субъективной заинтересованности субъектов правовых отношений варианты выбора «правильной» нормы, как видим, могут быть кардинально различны, порождая не только конфликт интересов, но и поводы к обсуждению легитимности полученных данных.

- в том же коллизионном контексте были оценены нормы ч. 6 ст. 114 УПК РФ и ч. 1 ст. 42 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации». По сути первой нормы, временно отстраненный от должности подозреваемый, обвиняемый имеет право на ежемесячное пособие, которое выплачивается ему в соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ. Согласно второй, «на период расследования возбужденного в отношении прокурора уголовного дела он отстраняется от должности. За время отстранения от должности прокурору выплачивается денежное содержание (денежное довольствие) в размере должностного оклада, доплаты за классный чин (оклада по специальному званию) и доплаты (надбавки) за выслугу лет». Разница, как можно видеть, принципиальна; в том числе в материальном ее выражении. Примечательно и то, что на практике эта коллизия однозначно решается в контексте обеспечения дополнительных правовых, материальных и социальных гарантий для названных выше сотрудников, а не исходя из известных конституционных деклараций о равенстве всех граждан перед законом и судом¹;

- по нормам ст. 1 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» рассмотрение уголовного дела по первой инстанции с участием присяжных заседателей проводится, в том числе, в Верховном Суде РФ. Однако по нормам п. 2 ч. 2 ст. 30 и ч. 3 ст. 31 УПК РФ эта форма отправления правосудия функционирует исключительно в судах областного (краевого) звена². При этом, несмотря на то, что названный федеральный закон

---

¹ См., напр.: Шнитенков А.В. Временное отстранение от должности как мера уголовно-процессуального принуждения // Уголовный процесс. 2008. № 1(37). С. 49–57.

² Законодательные новеллы, по сути которых этот порядок отправления правосудия (в соответствии с новациями Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ) будет распространен и на суды районного/городского звена, (пока) оставлены за рамками указанной констатации.

гарантирует комплекс более весомых процессуальных гарантий, приоритет на практике отдан нормам УПК РФ¹;

- нормы ч. 2 ст. 199 УПК РФ в принципе не обязывают руководителя государственного судебно-экспертного учреждения к предупреждению экспертов об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и получению (письменной) подписки об этом. Нормы ст. 14 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», напротив, однозначны в указанном императиве. Однозначна и судебная практика, ибо отсутствие подобной подписки влечет нелигитимность итогового заключения эксперта для процесса доказывания. Здесь, как видно, в коллизии норм «выиграл» иной федеральный закон.

Судебно-следственной практике известны многочисленные случаи, когда следственные и судебные органы, с одной стороны, и адвокаты, защитники/представители либо заинтересованные организации и лица, с другой, принципиально различно толкуют системы процессуальных гарантий применительно к адвокатской² или банковской тайне³, тайне переговоров⁴ или изъятию электронных носителей информации⁵.

Когда, не согласовав позиции и «интересы» в правильном понимании той или иной конкурирующей нормы, они вынужденно обращаются, как к последней инстанции, к высшему органу конституционного правосудия⁶, итоговые акты которого также, нередко, противоречат друг другу, не обеспечивая в итоге искомой определенности правовых отношений и правовых со-

---

¹ См.: Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как фактор декодификации УПК РФ. С. 3–10.

² См., напр.: Иванов А.В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении адвокатов // Уголовный процесс. 2014. № 11. С. 20–26.

³ См., напр.: Олейник О. Правовые проблемы банковской тайны // Хозяйство и право. 1997. № 6–7.

⁴ См., напр.: Вазюлин С.А., Васюков В.Ф. Получение информации о соединениях между абонентами: специфика процедуры // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 10–21.

⁵ См., напр.: Васюков В.Ф. Изъятие электронных носителей информации: нерешенные проблемы практики // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 54–57.

⁶ См.: КС РФ рассмотрит новый вопрос об адвокатской тайне // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 7; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П // СПС «КонсультантПлюс».

стояний. Однако указанное не только в целом известно, но и достаточно широко «озвучено» российской уголовно-процессуальной доктриной. В данной связи не столько доктрине и практике, сколько законодателю и, особенно, российскому органу конституционного правосудия необходимо, наконец, определиться в реальном соотношении норм кодифицированного нормативного акта и норм иных законов федерального уровня. Пока подобной определенности в целом не наблюдается, в том числе с позиций общей теории права.

При обсуждении, к примеру, проекта закона о нормативных правовых актах Российской Федерации доктриной высказаны обоснованные сомнения в оптимальности изложенных предписаний, согласно которым: «Запрещается предусматривать в нормативном правовом акте положения о верховенстве в отношении иных нормативных правовых актов, принятых (изданных) тем же правотворческим органом в той же форме. Такие правовые нормы не имеют юридической силы»¹.

При известном толковании указанной нормы можно, конечно, констатировать вывод о том, что приоритет кодифицированного нормативного акта данной редакцией акта закреплен *a priori*. Речь, как можно видеть, идет о недопустимости конкуренции **однородных** нормативных актов (в данном случае – федеральных законов), принятых одним и тем же правотворческим органом и в одинаковой форме. Именно к данным формам выражения права однозначно адресован запрет на «самопровозглашение» своего доминирования. И, по идее, надо бы согласиться с последним, в том числе обращаясь к доводам Конституционного Суда РФ, согласно которым «ни один федеральный закон в силу ст. 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой»². Однако стоит повториться, что столь же известны иные правовые позиции и итоговые выво-

---

¹ Обсуждение проекта закона цит. по: Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики. С. 20.

² Постановление Конституционного Суда РФ по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации от 16 июня 1998 г.

ды высшего органа конституционного правосудия: «о правилах конкуренции» общего и специального предмета правового регулирования; о приоритете темпоральной конкуренции предыдущего и последующего законов; о доминировании норм, закрепляющих систему дополнительных процессуальных гарантий¹.

Не факт, что при оценке официально «легализованных» норм исследуемого проекта закона о нормативных правовых актах Российской Федерации², Конституционный Суд РФ «передумает» и не «продублирует» законную силу именно последних позиций. Тем более что основания для этого в целом имеются: высказанные правовые позиции и итоговые выводы Конституционного Суда не могут быть преодолены принятием нового закона. Кроме того, не факт, что в ходе данной проверки Конституционный Суд РФ усмотрит принципиальную разницу **в форме** принятия федеральных законов и кодифицированных актов федерального уровня. Прецеденты последнего – в целом также известны, в том числе с позиций конституционного толкования.

В данной связи можно разделить суждение С.В. Бошно о том, что в окончательной редакции указанного закона, напротив, следует закрепить безусловное **верховенство кодекса** в соответствующем предмете правового регулирования. В противном случае кодекс не сможет выполнить роль системообразующего документа определенной отрасли права³. Столь же конвенционально остается надеяться, что указанные нормативные предписания (в очередной раз) не будут субъективно «откорректированы» правовыми позициями и итоговыми выводами высшего органа конституционного правосудия России, «возвращая» коллизии практических правовых отношений и перманентные дискуссии российской доктрины.

---

¹ Напомним: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П; Определения Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О, от 2 марта 2006 г. № 54-О, от 15 мая 2007 г. № 3 71-О-П; и др.

² Принимая во внимание значение данного акта для обеспечения правовой определенности в государстве и обществе, выскажем также надежду, что этот акт будет принят если не в форме федерального конституционного закона (что, увы, не предусмотрено Конституцией РФ), то, как минимум, в форме «... основ законодательства».

³ См.: Бошно С.В. Указ. соч. С. 20.

Для исключения последних, думается, необходима также определенность в юридической силе и, соответственно, в конкуренции норм, такой формы выражения права, как «основы законодательства», иерархия которой (в системе источников российского права) практически не является предметом внимания большинства из исследователей. Между тем, нормы данной формы выражения права объективно включены в систему правового регулирования уголовного судопроизводства России и, как следствие, также не должны являться предметом возможных коллизий.

Нет ясности и в юридической сути такого нормативного правового акта как Закон о поправках к Конституции РФ. С одной стороны, процедура его принятия регламентирована федеральным законом, и, по идее, «место» этого акта в системе иерархии федеральных законов. С другой стороны, предмет ведения указанного закона непосредственно связан с сутью и нормами Конституции РФ. Соответственно, более «приемлемой» его формой, по идее, должен быть федеральный конституционный закон. Однако указанное, как справедливо, к примеру, отмечает С.В. Безруков¹, вряд ли, возможно, поскольку этот вид нормативного правового акта не предусмотрен Конституцией РФ. Нет ясности и в вопросе о том, насколько положения этого акта действуют после внесения необходимых поправок в Конституцию Российской Федерации. Между тем, для примера, закон о поправках к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» включал в себя нормы, связанные не только с вступлением этого закона в силу, но и с установлением шестимесячного переходного периода, предусмотренного для упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ и передачи дел в юрисдикцию объединенного Верховного Суда РФ. Этим же актом были разрешены отдельные вопросы формирования нового Верховного Суда РФ. В итоге, темпоральные характеристики указанного закона явно выходили за момент внесения необходимых поправок непо-

---

¹ Безруков А.В. Федеральная конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечения правопорядка в России. С. 13.

средственно к Конституции РФ. Можно, конечно, не ставить к обсуждению эти вопросы, признавая правомерность и продуктивность именно «ручного» управления в отдельных сферах правового регулирования; однако при данном подходе столь же «знакомыми» методами можно сформировать вполне определенный режим, однозначно утверждая при этом, что это и есть правовое состояние (суть – правовая определенность) российского гражданского общества.

Иерархию нормативных правовых актов федерального уровня в исследуемой доктринальной модели (Н.Н. Ковтуна), по идее, замыкают акты конституционного правосудия, которые отдельными авторами прямо или с определенными оговорками признаются действующими источниками (формами выражения) российского уголовно-процессуального права, другими – не признаются в принципе. Последние, правда, также единодушно указывают на весьма высокую роль отмеченных актов в текущей правоприменительной деятельности, на необходимость учета и исполнения основных их предписаний непосредственно в уголовном судопроизводстве России.

Пока можно оставить без обсуждения, как двойственность указанных выше подходов, так и достаточно сложную систему проблем, неразрывно связанных с сутью, содержанием и назначением вышеуказанных актов в текущем правовом регулировании. Эти вопросы – предмет самостоятельного и комплексного исследования¹. Следует определиться в исходной проблеме – о «месте» (ступени) в правовой иерархии данной формы выражения российского уголовно-процессуального права.

Следует напомнить: в большинстве из рассмотренных доктринальных позиций акты конституционного правосудия либо замыкают иерархию федеральных источников российского уголовно-процессуального права (Н.Н. Ковтун), либо вынесены за рамки указанной иерархии, как внесистемный «фактор» (П.А. Лупинская, Ю.К. Якимович, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский и

---

¹ Более полно и комплексно эти вопросы рассмотрены в параграфе 3.1 главы III настоящей работы.

др.)¹. В последнем случае вопрос о конкуренции правовых предписаний – естественно, не обсуждается. Между тем при условии, что мы официально признаётся достаточно высокая нормативная сила исследуемых актов Конституционного Суда РФ и правовое значение его позиций и итоговых выводов в уголовном судопроизводстве России, необходим достаточно объективный критерий, позволяющий «выстроить» соотношение данной формы выражения права с иными источниками федерального уровня.

Один из таких критериев предложен профессора Н.Н. Ковтуном. Взяв за основу непосредственный предмет конституционного «толкования» (ведения), этот ученый обращает внимание на то, что предметом проверки в Конституционном Суде РФ могут быть, как федеральные, так и федеральные конституционные законы. Известно также право указанного Суда проверки на предмет «конституционности» норм международного договора и основанных на нем актов ЕСПЧ. При этом, как утверждает указанный автор, не факт, что по итогам проверки указанные акты останутся в исходном нормативном своем состоянии и понимании. Отсюда и вывод Н.Н. Ковтуна, согласно которому нормативная ниша актов конституционного правосудия сразу за Конституцией Российской Федерации – фактически «во главе» внутренней системы актов федерального уровня².

Однако вследствие признания этого вывода определенность системы и иерархия форм выражения российского уголовно-процессуального права, в очередной раз поставлены под сомнение, ибо на доминирующее значение, (как в правовом регулировании, так и в практической конкуренции норм) «претендуют» сразу несколько источников нормативного правового характера (международные договоры – как «конституционные» нормы; акты консти-

---

¹ Определенным исключением из данного правила объективированы позиции Н.В. Ильюченко, которая, напомним, рассматривает акты конституционного правосудия в контексте юридической силы норм непосредственно Конституции РФ. Правда, итоговых выводов, по сути которых данные акты по факту – конституционные нормы, нет и у данного автора. См.: Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., профессора Л.В. Головки. С. 232–235.

² Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 33–34.

туционного правосудия – как живое конституционное право; федеральные конституционные законы – как органическая часть и продолжение конституции). Какой из них реально должна доминировать в правовом регулировании, зависит уже от правосознания публичных участников правовых отношений или официально одобряемых установок. При этом указанное доминирование вполне может «видоизмениться» – в зависимости от органа, в производстве которого находится дело или чьи властно-распорядительные полномочия на данный конкретный момент оказались весомей¹.

В настоящее время тенденции таковы, что без базового закона о нормативных правовых актах Российской Федерации, однозначно разрешающего исследуемые проблемы и безоговорочно исполняемого всеми субъектами правоприменительного процесса, правовая определенность в России формируется не волей закона, а ведомственным усмотрением заинтересованных государственных органов и должностных лиц. Причем волей именно тех органов и должностных лиц, кто реально обладает полнотой власти или тех, кто реальной властью безоговорочно поддерживается².

Кратко нужно остановиться на анализе следующей подгруппы исследуемых источников российского уголовно-процессуального права, к которым авторы, как помнится, относят нормативные указы Президента РФ, постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ, постановления Правительства РФ. Следует согласиться с теми учеными, которые «видят» в указанных актах самостоятельные формы выражения российского

---

¹ Напомним: «... бытие – определяет сознание». В позициях профессора МГИМО А.В. Гриненко безусловный приоритет в иерархии источников российского уголовно-процессуального права отдан нормам международного договора; даже Конституция РФ конвенционально «поставлена» автором на второе место в иерархической системе. В иерархии профессора Российского университета правосудия В.И. Кононенко легальным источником российского уголовно-процессуального права указан судебный прецедент, к которому в принципе не апеллируют иные исследователи. См., соответственно: Гриненко А.В. Уголовный процесс: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт. 2013. 334 с.; Уголовно-процессуальное право: учеб. / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Издательство Юрайт, 2012. 1016 с.

² Вспомним: «Следовательно здесь получается антиномия, право противопоставляется праву ... При столкновении двух равных прав решает сила». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 94.

уголовно-процессуального права. Стоит согласиться и с тем, что в динамике реализующихся правовых отношений длительное отсутствие необходимого подзаконного акта нередко объективируется в качестве фактора для проявлений коррупции, волюнтаризма, нигилистического отношения к праву¹.

В данной связи исключительно в целях оперативного устранения реального правового пробела или минимизации коллизий в практическом применении права надо признать целесообразность издания такого подзаконного акта как указ Президента РФ. Вместе с тем, включение этого акта в систему текущего нормативного регулирования должно основываться на соблюдении системы следующих императивных условий²:

- указ издается при наличии действительно серьезной коллизии, пробела или напряженности в текущем правовом регулировании;

указ издается на основании, во исполнение и в соответствии с федеральным законом, противоречить которому он изначально не вправе;

- при отсутствии указанного закона и реальной оперативной необходимости в соответствующем правовом регулировании, указ изначально не должен противоречить букве и духу Конституции РФ;

- темпоральные рамки действия указа должны быть сравнительно небольшими и прямо указанными в тексте этого нормативного акта, так как, *во-первых*, издание указа по предмету ведения закона в принципе не соответствует идее правовой определенности и верховенства права. *Во-вторых*, императивное право главы государства (Президента РФ) оперативно внести на рассмотрение российского парламента необходимый закон, как приоритетный, и достаточно известные возможности законодательного органа по отказу от второго чтения позволяют принять этот необходимый закон в течение нескольких дней. Указанное ставит пределы для произвольного «указного»

---

¹ См., напр.: постановление Правительства РФ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 26 февраля 2010 г.

² Оговоримся, отстаиваемая система условий является обязательной не только применительно к Указам Президента РФ, но и в отношении каждого из подзаконных актов. См., напр.: Бошно С.В. Указ. соч. С. 18–19, 21.

регулирования столь специфической отрасли общественных отношений как уголовное судопроизводство¹.

Необходимость учета и императивного соблюдения этих условий вызвана как теми известными оценками, которые были даны высшим органом конституционного правосудия по отдельным указам главы государства², так и негативными выводами российской доктрины по итогам мониторинга данной формы выражения права³.

Не вызывает особых возражений и отнесение к источникам российского уголовно-процессуального права постановлений Государственной Думы РФ об амнистии, ибо в указанных актах, нередко содержатся дополнительные «процессуальные» нормы, разъясняющие порядок и условия применения этого акта применительно к отдельным субъектам или категориям преступлений. При этом аналогов указанных норм в иных нормативных правовых актах, как правило, не содержится.

Справедливости ради, нужно отметить, что российской доктриной высказаны, в частности, суждения, что юридическая природа актов Государственной Думы РФ об амнистии по сути аналогична федеральным законам⁴.

---

¹ Каждое из этих условий, как известно, было грубо нарушено, к примеру, нормами Указа Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», отмененного лишь после настойчивой и последовательной критики не только российской уголовно-процессуальной доктрины, но и ряда стран мирового сообщества.

² См., напр.: Постановление Конституционного Суда РСФСР «По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 289 «Об образовании министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» от 14 января 1992 г. // СПС «КонсультантПлюс»

³ См.: Лучин В.О. Указное право России. М., 1996; Лукьянова Е.А. Указное право, как российский политический феномен // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 55–67.

⁴ Конституционный Суд РФ также констатировал вывод о том, что постановления Государственной Думы об амнистии в системе действующих нормативно-правовых актов по своему уровню и материально-правовому содержанию могут быть приравнены только к принимаемым Государственной Думой законам. См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы РФ от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной думы Федерального Собрания РФ "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда г. Челябинска и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

Соответственно, «место» этих актов уже в системе федеральных источников права, а не в подгруппе источников подзаконного характера¹. Признавая определенную правомерность подобной постановки вопроса, тем не менее, не наблюдается реальных правовых оснований для наделения исследуемых актов столь высокой юридической силой. Причиной тому и предмет их ведения, и порядок принятия и введения в действие, и иные юридические свойства этого акта.

Текст и контекст УПК РФ дают достаточно оснований для констатации вывода о том, что в настоящее время исследуемые акты являются неотъемлемым средством правового регулирования ряда «частных» вопросов уголовного судопроизводства России. Налицо и тенденции к усилению роли указанных актов в устранении пробельности или напряженности в правовом регулировании отдельных моментов производства по уголовному делу, которые объективно нуждаются в достаточно подробной детализации, но не требуют того, чтобы указанное было реализовано посредством отдельного федерального закона. Достаточно очевидной также видится объективация факта, суть которого в том, что в указанных актах, нередко, содержатся нормы, не имеющие содержательных аналогов непосредственно в УПК РФ. При условии, что последние не противоречат сути и духу уголовно-процессуального закона, не вторгаются в сферу регулирования собственно **порядка** уголовного судопроизводства России, особых оснований для критики данной специфической формы выражения права в целом нет.

Столь же категорически надо отказаться от обсуждения вопроса о том, насколько можно и нужно считать источниками российского уголовно-процессуального права ведомственные приказы и указания системы правоохранительных органов, предмет регулирования которых, в том числе уголовное судопроизводство России. Проблемы указанного негативного «регулирования» уже нашли свое весомое отражение в рамках широкой научной

---

¹ См.: Даровских С.М. Указ. соч. С. 45-46.

полемики¹. Отчасти известна и констатация итоговых выводов, согласно которым эта форма явления «права» объективирует себя исключительно на основании закона, в соответствии с законом и во исполнение последнего. Незыблемость этих констант в принципе не может быть предметом дискуссий, внутреннего убеждения публичных субъектов применения права, соответственно, оправданием ведомственной «корректировки» закона субъектом применения права в соответствии с субъективным своим убеждением об «истинной» воле закона. Это основы, на которых базируются и функционируют принцип верховенства права и идея правовой определенности, как фундаментальная его составляющая. И если приходится повторять эти константы, то лишь в силу того, что в практической сфере применения права, как уже отмечалось, правосознание публичных субъектов применения права, нередко, формирует отнюдь не закон, а ведомственные его «интерпретации». Приведем один из примеров:

Можно привести один из подобных примеров. 19 ноября 2012 г. судебная коллегия Томского областного суда, проверив дело в кассационном порядке, отменила решение суда первой инстанции, признав его незаконным, необоснованным и немотивированным. В ходе прений в суде первой инстанции государственный обвинитель С. отказался от поддержания обвинения по эпизоду совершения мошеннических действий в отношении потерпевшей В. на основании п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, мотивируя это отсутствием в материалах дела достаточной совокупности доказательств, подтверждающих виновность подсудимого В.

В соответствии с нормами ч. 7 ст. 246 УПК РФ суд первой инстанции прекратил производство по этому эпизоду, полагая, что в силу буквальной воли закона он связан как позицией государственного обвинителя, так и сутью указанной нормы закона. Суд вышестоящей инстанции, отменяя указан-

---

¹ См., напр.: Колоколов Н.А. Приказы Генерального прокурора РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 49–58; Его же. Ген-прокурор восполняет пробелы. URL: <http://www.gazeta-ush.gi/agis1e.pl1p?l=129>.

ное решение, пришел к принципиально иным выводам. По его мнению, отказываясь от обвинения, государственный обвинитель С. не дал всесторонней оценки каждому из доказательств по указанному эпизоду мошенничества. Отсюда мотивировка отказа является неполной, нарушающей права потерпевшей В.

Кроме того, незаконность решения суда первой инстанции, по мнению вышестоящей инстанции, заключается в том, что в соответствии с п. 8 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465¹ и приказом Генеральной прокуратуры от 27 ноября 2007 г. № 189² государственному обвинителю, в случае отказа от обвинения в судебном заседании, предписано согласовывать свою позицию с вышестоящим прокурором. Последний либо предпринимает меры по замене государственного обвинителя в судебном процессе, либо поддерживает его позиции, но уже от имени в целом прокуратуры – как государственного органа. Поскольку государственный обвинитель С. своими действиями поставил под сомнение указанные принципы единства и централизации прокуратуры, ни решение суда первой инстанции, ни его действия нельзя признать законными и обоснованными³.

Казалось бы, что за дело независимому органу судебной власти, да еще в правовом государстве, до столь широко «цитируемых» предписаний Генеральной прокуратуры РФ, проблем соблюдения субординации в указанном органе или обеспечения принципов его единства и централизации. Тем не менее, вышестоящий суд максимально «весомо» апеллирует к названным актам, как к явным нарушениям закона, не принимая во внимание или игнорируя, достаточно однозначные положения ч. 7 ст. 246 УПК РФ, императивно обязывающие суд первой инстанции к прекращению уголовного дела или

---

¹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Кассационное определение Томского областного суда от 19 ноября 2012 г. // ГАС «Правосудие»: URL: <http://bsr.sudrf.ru/>.

уголовного преследования в исследуемой ситуации. Двусмысленность к указанной ситуации добавляет тот факт, что на указанный императив действий и решений суда, как единственно возможный, неоднократно указывала и высшая судебная инстанция государства (Верховный Суд РФ). К примеру, в кассационном определении от 13 июня 2006 г. № 14-о06-18¹. Не менее определенными виделись и соответствующие положения российской уголовно-процессуальной доктрины².

Когда и в силу каких обстоятельств столь резко изменились позиции власти судебной, видимо, в настоящей монографии несколько упущено. Как следствие, вопросы о том, насколько можно считать данное решение суда законным и обоснованным, а нормы ч. 7 ст. 246 УПК РФ достаточно определенными для отправления законного и обоснованного правосудия, видится верным оставить для обсуждения иными исследователями. Отталкиваясь от предмета исследования, стоит задаться иным принципиальным вопросом: какие стандарты по применению ч. 7 ст. 246 УПК РФ должны, в итоге, формироваться в правосознании судей, выслушивающих отказ государственного обвинителя от обвинения в суде первой инстанции, хотя бы на ближайший обозримый период? Основанные на буквальной воле закона (ч. 7 ст. 246 УПК РФ), на интерпретациях Генеральной прокуратуры РФ или на «актуальных» на конкретный момент позициях вышестоящих судебных инстанций? Тем более что, судя по публикациям и достаточно серьезным исследованиям российской доктрины, подобные несогласующиеся «стандарты» все более нарабатываются в судах любого из звеньев судебной системы Российской Федерации³.

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 14-о06-18 // ГАС «Правосудие»: URL: <http://bsr.sudrf.ru/>

² См., напр.: Владыкина Т. Предварительное слушание в суде присяжных // Уголовное право. 2015. № 3. С. 95–100.

³ См.: Ермакова Т. Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? // Уголовное право. 2015. № 6. С. 90–96.

Как следствие, предложенный к обсуждению анализ не может считаться законченным и достоверным без исследования вопроса о роли и «месте» в текущем уголовно-процессуальном регулировании, *во-первых*, «разъяснительных» постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам уголовно-процессуального права и практики; *во-вторых*, вне анализа индивидуальных правоприменительных актов высших судебных инстанций страны; *в-третьих*, столь же необходим достоверный анализ определенности, как юридической сути актов конституционного правосудия, так и все более нарабатываемых его правовых позиций и итоговых выводов по наиболее острым коллизиям российского уголовно-процессуального права, причем не только «по факту», но и «по праву».

Насколько указанное правомерно и имеет под собой основание, вряд ли предмет для «резюмирующих» выводов или лапидарных к тому рассуждений. В данной связи, представляется, будет и теоретически, и методически оправданным вынести эти вопросы на самостоятельное рассмотрение. Основой для этого служит потребность в определенности роли и «места» в правовом регулировании таких форм выражения российского права, как: акты конституционного правосудия; прецеденты Европейского Суда по правам человека; «толковательные» и «нормативные» разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и судебные прецеденты высших судебных инстанций России.

Представляется, только на основе такого анализа можно констатировать систему теоретических и практических выводов относительно оптимальности и иерархии источников российского уголовно-процессуального права, в том числе в контексте в целом определенности данной системы.

Глава III.

Акты конституционного правосудия как фактор определенности российского уголовно-процессуального права

§ 3.1. Правовая определенность актов конституционного правосудия в системе нормативного регулирования уголовного судопроизводства России

Ещё в период своего становления конституционный судебный контроль оказался связан с целым рядом проблем и коллизий, отражающих те или иные формы его проявления в сфере российского правотворчества и правореализации. Наиболее сложными для понимания и коллизионными для практического применения права, в частности, оказались вопросы о характере деятельности Конституционного Суда РФ (далее – Конституционный Суд, Суд), как особой формы отправления правосудия¹ или формы реализации специализированной судебно-контрольной деятельности².

Не обнаружилось единства подходов и в оценке правовой природы, принимаемых Конституционным Судом итоговых актов, которые одновременно характеризуются российской доктриной и как непосредственно нормативные правовые акты (акты правотворчества, нормы)³, и как судебные пре-

---

¹ См., напр.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М., 1998. С. 37–41; Лазарев Л.В. Конституционно-правовые основы организации и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 6. С. 3.

² См., напр.: Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 192.

³ См.: Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // В кн.: Судебная практика как источник права. М.: Юристъ, 2000. С. 41–42; Хабриева Т.А. Толкование Конституции РФ. Теория и практика. М., 1998. С. 10; и др.

цеденты¹, и как правовые констатации, и как решения преюдициального плана², и как правовые презумпции. Достаточно известны также подходы доктрины к синергитическому объединению указанных свойств в едином и желательном операциональном понятии³.

Не менее широкое многообразие подходов и взглядов явила дискуссия о правовой сути не только итоговых выводов, сформулированных Конституционным Судом РФ при разрешении спора, но и правовых позиций, высказанных в описательно-мотивировочной части принимаемых актов. Коллизионной «частностью» этого спора был и остается вопрос о правовом значении не только итоговых постановлений Суда, выносимых при разрешении спора по существу, но и «отказных» его актов, выносимых в форме определений. Особенно, тех из них, которые вынесены с «положительным содержанием» и, по сути, формируют новые нормы, не имеющие аналогов в той или иной отрасли российского права⁴.

Более двух десятилетий для российской доктрины и практики неразрешенными остаются вопросы о юридической силе и общеобязательности правовых позиций, изложенных в резолютивной и мотивировочной части итоговых актов Конституционного Суда РФ. Суть проблемы в том, что в качестве единственно достоверных одновременно обосновываются правовые позиции и итоговые выводы, согласно которым:

---

¹ См.: Видергольд А.И. Судебные правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ как источник уголовно-процессуального права // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2014. Т. 14. № 1. С. 28-31; Витрук Н.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Программа международного форума. М., 1999; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. М.: КНОРУС, 2008. С. 41; и др.

² См., напр.: выст. Морщаковой Т.Г. Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы: Обзор научно-практической конференции // Государство и право. 1997. № 5. С. 8; Батуев Н.В. Решения Конституционного суда РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования. Ижевск, 2003. С. 76–78; и др.

³ См.: Лазарев Л.В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 3-13; Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2012. С. 85–87; и др.

⁴ См.: Лазарев Л.В. Конституционный Суд и развитие конституционного права. С. 3–13.

- только постановление Конституционного Суда является легитимным источником (формой выражения) права, и, напротив, определение лишено подобной юридической силы¹; при этом постановление высшего органа конституционного правосудия обязательно целиком, а резолютивная часть представляет собой его концентрированный вывод²;

- правовые позиции содержатся в мотивировочной части решения Конституционного Суда и не тождественны с итоговым выводом, который обычно представлен лаконичной фразой, изложенной в резолютивной части решения³;

- правовая позиция (по факту – предписание/норма) может содержаться не только в постановлении, но и в «отказанном» определении, которым Конституционный Суд отказывает заявителю в принятии его обращения к рассмотрению по существу⁴.

Непосредственно для практической стороны уголовно-процессуального права России и правовых его отношений коллизионными оказались вопросы о характере взаимоотношений Конституционного Суда РФ (через суть правовых позиций и итоговых выводов актов данного органа) с законодательной властью Российской Федерации и системой судов общей юрисдикции.

Наконец, как уже отмечалось, исходной ясности (определенности) требуют подходы и выводы как о месте актов Конституционного Суда в системе источников российского уголовно-процессуального права⁵, так и о стратеги-

---

¹ См., напр.: Соколов Т.В. Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права: автореф. дис. ... канд. юрид наук (12.00.09). СПб., 2014. 30 с.; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. С. 41–42.

² См.: Страшун Б.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Избирательное право и избирательный процесс. М.: Норма, 2000. С. 115–116.

³ См.: Маврин С.П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»). М., 2011. С. 563.

⁴ См.: Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как фактор декодификации УПК РФ // Уголовный процесс. 2008. № 11. С. 3–10.

⁵ См.: Козявин А.А. Взгляд на категориальный аппарат науки уголовного судопроизводства через призму правовых позиций Конституционного Суда РФ // Российский следова-

ческом единстве (определенности) его правовых позиций и итоговых выводов по тождественному предмету разрешенного коллизионного спора¹.

Как рамки и задачи данной работы, так и предмет избранного анализа объективно не позволяют максимально скрупулезно и комплексно рассмотреть все грани и частности, озвученных выше проблем и вопросов, сформировать «свою» систему подходов и выводов, призванных к «окончательному» их разрешению, и снятию тем самым негативных коллизий на практике. Да этого по факту уже и не требуется, ибо доктрина, как представляется, достаточно «насыщена» в этих моментах.

Прежде всего, мы не считаем реальным предметом дискуссии вопрос о характере деятельности Конституционного Суда РФ. Российской доктриной в достаточной мере обоснован тезис о том, что по основной своей функции, цели деятельности, характеру защищаемых прав и свобод, предмету и пределам осуществления деятельности, характеристике повода к началу проверки, функционирование этого органа, связанное со специализированным судебным контролем, вполне укладывается в характеристики отправления правосудия². Не случайно, в данной связи, и достаточно устоявшееся в российской доктрине и практике именование этого органа как «высшего органа конституционного правосудия».

Несравненно больше дискуссий в доктрине и коллизий на практике вызывает вопрос о правовой природе актов высшего органа конституционного правосудия, которые принимаются по итогам рассмотрения спора. Т.Я. Хабриева обоснованно обращала внимание на то, что толкование Конституцион-

---

тель. 2013. №19. С. 23-26; Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права // Государство и право. 2015. № 8. С. 32–42; и др.

¹ См. подробнее: Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103; Никонов М.А. Переквалификация *in deaforem* // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 42–49; Ковтун Н.Н. Суды *fema* // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 20–27.

² См.: Лазарева В.А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль. Самара, 2001. С. 42–43; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. С. 24–42. Аналогично: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П (пункт 2); и др.

ного Суда РФ относится к высшему уровню официального толкования; что его решения хотя и не имеют силы закона, но по многим параметрам такой силой обладают (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде»)¹. Развивая в дальнейшем это концептуальное положение, она же приходит к выводу о том, что фактически решения Конституционного Суда РФ являются нормативными предписаниями (актами правотворчества)².

Не менее однозначно этот подход выражен в позициях В.В. Лазарева, который категоричен в константе о том, что решения Конституционного Суда РФ представляют собой полноценные источники российского права. Основы данной уверенности в суждениях автора, по сути которых постановления конституционного правосудия должны быть оценены, как акты федерального органа власти, которые носят нормативный характер. Они же принимаются в строго установленном законом порядке, а по формулированию правовых предписаний – приближаются к законодательным текстам (имея, правда, особенности в плане законодательной техники). Как и закон, эти акты содержат набор внешних атрибутов и, прежде всего, являются официально публикуемыми текстами. По юридической силе данные акты обязательны для своих адресатов и действуют непосредственно. Они же всегда окончательны, и не могут быть предметом обжалования со стороны заинтересованных лиц. По итоговым результатам акты конституционного правосудия нередко влекут утрату нормами изначальной юридической силы. Адресатами конституционных правовых предписаний, в большинстве своем, также является относительно неопределенный круг органов и лиц. Наконец, субъекты правовых отношений обязаны руководствоваться данными актами применительно к регулируемой практической ситуации. Обязательность последнего

---

¹ Хабриева. Т.Я. Толкование Конституции РФ. Теория и практика. С. 10–11.

² Хабриева Т.Я. Процессуальные вопросы толкования Конституции в деятельности Конституционного Суда РФ // Государство и право. 1996. № 10. С. 17.

обеспечена принудительной силой государства. Как следствие, резюмирует В.В. Лазарев, это полноценные нормы¹.

Менее категоричны в этих моментах В.А. Савицкий и Е.Ю. Терюкова. Исследуя особенности судебного «правотворчества» Конституционного Суда РФ и порождаемых им правовых предписаний, указанные исследователи не видят в итоговых актах данного органа признаков, столь широко анонсированной «полноценности», и достаточно сдержанно именуют их «своеобразными» нормами права или «квазинормами»².

М.Н. Марченко, анализируя эти подходы, утверждает, что тем самым в решающей мере снимается острота спора, которая время от времени возникает по поводу того, создает ли высший орган конституционного правосудия новые нормы права, или же он исключительно (с позиций Конституции РФ) толкует и уточняет легально существующие нормативные предписания³.

Между тем указанный тезис, как представляется, явно ошибочен. И прежде всего в силу того, что как теория нормативности, так и система форм выражения российского права не включают в себя ни «квазинорм», ни «своеобразных», но, тем не менее, по факту, обладающих максимальной юридической силой правовых предписаний, юридическая природа которых не определена в принципе. Кроме того, указание на «своеобразие» указанных норм не объясняет того, каким именно образом столь «своеобразные» акты неред-

---

¹ Лазарев В.В. Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 49. Аналогично см.: М.Н. Марченко – акты Конституционного Суда РФ представляют собой полноценные нормы; М.А. Митюков – акты Суда представляют собой конституционные нормы в их динамике. См., соответственно: Марченко М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 11-21; Митюков М.А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и статистический анализ // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 15.

² См.: Савицкий В.А., Терюкова Е.Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 75.

³ Марченко М.Н. Указ. соч. С. 20.

ко нивелируют предписания не только федеральных, но и федеральных конституционных законов или норм международного договора¹.

Косвенным отражением этой полемики объективируется неопределенность подходов к определению нормативной сути актов конституционного правосудия в правосознании судей. Последние либо в принципе не усматривают нормативной ценности в актуализации этой формы «правовых» предписаний, либо избирательно обращаются только к тем актам конституционного правосудия, которые «одобрены» нормативным толкованием Пленума Верховного Суда РФ или закреплены в качестве правовых стандартов в официальных обзорах судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ. Так, в ходе опроса только 17,6% опрошенных респондентов были готовы признать, что акты конституционного правосудия являются легальными источниками российского уголовно-процессуального права и могут быть использованы при обосновании итоговых актов отправления правосудия; 36,8% отмечают, что данные акты учитываются при вынесении итоговых судебных решений; 47,6% не признают их легальной формой выражения права и не готовы апеллировать к ним при обосновании итоговых актов суда. При этом что примечательно, 87,2% констатируют, что в практической сфере данные акты являются серьезным фактором формирования неопределенности (в целом) системы российского уголовно-процессуального права².

Не менее известны и противники озвученных выше подходов, в принципе не допускающие отнесение итоговых актов Конституционного Суда ни к правотворческим актам, ни к судебным прецедентам, формирующим новые нормативные предписания³. При этом если одни из ученых достаточно по-

---

¹ Отчасти указанное «поясняет» В.Д. Зорькин, когда утверждает, что юридическая сила актов конституционного правосудия «превышает юридическую силу любого закона, а, следовательно, практически равна юридической силе самой Конституции ...». См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М.: Норма, 2008. С. 132–133.

² Приведенные данные получены при обработке анкет, предложенных к обсуждению судьям кассационных и надзорных составов судебной системы России (анкета 1, приложение № 2 к диссертации).

³ См., напр.: Володина Л.М. Проблема источников уголовно-процессуального права // Ученые записки: сб. науч. тр. юрид. факультета Оренбургского ГУ. Вып. 3, Оренбург,

следовательны и принципиальны в этом вопросе, то векторы и результаты суждений других понять достаточно сложно.

Можно привести, к примеру, позиции Б.С. Эбзеева, который, в частности, утверждает: «Прецеденты, создаваемые Конституционным Судом РФ, как и акты толкования, имеют нормативно-регулирующее значение, и в этом смысле они также являются высшими по своей юридической силе правовыми нормами, распространяются на неопределенно большой круг случаев и субъектов конституционно-правовых отношений»¹.

Несколько иные суждения приведены в иной работе, где Б.С. Эбзеев, с одной стороны, как бы не признает исследуемые акты «имеющими нормативно-регулирующее значение, хотя фактически и являющимися таковыми»².

Наконец, в еще одной работе этот же автор категоричен в суждении, согласно которому Конституционный Суд однозначно «формирует конституционно-правовую доктрину, предлагает свое понимание тех или иных положений Конституции РФ, которое «связывает» все иные органы государственной власти и других субъектов конституционно-правовых отношений, и тем самым фактически выполняет правотворческую функцию»³.

Правда, каким именно образом конституционно-правовая доктрина (по факту, система научных взглядов, суждений, идей ...) «связывает» законодателя, органы государственной власти и заинтересованных участников публичных правовых отношений при этом Б.С. Эбзеевым не поясняется.

2006. С. 24; Лукьянова Е.А. Конституция в судебном переплете // Законодательство. 2000. № 12. С. 47; Божьев В. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1. С. 54; Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч.-практ. пособие / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагеева, Е.В. Ежова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2014. 704 с.; и др.

¹ Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 7.

² Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. М., 1996. С. 163–164.

³ Эбзеев Б.С. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде Российской Федерации: комментарий. М., 1996. С. 23–24.

С.В. Поленина, критикуя эти позиции, справедливо указывает, что при подобном подходе и указанных итоговых выводах акты конституционного правосудия по своей юридической силе оказываются значительно «выше» не только федеральных, федеральных конституционных законов и самой конституции, но и актов, принятых на всенародном референдуме. Однозначно и ее резюме по факту данных суждений: указанное вряд ли соответствует правовому государству и гражданскому обществу¹.

Признавая определенную ценность этих суждений, которые вполне можно разделить, особо отметим значимость того, что С.В. Поленина ставит на обсуждение принципиально важный вопрос о реальной иерархии актов конституционного правосудия в общей системе источников (форм выражения) российского права.

Однако, для того чтобы действительно верно ответить на этот исходный вопрос, необходимо изначально определиться в вопросах о том: какие именно части акта конституционного правосудия формируют новые нормы; равны ли эти части в своей юридической силе; не является ли названный акт в целом согласованной нормой, которая должна быть воспринята единственно в диалектике своего содержания и итоговых выводов?

Указанная постановка вопроса вызвана тем, что, как уже отмечалось, в доктрине российского права, включая уголовно-процессуальную его составляющую, нет единства суждений в вопросе о том, какие именно части акта, вынесенного Конституционным Судом РФ, следует считать источником права (непосредственно предписанием/нормой), а какие не имеют подобной юридической силы.

Одни ученые утверждают, что исследуемые акты в целом являются источником российского права, правда, признавая при этом, что мотивировочная и резолютивная части постановления имеют разное правовое значение².

---

¹ Поленина С.В. Законодательная техника и судебный прецедент // Проблемы юридической техники: сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 55.

² Лазарев Л.В. Техника учета решений Конституционного Суда ... С. 51.

Другие, выделяют само постановление-норму (его резолютивную часть) и так называемую правовую позицию Конституционного Суда, изложенную в описательно-мотивировочной части принятого решения¹. Третьи, выступают за то, что предписания-нормы содержатся в итоговых постановлениях Конституционного Суда и отсутствуют в его отказных определениях².

Столь же различно представлено в российской доктрине понимание правовых позиций Конституционного Суда РФ. Последние одновременно характеризуются и как отношение к определенным правовым проблемам³, и как субъективная точка зрения судей данного органа, основанная на нормах права и правовой доктрине⁴, и как правовые выводы, идеи общего характера, правовые ориентиры⁵, и как логико-правовое обоснование выводов Суда⁶.

Кроме того, к примеру, Г.А. Гаджиев, опираясь на английскую правовую доктрину, явно различает – *ratio decidendi* – решающий довод, обязательный для других субъектов применения права (который собственно и образует правовую норму, заключенную в итоговом решении Суда), и другие части решения, которые в качестве источника права служить не могут⁷.

¹ См.: Богданова Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного права Российской Федерации. 1997. № 3. С. 63. Аналогично: Романова О.В. К вопросу о понятии и правовых позициях Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 7. С. 84–87.

² При этом несколько игнорируется тот факт, что до 90–95% решений Суда как раз составляют «отказные» определения, также содержащие принципиально новые отраслевые нормы. См. подробнее: Калиновский К.Б. Значение «отказных» определений Конституционного Суда Российской Федерации для понимания и применения норм уголовного и уголовно-процессуального права // Тезисы Международной научной конференции «Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса», 30-31 октября 2009 г.

³ См., напр.: Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 12.

⁴ См.: Батуев Н.В. Решения Конституционного Суда РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования: учеб. пособие. Ижевск: Детектив-информ, 2003. С. 80.

⁵ См., напр.: Саликов М.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие и система // Правоведение. 2003. № 5. С. 49–59.

⁶ См., напр.: Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: правовые основы и практика. М., 1999. С. 109.

⁷ Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28). С. 82, 83.

При исходном, заранее оговоренном условии этого автора¹, что именно правовые позиции Конституционного Суда РФ наиболее полно «совпадают» с *ratio decidendi*, закономерен и вывод о том, что именно последние следует считать формой выражения российского права (предписанием-нормой). Кроме того, стоит подчеркнуть, что особая юридическая сила правовой позиции дает Г.А. Гаджиеву основание отождествлять ее с принципом права, и даже считать «живым, развивающимся конституционным правом»².

Последний вывод стоит субъективно выделить и усилить. Причина указанного в том, что со временем апелляции судей высшего органа конституционного правосудия и отдельных ученых к актам конституционного правотворчества, как к «живому и развивающемуся конституционному праву», все более трансформируются в фактически не подлежащую обсуждению правовую константу³. Отсюда, разумеется, и «надлежащее» место в правовой иерархии для данной формы выражения «права», изначально определенное сторонниками столь кардинальных подходов.

Аналогичная неопределенность наблюдается в подходах Н.В. Витрука, в концепции которого правовые позиции Конституционного Суда, с одной стороны, наделяются юридической силой непосредственно конституционно-правовых норм, и, соответственно, уравниваются в юридической силе с Конституцией РФ. С другой стороны, они же, но применительно к юридической практике, имеют характер судебного прецедента, однако только по юридической силе, поскольку по своей природе они таковыми, напротив, не являются⁴. Как следствие, по сути, столь «замысловатые» смысловые и нормативные конструкции практически невозможно понять: чем именно, (каким правовым явлением?) являются исследуемые правовые позиции.

---

¹ Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права. С. 82. Аналогично см.: Лазарев Л.В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 4.

² Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права. С. 82.

³ См., напр.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М.: Норма, 2008. С. 132–133.

⁴ Витрук Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение. С. 95.

Следует вспомнить и то, что в ходе дискуссии высказаны тезисы о том, что правовые позиции, выраженные в актах конституционного правосудия, в контексте с особыми мнениями судей, во многом напоминают правовую доктрину, причем в прямом смысле этого слова¹. Они же оцениваются как своего рода правовые обыкновения, которые (по отдельным категориям дел) приобретают значение своеобразных источников российского права².

При всей познавательной ценности приведенных суждений и взглядов, отметим, практически не обсуждается определяющий вопрос – о месте «конституционной доктрины» («правового обыкновения», «точки зрения судей») в системе форм выражения российского права. Между тем, указание на «своеобразие» этих источников, как уже отмечалось, в принципе не снимает проблем в правилах практической конкуренции исследуемых «норм» с иными формами выражения российского права, особенно, в коллизионных вопросах процесса³. Тем более, что при обращении к практике высших судебных инстанций Российской Федерации тезис о «нормах живого конституционного права» с высшей юридической силой и прямым действием, как выяснилось, воспринимается далеко не всегда⁴.

Д.В. Карпов также указывает, что юридическое значение итоговых постановлений Суда двояко. С одной стороны, это официальный общеобязательный ответ на поставленный в обращении вопрос о соответствии Конституции РФ нормативного правового акта или договора, либо о толковании неясных положений самой Конституции РФ. Юридическое значение такого

---

¹ См.: Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине. С. 91-97; Эбзеев Б.С. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде Российской Федерации: комментарий. С. 23; и др.

² Последнее, как резюмируется, особо проявляет себя в решениях Суда по уголовно-процессуальным вопросам. См.: Лазарев Л.В. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы совершенствования: сб. ст. Т. 2. С. 48.

³ Так, по данным проведенного нами исследования 76,4% не готовы признать, что в иерархии источников российского уголовно-процессуального права акты конституционного правосудия находятся на одном уровне с нормами непосредственно Конституции РФ; 56,8% не готовы признать, что они доминируют во внутренней системе национального права (анкета 1, приложение № 2 к диссертации).

⁴ См., напр.: Даровских С.М. Указ. соч. С. 101, 111; Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как фактор декодификации УПК РФ. С. 3.

«ответа», отмечает автор, весьма ограничено, ибо он «играет роль только для данного конкретного конституционного дела». Конституционный Суд РФ в указанной ситуации выступает как негативный законодатель либо как официальный интерпретатор конституции. С другой стороны, этот же ученый констатирует существенное значение собственно правовой позиции Конституционного Суда, ибо последняя представляет собой синтетическое единство вердикта суда по делу и юридической концепции обоснования этого вердикта. В результате, резюмирует Д.В. Карпов, правовые позиции Конституционного Суда РФ в одном случае носят прецедентный характер и обязательны при рассмотрении всеми судами России сходных дел. В другом случае они хотя и имеют юридическую силу, однако не обладают прецедентным характером¹.

Отчасти эту проблему поясняет профессор С.В. Поленина, утверждая, что «прецедентом в собственном смысле слова такие решения являются только для самого Конституционного Суда РФ, оказывая лишь косвенное влияние на правотворческие акты иных государственных органов»².

Казалось бы, вот она «искомая» определенность в этом вопросе. Однако, с сутью этого вывода не согласна Т.Г. Морщакова, напротив, считая, что процессуальным аналогом силы решения Конституционного Суда следует считать преюдицию³, а не прецедент, поскольку прецедентное решение обязательно только для решений по аналогичным делам. Решения же Конституционного Суда РФ обязательны для всех дел, связанных с применением соответствующей нормы⁴.

С последним тезисом нет необходимости спорить. Однако с методических позиций стоит задаться вопросом: насколько в согласии с общей теори-

---

¹ Карпов Д.В. Конституционно-правовые основания актов судебной власти: технико-юридический аспект // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 485-486.

² Поленина С.В. Законодательная техника и судебный прецедент. Н. Новгород, 2000. С. 56.

³ См. аналогично: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М. Норма, 2008. С. 130.

⁴ См.: Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы: Обзор научно-практической конференции. М., 1997, С. 8.

ей права и законодательной техникой «пребывают» практические следствия принятия указанных актов: когда посредством судебного прецедента (преюдиции, правового обыкновения, презумпции) полностью отменяются или изменяются в юридической сути нормы международного договора межгосударственного характера, федеральных конституционных законов, иных актов федерального уровня. Столь же правомерен и практически значим тот же вопрос относительно аналогичных полномочий резюмируемой «... конституционной доктрины».

Интересен генезис подходов к «решению» данной проблемы со стороны непосредственно Конституционного Суда РФ¹. На первом этапе, апеллируя единству описательной и резолютивной частей вынесенного итогового акта, Конституционный Суд сформулировал тезис о том, что для субъектов правовых отношений обязательен не только итоговый вывод решения, «но и система аргументации, приводимая в его обоснование и называемая законом правовой позицией Конституционного Суда РФ»².

Какой-либо особой критики этой кардинальной новации ни законодатель, ни в целом не предложили. Как следствие, Конституционный Суд расширил свои «притязания». В одном из последующих актов был обоснован тезис о том, что «правовые позиции, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда РФ в резолютивной части его решения, обязательны для всех государственных органов и должностных лиц»³. Причем обязательны, как констатировалось, именно как предписания-нормы

---

¹ Подробнее по этому поводу см.: Сидоров В.И. Специализированный конституционный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09). Н. Новгород, 2003.

² Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права. М. 1997, С. 9.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 1997 г. «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собр. законодательства РФ. 1997. № 42. Ст. 4900.

настолько значимой юридической силы, как и сама Конституция Российской Федерации.

Должной реакции органов государственной власти вновь не последовало. Как следствие, Конституционный Суд «уверенно» перешел к закреплению безусловной императивности своих доктринальных конструкций, уже официально отстаиваемых как «живое конституционное право» наивысшей юридической силы, непосредственно в постановлениях. При этом, всё чаще формулируя такие правовые позиции, которые вообще не имели отношение ни к существу спора, ни к оспариваемому нормативному акту¹.

Как отмечает профессор Е.А. Лукьянова, оказалась фактически разрушенной теория нормативности российского права, признаваемая в качестве аксиомы законодателем и большинством участников правовых отношений, в том числе действующих *ex officio*. В системе российского права императивными, имеющими высшую юридическую силу нормами явочным порядком «объявлены» пространные юридические суждения членов Конституционного Суда РФ «на тему», представляющуюся истиной большинству судей этого органа².

Причем истиной, как выяснилось, носящей нередко достаточно ограниченный темпоральный характер. Несмотря на то, что решения Конституционного Суда не выступают объектами контроля (отмены/изменений) со стороны иных органов государственной власти России и не могут быть преодолены повторным принятием оспоренного отраслевого закона, они могли быть пересмотрены самим Конституционным Судом РФ. В частности, презумпция истинности правовой позиции Конституционного Суда, высказанной в итоговом акте, могла быть опровергнута при наличии серьезных со-

---

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // Собр. законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3989. См. также: Даровских С.М. Указ. соч. С. 106-107.

² Лукьянова Е.А. Конституция в судебном переплете // Законодательство. 2000. № 12. С. 54.

мнений в ее обоснованности. Как следствие «Суд, рассматривая на пленарном заседании другое дело, вправе изменить позицию на ту, которая, по его мнению, в большей мере отвечает современному уровню правового регулирования»¹.

Из вышеизложенного следуют, как минимум, следуют два определяющих вывода. Во-первых, сформированные правовые позиции, по факту, зависят не от сути тех или иных норм Конституции РФ, истинно познанных Конституционным Судом, а от текущего «уровня правового регулирования». Во-вторых, не изменение нормативного содержания конституции, не изменившиеся общественные отношения или объективные потребности личности, общества, государства и даже не коллизии правоприменительной практики, а лишь субъективные сомнения судей высшего органа конституционного правосудия о соответствии их правовой позиции «более современному уровню правового регулирования» могли быть объективированы в качестве единственных оснований для изменения/отмены еще недавно столь незыблемых, «живых конституционных норм». Со временем, правда, убежденность в истинности и непогрешимости сформированных правовых позиций, видимо, утвердилась настолько, что, посредством изменения нормативного регулирования деятельности высшего органа конституционного правосудия, было принято решение категорически отказаться как от пленарных заседаний Конституционного Суда РФ, так и от любых попыток к пересмотру состоявшихся «конституционных» правовых констатаций. В действующей регламентации легального процедурного механизма к исправлению явных противоречий в правовых позициях Конституционного Суда РФ по однородному предмету рассмотрения спора (предмету конституционной проверки) ФКЗ «О Конституционном Суде...» уже не содержит². При этом в процессе закрепления этой

---

¹ См.: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: комментарий. С. 229.

² Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. 14.12.2015). [Электронный ресурс]. URL:

константы не были приняты во внимание ни обоснованные сомнения российской доктрины в столь широко презюмируемой «безошибочности» итоговых актов Конституционного Суда¹, ни апелляции к европейской практике отправления конституционного правосудия предусматривающей легальные механизмы коррекции итоговых актов специализированного конституционного контроля².

Между тем, в контексте столь непререкаемой презюмируемой в доктрине и практике истинности правовых позиций высшего органа конституционного правосудия, стоит обратиться, к примеру, к суждениям одного из бывших судей этого органа, однозначно констатирующего «личностную» специфику официального толкования конституционных норм. Последняя, как отмечает Г.А. Гаджиев, выражается в том, что герменевтика всегда предполагает участие человека, а значит, и определенный **субъективизм при появлении итоговых представлений**³. Насколько этот субъективизм, в том числе отраженный в актах конституционного правосудия, должен быть охарактеризован и воспринят как непосредственно «живое конституционное право» России, остается без обсуждения.

Еще более определенно в этих моментах высказывается В.О. Елеонский. Понимая правовую позицию Конституционного Суда РФ как **этап познания** конституционной нормы, этот ученый в итоге приходит к суждению, что различное понимание одной и той же конституционной нормы по различным делам свидетельствует о продолжающемся процессе ее познания.

---

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/97abe6fd8de21b3e15e5f784b30144f6e2a068b7/.

¹ См., напр.: Божьев В.П. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовный процесс. 2000. № 1. С. 54–55; Котельников М.Г. Конституционное право на судебную защиту (на примере практики Конституционного Суда Российской Федерации). Челябинск, 2008. С. 121.

² См., напр.: Митюков М.А. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. М., 1998. С. 46–47; Громов Н., Колесников Е. Принципы судопроизводства должны распространяться и на Конституционный Суд // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 19–20.

³ Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 22–46. Аналогично: Корнев В.Н., Алешкова И.А. Толкование и применение конституционных предписаний судами в Российской Федерации: интегративный подход // Государство и право. 2015. № 10. С. 6; и др.

Соответственно, итоговая правовая позиция Конституционного Суда РФ – это не сама (познанная – М.С.) конституционная норма, а то или иное субъективное понимание (прочтение) ее смысла¹. Причем понимание, которое, подчеркнем, может вполне измениться на определённом этапе (по мере нового познания или по мере изменения «уровня правового регулирования»).

Всецело разделяя эти подходы, А.А. Малюшин итожит, как данность, что именно представление о практике конституционного судебного правотворчества, как о нарастающем **процессе познания нормы**, позволяет объяснить, почему по одному и тому же вопросу (предмету конституционной проверки – М.С.) с течением времени может быть несколько последовательно выраженных правовых позиций высшего органа конституционного правосудия².

По поводу декларируемой ученым последовательности – пока воздержимся от приведения достаточно известных примеров, столь же последовательно опровергающих указанный тезис³. Напротив, в вопросах нередко кардинального различия правовых позиций (как резюмируют – норм «живого конституционного права») по одной и той же нормативной проблеме, которое якобы вполне «объясняется» степенью познания конституционной нормы, возразим принципиально. Как представляется, изложенное, как минимум, дает основание для системы не только взаимосвязанных, но и методологически определяющих выводов по сути данной формы выражения права и ее «места» в правовом регулировании.

---

¹ Елеонский В.О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным аспектам федеративного устройства России // Теоретические проблемы российского конституционализма. М., 2000. С. 96.

² Малюшин А.А. Правовые позиции как юридические средства выражения правотворческой функции конституционного правосудия // Российский судья. 2015. № 8. С. 8; он же: Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 6–8.

³ Более полно и всесторонне эти моменты рассмотрены во втором параграфе данной (III) главы работы.

Во-первых, и ученые и судьи Конституционного Суда РФ не отрицают определенный личностный субъективизм в процессе осуществления конституционного правосудия. Именно он, поддержанный большинством судей высшего органа конституционного правосудия, по факту провозглашается истиной, которая непосредственно в юридической плоскости – предстает нормой «живого конституционного права».

Во-вторых, объективация итоговой правовой позиции Конституционного Суда, как определенного этапа познания конституционной нормы, в принципе не отрицает того, что на ином этапе (в том числе при иных исходных условиях), та же конституционная норма будет «познана» принципиально иначе. Как следствие, в известных временных и системных условиях объективирована в виде нормы еще «более живого» и истинного конституционного права.

В-третьих, методологически важно суждение факт, по сути которого правовая позиция – это не собственно конституционная норма, а «то или иное понимание ее смысла». Соответственно, именно субъективные смыслы (а не нормы собственно Конституции РФ) предлагают воспринимать и оценивать как непосредственно «живое конституционное право». Ну а поскольку субъективные смыслы в процессе познания закономерно могут меняться (познание, как известно, – оно развивается), нет ни малейшей проблемы для статики и динамики права в кардинальном изменении векторов при констатации «сути» той или иной нормы Конституции РФ. Естественно, нет серьезной проблемы и в том, что непосредственно нормы Конституции РФ при этом вообще не менялись в своей исходной юридической сути; смыслы то на данный момент – изменились.

Достаточно трудно согласиться с А.А. Малюшиным¹, который однозначно отмечает, что именно конституционное правотворчество, оно же – правопознание судей высшего органа конституционного правосудия, правомерно дает все более полное и динамичное понимание соответствующей

---

¹ Малюшин А.А. Указ. соч. С. 8–9.

конституционной нормы. Норма, как видно, однозначна и неизменна в своей юридической сути. Напротив, смыслы, публично предлагаемые в качестве конституционных норм, вполне могут меняться. Особенно при иных исходных политико-идеологических, экономических, социальных условиях и целях познания. Отсюда, как представляется, правомерна постановка проблем:

- *во-первых*, насколько оправдано и методически верно считать непосредственно нормами высшей юридической силы субъективные смыслы перманентно изменчивого познания, осуществляемого Конституционным Судом РФ;

- *во-вторых*, насколько эти субъективные смыслы согласуются с правотворческой функцией непосредственно представительных государственных органов, с констатациями о высшей юридической силе указанных актов, с определением субъективных познавательных смыслов в качестве доминанты легальных источников российского, в т. ч. уголовно-процессуального, права.

Отчасти в контексте этих вопросов предельно дискуссионной в доктрине и коллизионной в правоприменительной практике оказалась проблема о характере взаимоотношений высшего органа конституционного правосудия и непосредственно законодателя. При анализе актов конституционного правосудия явно формируется убеждение, что Конституционный Суд РФ в принципе «не может» однозначно определиться в этом вопросе. В одних актах, формулируя правовые позиции и итоговые выводы, он прямо указывает на то, что не может подменять законодателя в спорном вопросе (предмете конституционной проверки) и «навязывать» высшему представительному органу государства тот или иной вариант разрешения нормативной коллизии. В других актах конституционного правосудия Конституционный Суд, напротив, в императивных формулировках предписывает российскому законодателю принять необходимые меры; к примеру, необходимые нормативные акты, в том числе в сроки, непосредственно установленные Конституционным Судом.

В-третьих, отказывает в разрешении возникшей нормативной коллизии по существу, мотивируя это тем, что в «портфеле» законодателя уже имеется соответствующий законопроект, и высший орган конституционного правосудия не вправе предрешать волю законодателя¹.

Анализируя эти «подходы» С.В. Поленина, с одной стороны, пишет о том, что исследуемое конституционное толкование имеет высшую юридическую силу и не может быть проигнорировано в ходе любой, «в том числе и правотворческой деятельности»². С другой стороны, она же отмечает, что при всех условиях Конституционный Суд «не должен подменять законодателя, а тем более связывать его обязательными установками о путях решений той или иной проблемы в процессе конституционного толкования, и в данной связи необходимо скорейшее внесение соответствующих уточнений в закон о Конституционном Суде»³. Более того, чтобы развеять сомнения в сути своих позиций, она считает необходимым еще раз подчеркнуть, что считает неосновательными любые попытки поставить Конституционный Суд РФ над российским парламентом⁴.

В последнем с ней солидарен В.В. Лазарев, также констатирующий, что объективно «нуждаются в корректировке формулировки тех решений Конституционного Суда РФ, в которых содержатся апелляции к Федеральному Собранию Российской Федерации и его первой палате. Государственная Дума РФ не может ущемляться в своем суверенном праве творца законов»⁵. Он же публично недоумевает: «Кому в реальности адресовано решение Конституционного Суда о принятии нового закона, изменении старого и

---

¹ См. подробнее: Сидоров В.И. Специализированный конституционный судебный контроль. С. 54–56; Даровских С.М. Указ. соч. С. 110–111; и др.

² Поленина С.В. Законодательная техника и судебный прецедент. С. 55.

³ Поленина С.В. Указ. соч. С. 59.

⁴ Поленина С.В. Там же.

⁵ Лазарев Л.В. Техника учета решений Конституционного Суда. С. 55.

т. п.? .. вменить законодателю или конкретно Государственной Думе в обязанность принять закон не имеет права никто»¹.

Аналогичных позиций придерживается Н.В. Варламова², которая прямо указывает, что законодатель не связан теми правовыми позициями, которые содержатся в описательной части решения Суда, а связан лишь с резолютивной его частью; что восполнение пробелов Конституционным Судом является временным и действует лишь до принятия соответствующего закона³.

Исходя из предписаний ст. 10 Конституции РФ, закрепляющей независимость и самостоятельность каждой из ветвей государственной власти, казалось бы, указанные выше суждения – единственно возможная константа о предмете ведения законодателя и власти судебной.

Тем не менее, Конституционный Суд РФ инициативно «взял на себя труд» сформировать более определенные позиции в этих вопросах. При этом наиболее остро суть «разногласий» проявила себя в центральном вопросе спора: об управомоченных субъектах легального толкования нормативных правовых актов. В эту прерогативу Конституционный Суд «по праву суверена» не позволяет вторгаться никому, даже законодателю.

Запрещая Государственной Думе РФ не только толкование, но и разъяснение смысла принятых ею законов, Конституционный Суд РФ сформировал однозначную правовую позицию, согласно которой Конституция РФ не содержит нормы, допускающей разъяснение или официальное толкование федеральных законов палатами Федерального Собрания РФ. В законотворческом процессе, уверено резюмирует Конституционный Суд, участвуют не только Государственная Дума, но и Совет Федерации, и Президент России.

---

¹ Лазарев Л.В. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации Государственной Думой // Исполнение решений конституционных судов. СПб. – М.: Институт права и публичной политики, 2003. С. 64–65, 72.

² Варламова Н.В. Пять лет шестой Конституции России: проблемы реализации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 2(23). С. 97–98.

³ См. критику этой позиции: Витрук Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение. С. 97–98.

Следовательно, изначально нет конституционных оснований к тому, чтобы официальное толкование законов осуществлялось лишь одним из участников общего законодательного процесса¹. Как следствие, уяснение «истиной» сути закона, в том числе на предмет его соответствия как непосредственно Конституции РФ, так и перманентно развивающемуся «живому конституционному праву», по факту, оказалось в ведении исключительно Конституционного Суда РФ.

Со временем, столь же веско были обоснованы правовые позиции, согласно которым «в известном смысле, обеспечивая верховенство Конституции – акта, принятого всенародным голосованием, Конституционный Суд РФ является выразителем и носителем власти народа»². В данной связи, видимо, не должна ставиться под сомнение правомерность того, что, исключительно в соответствии с делегированной «властью народа» и по праву единственно легитимного «хранителя» Конституции Российской Федерации (в ее бытии «живого конституционного права»?), указанный Суд со временем предпринял ряд весомых шагов к максимальному расширению предмета своего ведения.

Российской доктрине и практике, в частности, известны дискуссии о правомочии Конституционного Суда к проверке, на предмет соответствия Конституции РФ, тех нормативных правовых актов, конституционность которых поставлена под сомнение: (а) жалобами граждан (частных заинтересованных лиц) на нарушение их конституционных прав той или иной нормой отраслевого законодательства; или (б) запросом суда общей юрисдикции о конституционности нормативного акта, подлежащего применению или примененного при производстве по делу.

Предметом сомнений, напомним, стали предписания п. 5 ст. 125 Конституции РФ, по сути которых высший орган конституционного правосудия

---

¹ Собр. законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5492.

² Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2012.

мог проверять нормативные правовые акты лишь по запросам Президента РФ, Совета Федерации или Государственной Думы РФ, Правительства РФ или органов законодательной власти субъектов Российской Федерации¹. Приведенный перечень представлялся исчерпывающим. Тем не менее, высший орган конституционного правосудия инициативно «изыскал» возможности для «несанкционированной» (в обход п. 5 ст. 125 Конституции РФ) проверки нормативных правовых актов и в вышеуказанных случаях. Естественно, с однозначными констатациями об официальнойности и общеобязательности для всех субъектов правовых отношений правовых позиций и итоговых выводов Суда по данному предмету «разрешенного спора».

Между тем, к примеру, профессор В.П. Божьев оказался, не столь однозначен в сути указанных выводов. Подчеркивая ограниченные возможности Конституционного Суда в «толковании» как норм Конституции РФ, так и отраслевого законодательства применительно к указанным ситуациям, этот ученый отмечает, что анализируемое конституционное «правотворчество» не имеет самостоятельного значения и носит подчиненный характер. В частности, на эту форму проверки ФКЗ «О Конституционном Суде ...» в принципе не распространяет присущие актам толкования Конституции РФ признаки официальности и обязательности (ст. 106 Закона). Как итог, В.П. Божьевым констатирован и вывод о том, что по факту Конституционный Суд присвоил себе право на подобную проверку, субъективно истолковывая содержание вышеназванной конституционной нормы (п. 5 ст. 125)².

Столь же «корпоративно» был разрешен вопрос о праве Конституционного Суда на проверку федеральных конституционных законов. Сомнения российской доктрины и практики, по сути которых отстаивался тезис о том, что проверка этих законов не относится к ведению высшего органа консти-

---

¹ См.: Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Уголовно-процессуальное законодательство и решения Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 26–27.

² Божьев В.П. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1. С. 51–54.

туционного правосудия¹, были веско «развеемы» публичными констатациями высшего органа конституционного правосудия. Согласно последним указанным актам, не более чем разновидность федерального законодательства Российской Федерации²; соответственно, они изначально находятся в ведении высшего органа конституционного правосудия³.

«Не изменил» себе Конституционный Суд и в разрешении коллизии, связанной с неоднозначностью подходов о правомочии этого органа к реализации проверки (на предмет соответствия Конституции РФ) международного договора, ратифицированного Российской Федерацией; причем как в целом, так и в части признания *ipso facto* всех связанных с данным договором юридических актов (прецедентов ЕСПЧ)⁴. Нормативным следствием, высказанных в этом контексте позиций Суда, объективирован ФКЗ от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ. Закон, напомним, однозначно подтвердивший «правомочие» Конституционного Суда РФ к конституционной проверке положений международного договора межгосударственного характера, в их истолковании, данным межгосударственным органом по защите прав и свобод человека (ЕСПЧ)⁵.

---

¹ Основа этих сомнений в нормах ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде ...», по буквальному смыслу которых указанный Суд разрешает дела на предмет соответствия Конституции РФ лишь федеральных законов РФ (указание на федеральные конституционные законы, напротив, в указанной норме отсутствует).

² См. подробнее, напр.: Худолей К.М. Полномочия Конституционного Суда РФ: проблемы теории и практики конституционного правосудия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2(12) С. 71–84; Щеголев И.Б. Место и роль федеральных конституционных законов в системе российского законодательства (12.00.02): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

³ Стоит напомнить, что в других актах конституционного правосудия содержится несколько иной исходный посыл, а именно: федеральные конституционные законы не есть тождество федерального закона; в силу этого его нормы имеют безусловный приоритет в правом регулировании. См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П. Аналогично: Определения Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О, от 2 марта 2006 г. № 54-О, от 15 мая 2007 г. № 371-О-П; и др.

⁴ В соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» названный Суд вправе проверять (на предмет соответствия Конституции РФ) лишь те международные договоры, которые для РФ еще не вступили в силу. См.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

⁵ См.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. (ред. 14.12.2015 г.) № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Однозначно признавая исключительно за собой указанное спорное право¹, Конституционный Суд РФ одновременно констатировал свое суверенное право быть гарантом не только Конституции РФ, но и национальной безопасности государства, а равно незыблемой его суверенности.

Постановлением от 5 июля 2001 г. № 11-П Конституционный Суд РФ признал за собой легальное право конституционной проверки постановлений Государственной Думы РФ об амнистии, поскольку и по своему уровню, и материально-правовому содержанию эти акты могут быть приравнены к принимаемым Государственной Думой РФ законам².

В постановлении от 27 января 2004 г. № 1-П Конституционным Судом РФ сформулирована правовая позиция о том, что при определенных обстоятельствах предметом проверки в связи с жалобами граждан могут быть постановления Правительства РФ, при условии, что имеет место прямая нормативная связь подзаконного акта с федеральным законом³.

В Определении от 4 марта 2004 г. констатировано, что на предмет конституционности по жалобам граждан могут проверяться и иные подзаконные

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пп. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, чч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, чч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, чч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. №11-П по делу «О проверке конституционности постановления Государственной Думы РФ от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД "О внесении изменения в постановление Государственной думы Федерального Собрания РФ "Об объявлении амнистии в связи с объявлением амнистии с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда г. Челябинска и жалобами ряда граждан».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 2004 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ч. 1 ст. 27, ч. 1, 2, 4 ст. 251, ч. 2 и 3 ст. 253 ГПК РФ в связи с запросом Правительства РФ» // Собр. законодательства РФ. 2004. № 5. Ст. 403.

акты, если отсутствует федеральный закон, который должен регулировать данные правоотношения¹.

Для «полноты картины», как видно, осталось немного. К примеру, инициативно «прислушаться» к публично озвученным суждениям профессора Ю.К. Якимовича и доцента Т.В. Трубниковой², и однозначно констатировать свое суверенное право проверки такой формы выражения права, как общепризнанные принципы и нормы международного права (на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации). Естественно с последующими императивными констатациями к Генеральной Ассамблее ООН и в целом к мировому сообществу о приведении указанных форм выражения права в соответствие с Конституцией Российской Федерации и правовыми позициями высшего органа конституционного правосудия России.

Аналогичной определенности нет в вопросе о роли и назначении в правовом регулировании определений высшего органа конституционного правосудия. С одной стороны, все решения по существу вопросов, перечисленных в ст. 71 ФКЗ «О Конституционном Суде ...», оформляются исключительно в форме постановлений. По смыслу ст. 79 Закона решения органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных **постановлением** неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях. Отсюда, важнейший практический вывод: непосредственно для уголовного судопроизводства России регулирующее значение имеют исключительно постановления Конституционного Суда РФ (ст. 71, 79 Закона). Определения и их правовые по-

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 138-О «По жалобе гражданина Каленова А.Ф. на нарушение его конституционных прав положением пп. «и» пункта 7 Правил исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию и абз. 2 п. 16 постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 13 декабря 1979 года № 1117 "О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращения текучести кадров в народном хозяйстве» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб.: Юридический центр Пресс. 2007. С. 33.

зиции (нормы), как не легальные источники права, напротив, можно и игнорировать.

Однако «ценность» этого вывода объективно ставится под сомнение, как комплексным анализом всей совокупности норм ФКЗ «О Конституционном Суде ...», так и непосредственно практикой конституционного правосудия. В частности, в первом аспекте обращает на себя внимание практически полное тождество в сущностных и содержательных требованиях как к постановлению, так и определению высшего органа конституционного правосудия. Исходя из положений ФКЗ «О Конституционном Суде», к постановлениям и определениям предъявляются почти идентичные требования (ст. 74). Эти акты одинаково излагаются (ст. 75). К ним в равной мере может быть приобщено особое мнение судьи, не согласного с мнением большинства, что широко применяется в практике конституционного правосудия (см.: определение от 5 марта 2013 г. № 413-О¹, определение от 16 декабря 2010 г. № 1650-О-О², определение от 27 июня 2000 г. № 92-О³). Столь же последовательно Конституционный Суд РФ отмечает это в итоговых постановлениях к правовым позициям и итоговым выводам, изложенным в ранее вынесенных определениях.

Напротив, различия, если и проявляют себя, то лишь в части требований к порядку опубликования указанных актов (ст. 78)⁴; отчасти к форме их

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 413-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "ЭФКО Пищевые Ингредиенты" на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 122 Федерального закона "О таможенном регулировании в Российской Федерации"».

² Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1650-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества "Банк ВТБ 24" на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 397 Трудового кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан».

⁴ С.М. Даровских, к примеру, явно подчеркивает коллизии, при которых высший орган конституционного правосудия нередко ссылается на те правовые позиции, изложенные в

принятия. Если постановление принимается от имени Российской Федерации и по итогам полноценного судебного разбирательства, то определение выносится не от имени Российской Федерации, не требует судебного заседания, принимается единолично судьей, подписывается исключительно Председателем Суда и судьей-секретарем Конституционного Суда РФ. Исходя из этого, к примеру, отдельные из судей Конституционного Суда РФ в своих особых мнениях характеризуют данные акты в качестве не до конца полноценных актов конституционного правосудия¹.

Указанная двусмысленность проявляет себя и в практической сфере. Так, именно в практическом аспекте объективированы определения Конституционного Суда, по сути которых, несмотря на то, что признать нормативный акт не соответствующим Конституции РФ можно только постановлением, фактически он признается таковым определением².

В ряде определений прямо сформулированы требования к соответствующим государственным органам о пересмотре правоприменительных решений, касающихся заявителей (см.: Определение от 19 мая 2009 г. № 576-О-П³, Определение от 11 июля 2006 г. № 406-О⁴, и др.).

определениях, доступа к которым, ввиду их неопубликования, у заинтересованных лиц в принципе нет. См.: Даровских С.М. Указ. соч. С. 59, 102–103.

¹ См., напр.: Особое мнение судьи В.О. Лучина. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 № 92-О.

² Определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 138-О «По жалобе гражданина Каленова Андрея Федоровича на нарушение его конституционных прав положением подп. "и" п. 7 Правил исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию и абз. 2 п. 16 Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 13 декабря 1979 г. № 1117 "О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве"».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 406-О «По жалобе гражданина Груздева Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 79 УК Российской Федерации и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Нередки также примеры, когда высший орган конституционного правосудия выносит определение, по сути которого осуществляется прямое конституционно-правовое толкование той или иной отраслевой нормы. При этом, однако, в резолютивной части данного акта констатируется, что «для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления» (см., напр.: определение от 10 февраля 2016 г. № 226-О¹; определение от 10 февраля 2016 г. № 215-О²; определение от 5 ноября 2004 г. № 361-О³)⁴.

Наконец, по тексту работы неоднократно и однозначно констатированы факты, когда именно определением Конституционного Суда РФ в нормативную ткань уголовного судопроизводства России введены такие нормы-гарантии личности или эффективного отправления правосудия, которые не могут быть проигнорированы в ходе практической уголовно-процессуальной деятельности, в том числе, под угрозой утраты легитимности ее результата. Как показывает анализ итоговых актов, принятых судами общей юрисдикции, вышеназванные позиции также императивно учитываются судами при отправлении правосудия.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 226-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 215-О «По запросу Московского областного суда о проверке конституционности пункта 2 части третьей статьи 30 и статьи 389.20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 361-О «По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 24, частью четвертой статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ В российской доктрине такие определения, по существу разрешающие вопрос, поставленный в обращении, получили название «определения с положительным содержанием». См.: Тарабан Н.А. Правовая природа судебного прецедента в России и его место в национальной правовой системе // *Мировой судья*. 2014. № 11. С. 29-33; Кокотова М.А. Обеспечение процессуальных гарантий в Конституционном совете Франции в сравнении с Конституционным Судом РФ // *Российский юридический журнал*. 2014. № 4. С. 46–51.

Президиум Верховного суда Республики Мордовия, к примеру, ссылался на определение Конституционного Суда РФ¹, предоставляющее заявителю право на ознакомление с материалами проверки по ст. 144 УПК РФ².

В кассационном определении суда Чукотского автономного округа³ наличествует ссылка на определение Конституционного Суда РФ, разъясняющее правила о допустимости применения аналогии закона в уголовном судопроизводстве России⁴.

В данной связи, несмотря на неопределенность доктрины в этом вопросе, мы однозначно исходим из факта, что определения Конституционного Суда – полноценные источники российского уголовно-процессуального права. При этом они не должны и не могут быть исключены из средств текущего нормативного регулирования, так как это существенно снизит стандарты правовой и судебной защиты, что уже вступает в коллизию с нормами ст. 2 Конституции РФ.

В последние годы объективировали себя также проблемы, связанные с констатациями реальной беспристрастности и объективности Конституционного Суда РФ в связи с разрешением того или иного запроса, отнесенного к ведению данного органа. Следует напомнить, что одним из наиболее принципиальных и дискуссионных вопросов при разработке ФКЗ № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде ...» был вопрос о деполитизации, как непосред-

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2000 г. №191-О «По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР».

² Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 3 сентября 2015 №44У-24/2015/ [Электронный ресурс] // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>.

³ Кассационное определение суда Чукотского автономного округа от 9 октября 2012 г. № 22к-43/2012, № 3/11-1/2012/ ГАС «Правосудие» [Электронный ресурс] // URL: <http://bsr.sudrf.ru/>.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2002 г. № 114-О «По жалобе граждан Вахонина Александра Ивановича и Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 220.2 УПК РСФСР».

ственно процесса осуществления конституционного правосудия, так и сути его итоговых актов¹.

В качестве социально значимой цели и ближайших задач виделось формирование такого порядка функционирования этого конституционного органа, при котором, вне зависимости от предмета проверки, были бы созданы изначально непреодолимые барьеры на пути втягивания Суда в политику. Декларировалось, что тем самым удастся исключить практику принятия «невзвешенных», неправовых по форме решений. По идее, решение данной задачи нашло свое юридическое закрепление в ч. 3 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которой в ходе отправления конституционного правосудия Конституционный Суд РФ решает исключительно вопросы права².

Анализируя суть указанной нормы, А.А. Петров, к примеру, пишет о том, что это нормативное положение «исключает обоснование решений Конституционного Суда РФ аргументами политического, экономического, социального характера, а также соображениями целесообразности»³. Однако практика текущего конституционного правосудия являет принципиально иные примеры.

Определенным свидетельством тому обоснование правовых позиций Конституционного Суда, изложенных в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и ос-

---

¹ См. подробнее: Архив Конституционного Суда Российской Федерации. Управление судебных заседаний. 1993. Д. 16. Т. 2. С. 214. Цит. по: Митюков М.А. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: правовые дискуссии при разработке и принятии (Введение в тему) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 12. С. 27.

² См. подробнее: Карасев Р.Е. Конституционный контроль в России: генезис, эволюция и проблемы современного периода // Государство и право. 2015. № 9. С. 107.

³ Петров А.А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2. С. 104.

новых свобод и Протоколов к ней»¹. Большинство итоговых выводов этого акта и правовых позиций, их «обосновывающих», как представляется, сформулированы отнюдь не на нормах национального права или предписаниях непосредственно Конституции РФ, а на аргументах далеких от сферы сугубо правовой действительности. Подтверждением справедливости этого вывода является весьма негативная оценка этого акта Советом Европы². Последний, напомним, однозначно резюмирует явную политизированность, как выше указанного акта российского конституционного правосудия, так и последовавших за ним изменений и дополнений непосредственно ФКЗ № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде ...»³.

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в последние годы также не столь однозначен в беспристрастности отдельных суждений и итоговых выводов. В том числе, когда, например, утверждает, что защита Конституции РФ не может происходить в отрыве от реальной государственности, от общественной ситуации в стране и мире, обусловленной целым комплексом исторических и геополитических факторов⁴. Как следствие, при этих исходных посылах вряд ли соответствуют критерию беспристрастности и призывы этого деятеля к пересмотру в целом правовой системы мер обеспечения национальной безопасности России и ужесточению национальной правовой системы в «направлении военной суровости»⁵.

Следует оставить без комментария эти призывы и задаться вопросом, насколько текущие правовые позиции в принимаемых (в последние годы) ак-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пп. 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации ...”».

² Совет Европы призвал Россию изменить закон о Конституционном Суде URL: <https://news.mail.ru/politics/25104450/?frommail=1> (дата обращения 20.02.2016, 16:45).

³ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14 декабря 2015 г.).

⁴ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 160.

⁵ См., напр.: Глава КС призвал ужесточить законы РФ «в условиях военной суровости». [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/defense_safety/20151125/1327873305.html (дата обращения 26.03.2015, 14:28).

тах Конституционного Суда, действительно, находятся в сфере действия права. Где гарантии того, что они не отражают лишь «судейские» субъективные смыслы познания конституции, в том числе «в условиях военной суровости», которые, выступая симулякрами права, на деле не имеют ничего общего ни с нормативным содержанием конституции, ни с предметом беспристрастной конституционной проверки?

Как можно видеть, практически по каждой проблеме, связанной с функционированием Конституционного Суда РФ, нет не только исходной определенности российской доктрины и практики, но даже достаточно устоявшейся системы итоговых суждений и выводов. Системы, которая позволила бы на должном теоретическом уровне сформировать ряд согласованных понятийных подходов к точному пониманию сути такого правового явления, как акты конституционного правосудия. Закономерен и вывод о том, что эта форма явления права не всегда в состоянии быть не только эффективным средством обеспечения режима правовой определенности и минимизации практических негативных коллизий, но и сама, по факту, объективирована, как достаточно сложная коллизия статики и динамики российского, в т. ч. уголовно-процессуального, права. Причем коллизия без эффективных средств и легальных нормативных возможностей к однозначному своему разрешению.

Казалось бы, что особенного в этих перманентно инициируемых и «затухающих» спорах, задается вопросом профессора Е.А. Лукьянова, – очередная дискуссия, предмет которой закономерен, ибо, где, как не в научной полемике, рождается истина, имеющая к тому же весомое прикладное значение. На то она и наука¹. Однако для научных изысканий о праве, продолжает указанный автор, существуют известные ограничения, ибо юридическую природу актов государственной власти можно и нужно изучать и описывать, но она не может быть предметом спора о ее существовании. Каждый орган государственной власти, в силу конституционного принципа разделения властей (ст. 10

---

¹ Лукьянова Е.А. Конституция в судебном переплете. С. 47–48.

Конституции РФ), уполномочен государством и членами гражданского общества на принятие решений лишь по определенному кругу вопросов. Соответственно, форма и сущность этих решений, их место в иерархии нормативных правовых актов и механизме правового регулирования общественных отношений должны быть четко определены *a priori*, а не *post factum*¹.

Более того, определены не субъективным усмотрением или амбициями явно заинтересованных органов и лиц о якобы «сущем» и «должном» в национальном правовом бытии, а в легитимных формах закона. Закона, максимально определенного в своем содержании, изначально предусматривающего легитимные процедуры беспристрастной проверки истинности и продуктивности нормативных его положений, корректировки и возможной отмены тех предписаний, которые являются симулякрами права, а не объективным отражением воли и интереса народа. Решение данной системной проблемы тем более необходимо, что в настоящее время практическая сторона деятельности высшего органа конституционного правосудия России, являет такие коллизии, которые в принципе несовместимы с пониманием и обеспечением режима правовой определенности – как в определенной отрасли общественных отношений, так и в целом в государстве и обществе².

---

¹ Лукьянова Е.А. Конституция в судебном переплете. С. 47. См. аналогично: Лазарев Л.В. Указ. соч. С. 54–55.

² Более подробно эти моменты рассмотрены в следующем (3.2) параграфе данной главы.

§ 3.2. Правовая определенность позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ в системе российского уголовно-процессуального права

Доктриной российской уголовно-процессуальной науки в достаточной мере представлен анализ практической составляющей актов конституционного правосудия¹. Широко известны и монографические работы исследователей, справедливо подчеркивающих положительные моменты функционирования конституционного правосудия для оптимизации уголовного судопроизводства России, и юридическая периодика, связанная с анализом отдельных актов Конституционного Суда РФ. Не менее широко приведен также анализ, как в целом актов конституционного правосудия, внесших наиболее значимый вклад в формирование векторов текущей уголовно-процессуальной политики², так и отдельных актов конституционного правотворчества, ставших, по сути, решающим фактором для снятия или минимизации той или иной коллизии в практическом применении российского уголовно-процессуального права³.

---

¹ См., напр.: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч.-практ. пособие / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагеева, Е.В. Ежова 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2014. Серия «Практика применения».

² См., напр.: Ковтун Н.Н. Акты Конституционного Суда РФ как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (СПб., 30-31 октября 2009 г.) / Сост. К.Б. Калиновский. СПб.: Северо-Западный филиал Российской академии правосудия, 2010. С. 157-170.

³ См., напр.: Божьев В. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1. С. 54; Козявин А.А. Взгляд на категориальный аппарат науки уголовного судопроизводства через призму правовых позиций Конституционного Суда РФ // Российский следователь. 2013. № 19. С. 23-26; Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как фактор декодификации УПК РФ // Уголовный процесс. 2008. № 11. С. 3-10; Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Уголовно-процессуальное законодательство и решения Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 26-33.

В данной связи было бы явно непродуктивным, как простое перечисление этих актов с указанием вектора их приложения к конкретной проблеме российского уголовно-процессуального права, так и субъективные «классификации» тех же актов применительно к отдельным институтам, производствам, стадиям или этапам реализации исследуемой отрасли российского уголовно-процессуального права.

Целесообразно пояснить. *Во-первых*, для целей работы слишком велик объем эмпирического материала, который должен быть принят «во внимание», с хотя бы минимальным анализом нормативного своего содержания¹. *Во-вторых*, большинству из указанных актов уже даны объективные в целом оценки доктрины и практики, и они вряд ли нуждаются в достаточно поверхностном своем «пересмотре» или в еще одном «одобрении». *В-третьих*, велика опасность субъективной интерпретации, и в итоге, столь же субъективной оценки сути тех конституционно-правовых предписаний, которые до сих пор являются предметом дискуссий в доктрине и практике. Отсюда стоит согласиться с теми учеными, которые для целого ряда коллизионных правовых ситуаций отмечают определяющую роль именно актов конституционного правосудия, как оптимального средства разрешения возникших негативных коллизий. Следует согласиться и с тем, что на определенном этапе функционирования российского уголовно-процессуального права именно акты конституционного правосудия наиболее весомо и точно определяли векторы его развития по пути состязательности, процессуального равенства прав сторон в основных вопросах процесса, приоритетного обеспечения интересов и прав частных заинтересованных лиц².

---

¹ Для сведения: (на момент исследования), по данным сайта Конституционного Суда РФ, данным органом вынесено около 23 тыс. определений (из них свыше 5 тыс. в сфере уголовного судопроизводства) и более 500 постановлений (70 в сфере уголовного процесса).

² См., напр.: Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (СПб., 30-31 октября 2009 г.) / Сост. К.Б. Калининский. СПб.: Северо-Западный филиал Российской академии правосудия; Издательский дом «Петрополис», 2010.

Вместе с тем, нельзя не разделить тревоги тех исследователей, которые в последние годы все чаще констатируют факты кардинального изменения названных векторов, резюмируя в деятельности Конституционного Суда нарастающие акценты к усилению публичных начал уголовного судопроизводства России, отстаиванию, прежде всего, государственного интереса – в ущерб интересу и правам частных заинтересованных лиц (участников процесса)¹.

Верно и первое, и второе, и третье; тем не менее, это предмет самостоятельного, комплексного и монографического исследования с иным предметом и непосредственными задачами. В данном же случае интерес и задачи сугубо утилитарны – дать анализ и выявить закономерности итоговых актов конституционного правосудия в контексте обеспечения состояния определенности российского уголовно-процессуального права, причем как в статике, так и в динамике последнего.

Для актов официального толкования закона, как известно, есть определенные табу, одним из которых является тезис о том, что «нормативные разъяснения (не законодательных органов – М.С.) не содержат и не должны содержать самостоятельных правовых норм... Цель разъяснения нормы – установление смысла правила, его объяснение и уточнение... Толкование не вносит и не может вносить поправок и изменений в действующие нормы. Нормативные акты изменяются и приспособляются к новым условиям не в процессе их толкования и применения, а в установленном порядке самим правотворческим органом... Правотворчество и толкование, – ...несовместимые понятия. Интерпретатор не создает право, а лишь выявляет, устанавливает государственную волю, выраженную в нормативном акте.

---

¹ См., напр.: Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98-103; Никонов М.А. Переквалификация *in devaforem* // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 42-49; Ковтун Н.Н. Суды *fema* // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 20-27.

Предмет исследования при толковании – правовая норма, за пределы которой при строгом режиме законности выходить нельзя»¹.

Отсюда ни Конституцией РФ, ни ФКЗ «О Конституционном Суде ...» высшему органу конституционного правосудия не предоставлено право «издавать» нормативные правовые акты, общеобязательные для органов государственной власти и управления, общественных объединений, должностных лиц и граждан. Это исключительная прерогатива Федерального Собрания РФ как конституционного органа законодательной власти (ст. 10, 105 Конституции РФ). Правомочие Конституционного Суда РФ включает в себя проверку отраслевых норм, поставленных под сомнение обращением уполномоченных заявителей, на предмет их соответствия букве и духу Конституции РФ. И в этом контексте обязательными для Конституционного Суда, – как официального интерпретатора права, – являются основополагающие принципы толкования, суть которых заключается в том, что: *Plain Meaning Rule* – суды не должны изменять суть закона под видом его интерпретации; *The Mischief Rule* – смысл толкования состоит в том, чтобы убедиться в действительном намерении законодателя и усилить эффективность его реализации; *The Golden Rule* – суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности абсурдного решения².

Между тем, ряд актов Конституционного Суда РФ в области российского уголовно-процессуального права, как ранее уже отмечалось, явно вступают в противоречие с функциональным назначением этого органа, являя принципиально новые нормы права, и игнорируют, как отдельные из указанных принципов толкования, так и их систему в целом. Не всегда в ходе официальной интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ выдержан и тезис о том, что в качестве дополнительного условия толкования должен быть учтен аргумент, что термины при названном толковании долж-

---

¹ Закон. Создание и толкование. М., 1998. С. 69.

² См.: Поленина С.В. Законодательная техника и судебный прецедент. С. 62-63.

ны применяться в их обычном значении. Должна учитываться и вся история предыдущего толкования оспариваемой нормы¹.

Явно или завуалированно отступая от общепризнанных правил и принципов легитимной интерпретационной деятельности, Конституционный Суд РФ явочным порядком «творит» новое уголовно-процессуальное право России под видом прямого или косвенного конституционного его толкования. При этом наблюдаются не только положительные, но и негативные моменты такого порядка. Пояснить указанное можно на примере актов конституционного правосудия, не только не способствовавших обеспечению режима правовой определенности в исследуемой отрасли правовых отношений, но и, напротив, ставших дополнительным дестабилизирующим фактором в сфере практического применения российского уголовно-процессуального права.

Plain Meaning Rule – в деятельности и актах российского конституционного правосудия². Можно проанализировать, к примеру, Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. №416-О и Определение от 16 марта 2006 г. №61-О. По сути указанных актов высший орган конституционного правосудия, в частности, резюмирует, что «нормы ст. 153 УПК РФ, ... гл. 35 УПК РФ и уголовно-процессуальный закон в целом не содержат положений, исключающих возможность принятия решения о соединении уголовных дел в судебных стадиях процесса»³. Отсюда и итоговый вывод высшего органа конституционного правосудия: соединение двух и более дел в одном производстве согласуется с функцией суда в состязательном уголовном процессе и в целом с назначением российского правосудия.

Нельзя не возразить – содержат! В буквальных своих предписаниях нормы ч. 3 ст. 153 УПК РФ весьма однозначны: исключительным правом соединения уголовных дел в одно производство обладают руководитель след-

---

¹ Поленина С.В. Указ. соч. С. 62; Даровских С.М. Указ. соч. С. 43; и др.

² *Plain Meaning Rule* – суды не должны изменять суть действующего закона под видом его интерпретации.

³ Цит по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 436.

ственного органа (форма расследования – следствие) или прокурор (форма расследования – дознание)¹. Соответственно в этом однозначном контексте нормы гл. 34 УПК РФ императивно обязывали судью при установлении оснований для соединения нескольких дел в одно производство в суде первой инстанции – выносить решение о возвращении данных дел прокурору (п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Причины указанного виделись в том, что назначению суда в состязательном уголовном судопроизводстве в принципе не соответствует правомочие, и по сути, и по содержанию связанное с реализацией функции уголовного преследования.

Доктрина российского уголовно-процессуального права также была практически едина в этом вопросе, в том числе констатируя, что решение о соединении нескольких уголовных дел в одно производство изначально презюмирует увеличение либо фактической, либо юридической стороны обвинения в отношении одного или нескольких обвиняемых и, соответственно, значительно ухудшает их положение².

Конституционный Суд РФ, принципиально иначе «уяснил» эту ситуацию, иначе расставил акценты. Как следствие, то ли в силу известного лоббирования заинтересованных органов, то ли в силу прямого действия норм «живого конституционного права» Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 327-ФЗ действующий уголовно-процессуальный закон дополнен статьей 239.2 УПК РФ, по сути которой право на соединение дел в одно производство предоставлено суду первой инстанции. Указанное решение, правда, по букве закона принимается исключительно по инициативе одной из сторон³, а не публичной инициативой суда. Однако эта оговорка закона, как представляется, вряд ли изменят, как истинную суть «спешно» реализованных нова-

---

¹ Нужно подчеркнуть, что не изменены данные нормы и в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 327-ФЗ.

² См.: Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации: учеб. пособие. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. 296 с.

³ Как представляется, можно презюмировать, что максимально заинтересованной стороной в этом вопросе окажется сторона обвинения. Отсюда правомерен вопрос: в чьих интересах лоббировались указанные «новации».

ций, так и подходы российской доктрины, однозначно усматривающей в указанном соединении явные элементы функции обвинения. Обвинения, повторимся, субъектом которого, по факту, определен орган судебной власти.

Столь же не соответствующими буквальной сути норм ст. 133 УПК РФ видятся правовые позиции, изложенные в определении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 1057-О. По смыслу последних, расходы на оплату услуг представителя по делам частного обвинения не относятся к числу легитимных процессуальных издержек, а могут расцениваться как вред, причиненный лицу в результате незаконного уголовного преследования. Соответственно, эти расходы, разъясняет высший орган конституционного правосудия, могут быть взысканы заинтересованными лицами лишь на основании и в порядке, предусмотренном ст. 1064 ГК РФ.

Оценивая эту «норму-прецедент» высшего органа конституционного правосудия, трудно признать его законным и обоснованным. Как видно, речь идет о незаконном уголовном преследовании и, соответственно, о возмещении реабилитированному лицу, в отношении которого это уголовное преследование незаконно осуществлялось, материальных расходов на представителя. В качестве последнего, по норме закона, могут выступать как адвокат, так и любое лицо, которому доверитель вполне доверяет (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). Поскольку речь идет о возмещении, **связанном с незаконным уголовным преследованием**, применению в указанной правовой ситуации, как представляется, подлежат специальные нормы публичного института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), а не нормы закона, определяющие состав процессуальных издержек по делу.

Последние, действительно, не указывают на возможность возмещения указанных расходов по делу частного обвинения (чч. 1-2 ст. 131 УПК РФ). Нормы института реабилитации, напротив, однозначны в этом вопросе, прямо предусматривая возмещение имущественного вреда, в том числе в части сумм, выплаченных «за оказание юридической помощи» (п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ). Однозначность последней нормы, во-первых, не связывает оказа-

ние указанной помощи с обращением реабилитированного исключительно к адвокату – речь идет в целом о расходах «за оказание юридической помощи». Во-вторых, ясен исходный посыл законодательной воли: эти расходы возмещаются в порядке публичного института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), а не по правилам гражданского судопроизводства с принципиально иным распределением бремени доказывания и возложением иных обременений на заинтересованного (в нашем случае – реабилитированного) истца.

Субъективно подменяя буквальную волю закона своим пониманием его «истинной» сути, Конституционный Суд РФ не задумывается особо ни о правовых последствиях сформулированных им «толкований», ни о принципиальных различиях в порядке и средствах доказывания (предмета и оснований анализируемого иска), соответственно, в уголовном и гражданском процессе. Не приняты во внимание и достаточно известные материальные и процессуальные затруднения заинтересованных лиц в отстаивании своего интереса в «рекомендуемом» гражданско-процессуальном порядке. Проигнорировано и то, что апелляции высшего органа конституционного правосудия к нормам ст. 1064 ГК РФ неизбежно «включают» в предмет доказывания в этом процессуальном порядке вопросы исследования вины, распределения бремени доказывания, причинно-следственных связей, в свою очередь значительно затрудняя процесс доказывания для законно реабилитированных лиц. Как следствие, трудно признать, что исследуемое «разъяснение-норма» находится в согласии с общими целями и назначением права, как они сформулированы в нормах ст. 2 Конституции РФ.

Указанная определенность закона, добавим, вполне обеспечивала и единые подходы правоприменительной практики, и надлежащую защиту интересов и прав реабилитированных лиц; Конституционный Суд РФ решил принципиально иначе. Остается задаться «праздным» вопросом: практика уголовного судопроизводства останется «верной» воле закона или субъективно выберет менее обременительный для себя вариант решений и действий (в т. ч. в контексте единственно истинного «конституционного» толкования)?

В том же неоднозначном контексте Конституционный Суд разъяснил «истинный» порядок возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание квалифицированной юридической помощи. Предметом коллизии явился вопрос о возмещении в порядке института реабилитации сумм, выплаченных защитнику обвиняемого за оказание юридической помощи, при условии, что сам обвиняемый ввиду содержания под стражей был не в состоянии пригласить указанного защитника. Соответственно, договор с адвокатом заключал один из близких родственников обвиняемого, и необходимые материальные расходы за оказание юридической помощи он также вносил из собственных средств. Первоначально, не усматривая особой коллизии в этом вопросе, ответ по сути возможных решений сформулировал Верховный Суд РФ. Не усматривая принципиальной разницы в субъекте заключения данного договора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ сформулировала однозначный вывод о том, что возмещение указанных сумм охватывается нормативными предписаниями гл. 18 УПК РФ и иное разрешение вопроса о процессуальных издержках не основано на законе. Особо следует подчеркнуть, что этот прецедент был предложен как эталон применения права, в силу чего нашел свое отражение в официальном обзоре кассационной практики, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ¹.

Казалось бы, проблема «закрыта»; тем не менее, еще через два года, этот же вопрос стал предметом исследования в высшем органе конституционного правосудия. Последний, не считая целесообразным разрешать его в итоговом постановлении, тем не менее, сформулировал принципиально иные правовые позиции в определении «с положительным содержанием». Согласно сформулированным правовым позициям, «если договор об оказании юридической помощи заключен не самим реабилитированным, а его родственником, право на возмещение вреда возникает, но реализовано оно мо-

---

¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2010 г. № 78-О10-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8. С. 37.

жет быть в порядке гражданского судопроизводства, с учетом положений ст. 1070 ГК РФ»¹.

Еще два года спустя Конституционный Суд, осуществив более глубокое познание, как норм института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), так и норм, гарантирующих оказание квалифицированной юридической помощи, вынес по указанному вопросу очередное определение, содержащее более качественное «наполнение», ранее высказанных правовых подходов.

Как отмечено, суммы, выплаченные за оказание юридической помощи близкими родственниками лица, задержанного или помещенного под стражу, подлежат возмещению реабилитированному только в том случае, если эти суммы были внесены близкими родственниками: (а) по поручению обвиняемого; (б) из его личных средств; либо (в) уплачены с согласия обвиняемого – с условием последующего их возмещения близким родственникам непосредственно реабилитированным лицом².

Естественно, в тех практических ситуациях, когда реабилитированному не удастся достоверно доказать: что близкие родственники действовали по его поручению; что перед арестом (задержанием) он оставил достаточно средств для выбора «нужного» адвоката; что он изначально обещал все и всем возместить, при условии своей потенциальной реабилитации, право на возмещение имущественного вреда также возникает. Но, как резюмирует Конституционный Суд, реализовано оно может быть лишь в порядке гражданского судопроизводства, с учетом положений ст. 1070 ГК РФ. Отсюда и морально-правовые векторы указанных итоговых выводов – к аресту (задержанию) надо готовиться заранее. Причем и материально, и «документально»

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2013 г. № 665-О. Цит. по: Михеенкова М.А. Вопросы реабилитации в разъяснениях высших судов России и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 26.

² Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 290-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 3. Цит. по: Кузнецова А.Д. Проблемы возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание юридической помощи // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 42.

(особенно в контексте необходимых поручений, расписок, «инструктажа» близких родственников).

Аналогично «озаботился» Конституционный Суд РФ и сугубо материальным аспектом производства указанных выплат.

Так, в определении от 2 апреля 2015 г. №708-О Конституционный Суд формирует правовые позиции, согласно которым фактические и документально подтвержденные расходы, выплаченные доверителем адвокату за оказание квалифицированной юридической помощи, вовсе не являются императивом для суда, решающего вопрос о размере имущественных выплат в порядке гл. 18 УПК РФ. По смыслу итоговых конституционно-правовых позиций, «если судом будет установлено (на основании документов, заключений экспертов и иных специалистов), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена **действительной** стоимостью юридических услуг в пределах существовавших на момент оказания ее рыночных значений, он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся ... объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи»¹.

Обоснование цитируемого: в критериях разумности и справедливости указанных выплат Конституционный Суд предлагает уголовному судопроизводству аналоги «печально известных» норм ст. 333 ГК РФ. Однако в столь явной «заботе» о государственном интересе высший орган конституционного правосудия в принципе не задается вопросом о достоверных критериях **действительной** стоимости юридических услуг. К примеру, оказываемых известными московскими адвокатами, как правило, оценивающими свои познания «за час» и в свободно конвертируемых единицах, и адвокатами, практикующими на периферии; где, впрочем, «расценки», в зависимости от фигуры клиента или статуса юридически квалифицированного мэтра, также кардинально отличны. Закономерен также вопрос: суд, разрешающий вопрос о

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. №708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

компенсационных выплатах в порядке института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), должен вдаваться в **достоверную** «стоимостную оценку» того или иного представителя юридического сообщества России (адвоката), или указанное не отнесено к дискреционному усмотрению суда, принимающего законное решение о размерах окончательных выплат? Если верно последнее, то это косвенно либо серьезный коррупциогенный фактор российского правосудия, либо будет поставлено в зависимость от наличия сугубо личностных факторов (в отношении «судья – адвокат»), что есть фактически тождество первому.

Тревожит и то, что непосредственно судебная практика с редким одобрением восприняла векторы этих «конституционных» новаций. К примеру: апелляционным постановлением Московского городского суда от 7 августа 2013 г. № 10-7214/2013, с учетом критериев разумности и справедливости, кардинально снижена сумма документально подтвержденных расходов реабилитированного К. на оказание квалифицированной юридической помощи с 34 млн. рублей до 2 млн. 266 тыс. рублей. В обоснование указанного решения суд общей юрисдикции привел следующее:

- согласно ч. 3 ст. 1 УПК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью уголовно-процессуального законодательства РФ. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотрены УПК РФ, то применяются правила международного договора;

- согласно ст. 41 Европейской конвенции от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» при определении размера компенсации причиненного лицу имущественного ущерба применяется принцип справедливости возмещения¹;

---

¹ Как представляется, последний довод искусственно «вырван» судом из общего контекста (цитируемой) Конвенции, где речь идет о принципе справедливости и соразмерности возмещения, присуждаемого (по итогам рассмотрения жалобы заявителя) именно ЕСПЧ – в случае доказанности нарушения государством-ответчиком положений Конвенции. Рос-

- отсюда, с учетом общепризнанного и международного принципа разумности и справедливости суд удовлетворил указанное требование реабилитированного К. частично¹.

Всё вроде бы легитимно. Тем более, что в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, изложенными в постановлении от 2 марта 2010 г. № 5-П или в определении от 11 мая 2012 г. № 665-О, суд, принимая решение о максимально возможном возмещении вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, руководствуется как положениями ч. 1 ст. 135 УПК РФ, так и иными положениями законодательства, устанавливающими общие правила определения размера возмещения вреда. Нормы Европейской конвенции в указанном случае, по мнению суда общей юрисдикции, и есть искомые «иные положения» уголовно-процессуального законодательства, позволяющие правомерно снизить документально подтвержденные расходы на адвоката.

Однако кажущиеся правомерность этого «нормативного» базиса, как представляется, могут быть поставлены под сомнение. *Во-первых*, в силу того, что как в указанных актах конституционного правосудия, так и непосредственно в нормах УПК РФ речь все же идёт о правилах «**максимально возможного** возмещения вреда» по нормам национального законодательства и аналогам международных правовых актов, а не о критериях «справедливого» и «разумного» – как суд общей юрисдикции пытается интерпретировать.

Во-вторых, не менее известны правовые позиции (и Верховного Суда РФ и высшего российского органа конституционного правосудия), согласно которым, если национальное законодательство содержит более высокие

сийский суд, напротив, пытается субъективно интерпретировать данную норму к совершенно иному процессуальному институту, с иным правовым регулированием.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 августа 2013 г. № 10-7214/2013. Цит по: Кузнецова А.Д. Проблемы возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание юридической помощи. М. 2016. С. 43-44.

стандарты правовой, (в т. ч. судебной), защиты, то нормы международно-правового характера не имеют приоритета¹.

В данной связи, если принять во внимание, что нормы ч. 1 ст. 133 УПК РФ, однозначно закрепляющие принцип максимально полного возмещения вреда реабилитированному, содержат более высокие стандарты судебной защиты, по сравнению с так удачно «примененными» актами ЕСПЧ, то именно они приоритетно подлежат применению. Тем не менее, как свидетельствует доктрина российского уголовно-процессуального права и обзоры текущей судебной практики, в последнее время все более формируются принципиально иные и публично-правовые тенденции по минимизации возможных расходов и выплат государства с позиций субъективной (читай – публичной) «разумности»².

Серьезные возражения доктрины и коллизии в практике вызвало также «более глубокое» познание Конституционным Судом РФ норм, связанных с правилами продления сроков содержания обвиняемого под стражей в случае возвращения уголовного дела из суда прокурору (ст. 237 УПК РФ). Ранее, как известно высший орган конституционного правосудия сформировал правовую позицию, согласно которой суд, возвращая уголовное дело прокурору, был императивно обязан одновременно установить разумный срок для устранения выявленных им нарушений закона. При этом темпоральные характеристики этого срока должны были столь же императивно учитывать нормы ст. 109 УПК РФ, особенно в части того, что обвиняемый не может со-

---

¹ См., напр.: Семенова М.В. Правовые позиции высших судебных органов РФ по вопросам применения международных стандартов защиты прав человека // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. № 1-2. С. 349-358; Голубок С.А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 112-124; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» (абз. 2 п. 3 постановления).

² См., напр.: Кузнецова А.Д. Указ. соч. С. 43-44.

держаться под стражей свыше предельных сроков установленных для той или иной категории преступлений¹.

Поскольку указанные правовые позиции были в целом основаны на сути и содержании чч. 3–7 ст. 109 УПК РФ, они были адекватно восприняты и продублированы постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 41², обеспечивая, в том числе определенность в правовом положении обвиняемого, содержащегося под стражей на досудебном этапе. Одной из наиболее весомых гарантий указанной определенности был императив чч. 3–7 ст. 109 УПК РФ, суть которого в невозможности содержания обвиняемого под стражей в ходе предварительного расследования свыше предельных сроков установленных в названных нормах (6–12–18 мес.).

Однако, в постановлении от 16 июля 2015 г. № 23-П³ правовые позиции и итоговые выводы Конституционного Суда РФ изменились кардинально. Сущность нового познания Суда объективировалась таким образом, что отныне при возвращении уголовного дела прокурору вопрос о необходимости продления срока содержания обвиняемого под стражей решается судьей **лишь с учетом сроков, установленных ст. 109 УПК РФ, но не по правилам данной статьи.** Для того чтобы лучше понять всю «изысканность» нового смыслового прочтения столь весомой процессуальной гарантии прав обвиняемого, как нормы чч. 3–7 ст. 109 УПК РФ, следует обратиться непосредственно, как к правовым позициям Конституционного Суда РФ, так и к практическим следствиям сформулированных итоговых выводов:

---

¹ Подробнее см., напр.: Решение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 года» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (п. 33) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. С. 3.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей-седьмой статьи 109 и части третьей ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 6.

- прежде всего, результатом «измененного» познания Конституционного Суда стал исходный тезис о том, что институт возвращения дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) есть «особый случай» и «особый порядок» движения уголовного дела в системе стадий и производств уголовного судопроизводства России, в принципе отличный от стадии предварительного расследования¹;

- соответственно, на этот «особый порядок движения» или, нам ранее неизвестный, «особый случай» не распространяются гарантии, предусмотренные ч. 4 ст. 109 УПК РФ, категорически запрещающие, как уже отмечалось, содержание обвиняемого под стражей свыше предельно установленных сроков. Исходя из разумных критериев (естественно, в их усмотрении следственными органами), данные сроки вполне подлежат продлению, поскольку иное, как резюмирует Конституционный Суд РФ, подвергало бы угрозе саму возможность осуществления правосудия по данной категории дел²;

- нет, как следствие, и необходимости в окончании «особого движения» в разумные сроки, а равно в предоставлении обвиняемому материалов уголовного дела для ознакомления *minimum* за 30 суток до истечения известного предельного срока. Это же не предварительное расследование, а «особый случай» – значит, надо апеллировать к разумности, как указанных сроков, так

---

¹ См., также: Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г. № 1852 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гренко Артема Ивановича, Дмитриева Николая Владимировича и Левкина Александра Сергеевича на нарушение их конституционных прав частями второй и третьей статьи 109 и частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 2; Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.

² Отметим, принципиально иную оценку указанным новациям дает доктрина российского уголовно-процессуального права. См., напр.: Корнуков В.М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития // Актуальные проблемы российского права. 2014. №4. С. 597-602; Хитрова О.В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования // Российский следователь. 2013. № 21. С. 13-16.

и предоставляемых для ознакомления материалов, а не к строго установленным законом гарантиям.

В итоге, как пишет, к примеру, А.С. Червоткин, в практику уголовного судопроизводства России фактически введен третий вид применения заключения под стражу – «на время возвращения уголовного дела прокурору». При этом, как резюмирует названный автор, этот порядок в принципе не имеет аналогов в действующем уголовно-процессуальном законе и является следствием исключительно исследуемого конституционного толкования. Во-вторых, – отмечает этот же автор, – ввиду пробельности своего содержания, он же требует значительных усилий со стороны российского законодателя, ибо негативные коллизии предложенного конституционного толкования, как свидетельствует текущая судебная практика, объективируются по нарастающей¹.

В качестве коллизионных объективированы правовые позиции Конституционного Суда относительно правомочий суда первой инстанции к возвращению уголовного дела прокурору по правилу *reformatio in pejus* (изменение к худшему). Напомним генезис подходов, правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ применительно к этому предмету проверки:

- в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П Суд однозначно констатировал роль и назначение суда общей юрисдикции при состязательном строе судебного разбирательства: «состязательность в уголовном судопроизводстве во всяком случае предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшим»². Соответственно, если суд при отсутствии соответствующих

---

¹ Червоткин А.С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2016. № 5. С. 66-73.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в

ходатайств сторон по собственной инициативе возвращает уголовное дело для дополнительного расследования **или по мотиву необходимости изменения обвинения на более тяжкое**, то тем самым он инициирует продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинительного тезиса, что в корне противоречит конституционному принципу состязательности и назначению суда в уголовном процессе¹;

- постановлением от 14 января 2000 г. №1-П Суд признал неконституционными положения УПК РСФСР (1960 г.), предусматривающие право суда возвращать уголовное дело прокурору **в связи с необходимостью привлечения к уголовной ответственности других лиц (обвиняемых)** при невозможности выделить дело в отношении них в отдельное производство²;

- Определением от 3 февраля 2000 г. № 9-О Конституционный Суд признает не соответствующим Конституции РФ полномочие суда возвращать уголовное дело прокурору в случае признания доказательств не имеющими юридической силы, если это повлекло невозможность в судебном заседании неполноту расследования³.

Следует напомнить, что указанные акты принимались Конституционным Судом РФ в период реализации наиболее активной фазы комплексной судебной реформы в Российской Федерации, одной из главенствующих целей которой было создание в России демократического, подлинно независимого, справедливого правосудия. Соответственно, познавая как общий смысл действующих конституционных велений, так и смысл непосред-

---

связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 4.

¹ Подробнее см.: Ветрова Г.Н. Содержание принципа состязательности в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2016. № 4. С. 52-62.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 2.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. № 9-О «По жалобе гражданки Берзиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 232 УПК РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4.

ственно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, высший орган конституционного правосудия, как истину, как «живые конституционные нормы» объективировал именно указанные правовые позиции и однозначные выводы.

Однако к 2013 г. либо потребность в очередном этапе судебной реформы для Российской Федерации отпала, либо независимый, состязательный и справедливый суд уже создан, по факту, либо внешние условия «познания» сути и смысла тех же конституционных велений качественно и количественно изменились, но в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П¹ юридическому сообществу были представлены кардинально иные правовые позиции и итоговые выводы, формирующие качественно иное понимание (познание) смысла ст. 123 Конституции РФ.

Суть указанных «трансформаций» выражена в следующем: если в ходе судебного разбирательства суд общей юрисдикции сформирует внутреннее убеждение в том, что фактические обстоятельства содеянного, как они описаны в обвинительном заключении (обвинительном акте/постановлении), свидетельствуют о наличии признаков более тяжкого преступления или когда судом будут установлены новые фактические обстоятельства, свидетельствующие о необходимости квалифицировать деяние как более тяжкое, в таких случаях суд может самостоятельно квалифицировать преступление по соответствующей (в т. ч. «ухудшающей») статье Уголовного кодекса РФ. Столь же вправе суд возвратить данное уголовное дело прокурору, указав в мотивировочной части своего решения: какие именно обстоятельства свидетельствуют о совершении подсудимым более тяжкого преступления, и тем самым, определить непосредственные задачи обвинительной власти по возвращенному делу. Следствия реализации указанных правомочий, в том числе, проявляются в прямых предписаниях органам уголовного преследования:

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

в каком направлении следует осуществлять дальнейшее формирование и обоснование обвинения¹.

Таким образом, посредством правовых позиций и итоговых выводов постановления от 2 июля 2013 г. № 16-П Конституционный Суд РФ, *во-первых*, фактически устранил из уголовного судопроизводства России фундаментальное правило *non reformacio in rejus*. *Во-вторых*, кардинально иначе расставил акценты в понимании роли суда в состязательном уголовном процессе.

В соответствии с новым конституционным «познанием» суд общей юрисдикции уже в принципе не связан ни тем обвинением, по которому обвиняемый предан суду, ни позицией стороны обвинения в ходе судебного разбирательства, ни состоявшимся исследованием доказательств по делу. Являясь не только властным субъектом доказывания, но и конституционным органом власти, суд самостоятельно познает как фактические обстоятельства уголовного дела, так и осуществляет их правильную правовую оценку. Отсюда, если внутреннее убеждение суда, сформированное по итогам такого познания, кардинально расходится с позициями стороны обвинения, в т. ч. поддерживаемыми в ходе судебного рассмотрения дела, суд имеет полное право не соглашаться с предъявленным обвинением, с юридической квалификацией содеянного, с правильностью установления фактических обстоятельств уголовного дела. Обоснование и мотив указанного – необходимость исправления судебной ошибки и конституционное предназначение суда в постановлении именно правосудного (законного и обоснованного) приговора или иного итогового судебного акта. Естественно правосудного – с внутренних (личностных) позиций суда.

При этом ни высший орган конституционного правосудия, ни суд общей юрисдикции в принципе не считают возможным входить в обсуждение

---

¹ Напомним, что именно эти правомочия и именно в этом контексте были однозначно признаны неконституционными высшим органом конституционного правосудия в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П. См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. №4.

вопросов о том, что итоговая юридическая квалификация содеянного это не только логическая операция, но и необходимое описание преступного деяния, всех фактических обстоятельств содеянного в соответствии с диспозицией уголовно-правовой нормы. Изменение квалификации – практически всегда иная оценка фактических обстоятельств дела, объясняющая (обосновывающая) выбор конкретной уголовно-правовой нормы. И это уже новая формула обвинения, субъектом обоснования которой, по факту, выступает независимый орган судебной власти¹, а не сторона в процессе.

Неудивительно, что при оценке сути и следствий этого акта конституционного правосудия доктрина российской уголовно-процессуальной науки разделилась на два практически непримиримых лагеря. Если одни из ученых категорически не восприняли, кардинально изменившееся «познание» судей высшего органа конституционного правосудия прямо указывая на пагубные последствия столь «необычных» конституционных новаций², то другие, напротив, пытаются обосновать приоритеты в поддержании публичной законности, на страже которой должен быть, в том числе, «состязательный, беспристрастный, независимый» суд³.

Как известно, Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» законодатель нормативно «исполнил» указанное решение Конституционного Суда, дополнив ч. 1 ст. 237 УПК РФ пунктом шестым, который практически копирует выводы, содержащиеся в резолю-

---

¹ См. подробнее: Ветрова Г.Н. Содержание принципа состязательности в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ. С. 61.

² См.: Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, «Юриспруденция». 2013. № 3. С. 98-103; Ковтун Н.Н. Суды fema. С. 20-27; Никонов М.А. Переквалификация *in devaforem*. С. 42-49.

³ См.: Кругликов А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 37-40; Рябина Т.К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Российской следователь. 2013. № 24. С. 6-10; Зайцева Е.А. Постановление Конституционного Суда РФ по жалобе Б.Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 5. С. 39-43.

тивной части исследуемого постановления. В итоге, 2 августа 2014 г. резолютивная правовая позиция постановления от 2 июля 2013 г. № 16-П, по факту, утратила свое регулирующее значение, уступив регулирующее воздействие предписаниям кодифицированного федерального закона, который приведен в соответствие с Конституцией РФ (в ее интерпретации Конституционным Судом РФ).

Однако указанное ни в коей мере не нивелирует ни сути, ни юридических следствий правовых позиций суда, изложенных в описательно-мотивировочной части указанного постановления. В отличие от норм вышеуказанного федерального закона мотивировочная правовая позиция исследуемого постановления, в том числе с принципиально новым обоснованием сути и пределов независимости суда при отправлении правосудия, как вытекает из сути этого акта, сформулирована куда как более широко, чем резолютивная, ограниченная исключительно констатацией возможности возвращения дела прокурору в случае обнаружения судом оснований для более тяжелой (более «точной») квалификации.

Закономерен вопрос: насколько эта правовая позиция может и должна быть распространена на иные формы отправления правосудия, так или иначе ограничивающие волю суда в принципиальных вопросах процесса? Или в силу высшей юридической силы актов конституционного правосудия и их прямого действия она автоматически применима к любому из производств в российском суде? Стоит пояснить: например, стороной защиты заявлено ходатайство об исключении доказательств по правилам предварительных слушаний. Ни к судебному заседанию (ст. 234-235 УПК РФ), ни в самом судебном заседании сторона обвинения не представила возражений по сути этого ходатайства. Согласно ч. 5 ст. 235 УПК РФ судья в данной ситуации императивно обязан удовлетворить ходатайство об исключении оспоренных доказательств и вынести постановление о назначении судебного заседания. На указанный алгоритм действий и решений суда указывает и практика высших судебных инстанций России. Свидетельством тому: Кассационное определение

Верховного Суда РФ от 30 ноября 2005 г. № 22-005-15сп, в котором прямо указано, что «согласно ч. 5 ст. 234 УПК РФ суд удовлетворяет ходатайство об исключении доказательства без рассмотрения вопроса по существу, если другая сторона не возражает против этого». Однако в контексте правовых позиций, изложенных в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П, указанный алгоритм уже не является единственно верным. Внутреннее убеждение суда, в т. ч. сформированное по итогам предварительных слушаний, может отражать принципиально иную позицию о доказательственном значении «оспоренных» сведений. А поскольку при новом понимании «правильного» состязательного правосудия, суд в принципе не обязан следовать ни закону, ни требованиям сторон, его ограничивающим, решение о судьбе как заявленного ходатайства, так и самого доказательства может быть принципиально отличным (причем для разных судебных составов и с различным внутренним убеждением).

Аналогично, под предлогом той же декларируемой Конституционным Судом РФ «независимости» и актуальной потребности в законном отправлении правосудия, по идее, могут быть поставлены под сомнение:

- нормы ч. 7 ст. 246 УПК РФ, императивно обязывающие суд общей юрисдикции к прекращению производства по уголовному делу при отказе государственного обвинителя от обвинения. У суда ведь на этот момент может быть принципиально иное внутреннее убеждение – как о действительных фактических обстоятельствах дела, так и видах необходимых итоговых решений по делу (примеры тому – ранее, отчасти, уже приводились);

- нормы ч. 3 ст. 389.8, п. 4 ч. 1 ст. 401.5, п. 4 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ, обязывающие суд к прекращению апелляционного, кассационного или надзорного производства при отзыве жалобы заявителем. Напротив, с учетом правовых позиций постановления от 2 июля 2013 г. № 16-П весьма возможна мотивировка самостоятельных решений суда в указанной ситуации: суд инициативно «видит» в материалах уголовного дела существенное (фундаментальное) нарушение закона, и его конституционное предназначение не поз-

воляет ему его игнорировать, несмотря на отзыв жалобы заявителем. В данной связи, производство по делу должно быть публично продолжено;

- с тех же публичных позиций можно не принимать добровольное примирение сторон по делу частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). При условии, конечно, что суд в силу своей независимости и убежденности усматривает в указанном акте явное нарушение публичного интереса и инициативно считает, что указанное решение не соответствует целям отправления справедливого правосудия.

Перечень подобных ситуаций и, как следствие, публично инициируемых судом производств можно множить до бесконечности. Благо высказанные конституционно-правовые позиции указанное вполне позволяют, да и практика все смелее нарабатывает примеры, как указанной независимости, так и нового понимания правосудия, столь решительно предложенного Конституционным Судом РФ.

The Mischief Rule – в деятельности и актах российского конституционного правосудия¹. Налицо в деятельности Конституционного Суда РФ и глубоко субъективные моменты в понимании сути проверяемой (толкуемой) нормы, когда действительное намерение законодателя подменяется результатами интерпретационного познания судей высшего органа конституционного правосудия.

К примеру, в соответствии с правовыми позициями, сформулированными в определении от 12 ноября 2008 г. № 1075-О-О, ходатайство следственных органов «о продлении срока содержания под стражей должно быть представлено в суд не позднее чем за 7 суток до его истечения»². При явной пробельности закона в нормативном определении этого срока судьи, реализующие оперативный судебный контроль (ст. 108-109 УПК РФ), естественно восприняли указанную правовую позицию как исходный императив. Как

---

¹ *The Mischief Rule* – смысл толкования состоит в том, чтобы убедиться в действительном намерении законодателя и усилить эффективность его реализации.

² Цит по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 257-258.

следствие, суды властно обязывали и обязывают следственные органы именно к соблюдению приведенного срока.

Между тем, нормы ч. 8 ст. 109 УПК РФ (в буквальном своем толковании), к предписаниям которой собственно и апеллирует Конституционный Суд, регламентируют исключительно ситуацию, связанную с возможным продлением **предельного срока** содержания обвиняемых под стражей (6–12–18 мес.). Причем, по буквальному смыслу, регламентируют применительно к ситуации: когда обвиняемый уже приступил к изучению материалов уголовного дела, оконченного расследованием, но не успевает окончить ознакомление в срок 30 суток. На правомерность этого толкования указывают, как виды возможных решений суда (пп. 1-2 ч. 8 ст. 109 УПК РФ), так и общий контекст диалектически взаимосвязанных предписаний чч. 5, 6, 7 и 8 ст. 109 УПК РФ. Именно последние в своей телеологической связи последовательно регулируют ситуацию, связанную с окончанием расследования и ознакомлением обвиняемого («предельно» содержащегося под стражей) с материалами уголовного дела. Вне общего контекста, регулируемой ситуации, нормам ч. 8 ст. 109 УПК РФ, естественно, «придан» принципиально иной смысл. В данной связи безоговорочно считать, что Конституционный Суд РФ уяснил именно действительное намерение законодателя, как представляется, нет оснований.

Равным образом есть сомнения в том, что Суд уяснил действительную волю закона и явно усилил эффективность его реализации в Определении от 20 декабря 2005 г. № 474-О. В частности, утверждается, что невручение копии обвинительного заключения (обвинительного акта) защитнику обвиняемого не является основанием для возвращения уголовного дела прокурору, и для надлежащего обеспечения прав обвиняемого практически нет нарушения в том, что копию этого акта вручит защитнику непосредственно суд¹.

---

¹ Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 428-429.

Действительно, нормы п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ отсылают исключительно к обеспечению названных прав обвиняемого. Невручение копии обвинительного заключения (акта/постановления) защитнику последнего, несмотря на нормы ч. 2 ст. 222 УПК РФ, не фундаментальная правовая проблема – «получит в суде». И, скорее всего, защитнику будет предоставлено достаточно времени для всестороннего анализа этого акта на предмет его законности и обоснованности, для заявления обоснованных ходатайств о назначении предварительных слушаний, в том числе в связи с юридической или фактической сутью этого акта. Остается верить и в то, что именно суд реально обеспечит возможности защитника для обсуждения непосредственно с обвиняемым тактики и стратегии защиты от обвинения, нашедшего отражение в указанном акте и что судебное разбирательство по существу не будет назначено, пока обвиняемый и защитник полностью не реализуют комплекс указанных процессуальных гарантий и прав.

Однако столь же возможно, что суд не станет входить в обсуждение этих «частных» процедурных моментов (примеры тому имеются). И в этом случае, в том числе в контексте правовых позиций органа конституционного правосудия, сформулированных в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П., в наличии уже существенное нарушение прав обвиняемого на защиту от обвинения. Последнее, согласно правовым позициям постановления от 8 декабря 2003 г. № 1 8-П., – безусловное основание для возвращения уголовного дела прокурору (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Отсюда и озвученные сомнения в «весомом» вкладе Конституционного Суда РФ в повышение эффективности исследуемых и таким образом познанных норм.

В соответствии с правовыми позициями, изложенными в определении Конституционного Суда от 5 июля 2000 г. № 150-О, полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения предопределяют принятие судом соответствующего решения. По смыслу указанных положений, поясняет Конституционный Суд РФ, единственно возможным ре-

шением для суда, в том числе в ходе реализации предварительных слушаний, выступает решение о прекращении производства по делу полностью или в части отказа¹.

Принципиально иные подходы сформулированы в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, т. к., ибо указанное решение может быть принято судом исключительно на основе непосредственного исследования доказательств по делу и императивного выслушивания итоговых позиций сторон. Фактически – по окончании прений в суде первой инстанции².

Отсутствует правовая определенность, во-первых, в моменте принятия указанного «предопределенного» решения. Во-вторых, в вопросе о том, насколько указанный отказ государственного обвинителя действительно является предопределяющим для итоговых решений суда первой инстанции. Практика, как уже отмечалось, одномоментно являет примеры и стабильности решений суда о прекращении производства по делу, принятых по указанному основанию, в ходе предварительных слушаний³, и безоговорочной отмены аналогичных решений, в том числе принимаемых ввиду нарушения «правил» постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П⁴.

В соответствии с позициями, сформулированными в определении от 17 декабря 2009 г. № 1640-О-О, «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступле-

---

¹ Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 438-440. Аналогично: Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 226-О // Уголовный процесс. 2016. № 4. С. 7.

² Цит. по: Еникеев З.Д. Указ. соч. С. 455-456.

³ См., напр.: Владыкина Т. Предварительное слушание в суде присяжных // Уголовное право. 2015. № 3. С. 95-100. См. также: «при (полном или частичном) отказе прокурора на предварительных слушаниях от обвинения – судья выносит постановление о прекращении уголовного дела» // Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 14-о06-18.

⁴ См., напр.: Ермакова Т. Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? // Уголовное право. 2015. № 6. С. 90-96.

ния подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств, отвечающих критериям относимости, допустимости и достоверности»¹.

Оставим за рамками спора критерии относимости и допустимости, к которым апеллирует Суд, и обратимся к анализу достоверности как непосредственно доказательств, исследуемых судом, так и внутреннего убеждения суда о виновности, формируемого на основе указанного исследования.

Как методологически верно отмечает Л.М. Карнеева, критерий «достоверность» не имеет степеней (вероятностей) своего выражения и характеризует такой уровень познания (доказанности) исследуемого предмета, который верифицируется исключительно как истина (истина = достоверность)².

Отсюда и единство воли закона и констатаций высшего органа конституционного правосудия о невозможности постановления обвинительного приговора на основе предположений, слухов, догадок. Однако, не менее известны и усилия Конституционного Суда РФ к повышению эффективности в реализации тех или иных норм отраслевого закона. И, видимо, в названных целях Конституционный Суд несколько «уточнил» свои правовые позиции относительно правил доказывания, в частности, поясняя, что «предположительные и вероятностные выводы, содержащиеся в заключении эксперта, могут быть использованы для обоснования приговора, так как это не составляет нарушения презумпции невиновности»³. Для каждого спорного случая у суда общей юрисдикции в наличии «свой» прецедент высшего органа конституционного правосудия, к которому и следует легитимно апеллировать при обосновании приговора.

Аналогично «выявлена» истинная суть уголовно-процессуального закона в Определениях от 14 октября 2004 г. №326-О и от 20 октября 2011 г.

---

¹ Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 459-460.

² См.: Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1988. 68 с.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 566-О-О. Цит. по: Михеев М.А. Доказательства и доказывание: позиции высших судов РФ и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3. С. 29.

№ 1448-О-О. Согласно правовым позициям первого акта; «... ст. 142 УПК РФ не содержит положений, которые противоречили бы нормам уголовно-процессуального закона, устанавливающим порядок доказывания по уголовным делам, в том числе ст. 75 УПК РФ, и отменяли бы обязательность их соблюдения при оглашении в ходе судебного следствия сделанного заявления о явке с повинной»¹. Следует пояснить: суд общей юрисдикции не вправе огласить в судебном заседании, исследовать и принять в качестве легитимного доказательства явку с повинной (ст. 142 УПК РФ), если она принята от заявителя в отсутствие защитника, а в дальнейшем обвиняемый (подсудимый) отказался от ее содержания.

В соответствии с правовыми позициями второго акта конституционного правосудия (от 20 октября 2011 г. №1448-О-О), «... сведения, полученные от обвиняемого в ходе явки с повинной (в том числе при отсутствии защитника и при отказе от изложенных сведений в дальнейшем), – являются допустимым доказательством». Соответственно, суд общей юрисдикции в принципе не обязан принимать во внимание как отказ обвиняемого от указанной явки с повинной, так и доводы о том, что она написана в отсутствие защитника, с применением насилия, угроз, отсутствия реальной защиты и т.п.

Сомнения российской уголовно-процессуальной доктрины как в правомерности указанных «толкований», так и в легитимности исследуемых судом данных, при этом во внимание, как известно, не принимаются². Тем более что Верховный Суд РФ вполне определился в данной «дискуссии», изначально пресекая любые сомнения судей общей юрисдикции в доказательственном значении сведений, полученных от лиц при явке с повинной, но в отсутствие при этом квалифицированной юридической помощи³.

---

¹ Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 226-227.

² См., напр.: Фролова Т.А. Явка с повинной относится к иным документам // Уголовный процесс. 2010. № 4. С. 34.

³ См., напр.: пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Столь же двойственными с позиций определенности права видятся и констатации высшего органа конституционного правосудия, согласно которым, для одной ситуации, деятельность суда по реализации предварительных слушаний (гл. 34 УПК РФ) не может характеризоваться как судебное разбирательство, ибо под последним понимается исключительно судебное заседание судов первой, второй и надзорной инстанции¹; для другой ситуации эта же деятельность однозначно характеризуется Конституционным Судом РФ как деятельность суда первой инстанции². При этом если для второй ситуации можно в целом принять смысловые апелляции Конституционного Суда к официальному именованию раздела IX УПК РФ, в легальном своем состоянии озаглавленную как «Производство в суде первой инстанции», то объяснение «первых» констатаций Суда, скорее всего, исключительно в правосознании судей высшего органа конституционного правосудия.

В качестве весьма «наивного» охарактеризовано российской уголовно-процессуальной доктриной постановление от 19 декабря 2015 г. № 33-П³. Посредством содержания и правовых позиций этого акта Конституционный Суд не столько проверил и оценил в конституционном контексте все более нарабатываемую практику взлома адвокатской тайны в уголовном процессе, сколько сформулировал «благие» пожелания к следственным органам, реализующим обыски в отношении адвокатов и в помещениях адвокатских объединений⁴.

Следует напомнить суть спора, послужившего предметом оценки Конституционного Суда РФ: 5 октября 2014 г. Октябрьский районный суд г. Новосибирска удовлетворил ходатайство следственных органов о производстве обыска в помещениях Новосибирской городской коллегии адвокатов, адво-

---

¹ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 998-О-О.

² См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2006 г. № 53-О.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности п. 7 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 165 и ч. 1 ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // Российская газета. 2015. 30 декабря.

⁴ См., напр.: Колоколов Н.А. Интересы следствия против адвокатской тайны // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 70-76.

катов других адвокатских образований г. Новосибирска, а также ООО «Аудиторская служба «Нобл Компани» (ст. 165 УПК РФ). В рамках указанной процедуры суд разрешил не только осмотр всех адвокатских производств, но и изъятие всех предметов и документов, в т. ч. на электронных носителях, которые могут иметь отношение к расследуемому уголовному делу. В тех же целях и тем же решением разрешен личный обыск всех адвокатов и прочих лиц (клиентов), которые могли находиться в обыскиваемых помещениях на момент осуществления указанных обысков.

Указанное, более чем в полном объеме, было реализовано следственными органами и вызвало весьма негативную реакцию со стороны квалифицированного адвокатского сообщества. В итоге, как постановление районного суда (ст. 165 УПК РФ), так и непосредственно процессуальная форма реализованных обысков были обжалованы в суд апелляционной инстанции. Определяющими стали возражения на то, что в ходе обысков принудительному осмотру, перлюстрации с помощью технических средств и изъятию были фактически подвергнуты все адвокатские производства, вне зависимости от их отношения к конкретно расследуемому на данный момент уголовному делу.

Апелляционный суд, естественно, отказал в удовлетворении указанной жалобы адвокатов, полагая, что все из осмотренных и изъятых адвокатских производств имеют отношение к делу. Что же касается конкретных действий следственных органов по производству обыска, то заинтересованные лица могут обращаться за искомой судебной защитой в порядке ст. 125 УПК РФ («эффективность данной защиты, следует напомнить, рассматривалась»).

Редкое единство позиций суда, реализующего оперативный судебный контроль, и суда апелляционной инстанции побудило адвокатское сообщество к обращению в высший орган конституционного правосудия. Цель данного обращения, в том числе, с целью получить разъяснение конституционности не только норм п. 7 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 165 и ч. 1 ст. 182 УПК РФ, но и наработанной следственной практики их применения. Обращение было при-

знано приемлемым для конституционного рассмотрения по существу. Однако следствием реализованного познания и итоговых выводов Конституционного Суда РФ необъяснимо оказался анализ конституционности единственно норм, поставленных под сомнение заявителями, и достаточно наработанным практическим смыслом. Вместо того чтобы оценить конституционные реалии норм УПК РФ в их бытии российской следственной практики, Конституционный Суд РФ сформулировал ряд «благих» пожеланий – как к следственным органам, так и к адвокатскому сообществу в целом:

- Конституционный Суд констатирует, что конкретизация судом (в постановлении, вынесенном по правилам ст. 165 УПК РФ) предмета обыска изначально предопределяет недопустимость изъятия следственными органами всех без исключения адвокатских производств; равно как и недопустимость их изучения или публичного оглашения следователем, фиксации их содержания посредством научно-технических средств. Если конкретнее – Конституционный Суд констатирует, что в рамках обыска следователь вправе осматривать и изымать только те предметы и документы, которые непосредственно перечислены в постановлении суда.

Допустим, судьям Конституционного Суда (в контексте исследуемого вывода) в принципе неизвестна тактика реализации обыска. Между тем, по сути последней, прежде чем что-то конкретно указанное в вышеназванном постановлении изъять его надо сначала найти, осмотреть, ознакомиться с содержанием; в том числе на предмет отношения к делу. Соответственно, на законных основаниях будут осмотрены все документы и все электронные носители информации, находящиеся в офисе адвокатского объединения. При максимально значительном количестве последних – ничто не препятствует следователю внести их протокол и изъять, в том числе с целью всестороннего осмотра и изучения уже непосредственно в следственном органе (что и было реализовано по данному делу). В итоге, системной оценке подлежала именно правомерность указанной практики следственных органов, а не констатация субъективной «уверенности» высшего органа конституционного правосудия

в рассудительности и благоразумии российских следственных органов – как в отношении предмета, так и пределов, принудительно осуществляемого обыска.

Конституционный Суд РФ рекомендует адвокатам изначально сотрудничать со следствием и, не порождая негативной коллизии, сразу и добровольно выдать искомое. Однако при всей полезности и пацифистской направленности этих «конституционных» рекомендаций несколько забывается, что для адвоката определяющими являются интересы его доверителя, а не «общее» дело борьбы с преступностью. Кроме того, чтобы широко и плодотворно «сотрудничать», надо хотя бы примерно знать: какие именно предметы и документы столь интересны для следствия, как далеко «простираются» эти интересы применительно к реальным обстоятельствам расследуемого уголовного дела. И не факт, что следователь благородно оценит такое сотрудничество и не приступит к принудительному производству обыска, не удовлетворившись фактом добровольной выдачи тех или иных документов.

Кроме того, Конституционный Суд выражает надежды, что российский следователь точно изымет только то, за чем конкретно явился. Однако, при всем уважении, как к презюмируемому правосознанию следователей, так и к правосознанию судей высшего органа конституционного правосудия, нужно отметить, что в содержании жалобы в Конституционный Суд РФ заявители/адвокаты, напротив, указывают на принципиально иные тенденции следственной практики. Не отказали, естественно, и в производстве личных обысков в отношении адвокатов и присутствующих клиентов.

И в этом контексте «благие» пожелания высшего органа конституционного правосудия к следственным органам (без явной нужды повальных обысков не проводить, все досье адвокатов не перелистывать, при помощи научно-технических средств их без нужды не копировать¹) есть не столько искомые конституционные нормы, сколько публичные декларации «...про правовое государство и гражданское общество».

---

¹ См. подробнее: Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 73-76.

На это могут возразить, что применительно к указанной ситуации у Конституционного Суда просто не было средств к реальному обеспечению, как установленных конституционных гарантий, так интересов и прав заинтересованных лиц. Как представляется, достаточно однозначно сформулированные правовые позиции и итоговые выводы Суда, по сути которых вся информация, полученная за рамками конкретного дела и конкретного предмета судебного «разрешения», должна признаваться недопустимой для целей доказывания, скорее всего, весьма эффективно и скоро «отбила» бы посылы следственных органов и к повальным обыскам, и к излишнему любопытству.

Однако для этого, видимо, необходимо изменение векторов не столько в правосознании судей, сколько в публичной идеологии государства и, соответственно, уголовно-процессуальной политике: где именно права, свободы и интересы личности определяют не только смысл и содержание законов, но и деятельность государства. Как следствие, при исходном и верном условии что «именно бытие определяет сознание», можно будет надеяться и на иные результаты познания судей высшего органа конституционного правосудия применительно к тем или иным негативным коллизиям.

Golden Rule – в актах и деятельности российского конституционного правосудия¹. И доктрина, и практика уголовного судопроизводства России в избытке содержат также примеры объективации таких актов конституционного правосудия, которые в случае буквального их применения приводят не только к коллизии в правовых отношениях, но и к определенному абсурду в общем понимании и применении российского уголовно-процессуального права.

Имеет смысл исследовать, к примеру, определение от 27 мая 2010 г. № 777-О-О. По сути этого акта сформулировано предписание, смысл которо-

---

¹ *The Golden Rule* – суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности абсурдного решения.

го в том, что «одно и то же лицо по одному и тому же событию преступления не может быть одновременно признано и обвиняемым, и потерпевшим»¹.

На первый взгляд, безукоризненная правовая позиция, в принципе отрицающая при производстве по уголовному делу одновременное соединение в одном лице процессуального статуса потерпевшего и обвиняемого. Тем не менее, при более скрупулезном анализе УПК РФ эта же правовая позиция являет непреодолимую коллизию с нормами ч. 3 ст. 321 УПК РФ. Предписания последней, напротив, вполне допускают возможность соединения в одно производство жалобы частного обвинителя (потерпевшего) и встречной жалобы обвиняемого. Одним из следствий такого решения мирового судьи является то, что «допрос этих лиц об обстоятельствах, изложенных ими в своих заявлениях, проводится по правилам допроса потерпевшего, а об обстоятельствах, изложенных во встречных жалобах, – по правилам допроса подсудимого» (ч. 3 ст. 321 УПК РФ). В итоге и обвиняемый (подсудимый), и потерпевший по одному и тому же событию (деянию частного обвинения; ч. 2 ст. 20 УПК РФ) и в рамках одного уголовного судопроизводства одновременно пребывают и в статусе потерпевшего, и в статусе обвиняемого, естественно, с вытекающими отсюда правовыми последствиями.

Как следствие, несмотря на однозначные выводы Конституционного Суда РФ о том, что государственные органы и должностные лица, ведущие уголовный процесс, не вправе применять закон в ином смысле, чем в том, который нашел свое отражение в актах конституционного правосудия², ни законодатель, ни практика уголовного судопроизводства не видят особых оснований к отказу от норм ч. 3 ст. 321 УПК РФ.

---

¹ Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 167-168.

² Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 261-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2008 г. № 621-О-П; Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2011 г. № 843-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2010 г. № 1359-О-О. Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 124-127.

Серьезные вопросы вызывают и правовые позиции, изложенные в определении от 19 октября 2010 г. № 1364-О-О и от 29 сентября 2011 г. № 1306-О-О. По сути последних, Суд пришел к выводу о том, что нормы ч. 3 ст. 162 УПК РФ «не предполагают применение по приостановленному делу меры пресечения в виде подписки о невыезде и меры процессуального принуждения в виде временного отстранения обвиняемого от должности»¹.

Конституционный Суд императивно обязывает следственные органы к отмене мер пресечения и иных мер процессуального принуждения в случае приостановления производства по делу, полагая дальнейшее их применение явно незаконным и необоснованным. Между тем, нормы гл. 28 УПК РФ не содержат подобных запретов. Более того, предписания ч. 4 ст. 210 УПК РФ прямо указывают на то, что в случае приостановления производства по делу и объявлении обвиняемого, подозреваемого в розыск следователь, в том числе, обязан решить вопрос о применении к нему одной из мер пресечения. Указанное, как видим, несколько расходится с позициями Конституционного Суда РФ. Отсюда и позиции практики уголовного судопроизводства России, не особо стремящейся к безусловному выполнению указанных «конституционных» императивов.

Несколько «поверхностными» видятся и правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в определении от 16 декабря 2010 г. № 1658-О-О. Анализируя нормы ст. 176, 177 УПК РФ, Конституционный Суд, в частности, утверждает, что данные нормы не предусматривают «производства осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц или без судебного решения до возбуждения уголовного дела». Соответственно, резюмирует Суд, следственные органы обязаны возбудить перед судом соответствующее ходатайство и получить решение суда (ст. 165 УПК РФ)².

---

¹ Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 275.

² Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 344.

Между тем, нормы ст. 165 УПК РФ более полно и точно регламентируют этот вопрос. В частности, в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ, в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища (места происшествия) не терпит отлагательства, указанное следственное действие может быть произведено на основании постановления следователя (дознателя) без получения судебного решения, но с последующей судебной проверкой законности и обоснованности своего производства. В итоге, как доктрина российского уголовно-процессуального права¹, так и следственно-судебная практика², несмотря на указанные констатации высшего органа конституционного правосудия, достаточно однозначны в правильном понимании как порядка реализации указанного осмотра, так и легитимности конечных его результатов. Тем более что в определении от 6 июля 2010 г. № 911-О-О и от 20 марта 2007 г. № 218-О-О Конституционный Суд РФ формулирует аналогичные этому пониманию выводы³.

В отличие от Конституционного Суда, пока не определившегося в однозначности своих правовых констатаций, практика вполне определилась в оптимальном алгоритме уголовно-процессуальных решений и действий.

В качестве определенного правового абсурда объективированы конституционно-правовые позиции, согласно которым норма п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» не устанавливает неприкосновенность адвоката (защитника), не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом. Поэтому указанное нормативное предписание предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, ко-

---

¹ См., напр.: Курченко В.Н. Основные ошибки судей при рассмотрении ходатайств о производстве обыска и выемки // Уголовный процесс. 2012. № 4. С. 54-61.

² См., напр.: Ковтун Н.Н. Предмет судебного следствия в судебно-контрольных производствах // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 14-19; он же: Оперативные судебно-контрольные производства, реализуемые по правилам статьи 165 УПК РФ // Уголовный процесс. 2010. № 1. С. 8-16.

³ Еникеев З.Д. Указ. соч. С. 367-368, 371.

торые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности, к каковой в любом случае не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния как несовместимого со статусом адвоката¹.

Представляется это требует пояснения. С одной стороны, Конституционный Суд однозначен в вопросе о том, что нормы п. 3 ст. 8 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», предусматривающие получение судебного решения для производства в отношении адвоката любого следственного действия, вполне конституционны и разумны, так как создают максимум процессуальных гарантий, направленных на обеспечение нормальной профессиональной деятельности указанной категории лиц. И в данной связи предписания п. 3 ст. 8 указанного закона правомерно имеют приоритет перед нормами УПК РФ (ч. 2 ст. 7 УПК РФ), требуя императивного своего обеспечения в ходе реализации следственных и процессуальных действий.

С другой стороны, следственным органам достаточно субъективно предполагать, что профессиональная деятельность адвоката уже не носит легитимный характер. Предполагать, что посредством своих специальных познаний или особых личностных качеств адвокат, по факту, выступает в качестве юридически квалифицированного пособника в хищении чужого имущества, является субъектом передачи предмета взятки или организатором коррупционных «схем» по легализации («отмыванию») денежных средств. И в данной ситуации указанной убежденности в целом достаточно, чтобы более не обращаться к установленным процессуальным гарантиям, к особому статусу адвоката, гарантиям неприкосновенности всего, что составляет «адвокатскую тайну». Гарантии, как резюмировано Конституционным Судом, предусмотрены для законопослушного адвоката, а не для (вполне вероятно) преступника, который использует предоставленный статус для «вуалирования» преступных деяний. Соответственно, нет ни нарушений закона, ни со-

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 629-О-О, от 17 июля 2012 г. № 1472-О, от 22 апреля 2014 г. № 732-О; и др.

мнений в легитимности полученных данных в тех ситуациях, когда следственные и процессуальные действия в отношении подобного «лжеадвоката» реализуются на «общих» к тому основаниях¹.

Серьезно тревожит и то, что, несмотря на абсурдность указанных предположений субъективного толка, в принципе не соответствующих презумпции невиновности обвиняемого (ст. 14 УПК РФ), следственно-судебная практика не только с большим одобрением восприняла указанные «конституционно-правовые» новации, но и оперативно реализовала их как непосредственно руководство к действию. Примеры к тому достаточно озвучены как российской уголовно-процессуальной доктриной², так и подтверждены судебно-следственной практикой уголовного судопроизводства России³. Благо «надлежащий» конституционно-правовой базис указанного алгоритма обеспечен высшим органом конституционного правосудия.

Приведенные примеры не являются субъективно подобранными или искусственно вырванными из общего, всецело позитивного контекста конституционно-правовых предписаний высшего органа конституционного правосудия. На определенную абсурдность отдельных предписаний Конституционного Суда РФ обращает внимание в своем диссертационном исследовании С.М. Даровских. В качестве примера приводится ситуация, связанная с Постановлением Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. № 2-П⁴.

Рассматривая в указанном деле вопрос о конституционности ч. 3 ст. 232 УПК РСФСР (согласно которой при направлении дела для дополнительного расследования судья был обязан разрешить вопрос о мере пресече-

---

¹ См.: Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 32-42.

² См.: Николаев А.Ю. Адвокат как объект ОРМ по делам о пособничестве во взяточничестве // Уголовный процесс. 2014. № 11. С. 16-19; Иванов А.В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении адвокатов // Уголовный процесс. 2014. №11. С. 20-26.

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2012 №47-012-30сп.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений п. 2 ч. 1 и ч. 3 ст. 232 УПК РСФСР в связи с жалобами гр-н Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева» // Собр. законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1176.

ния в отношении обвиняемого), Конституционный Суд РФ, мотивируя возможность для суда общей юрисдикции применять меру пресечения, ссылается, в том числе, на другое постановление, вынесенное им ранее¹. Однако при обращении к последнему выясняется, что подобная ссылка в принципе некорректна, так как в данном акте Суда речь идет о принципиально иной ситуации².

Не менее известны констатации судей высшего органа конституционного правосудия о наличии явных противоречий в правовых позициях или итоговых выводах Конституционного Суда РФ по тождественному предмету проверки в разных актах конституционного правосудия³.

Наконец, на реальное отношение к отдельным актам конституционного правосудия российского законодателя или иных высших органов судебной власти России указывают не всегда обязательные исполнение, учет или имплементация указанных актов в статике и динамике российского права. К примеру, Г.С. Гуревич, к примеру, указывает на то, что, по данным реализованного им исследования, акты Конституционного Суда РФ реально исполняются Федеральным Собранием РФ (в среднем) не ранее, чем через год-полтора⁴. С.М. Даровских приводит примеры, когда отдельные из решений были имплементированы в нормативную ткань УПК РФ лишь по прошествии четырех лет со времени вынесения высшим органом конституционного правосудия⁵. Н.Н. Ковтун констатирует, что довольно значительная часть актов конституционного правосудия не удостоилась «внимания» законодателя

---

¹ См. подробнее: Собр. законодательства РФ. 1998. № 28. Ст. 3393.

² См.: Даровских С.М. Указ. соч. С. 104-105.

³ См., напр.: Витрук Н.В. Особое мнение к постановлению Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела в связи с жалобой гр. И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ» // Собр. законодательства РФ. 2000. № 5. Ст. 611.

⁴ См.: Гуревич Г.С. Роль решений Конституционного Суда РФ в совершенствовании законодательства // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 12-13 апреля 2001 г. Челябинск. 2001. С. 11.

⁵ Даровских С.М. Указ. соч. С. 311-312.

по прошествии пяти-шести лет с момента их вынесения, и в силу ч. 3 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» осталась непосредственно действующей, не найдя своего места в системе действующего УПК РФ¹.

Причины указанного, в том числе усматривают в том, что ответственность, установленная в ст. 81 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ, по факту, носит декларативный характер и на законодателя не распространяется.

Аналогично акты конституционного правосудия, нередко, воспринимаются Верховным Судом РФ. Как уже отмечалось, несмотря на то что в целом ряде своих актов Конституционный Суд РФ однозначно констатирует тезисы о том, что государственные органы и должностные лица, ведущие *ex officio* уголовный процесс, не вправе применять закон в ином смысле, чем в том, который нашел свое отражение в актах конституционного правосудия², Верховный Суд РФ однозначно оставляет за собой право иметь отличное суждение о нормативной сути тех или иных «конституционно-правовых» предписаний³.

«Исправить» указанное, по идее, призваны новеллы от 28 декабря 2016 г., предложенные Федеральным конституционным законом № 11-ФКЗ. Однако у нас есть весомые сомнения, как в легитимности, так и в реальной эффективности предложенных новаций.

Во-первых, в силу того, что нормативные предписания, по смыслу которых: «с момента вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ, которым нормативный акт или отдельные его положения признаны не

---

¹ См.: Ковтун Н.Н. Акты конституционного правосудия как фактор декодификации УПК РФ // Уголовный процесс. 2008. № 11. С. 3.

² Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 261-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2008 г. № 621-О-П; Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2011 г. № 843-О-О; Определение Конституционного Суда РФ от 19 октября 2010 г. № 1359-О-О. Цит. по: Еникеев З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. С. 124-127.

³ Конкретные примеры указанного приведены в параграфе 5.2 главы V настоящей работы.

соответствующими Конституции РФ, либо постановления Конституционного Суда РФ о признании нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом РФ истолковании не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений, признанных таким постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующими Конституции РФ, равно как и применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом РФ в этом постановлении истолкованием» (ч. 5 ст. 79), в буквальном истолковании, не могут быть адресованы непосредственно высшему законодательному органу Российской Федерации. Повторимся, мы однозначно стоим на позициях, по сути которых ни высший орган конституционного правосудия, ни его акты не могут быть «поставлены» над российским парламентом; одна из ветвей судебной власти изначально не вправе диктовать законодателю суть и содержание единственно истинной законодательной воли. В данной связи, для высшего законодательного органа государства, истолкование, предложенное Конституционным Судом, в принципе не может являться безоговорочным императивом.

Во-вторых, исключительно «суды общей юрисдикции, арбитражные суды при рассмотрении дел после вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ, ... не вправе руководствоваться нормативным актом или отдельными его положениями, признанными данным постановлением Конституционного Суда РФ, не соответствующими Конституции РФ, либо применять нормативный акт или отдельные его положения в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом РФ в этом постановлении истолкованием» (ч. 5 ст. 79). Между тем, Верховный Суд РФ, в силу буквы закона, не является судом общей юрисдикции и, как следствие, в принципе не обязан следовать указанной воле конституционно-правовых предписаний.

И, как представляется, при действительно объективном подходе изначально нет оснований для «принуждения» Верховного Суда РФ (равно – в

целом системы судов общей юрисдикции) к следованию исключительно той позиции, которая объективирована в актах конституционного правосудия. Основа указанного - в сути и прямом действии норм Конституции Российской Федерации. Согласно последним и Верховный Суд РФ, и в целом система судов общей юрисдикции представляют собой самостоятельную и независимую ветвь государственной власти, полномочия и функционирование которой не может быть ограничено или задано актами конституционного правосудия (ст. 10, 120 Конституции РФ).

Соответственно, в настоящее время в наличии нет легитимных средств, которые могли бы «принудить», как законодателя, так и изначально самостоятельную и независимую судебную власть функционировать строго определенным образом, в том числе в отношении выполнения ими своих непосредственных полномочий – законотворческой деятельности или деятельности по отправлению правосудия. Кроме того, в ряде случаев ни достаточных правовых оснований, ни реальной потребности в указанном «принуждении» нет. Правовое государство и гражданское общество изначально «устроены» на системе сдержек и противовесов различных ветвей государственной власти. И в этом контексте изначально презюмируемая и не подлежащая обсуждению истинность актов конституционного правосудия, как представляется, вступает в недопустимое противоречие и с сутью самой Конституции РФ и с достаточно апробированным мировым опытом функционирования государства в системе сдержек и противовесов.

Исследуемая ситуация требует своего разрешения на законодательном уровне. Возможно, путем создания специального органа из представителей законодательной власти и власти судебной (в равном «числе» представителей Конституционного Суда, Верховного Суда РФ, Государственной Думы РФ). В рамках своей компетенции этот орган мог бы решать как возникающие конфликтные ситуации в понимании сути и содержания коллизионных правовых предписаний, так и определять приоритеты в отношении разработки и реализации актуальных законопроектов. Во всяком случае, право на «исти-

ну» не может быть узурпировано лишь одним государственным органом, в том числе, настолько авторитетным и беспристрастным, как задумывался Конституционный Суд Российской Федерации.

Глава IV.

Европейская конвенция и акты ЕСПЧ как фактор определенности российского уголовно-процессуального права

§ 4.1. Суть и значение Европейской конвенции и актов ЕСПЧ в системе нормативного регулирования уголовного судопроизводства России

О сущности и назначении в российском правовом регулировании и правоприменительной практике Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией 30 марта 1998 г., Протоколов к ней и, соответственно, актов Европейского Суда по правам человека написано достаточно много¹. В данной связи видится верным отказаться от надуманных «изысканий» и дополнительных «обоснований» в достаточно решенных российской доктриной и практикой вопросах и воспринимем как данность систему следующих исходных констант:

- ратифицировав Европейскую конвенцию, Российская Федерация признала *ipso facto* юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к

---

¹ См., напр.: Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации, Томск, 2011. 296 с.; Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20-22 сентября 2007 г.) / Под ред. М.К. Свиридова. Томск: Том. ун-т, 2007. 292 с.; Брусницын Л.В. Значение решений ЕСПЧ для национального уголовного судопроизводства и проблемы их учета в государствах – членах Совета Европы (к Реформе Конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Государство и право. 2013. № 2. С. 25-31.

ней¹. Как следствие, указанное означает, что Россия обязана обеспечивать исполнение на своей территории не только собственно положений Конвенции, но и основных прав и свобод человека, в том числе в их истолковании, предложенном непосредственно ЕСПЧ;

- в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, как нормативные положения Конвенции, так и разъясняющие, толкующие их акты ЕСПЧ, являются составной частью законодательства Российской Федерации и в случае конкуренции норм в правовом регулировании имеют легальный приоритет перед нормами внутреннего национального законодательства²;

- обращение заинтересованных лиц в Европейский Суд по правам человека представляет собой не основной, а субсидиарный способ защиты права, закрепленного в Конвенции. В данной связи приемлемость рассмотрения дела в Европейском Суде по существу изначально обусловлена системой следующих принципиальных условий:

(а) до обращения в Европейский Суд по правам человека заявителя обязаны исчерпать все доступные и эффективные средства национальной правовой, в т. ч. судебной защиты. Вместе с тем, к примеру, в Постановлении от 26 января 2006 г. «Михеев против России» (жалоба № 77617/01) Европейский Суд уточняет: жалоба заявителя может быть признана приемлемой для рассмотрения, если внутренние средства правовой защиты не исчерпаны, но неэффективны, по сути³. Заявитель также не должен исчерпывать национальные средства правовой защиты, которые теоретически предоставляют возмещение, однако на практике не предоставляют реального шанса восстановить нарушенные права («Уаулер против Турции», жалоба № 26973/95 от 13 января 1997 г.; «Акдивар и др. против Турции», постановление от 30 авгу-

---

¹ См.: Статью 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

² См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. №2-П // Российская газета. 2007. 14 февраля.

³ См.: Европейский Суд по правам человека: сборник постановлений по «российским делам» (январь-апрель 2006 года) / Под ред. Красикова Д.В., Лазаревой Л.Ю. Саратов: Новый ветер, 2006. С. 238-239.

ста 1996 г., §68, р. 1210, 1996-VI). Кроме того, если установленное национальное средство правовой защиты было теоретически адекватным, но с течением времени, доказало практическую свою неэффективность, заявитель не обязан исчерпывать и его («Тепе против Турции», жалоба № 27244/95, решение Комиссии от 25 ноября 1996 г.);

(б) не являются приемлемыми для рассмотрения по существу жалобы заявителей на неправильное применение или истолкование закона национальными судебными органами, равно как связанные с утверждениями о неправильной, неполной, односторонней оценке доказательств по делу или неправильным установлением фактических обстоятельств. В постановлении по делу «Марченко против Российской Федерации» Европейский Суд резюмирует, что он «не является вышестоящей инстанцией в отношении национальных судов и что по общему правилу именно национальные суды должны заниматься оценкой представленных доказательств». Назначение ЕСПЧ принципиально иное – проверка в целом справедливости национального судебного разбирательства; в том числе в контексте обеспечения должной и эффективной правовой процедуры¹;

(в) правовые позиции ЕСПЧ, изложенные в его итоговых актах, как правило, не совпадают с тем восприятием прав, закрепленных в Конвенции, которое характерно для национального законодательства или наработанной практики его применения. В данной связи, чтобы обеспечить эффективную реализацию правозащитного механизма Конвенции необходимо системное уяснение, все более нарабатываемых правовых позиций ЕСПЧ относительно действительной сути и содержания прав, предусмотренных и гарантируемых, как Европейской конвенцией, так и итоговыми актами ЕСПЧ². При этом в процессе уяснения сути того или иного конвенционного права следует принять во внимание позиции ЕСПЧ, по сути которых «Конвенция не является

---

¹ См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Марченко против Российской Федерации» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04), пункт. 43 // СПС «КонсультантПлюс».

² Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство ... С. 4, 7.

застывшим правовым актом, она открыта для толкования в свете сегодняшнего дня»¹.

По идее, суть указанных правил и следствий без особых коллизий была воспринята российской доктриной и правоприменительной практикой. Вследствие чего, к примеру, по рассмотрении ЕСПЧ дела «Калашников против России»², Верховный Суд РФ посчитал необходимым и правильным еще раз акцентировать следующие правовые позиции:

- прежде всего были усилены акценты относительно обязательности и прямой юридической силы международных договоров, ратифицированных РФ³, а равно приоритета норм международного права над нормами национального законодательства в случае их возможной практической коллизии;

- во-вторых, пленум обязал суды общей юрисдикции непосредственно применять при осуществлении правосудия нормы как в целом международного права, так и Конвенции, в т. ч. в ее истолковании ЕСПЧ;

- наконец, императивно, и по факту впервые, было указано, что неправильное применение норм международного договора или неприменение нормы международного договора, подлежащего применению, является легитимным основанием для отмены/изменения состоявшегося, в т. ч. окончательно, акта суда, несмотря на отсутствие об этом прямых указаний непосредственно в уголовно-процессуальном законе⁴.

---

¹ По факту, указанное служит основой «коррекции» ранее высказанных правовых позиций Суда по тождественному предмету проверки. См.: Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Норма, 2001. С. 90-91.

² Дело рассмотрено 15 июля 2002 г. См.: Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: сб. аналитических статей / под ред. М.Р. Воскобитовой. М.: Анахарсис, 2005. С. 429-464.

³ Впервые Пленум Верховного Суда РФ указал, что суды могут и должны при отправлении правосудия применять нормы международных договоров РФ, в своем постановлении № 6 от 29 сентября 1994 г. См.: Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ (РСФСР). 1961-1996. М., 1997. С. 358-360.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров» // Российская газета. 2003. 2 декабря.

Следствием рассмотрения в ЕСПЧ дела «Смирновы против России»¹ стало принятие максимально уточняющих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ как относительно действительной сути фактических оснований для законного и обоснованного заключения обвиняемых под стражу, так и необходимости подтверждения указанных оснований конкретными фактическими данными, представленными к проверке и оценке судом².

Еще ранее, в постановлении от 19 декабря 2003 г. № 23 Пленум Верховного Суда РФ прямо предписал указывать в мотивировочной части судебного решения примененный судом материальный или процессуальный закон, в частности, Европейскую конвенцию, принимая во внимание постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции, подлежащих применению в данном деле³.

Таким образом, суды были властно, правильно и неоднократно ориентированы как на прямое и непосредственное применение Конвенции при осуществлении правосудия, так и на императивный учет тех правовых позиций ЕСПЧ, которые максимально детально раскрывали сущность и нормативное содержание того или иного конвенционного права.

Тем не менее, как констатирует большинство из исследователей системы российского права, то ли в силу инерции практики, то ли в силу наработанных установок в правосознании судей, ссылки в итоговых решениях судей на Конвенцию и/или на постановления ЕСПЧ выявить практически невозможно. Указанное естественно отражается, как в суммарных оценках, так и в итоговых установках практикующих судей относительно нормативной

---

¹ Дело рассмотрено 24 июля 2003 г. См.: Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика. С. 465-489.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 25 марта.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (пункт 4) // Российская газета. 2003. 26 декабря.

«ценности» этой формы выражения российского права для отправления законного и обоснованного правосудия¹.

Нет, естественно, и более или менее репрезентативной выборки актов суда, отмененных или измененных вышестоящим (апелляционным, кассационным или надзорным) судом по основаниям неприменения или неправильного применения как непосредственно текста Конвенции, так и актов Европейского Суда по правам человека².

Следствием обобщения судебной практики, реализованного в 2004 г. по поручению Верховного Суда РФ в 2/3 судов общей юрисдикции Российской Федерации, стали выводы, по сути которых из более чем 700 изученных актов суда только 15 (из них) так или иначе отражали практику ЕСПЧ. При этом подобные ссылки дублировались одними и теми же судьями³. Определенный вклад в формирование указанной практики, резюмирует Т.В. Трубникова, внес непосредственно Верховный Суд РФ⁴.

И, напротив, что принципиально для задач и цели данного исследования, Конституционный Суд РФ оказался более оперативным и «решительным» в этих моментах. В частности, первое упоминание нормативных положений Европейской Конвенции было включено в текст акта высшего органа

---

¹ Так, по итогам анкетирования только 19,6% опрошенных судей убеждены в том, что итоговые акты ЕСПЧ являются легитимным и прямым источником российского уголовно-процессуального права; 34,2% готовы признать их легитимность при подтверждении итоговых выводов этого акта актом конституционного правосудия; 46,2% рассматривает акты ЕСПЧ в качестве источника ориентирующего характера, определяющего лишь общие ориентиры обеспечения прав и интересов заинтересованных лиц. Корреспондируют указанным данным и 4,2% ответивших, что непосредственно в практике отправления правосудия они апеллировали к актам ЕСПЧ при обосновании итоговых судебных решений (анкета, приложение № 2 к диссертации).

² См.: Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда. С. 23, 24; Конин В.В. Некоторые проблемные вопросы влияния и применения решений Европейского Суда по правам человека на российское уголовное судопроизводство // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2007. С. 58; и др.

³ См. подробнее: Голованов Д., Потапенко С. Применение российскими судами положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского Суда по правам человека: теоретические и практические аспекты // Законодательство и практика масс-медиа. 2005. Март [Электронный ресурс]. URL: www.medialaw.ru.

⁴ Трубникова Т.В. Указ. соч. С. 24.

конституционного правосудия уже через несколько месяцев с даты ее ратификации¹. Еще через некоторое время исследователями было подсчитано, что с момента ратификации Конвенции и до сентября 2004 года этот акт упоминался в 116 постановлениях Конституционного Суда РФ².

В дальнейшем, что также однозначно констатировалось российской доктриной, подобные ссылки становятся наработанной практикой при обосновании итоговых актов российского конституционного правосудия³. При этом, что примечательно, высший орган конституционного правосудия обращался к указанным актам как к непосредственно действующим источникам российского права⁴.

Несмотря на определенное манкирование судами общей юрисдикции юридической силы Конвенции и итоговых актов ЕСПЧ, можно было констатировать состояние конвенциональной определенности как по сути исследуемых актов в российском правовом регулировании, так и относительно их «места» и значения в иерархии отраслевых (в том числе уголовно-процессуальных) источников права.

Не особо отражались на указанной определенности и рассмотренные ранее суждения российских ученых, согласно которым (в позициях отдельных представителей российской доктрины) положения международного договора (в нашем случае – Конвенции) то «приобретают» статус норм непосредственно национальной конституции, то «объективируются» в качестве

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 355 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 2. С. 4.

² См.: Бурков А.Л. Применение Европейской Конвенции по правам человека в судах России, или Конвенция для внутреннего применения. Лекция. [Электронный ресурс]. URL: http://sutyajnik.ru/rus/actions/marthur04/dom_impl/ (дата обращения 06.06.2016); Даровских С.В. Указ. раб. С. 271-272; и др.

³ См., напр.: Ковтун Н.Н., Симагин А.С. Европейская конвенция и акты Европейского Суда по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод личности при осуществлении уголовного судопроизводства России: учеб. пособие. Н. Новгород, 2007. 126 с.

⁴ См., напр.: Постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П, от 12 марта 2001 г. № 4-П, от 30 июля 2001 г. № 13-П, от 22 марта 2005 г. № 4-П.

норм еще более высокой юридической силы, приоритетных, в том числе в отношении Конституции Российской Федерации¹.

Наконец, несмотря на то, что в соответствии с ч. 1 ст. 46 Конвенции «высокие Договаривающиеся Стороны» обязались соблюдать окончательные решения ЕСПЧ по делам, в которых они являются сторонами, не наблюдалось особых коллизий и в том, что столь же обязательными для национального правоприменения являлись итоговые акты ЕСПЧ, вынесенные в отношении иных государств – участников Конвенции.

Указанное однозначно констатировалось, как российской уголовно-процессуальной доктриной², так и непосредственно практикой высших судебных инстанций России³.

К примеру, формулируя в Постановлении от 25 марта 2008 г. № 6-П общие критерии беспристрастного суда, Конституционный Суд РФ весомо ссылается на правовые позиции ЕСПЧ, выраженные в постановлении от 26 февраля 1993 г. «Падовани (Padovani) против Италии» (пп. 25 и 27), от 28 февраля 1993 г. «Фэй (Feu) против Австрии» (пп. 28 и 30), от 10 июня 1996 г. «Пуллар (Pullar) против Соединенного Королевства» (п. 30)⁴.

Аналогичные тенденции формировала практика ЕСПЧ. К примеру, принимая итоговое постановление в деле № 656/06 «Насруллоев против Российской Федерации», Европейский Суд обращается к определению Конституционного Суда РФ от 4 февраля 2006 г., резюмируя, что аргументы заяви-

---

¹ Более подробно этот вопрос был рассмотрен в параграфе 2.1 главы II настоящей работы.

² См., напр.: Панокин А.М. Реализация права на справедливое судебное разбирательство в апелляционном производстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и российский уголовный процесс // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 52-54.

³ См., напр.: Деменева А.В. Исполнение Россией постановлений Европейского Суда по правам человека: количество, не переходящее в качество // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 69-76.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 АПК РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Товарищество застройщиков” ОАО “Нижекамскнефтехим” и ОАО “ТНК-ВР Холдинг” // СПС «КонсультантПлюс».

теля (вполне) корреспондируют выводам, сделанным Конституционным Судом РФ в указанном определении¹.

Если российская правовая доктрина и являла дискуссии, то лишь в вопросе о том, главенствуют ли нормы международного договора (в данном случае – Конвенция и акты ЕСПЧ) над Конституцией РФ². Как отмечалось, согласно одним доктринальным подходам ратифицированные международные договоры по юридической силе либо *a priori* превосходят Конституцию РФ, доминируя в национальном правовом регулировании³, либо действуют параллельно с ней, при этом «определяя и сдерживая» нормы конституции⁴.

Суть иных подходов, напротив, акцентировалась в безусловном верховенстве Конституции РФ над международными договорами. О.Н. Хлестов, к примеру, однозначно указывал, что верховенство основного закона наиболее явственно через установленный для принятия международных договоров порядок. Согласно смыслу ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, установлено, что международные договоры, противоречащие нормам конституции, не вступают в силу на территории Российской Федерации, так как проходят через процедуру ратификации, то есть выражение на их обязательность в национальной правовой системе путем принятия соответствующего правового акта. Как следствие, международное соглашение, не соответствующее конституции, не будет принято, а его положения не станут частью национального права⁵. Полномочия по выявлению противоречий (их отсутствию) в соответствии с

¹ Информация о деле №656/06 «Насруллоев против Российской Федерации» (по материалам постановления Европейского Суда по правам человека от 11 октября 2007 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.minjust.ru>.

² См., напр.: Тихомиров Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3-12; Корнелюк О.В. К проблеме применения норм международного права в национальном законодательстве // Следователь. 2004. № 1. С. 61-63; Хижняк В.С. Взаимодействие национального права и международного права // Современное право. 2002. № 7. С. 33-36.

³ См., напр.: Виноградов В. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 27.

⁴ См.: Соловьева Т.В. Реализация актов ЕСПЧ национальными судами России // Евразийская адвокатура. 2012. № 1-1. Т. 1. С. 71. При этом каким именно образом данные нормы «определяют и сдерживают» конституцию, в работе в целом не поясняется.

⁵ Хлестов О.Н. Соотношение между внутренним правом России и международным правом // Международный правовой курьер. 2014. № 2. С. 8.

Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» при этом всецело возложены на Конституционный Суд РФ.

А.С. Комаров и П.А. Царев аналогично указывали, что верховенство конституции в национальной системе государства является неотъемлемой частью его суверенитета, и, как следствие, признание международных договоров главенствующими над конституционными нормами лишает государство полного суверенитета (что, стоит подчеркнуть, – неприемлемо для этих исследователей)¹.

Выше автор настоящего исследования уже излагал свои подходы к данной проблеме, и вынуждены повторяться лишь в силу того, что Европейская конвенция имеет существенное отличие от массы иных договорных актов российского государства. Последняя, в частности, предусматривает эффективный механизм защиты ее положений на наднациональном уровне – Европейский Суд по правам человека. Целью деятельности этого органа, в том числе, является обеспечение обязательств государств по реальному исполнению Конвенции. В итоге, если обязательность соблюдения норм непосредственно Конвенции, по идее, не подвергается сомнению ни с точки зрения национального, ни международного права², то обязательность исполнения итоговых актов ЕСПЧ, особенно предполагающих внесение изменений во внутригосударственное законодательство или существенное изменение в законотворческой политике государства оказалась весьма коллизионным моментом.

Спустя относительно короткий период после ратификации Конвенции для российского правоприменения стало очевидно, что отдельные из решений Европейского Суда могут не совпадать с правовой и/или политической

---

¹ Комаров С.И., Царев П.А. Правовая инфильтрация норм Европейской конвенции, актов ЕСПЧ и суверенитет национального государства // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина / Под. ред. А.В. Малько. Рязань: Концепция, 2015. С. 53-55.

² Автор основывает свою позицию на положениях Венской Конвенции о праве международных договоров, согласно которым государство не может отказываться от исполнения международных обязательств на основании положений внутреннего законодательства.

позицией Российской Федерации по рассматриваемым Судом вопросам. Указанное особенно являло себя в той степени, в которой выполнение отмеченных актов ЕСПЧ обязывало государство к кардинальным изменениям в отраслевом законодательстве или в наработанной национальной правоприменительной практике. В качестве первой подобной коллизии объективировалось дело «Илашку и другие против Молдовы и России»¹.

Заявители утверждали о факте нарушения их прав в рамках действия ст. ст. 2, 3, 5, 6, 8 Конвенции и настаивали на солидарной ответственности властей Российской Федерации на основании осуществляемого ими, по мнению заявителей, «фактического контроля».

В рамках постановления Большой палаты ЕСПЧ, обязавшего Россию и Молдову принять ряд мер, в том числе осуществить выплаты заявителям, судьей А.И. Ковлером было сформулировано особое мнение, в котором он констатировал: при вынесении итогового решения ЕСПЧ не были учтены исторические особенности формирования территориального образования «Приднестровская республика». Оппонент также не согласился с изложенным Большой палатой толкованием понятий «ответственность» и «юрисдикция». Наконец, жалоба, по мнению А.И. Ковлера, изначально не была приемлема в отношении России в *ratione personam* и *ratione loci*².

Министр иностранных дел РФ С. Лавров, в свою очередь, высказал мнение, что данное постановление в большей степени обусловлено политическим фактором, нежели юридическим³.

¹ См.: ЕСПЧ. «Илашку и другие против Молдовы и России» (жалоба №48787/99). Постановление от 8 июля 2004 г. [Электронный ресурс]. // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109229> (дата обращения: 15.06.2016).

² См.: Судья Ковлер: Не могу согласиться // Российская газета. 2004. 10 июля; См. также: URL: <http://www.rg.ru/2004/07/10/kovler.html> (дата обращения: 15.06.2016).

³ См.: Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам 116-й сессии Комитета Министров Совета Европы, (Страсбург, 19 мая 2006 г.) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/posledniye_dobavlnenniye/-/asset_publisher/MCZ7HQumdqBY/content/id/403606 (дата обращения: 15.06.2016).

В последующем, Российской Федерацией была выполнена только часть возложенных на нее Европейским Судом обязательств по рассматриваемому делу, несмотря на то, что вопрос о выполнении оставшейся части неоднократно ставился перед представителями России Комитетом Министров Совета Европы.

Другим коллизионным актом стало Постановление ЕСПЧ по делу «Кононов против Латвии»¹. Заявитель утверждал о нарушении властями Латвии ст.ст. 6 и 7 Конвенции. В рамках уголовного преследования правоохранными органами Латвии В. Кононов обвинялся в совершении в 1944 году военного преступления по смыслу Гаагских Конвенций и на основании ст. 68-3 латвийского Уголовного кодекса 1961 г. Законом Республики Латвия 1993 г., нужно напомнить, было закреплено положение, согласно которому разрешалось ретроспективное применение уголовного права в отношении преступлений против человечности и военных преступлений.

Дело В. Коконова было рассмотрено всеми судами судебной системы Латвии, в итоге он был признан виновным в совершении инкриминируемых деяний, с назначением наказания в виде 1 года и 8 месяцев тюремного заключения. После отклонения Верховным судом Латвии апелляционной жалобы В. Коконова 27 августа 2004 г. им была направлена жалоба в ЕСПЧ. Поскольку с 2000 г. В. Кононов являлся гражданином Российской Федерации, Россия была привлечена в процесс Европейского Суда в качестве третьей стороны.

24 июля 2008 г. Палата признала нарушение Латвией ст. 7 Европейской конвенции (запрет ретроактивного уголовного преследования) и присудила выплату справедливой компенсации В. Кононову. В рамках рассмотрения спора Палата разрешала два основных вопроса: существовала ли на момент совершения деяния В. Кононовым правовая база, позволяющая определить

---

¹ См.: ECtHR. *Kononov v. Latvia*. Application No. 36376/04 // HUDOC – European Court of Human Rights. [Электронный ресурс]. URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["кононов"\],"languageisocode":\["RUS"\],"appno":\["36376/04"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (accessed: 17.06.2016).

акт в качестве военного преступления, а также могли ли иметься у обвиняемого в момент совершения деяния основания полагать, что его действия повлекут за собой судебное преследование. Для ответа на эти вопросы, Палате необходимо было определить, являлись ли лица, чью смерть повлекло инкриминируемое В. Кононову деяние, комбатантами на момент его совершения, а равно определить, действие законодательства какого государства применялось на территории совершения деяния. Последний аспект возник в связи с оспариванием Латвией законности включения ее в состав СССР в 1940 г. после принятия известного Пакта Молотова – Риббентропа.

Таким образом, уже на этом этапе обнаружилась явная **политизированность** поставленных перед Палатой вопросов: исторические позиции Российской Федерации и Республики Латвии по вопросам оккупации, как известно, были кардинально различны. Особо следует подчеркнуть, что при вынесении Палатой (итогового) постановления, были сформированы 3 мнения в соответствии с Правилом 74 Регламента ЕСПЧ¹: одно совпадающее и два особых².

Латвия выразила несогласие с вынесенным (24.07.2008 г.) решением, и дело было передано на рассмотрение в Большую палату Европейского Суда. Последняя 17 мая 2010 г., применив часть 2 статьи 7 Конвенции, которая «относится к Нюрнбергским принципам», вынесла постановление, в котором В. Кононову отказывалось в ходатайстве о рассмотрении пунктов его жалобы и устанавливалось, что властями Латвии не были нарушены положения Европейской конвенции³.

---

¹ См.: ЕСПЧ. Кононов против Латвии (жалоба № 36376/04). Постановление от 24 июля 2008 г. [перевод]. [Электронный ресурс] // HUDOC – European Court of Human Rights. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100332> (дата обращения: 10.06.2016); Rules of European Court of Human Right of 4.11.1998 (as amended on 1 January 2016) // ECHR. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_ENG.pdf (accessed: 10.06.2016).

² См.: ЕСПЧ. «Кононов против Латвии» (жалоба № 36376/04). Постановление от 17 мая 2010 г. [перевод] // HUDOC – European Court of Human Rights. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100332>.

³ См.: ЕСПЧ. «Кононов против Латвии» (жалоба № 36376/04). Постановление от 17 мая 2010 г. [перевод] // HUDOC – European Court of Human Rights. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109650> (дата обращения: 10.06.2016); Особое мнение

Эта позиция и этот акт вызвали негативное восприятие со стороны Российской Федерации. 17 мая 2010 г. Министерство иностранных дел РФ представило официальное заявление о несогласии с выводами, к которым пришел Европейский Суд. В указанном акте подчеркивалось, что решение Большой палаты ЕСПЧ является «прецедентом, вызывающим большую тревогу»; резюмировалось, что сформированный Судом прецедент направлен на «юридически необоснованную и политически ущербную смену правовых подходов Совета Европы».

21 мая 2010 г. Государственная Дума РФ приняла постановление¹, где также был констатирован вывод о том, что принятое по делу В. Кононова решение «может быть рассмотрено не только как опасный судебный прецедент и изменение правовых подходов к оценке событий Второй мировой войны, но и как попытка инициировать пересмотр решений Нюрнбергского трибунала». Для задач реализуемого исследования интересен и резюмирующий посыл указанного заявления Государственной Думы РФ, смысл которого сведен к тому, что российский парламент «отменяет, принятое 17 мая 2010 года Большой палатой ЕСПЧ постановление»².

28 мая 2010 г. последовало официальное Заявление Министерства юстиции РФ, в котором аналогично констатировалось крайне негативное отношение России к приведенному Большой палатой ЕСПЧ толкованию норм международного права относительно ретроспективного применения уголовного закона («Кононов против Латвии»). В указанном заявлении подчеркива-

---

судей Коста, Калайджиевой и Поалелунжъ по делу «Кононов против Латвии»: Application no. 36376/04, *Kononov v. Latvia*, [GC] Judgment of 17 May 2010 // Собр. законодательства РФ. 2010. № 22. Ст. 2737.

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21 мая 2010 г. № 3694-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "В связи с принятием Большой палатой Европейского Суда по правам человека постановления по делу В.М. Кононова"» // Собр. законодательства РФ. 2010. № 22. Ст. 2737.

² В каком именно нормативном контексте следует трактовать указанную «отмену» при этом не пояснялось. Не пояснялось и то, насколько Государственная Дума Российской Федерации вообще в праве к формулированию указанных констатаций.

лось, что критикуемое решение противоречит принятому ранее ЕСПЧ толкованию ст. 7 Европейской конвенции в деле «Корбели против Венгрии»¹.

В итоге, впервые на самом высоком межгосударственном уровне было констатировано, что Россия и Европейский Суд по правам человека кардинально расходятся не только по вопросам обязанностей, возложенных на Российскую Федерацию в рамках рассмотрения жалоб ЕСПЧ, но также по общим вопросам толкования норм и принципов международного права. Последнее особо обнаруживало себя в таком аспекте, в каком выводы ЕСПЧ не согласовывались с официальной исторической и политической позицией Российской Федерации².

Весьма широкое обсуждение вызвало указанное постановление и в российской правовой доктрине, а также в среде высших представителей политической элиты Российской Федерации. Достаточно подробно система критических доводов и возражений относительно его правовых позиций и итоговых выводов, в частности, была изложена в известной статье А.И. Ковлера «После “Кононова”»³.

Основные контраргументы касались того, что Большая палата в постановлении от 17 мая 2010 г.: а) неверно определила надлежащую правовую основу, относящуюся к данному делу; б) категорически неверно применила Нюрнбергские принципы; в) напрямую ссылалась и обосновала свое решение нормами международного гуманитарного права; г) неверно определила статус погибших жителей деревни Малые Буты; д) неверно применила правило о нераспространении сроков давности, то есть придала закону обратную си-

---

¹ См.: Заявление Министерства юстиции Российской Федерации в связи с вынесением Большой палатой Европейского Суда по правам человека постановления по делу «Кононов против Латвии» от 28 мая 2010 г. // Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека». 2010. № 9.

² См.: Заявление МИД России в связи с оглашением 17 мая с.г. постановления Большой палаты Европейского Суда по правам человека по делу В.М. Кононова 17 мая 2010 г. // Министерство иностранных дел РФ: официальный сайт. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/76B3CABB18AE11CCC3257726003B6824 (дата обращения: 11.06.2016).

³ Ковлер А.И. После «Кононова» // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2010. № 9. С. 8.

лу; е) не рассмотрела вопрос ответственности без вины В.М. Кононова в условиях военного времени и того обстоятельства, что он воевал на стороне стран антигитлеровской коалиции.

Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам М. Маргелов, в свою очередь, задался вопросом о том: насколько возможно полагаться на решения судей (контекст – судьи ЕСПЧ), если после дела В. Кононова явствует полное отсутствие гарантий, что судьи ЕСПЧ будут без политических пристрастий руководствоваться исключительно правом. Принципиально и то, что в финальном абзаце, подготовленной им статьи, акцентирован довод о том, что созданный ЕСПЧ прецедент «побуждает нас к внимательному изучению участия нашей страны в разного рода международных судебных институтах»¹.

Однозначно о сути и правовых следствиях указанного дела высказался и Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин. В докладе на XIII Международном форуме по конституционному правосудию он прямо обвинил Европейский Суд в игнорировании основополагающих принципов уголовной ответственности и, в качестве резюмирующей константы своего выступления, заявил, что ЕСПЧ не должен осуществлять пересмотр достигнутого после Второй мировой войны международного консенсуса².

В итоге, именно дело В. Кононова инициировало систему политических, идеологических, доктринальных и законодательных импульсов для переоценки позиции полной приверженности Российской Федерации европейским ценностям в том виде, как их трактует Европейский Суд по правам человека. Не только под сомнение, но и под системную критику, в том числе

---

¹ Маргелов М.В. Страсбург против Нюрнберга // Российская газета. 2010. 24 мая. Аналогично: Лаптев П. А. Срок жизни Европейского Суда может быть сокращен: [Интервью] // Коммерсантъ-On-line. 2010. 31 мая. [Электронный ресурс]. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1378782>.

² Зорькин В.Д. Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка: доклад на XIII Междунар. форуме по конституционному правосудию (СПб., 18-20 ноября 2010 г.) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сб. науч. тр. Казань: ООО «Офсет-сервис», 2011. Вып. VI. С. 8-44.

высших органов власти России, была поставлена сама целесообразность ратификации Россией Европейской конвенции и признания для России *ipso facto* юрисдикции Европейского Суда. Более того, практически не подлежащая иному обсуждению, публичная уверенность высших органов власти Российской Федерации в превышении ЕСПЧ своих полномочий по толкованию Европейской конвенции стала в последующем исходным базисом для формирования все более нарабатываемой позиции о возможной необязательности исполнения Россией итоговых постановлений Европейского Суда по правам человека.

Очередным «камнем преткновения» и переломным моментом в отношениях между ЕСПЧ и Российской Федерацией стало дело К. Маркина (российского офицера), которому было отказано в предоставлении отпуска по уходу за ребенком, вполне доступного для женщин – военнослужащих. К. Маркин, как известно, обратился за защитой своего нарушенного права в ЕСПЧ и в Конституционный Суд РФ¹.

Высший орган российского конституционного правосудия отклонил жалобу К. Маркина, указав, что вступление на контрактную военную службу, является добровольным актом; при этом заявителем должно было учитываться, что военная служба несет ряд ограничений прав и свобод человека, что связано со спецификой службы военнослужащих².

---

¹ Стоит напомнить: обращение в последний последовало после коммуницирования жалобы.

² Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”, статей 10 и 11 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС «КонсультантПлюс».

7 октября 2010 г. Палата ЕСПЧ не согласилась с выводами Конституционного Суда РФ и констатировала имеющее место нарушение ст. 14 в совокупности со ст. 8 Европейской конвенции¹.

Аргументация и суть итоговых выводов указанного решения вновь вызвала бурную и резко негативную реакцию с российской стороны². Наиболее однозначные позиции были высказаны В.Д. Зорькиным, С.П. Мавриным, Д.А. Медведевым.

Знаковыми, если не программными, оказались позиции Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, концентрированно изложенные в известной статье «Предел уступчивости», по сути которых были впервые институционально оформлены основополагающие подходы России по вопросам соотношения наднациональных и национальных юридических институтов, в том числе средств эффективной правовой/судебной защиты³.

Исходным тезисом, поставленным на обсуждение Председателем Конституционного Суда РФ, стал тезис о праве Европейского Суда указывать суверенному государству на необходимость внесения конкретных изменений в национальное законодательство (п. 67 Постановления ЕСПЧ от 7 октября 2010 г.). Причем обсуждение этого тезиса было неразрывно увязано с проблемой практической реализации рекомендованных мер, при условии, что национальные нормы, в которые ЕСПЧ предлагает внести изменения, ранее признаны высшим органом конституционного правосудия соответствующими Конституции Российской Федерации.

В.Д. Зорькин однозначно констатировал, что поставленная проблема должна решаться исключительно через призму Конституции РФ, в силу чего рекомендации ЕСПЧ по внесению изменений в ранее признанные конститу-

---

¹ ECtHR. Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. Judgment of 7 October 2010 // HUDOC – European Court of Human Rights. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117034> (дата обращения: 17.06.2016).

² См., напр.: Пахоменко В. Особый путь Валерия Зорькина. Режим доступа. http://www.4cs.ru/materials/wp-id_1271/; Кузин С. Новости судебной практики. Режим доступа. URL: <http://www.Eurolawco.ru/practicenews/>.

³ Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 октября.

ционными нормы *a priori* не допускается. Иной подход приведет к нарушению государственного суверенитета России, а именно последний определяет «предел уступчивости». В качестве аргументации автор обсуждает несколько вариантов «решения» данной коллизионной проблемы: от полной изоляции Российской Федерации от исполнения решений ЕСПЧ до абсолютного выполнения указанных актов. Как следствие, наиболее конструктивным В.Д. Зорькин находит подход, отраженный в отдельных актах Конституционного суда ФРГ. Именно этот подход, резюмирует автор, позволяет государству в качестве исключения не выполнять свои международные обязательства (не исполнять решение ЕСПЧ) в целях исключения нарушения конституционных принципов суверенного государства¹.

Акцентуацией этих позиций, как уже отмечалось, явилось обоснование категории «предел уступчивости», по смыслу которой в принципе не может и не должно быть «уступок» в отстаивании «нашего суверенитета и наших национальных институтов и наших национальных интересов».

Основным (если не единственным – *M.C.*) защитником указанных интересов, естественно, выступает Конституционный Суд РФ. Причем выступает в «диалектическом единстве» исключительного органа официального толкования Конституции РФ и национального органа власти, «который лучше знает свое общество и его потребности»².

Вне разумных сомнений в компетентности высшего органа конституционного правосудия России, стоит задаться все же вопросами:

---

¹ При этом при апелляциях к названным (решающим) доводам, правда, несколько упущен тот факт, что каждое из «цитируемых» решений ЕСПЧ, по факту, были все же реально исполнены ФРГ. Как следствие, подчеркнув в указанных решениях государственный суверенитет ФРГ в качестве основополагающего государственного принципа, Конституционный суд Германии сделал все, чтобы разрешить спорные случаи в полном соответствии с позициями ЕСПЧ. См. подробнее: Das Bundesverfassungsgericht [Федеральный конституционный суд Германии]. Order of the Second Senate of 14 October 2004. 14.10.2004. 2 BvR 1481/04. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2004/10/rs20041014_2bvr148104en.html (дата обращения: 19.06.2016).

² Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 октября.

- действительно ли исключительно судьям этого органа единственно достоверно известны особенности и реальные потребности граждан государства, в том числе относительно сути и содержания национального права, институтов и механизмов эффективной судебной защиты, справедливых решений по предмету возникшего спора правового характера;

- причем известны настолько, чтобы уверенно противопоставлять их пониманию и толкованию одного из наиболее компетентных и эффективных наднациональных судов, к средствам и механизмам защиты которого (в отличие от обращения в орган конституционного правосудия) обращается все больший процент заявителей из России?

Столь же правомерен вопрос, какой именно посыл должен был быть сформирован в итоге в актах конституционного правосудия – соответствующий векторам официальной политики государства (все более формируемой «к условиям военной суровости») или ориентирующий государственные органы на систему, норм международного правового характера, которые бы побуждали государство (в лице его органов) двигаться по пути формирования и обеспечения именно правового государства и гражданского общества?¹

Критика постановления ЕСПЧ по делу К. Маркина была высказана и в выступлении С.П. Маврина². Суть аргументации при этом сводилась к тому, что Преамбула Конституции РФ содержит положения о том, что этот акт был принят «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, и в том числе в целях обеспечения благополучия и процветания России». Отсюда любые действия законодателя, пусть совершаемые в благих целях, но в ущерб процветанию Российской Федерации и без

---

¹ Представляется верным конвенционально отказаться здесь от «заранее заданных» ответов на эти вопросы, полагая их «делом» личной совести и правосознания граждан РФ.

² Маврин С.П. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации // [http: Режим доступа // kamrn. alt. mirsudrf. Ru / modules. Php ? name=new&sop=news_detail&](http://kamrn.alt.mirsudrf.Ru/modules.php?name=new&sop=news_detail&) (дата обращения: 24.06.2016).

ответственности перед будущими поколениями, *a priori* являются неконституционными и в силу этого недопустимыми¹.

Пытаясь быть максимально нейтральными к подобного рода политическим декларациям, стоит задаться вопросами: кем и каким именно образом достоверно определяется ответственность перед будущими поколениями; действия каких именно субъектов и по какому предмету должны и реально будут определять эту ответственность? При этом, конечно, если властно не предрешать, а потенциально учесть, что именно будущим поколениям предстоит единственно оценить, какие именно акты можно и нужно безоговорочно признать способствовавшими процветанию России, а какие, напротив, замедлили, или остановили ее развитие?

Российская доктрина, как известно, отчасти попыталась ответить на эти вопросы, как никогда системно группируя доводы *pro et contra* к уважению Россией, как в целом своих международно-правовых обязательств, так и непосредственно в части легальности отдельных актов ЕСПЧ².

Так, советник Конституционного Суда РФ С. Сергевнин однозначен в безусловном приоритете конституционных норм над имплементированными в национальную правовую систему нормами международного права. Столь же он однозначен в суждении, что из ст. 15, ст. 17 (ч. 1), ст. 46 (ч. 3), ст. 120 и 125 Конституции РФ не вытекает приоритет толкования международного договора, данного уполномоченным наднациональным судебным органом, перед конституционно-правовым толкованием норм внутреннего законодатель-

---

¹ Маврин С.П. Решения Европейского Суда по правам человека и российская правовая система [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/news/Documents/Mavrin.pdf> (дата обращения: 24.06.2016).

² При этом кратко напомним окончательные акты данной политико-правовой коллизии. Органы государственной власти России, как известно, не согласились с принятым Палатой решением, и дело поступило на рассмотрение Большой палаты ЕСПЧ. Как итог, Большая палата подтвердила выводы предыдущего постановления, за тем лишь исключением, что в итоговом акте отсутствовало требование изменения российского закона, а констатировалось утверждение, которое нередко повторяется в постановлениях Суда для иных государств – источником нарушения стало «качество закона». См.: ECtHR. *Konstantin Markin v. Russia*. Application no. 30078/06. Judgment of 22 March 2012 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117034> (accessed: 22.06.2016). §67.

ства, данным Конституционным Судом РФ. Соответственно, вытекающий из итогового постановления ЕСПЧ вывод о несовместимости национального законодательства с обязательствами по Конвенции не может рассматриваться, как императивно обязывающий государство принять меры для изменения национального правового регулирования. Иной подход к пониманию самой природы закрепленной в Конституции иерархии источников нормативного правового регулирования с неизбежностью приводил бы к умалению роли и значения конституции как акта наивысшей юридической силы, действующего на территории государства, а, следовательно, к размыванию основ конституционного устройства Российской Федерации и прежде всего ее государственного суверенитета¹.

При всем уважении к позициям и итоговым выводам данного исследователя субъективно следует указать:

- при ратификации Конвенции, в том числе в части обязательств по императивному исполнению итоговых актов ЕСПЧ, предметом обсуждения в принципе не являлся вопрос о «конкуренции» толкований высшего органа конституционного правосудия России и толкований наднационального международного судебного органа (ЕСПЧ). Именно последнее толкование, оформленное как итоговый акт ЕСПЧ, принималось Россией по факту (*ipso facto*) в качестве императивного международного обязательства. И то, что Конституционный Суд РФ субъективно толкует проблему заявителя и национальные нормы иначе, чем наднациональные судебные органы, по факту, проблема только России;

- при буквальном понимании «закрепленной в Конституции иерархии источников нормативного правового регулирования», на наш взгляд, вовсе не следует и вывод о том, что безоговорочным и доминирующим в национальной правовой системе источником являются акты (субъективное толкование) конституционного правосудия. Все более объективируемые сомнения в пра-

---

¹ Сергеев С. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 25.

вово́й природе и истинности названных актов, – субъективно представленных как «живое конституционное право», – есть умаление роли и значения именно Конституции как акта наивысшей юридической силы и, лишь затем органов субъективного ее «толкования»¹;

- наконец, есть сомнения в однозначности факта, согласно которому признание ЕСПЧ за К. Маркиным искомого права есть точно недопустимое размывание основ конституционного устройства Российской Федерации, ее государственного суверенитета и безопасности, основ фундаментальных правовых институтов.

Косвенно указанное признает А. Верещагин, для которого, с одной стороны, нет сомнений в том, что нормы национальной конституции должны иметь приоритет в случае их лобового столкновения с решением ЕСПЧ. С другой, он констатирует, что исследуемый случай совсем не таков (как его официально представляют российскому обществу). По его мнению, «речь идет не о противоречии решения ЕСПЧ Конституции РФ, а о его расхождении с позицией Конституционного Суда РФ»². Столь же возможен и достоверный вывод о том, что самой Конституции РФ «спорный» акт ЕСПЧ не противоречит. Проблема лишь в субъектах официального толкования норм, в достоверности самого процесса и итогов познания публично представленных как «живые и конституционные нормы».

Принципиально иные аргументы для разрешения исследуемой коллизии находит профессор Т. Хабриева³, которая начинает анализ с констатации факта, что «это не Константин Маркин против России. Это сама Россия против своей же собственной Конституции». И в этом контексте: формально-юридически нормы международного права (в нашем случае – акты ЕСПЧ)

---

¹ Кроме того, чрезмерно «смелым» видится также довод о том, что именно Конституция РФ устанавливает (исчерпывающую) иерархию источников (формы выражения) российского права. На наш взгляд этот вопрос все еще является предметом дискуссии, как в российской доктрине, так и практической сфере функционирования права.

² Верещагин А. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 34.

³ Хабриева Т. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 28.

императивно обязательны для исполнения Российской Федерацией. Но практически это требование вступает в силу только при условии, что не нарушены согласованные международным сообществом границы применения таких норм. А исследуемое решение Большой палаты (по делу «Константин Маркин против России»), как она полагает, указанному требованию не соответствует, ибо Европейский Суд дает неоправданно широкое толкование положениям Конвенции, фактически выходя за рамки своей компетенции.

Таким образом, в подходах этого автора уже ЕСПЧ «обвинен» в нарушении беспристрастности и правил толкования норм. Возможно это и так. Однако нужно отметить: вопрос о том, насколько часто и насколько оправданно тот же Конституционный Суд РФ выходит за рамки своей компетенции, указанным ученым в принципе не обсуждается. Как не обсуждается и фактически центральный вопрос: Конституционный Суд РФ озвучил свои правовые позиции как независимый и беспристрастный арбитр или как заинтересованный субъект политико-идеологических «игр», участником которых все чаще объективируется Российская Федерация?¹

Несколько иные аргументы приводят противники указанных выше позиций и итоговых выводов. Интересными в этом отношении, прежде всего, видятся выводы судьи ЕСПЧ от Российской Федерации А.И. Ковлера, который в принципе не видит оснований утверждать, что правовые позиции и итоговые выводы исследуемого постановления ЕСПЧ тем или иным образом связаны с нарушением государственного суверенитета России. Безоговорочно им признается и право автономного толкования национального законодательства наднациональным судебным органом, не совпадающее, в том числе, с позициями Конституционного Суда РФ. В качестве примера приводится дело «Прокопович против России» от 24 ноября 2004 г.

---

¹ Фактическое использование Конституционным Судом РФ политических, экономических и т. п. оснований для обоснования своей правовой позиции, как представляется, автоматически делает неприемлемым противопоставление данной позиции аргументам ЕСПЧ.

Кроме того, как резюмирует А.И. Ковлер¹, наука международного права давно освоила субсидиарность как принцип совместного осуществления общих целей, примилив компетенцию наднациональных органов с суверенитетом государств; этот принцип получил статус юридической нормы в деятельности таких объединений, как ООН, Европейский Союз, Совет Европы. При правильном понимании этого принципа вполне возможно, как сохранение национальной идентичности, так и полноценное участие государства в международных интеграционных сообществах. Суверенисты, напротив, не хотят сходить с проторенной колеи государственного суверенитета. Но ведь есть еще суверенитет личности, в смысле верховенства прав отдельного человека, как это закреплено в ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Отсюда, чего не хотят признавать оппоненты, аксиомой современного международного права стало признание международной правосубъектности индивида, отличной от правосубъектности государства.

В итоге, если для одних судей именно личность, ее интересы, права и свободы составляют смысл и основное назначение функционирования государства, в лице его органов, то для других – доминирование государственного интереса является непреложной константой. В этом контексте декларируемые апелляции к правам и свободам личности, к «одобрению» будущих поколений служат лишь средством для вуалирования избранных публичных векторов статики и динамики сугубо инквизиционного права.

В том же контексте исследуемую политико-правовую коллизию трактует известный российский адвокат Г. Резник, утверждая, что указанное постановление ЕСПЧ не нарушает ни Конституцию РФ, ни публичный порядок². Основа указанного суждения в ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы

---

¹ Ковлер А.И. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 23.

² Резник Г. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 29.

человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. И последние, как представляется, вряд ли нуждаются в «согласовании» как с убеждениями властной национальной элиты, так и с субъективными позициями национального органа конституционного правосудия, все более функционирующего в системе заданных публичных координат.

Столь же известны и последовательны доводы профессора Е. Лукьяновой, которая изначально стоит за примат норм международного договора над нормами внутреннего национального права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). И если в противовес данным ясным предписаниям собственно конституции, судьи Конституционного Суда РФ не считают Конституцию РФ законом, то именно этот подход может привести к позиции, чреватой разрушением всей системы российского законодательства. Как следствие, отказ от признания за Конституцией РФ свойств закона, от рассмотрения ее одной из разновидностей законов лишает национальное законодательство смыслового системообразующего ядра и иерархической вершины.

Однозначен для Е. Лукьяновой и довод о том, что Россия явочным порядком признала юрисдикцию ЕСПЧ и обязательность его решений по вопросам толкования Европейской конвенции. При этом указанный факт, во-первых, вполне согласуется со ст. 27 Венской конвенции «О праве международных договоров»: участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им условий ратифицированного договора. Во-вторых, находится в смысловом и логическом единстве с предписаниями Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», по нормам которого: только **не вступившие** в силу международные договоры являются предметом проверки и оценки Конституционного Суда РФ; вступившие – напротив, подлежат добросовестному выполнению (ст. 31 Закона). Отсюда, любые рассуждения о том, что в случаях, когда решения Страсбургского суда, «прямым образом затрагивают... основополагающие конституционные

принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений»¹, не имеют под собой должных правовых оснований. Проблема соотношения постановлений Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ должна решаться не через призму Конституции РФ, а через призму ратифицированных международных обязательств страны².

Столь же однозначна в итоговых выводах А. Соболева, констатирующая, что Россия, безусловно, обязана подчиниться решению ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России». При этом указанное ни в коей мере не должно расцениваться как ограничение государственного суверенитета России, так как исследуемая коллизия однозначно разрешается нормативными предписаниями ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Конституция, утверждает указанный автор, это тоже закон, самый основной, самый высокий по иерархии среди всех остальных, но закон, а не просто набор деклараций или прекрасных принципов. И не надо заниматься казуистикой, утверждая, что положения ч. 4 ст. 15 относятся исключительно к законам Российской Федерации, но никак не к самой Конституции РФ, ибо этот подход прямо бы означал бы, что мы не считаем свою конституцию законом. И то, что ЕСПЧ несколько по иному толкует общепризнанные права и свободы личности, никак не означает того, что Европейский Суд покусился на наш суверенитет, он просто «поправил» взгляды судей нашего Конституционного Суда³.

О том, что судьи являются проводниками исключительно права, а не политики, указывает и С.А. Пашин⁴. Исходя из позиции этого автора, следует, что судьи Конституционного Суда РФ в своем толковании сложной коллизии права должны придавать нормам Конституции РФ исключительно беспристрастный посыл. Может ли считаться беспристрастным толкование, при формировании которого используется понятие «национальные интере-

---

¹ Зорькин В.Д. Предел уступчивости.

² Лукьянова Е. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 26-27.

³ Соболева А. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований. С. 33.

⁴ Сергей Пашин: «Работая, мы молимся». Интервью [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/interview/546177> (дата обращения: 21.06.2016).

сы»? – задается вопросом указанный автор. И Европейская конвенция, и Конституция РФ направлены на защиту однопорядковых прав и свобод граждан. При этом зачастую указывается, что Конституция РФ является куда более совершенным правовым актом, нежели Конвенция. Если данные акты столь схожи по своим целям и смыслу закрепляемых норм, почему так разнится их толкование, предоставляемое управомоченными судами, с единых правовых, казалось бы, позиций? Примесь **политической** составляющей государства в толковании конституционных норм – это и есть «предел уступчивости»? В случае если этот так, имеют ли они право на существование в вопросах, касающихся прав и свобод человека, особенно, в сфере уголовного судопроизводства?

Отчасти, предложены российской доктриной и алгоритмы согласования (коллизионных) позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ в сугубо практической плоскости. В. Виноградов, к примеру, полагает, что в соответствии с принятыми на себя обязательствами Россия обязана выполнить решение ЕСПЧ по делу Маркина. При этом к самому решению надо относиться спокойно, оно ничего не меняет в сфере соотношения национального и международного права. Выполнение этого решения вовсе не означает признания Россией приоритета международных договоров над Конституцией РФ и уж тем более не угрожает национальному суверенитету России. Решение Конституционного Суда РФ и его выводы о конституционности российского законодательства не могут быть пересмотрены и отменены ЕСПЧ. Конституционный Суд РФ вправе проигнорировать позицию ЕСПЧ, касающуюся конвенционной сферы, и подтвердить свою правовую оценку. Вместе с тем правоприменители (исполнительная власть, суды...) и законодатель должны действовать с учетом оценки, данной в конвенционной области, т. е. с учетом решения ЕСПЧ¹.

---

¹ Виноградов В. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 28.

При всей познавательной ценности указанного выше суждения, нельзя не отметить его уязвимость в сугубо практическом плане. И прежде всего в силу того, что акты конституционного правосудия императивно обязательны для органов исполнительной власти и судебной системы России. Они же имеют прямое действие и не могут быть отменены иным государственным органом (ст.ст. 79, 80 ФКЗ «О Конституционном Суде...»). В данной связи заинтересованные лица и государственные органы имеют легитимное право апеллировать именно к данным правовым предписаниям, особенно с учетом того, что они согласуются с публично одобряемым вектором уголовной и уголовно-процессуальной политики государства. Рекомендуемое игнорирование актов ЕСПЧ, напротив, не влечет для субъектов применения права (в т. ч. судей) сколько-нибудь значимых правовых последствий. Соответственно, варианты «легального» функционирования, варианты «выбора», предопределены изначально. Отсюда, предлагаемое В. Виноградовым – в принципе не способ оптимального решения исследуемой коллизии.

Более продуктивны предложения В. Лапаевой¹, считающей, что в исследуемом случае имеет место конфликт именно между толкованием Основного закона страны Конституционным Судом РФ и толкованием Европейской конвенции Европейским Судом. Как следствие, указанный автор предлагает алгоритм выхода из подобных ситуаций: государство, исходя из норм ст. 2 Конституции РФ, должно ориентироваться на те правовые положения, закрепленные в его Конституции и (или) в Конвенции, которые гарантируют более высокий стандарт обеспечения прав и свобод заинтересованных лиц. Теоретическую основу данной юридической конструкции составляет концепция «объединения суверенитетов»².

Предложение, как видится, продуктивно, но вряд ли реализуемо в современных реалиях функционирования российского государства и общества,

---

¹ Лапаева В. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований // Закон. 2012. № 5. С. 30.

² Зорькин В.Д. Вызовы глобализации и правовая концепция мироустройства // Российская газета. 2010. 10 сентября.

ибо, к примеру, с позиций Константина Маркина максимум защиты его интересов и прав гарантирует именно решение ЕСПЧ. С публично декларируемых позиций защиты интересов «нашего общества», – чьи реальные потребности столь известны высшему органу конституционного правосудия, – государство всегда «обоснует», что именно в интересах последнего мы никому не позволим умалять наш суверенитет, общие национальные интересы, столь своеобразно понимаемые интересы отдельной личности. В итоге, коллизия толкований вновь переходит из области права в область все более формируемой публичной политики – с весьма прогнозируемыми «санкциями» по ее игнорированию (*sapienti sat*).

Тем более что, судя по объективируемым в настоящее время практическим действиям, государство вполне определилось и в векторах дальнейшего функционирования системы национального права, и в необходимых «шагах». Свидетельством тому – однозначные правовые позиции, высказанные Конституционным Судом РФ в ответ на запрос Ленинградского военного окружного суда, к юрисдикции которого обратился К. Маркин с требованием о пересмотре решения по делу¹.

Постановлением от 6 декабря 2013 г. № 27-П Конституционным Судом РФ установлена следующая процедура пересмотра судами общей юрисдикции дел по основанию п. 4 ст. 4 ст. 392 ГПК РФ. Если суду общей юрисдикции необходимо пересмотреть дело в связи с вынесением решения ЕСПЧ о наличии нарушений конвенционных норм, ему надлежит обратиться в Конституционный Суд РФ для проверки на конституционность норм, нарушения в силу применения которых выявлены ЕСПЧ. Если Конституционный Суд РФ признает оспариваемые нормы соответствующими Конституции РФ, он

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Собр. законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

«в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления Европейского Суда по правам человека»¹.

Тем самым, Конституционный Суд РФ, *во-первых*, закрепил императивное правило, по сути которого признание им национальных правовых норм конституционными стоит выше признания ЕСПЧ их нарушающими Европейскую конвенцию. *Во-вторых*, явной новацией объективирован императив, согласно которому именно Конституционный Суд РФ в рамках своей компетенции берет на себя труд определять способы реализации тех или иных положений ратифицированного международного договора².

Новое понимание роли актов ЕСПЧ было «воспринято» Пленумом Верховного Суда РФ³. В соответствии с постановлением от 27 июня 2013 г. № 21, если правовые позиции содержатся в окончательных постановлениях Европейского Суда, принятых в отношении Российской Федерации, они являются **обязательными** для судов; правда, при «ограничивающем» условии, что они не противоречат Конституции РФ (в ее истолковании, предложенном Конституционным Судом РФ)⁴. И, напротив, правовые позиции, изложенные в окончательных актах ЕСПЧ, вынесенных в отношении иных государств – участников Конвенции, лишь **учитываются** судом Российской Федерации; при исходном условии, что обстоятельства рассматриваемого дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа ЕСПЧ.

Указанные «новации» пленума скептически были оценены российской уголовно-процессуальной доктриной. Н.Н. Ковтун⁵, в частности, обращает внимание на то, что модальный оператор «учитываются» никоим образом не

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П.

² В этом контексте, отчасти, возникает вопрос о надлежащем субъекте подписания международного договора – к примеру, «... в лице» Конституционного Суда РФ, если государство, как нам «разъясняют» не в состоянии однозначно разобраться в своих обязательствах.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. №21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

⁵ Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 32-42.

обязывает ни судей, ни иных правоприменителей Российской Федерации к императивному применению или аргументированному опровержению указанных правовых позиций ЕСПЧ в итоговых актах применения права. Им же резюмирован вывод о том, что подобный «учет» возможно и объективируется на уровне правосознания судей, но, судя по анализу практики, не отражается ни в описательно-мотивировочной, ни в резолютивной части решений. Как следствие, достаточно весомая часть указанных актов, в том числе с содержательными правовыми позициями относительно обеспечения интересов, прав и свобод личности в уголовном процессе, оказалась, факту, исключенной из действующего механизма российского правового регулирования¹.

Дальнейшие новеллы Конституционного Суда РФ связаны уже с делом нефтяной компании «ЮКОС». 29 января 2009 г. ЕСПЧ, как известно, принял к рассмотрению жалобу бывших акционеров ОАО «Нефтяная компания "ЮКОС" против Российской Федерации». После вынесения итогового постановления Палатой обе стороны восприняли решение как победу: сторона заявителя была удовлетворена решением в части признания нарушений норм о предоставлении достаточного срока на ознакомление с материалами дела, о признании нарушений права компании на защиту; сторона-ответчик отметила, что ЕСПЧ не обнаружил в деле дискриминации или политических составляющих. В решении, правда, указывалось, что вопрос о материальных выплатах заявителю будет рассмотрен особо. Именно последнее решение и поставило акценты в споре «о победителе».

---

¹ См. подробнее, также: Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. С. 23; Конин В.В. Некоторые проблемные вопросы влияния и применения решений Европейского Суда по правам человека на российское уголовное судопроизводство // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20-22 сентября 2007 г.) / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 59.

31 июля 2014 г. ЕСПЧ вынесено решение о выплате компенсации заявителям (компании «ЮКОС» – М.С.) в размере 1,86 миллиардов евро¹. 29 октября 2014 г. Министерством юстиции РФ направлено ходатайство о передаче вопроса о выплате указанной компенсации на рассмотрение Большой палаты ЕСПЧ; однако в удовлетворении ходатайства было отказано. Достаточно известные «реакции» высших представителей власти России и российской доктрины на это решение – можно оставить без комментария.

14 июля 2015 г. Конституционный Суд РФ вынес постановление № 21-П², которое закрепило новое конституционное видение роли и «места» актов ЕСПЧ в правовой системе Российской Федерации³. Высший орган конституционного правосудия вновь дал ясно понять, что у Конституции РФ имеется безусловный приоритет в правовом регулировании, вследствие указанного решения ЕСПЧ, противоречащее данному акту, может не исполняться в России. Для объяснения этого «казуса» высшим органом конституционного правосудия формулируются два основных суждения.

«Внутреннее» суждение основано на понимании Конституционным Судом РФ иерархии норм в российской правовой системе, которое помещает Конституцию Российской Федерации на вершине данной иерархии. Как следствие, Россия может ратифицировать международные договоры, однако ни эти соглашения, ни решения, вынесенные в соответствии с ними, не изменяют установленной иерархии (пп. 10–11 Постановления № 21-П). В силу системного толкования ст.ст. 15, 79, 125 Конституции РФ высший орган конституционного правосудия делает вывод о том, что в Российской Федерации отсутствует компетенция по заключению международных договоров, противоречащих Конституции. Этот принцип орган конституционного правосудия,

---

¹ ECtHR. *ОАО Neftyanaya kompaniya Yukos v. Russia*. Application no. 14902/04. Judgment on the question of just satisfaction of 24.06.2014 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106308> (accessed: 22.06.2016).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // *Собр. законодательства РФ*. 2015. № 30. Ст. 4658.

³ Постановление № 21-П, напомним, сформулировано Конституционным Судом РФ в ответ на запрос группы депутатов Государственной Думы РФ по вопросу обязательности осуществления Решений ЕСПЧ государственными органами Российской Федерации.

естественно, распространяет и на производные акты, принятые в соответствии с международным договором Российской Федерации.

«Внешнее» обоснование основано на толковании Венской конвенции о праве международных договоров. Признавая верховенство принципа *pacta sunt servanda*, Конституционный Суд РФ отводит решающую роль ст. 31 Венской Конвенции, по сути которой: «Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора»¹. Исходя из этого положения, Суд формирует вывод о том, что международный договор обязателен для его участников в значении, которое может быть выявлено с помощью общепринятого правила толкования.

И напротив, если ЕСПЧ в интерпретации положений Конвенции придаст понятию, используемому в указанном акте, иной смысл, помимо обычного, или осуществляет толкование вопреки объекту и цели Конвенции, государство, в отношении которого вынесено судебное решение, имеет право отказаться от исполнения его. Причина указанного: ЕСПЧ выходит за рамки обязательств, добровольно принятых на себя государством при ратификации Конвенции. Решение ЕСПЧ не может считаться обязательным для исполнения и в том случае, если толкование Конвенции, указанное в постановлении ЕСПЧ, противоречит императивным нормам международного права, к которым относится принцип невмешательства во внутренние дела государства.

В нормативной ткани российского права эти позиции были практически дословно продублированы в виде поправок от 14 декабря 2015 г. к ФКЗ «О Конституционном Суде ...»².

Поправками, в частности предусмотрено, что проверка Конституционным Судом РФ на наличие «противоречий» между решением ЕСПЧ и Кон-

---

¹ Венская Конвенция о праве международных договоров (Принята в Вене 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

² Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации” // Собр. законодательства РФ. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.

ституцией РФ может производиться по запросу Министерства юстиции РФ или иного федерального органа исполнительной власти, если на него вынесенным ЕСПЧ решением возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать меры по исполнению этого решения. Аналогичная возможность для запроса в высший орган конституционного правосудия предусмотрена для Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Таким образом, с одной стороны, Конституционный Суд РФ фактически передает решение о возможности/ невозможности исполнения решений ЕСПЧ в сферу компетенции федеральных органов исполнительной власти, не иницилируя рассмотрение указанного вопроса самостоятельно (видимо, в указанном следует усматривать независимость и беспристрастность Конституционного Суда). С другой стороны, Конституционный Суд РФ оставляет исключительно за собой окончательное разрешение вопроса о возможности исполнения, как международного договора, так и актов, неразрывно связанных с его сутью и содержанием.

Венецианская Комиссия, рассматривая суть этих новаций, однозначна в своих итоговых оценках данного акта: решение Конституционного Суда РФ о несоответствии толкования акта ЕСПЧ нормам непосредственно Конституции РФ должно рассматриваться как императивное вмешательство судебной власти в компетенцию власти исполнительной¹. Для объективной оценки предложенной процедуры принципиально и то, что, несмотря на то, что позиция, занятая в исследуемом вопросе Президентом РФ или Правительством РФ, не является обязательной для высшего органа конституционного правосудия и может не учитываться последним, она, тем не менее, будет являться отправной для последующего судебного рассмотрения. Соответственно,

---

¹ Interim Opinion on the amendments to the Federal Constitutional Law on the Constitutional Court of the Russian Federation adopted by the Venice Commission at its 106th Plenary Session (Venice, 11-12 March 2016). URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)005-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)005-e) (accessed: 17.04.2016).

именно эти позиции могут оказаться решающими для итоговых выводов и позиций Конституционного Суда РФ.

Знаковой является и введенная законом нормативная конструкция – «... обнаружившаяся неопределенность в вопросе соответствия», посредством которой, преодолевается запрет к проверке «на конституционность» уже вступившего в силу международного соглашения Российской Федерации. Не наличествующая в момент ратификации, но столь вовремя «... обнаружившаяся» в дальнейшем неопределенность на предмет соответствия Конституции РФ (в ее истолковании Конституционным Судом), как декларируется, дает вполне легальное право к проверке и потенциально к неисполнению актов международного правового характера, которые, по факту, императивно обязательны для российского государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что после указанного расширения компетенции Конституционного Суда РФ в области толкования («неудобных») актов ЕСПЧ на соответствие Конституции РФ, отказ от исполнения решений Европейского Суда будет перманентно объективироваться в правовой реальности Российской Федерации. Подобное отношение к актам международного правового характера, естественно, не останется незамеченным и повлечет за собой серьезные последствия на международном уровне, включая возможное исключение России из Совета Европы.

Очевидно и то, что сравнительно долгосрочное применение вновь сформированной интерпретации полномочий Конституционного Суда РФ может привести к серьезным нарушениям в области защиты интересов, прав и свобод человека на национальном уровне. Столь же прогнозируемы системные ошибки в применении актов ЕСПЧ в национальной судебной и правоохранительной системе, что не добавит определенности к точному пониманию и применению системы российского уголовно-процессуального права, реальному обеспечению интересов и прав заинтересованных лиц, в целом фундаментальной идее верховенства права в государстве и обществе.

Высказывать в данной связи конкретные предложения по согласованию системы российского права с правовой системой наднационального уровня в настоящее время, как представляется, - занятие во многом надуманное. При определяющем условии, где право – суть «калька» реального (политического, идеологического, экономического, нравственного...) состояния общества, любые, даже самые оптимальные средства «по снятию» столь явной коллизии в реальном взаимодействии между наднациональными судебными органами и органами национальной судебной системы будут нивелированы весомой примесью политической составляющей, амбициями известных властных структур, административным ресурсом. Причем, несмотря на все декларации в этом вопросе, указанное не может не «коснуться» как сферы отравления правосудия, так и в целом правоприменения в РФ. Скорее всего, в ближайший обозримый период «выбор» и применение актов ЕСПЧ будут опосредованы не столько требованиями определенности и оптимальности национального правоприменения, сколько вышеуказанными (политическими, идеологическими, административными...) симулякрами права, формирующими и заданную определенность статики и динамики права, и правильные векторы их понимания законодателем, практикой и доктриной.

§ 4.2. Правовая определенность правовых позиций и итоговых выводов актов ЕСПЧ для системы российского уголовно-процессуального права

Ранее отчасти был констатирован тезис о том, что правовые позиции отдельных актов ЕСПЧ, как непосредственно норм-прецедентов¹, и суть их итоговых выводов нередко существенно не совпадают с тем восприятием прав, закрепленных в Конвенции, которое объективируется в национальном правовом применении. Отмечалось и то, что указанное есть объективное следствие несколько различного понимания сути и содержания права судьями наднационального судебного органа (ЕСПЧ) и правотворческими и правоприменительными органами российского государства – участника Конвенции. Как следствие, в качестве определяющего был сделан вывод о том, что имплементация тех или иных актов ЕСПЧ в механизм национального нормативного регулирования или непосредственно в сферу практического применения права требует именно комплексного учета позиций ЕСПЧ относительно сути того или иного конвенционного права, в том числе в «генезисе» его толкования Европейским Судом.

На тех же позициях стоит Европейский Суд, с одной стороны, указывающий на то, что в ходе рассмотрения жалобы формально он не связан своими предыдущими постановлениями; с другой – констатирующий, что в ин-

---

¹ Определение актов ЕСПЧ как норм-прецедентов является определяющим в российской доктрине. См., напр.: Алисиевич Е.С. Толкование норм конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод – правомочие Европейского Суда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 78; Девятова О.В. Решения Европейского Суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 106; Лаптев П.А. Прецедент в Европейском Суде по правам человека // Государство и право. 2001. № 12. С. 7-8.

тересах правовой определенности он не должен без разумных к тому оснований отступать от ранее вынесенных норм-прецедентов¹.

Как и в случае с отдельными актами национального конституционного правосудия, в основе возможного «генезиса» позиций ЕСПЧ могут быть те же факторы «изменения уровня правового регулирования» применительно к предмету проверки либо иные аналогичные факты, с учетом которых более полно и точно раскрыты сущность и содержание толкуемого конвенционного права. В данной связи, вряд ли есть и будет оправданным «упрекать» Европейский Суд по правам человека в том, что, при фактически тождественном предмете судебного разбирательства, к примеру:

- правовые позиции и итоговые выводы постановления ЕСПЧ по делу В. Кононова² несколько «не соответствуют» принятому ранее ЕСПЧ толкованию ст. 7 Европейской конвенции в деле «Корбели против Венгрии»³;

- правовые позиции о приемлемости жалобы к рассмотрению ЕСПЧ в деле «Олуич против Хорватии»⁴ в принципе не согласуются с ранее высказанными правовыми позициями о неприемлемости к рассмотрению жалобы «Питкевич против Российской Федерации»⁵;

- правовые позиции по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» несколько расходятся, к примеру, с правовыми позициями ЕСПЧ по делу «Николов против Болгарии» от 30 января 2003 г. или «Лебедев против Российской Федерации» от 15 октября 2007 г.⁶;

---

¹ См подробнее: Метлова И.С. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 43.

² Постановление ЕСПЧ «Кононов против Латвии» от 17 мая 2010 г. (жалоба № 36376/04).

³ Заявление Министерства юстиции Российской Федерации в связи с вынесением Большой палатой Европейского Суда по правам человека постановления по делу «Кононов против Латвии», 28 мая 2010 г.

⁴ Решение ЕСПЧ по вопросу о приемлемости жалобы по делу «Питкевич против Российской Федерации» от 8 февраля 2001 г. (жалоба № 47936/99).

⁵ Постановление ЕСПЧ по делу «Олуич против Хорватии» от 05 февраля 2009 г. (жалоба №22330/05) // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6. С. 23-26.

⁶ Постановление ЕСПЧ по делу «Лебедев против Российской Федерации» от 25 октября 2007 г. (жалоба № 4493/04) // СПС «КонсультантПлюс».

- правовые позиции по делу «Слюсарев против России»¹ расходятся с правовыми позициями постановления ЕСПЧ по делу «Мельников против России»².

В каждом из приведенных случаев в той или иной мере наличествует сущностный или смысловой «генезис» позиций ЕСПЧ, изначально оправданный, как изменением уровня правового регулирования и развитием ранее исследованных правовых отношений, так и более полным познанием ЕСПЧ сути и содержания вновь подлежащего разрешению спора. Конечно, по идее, было бы методически, нормативно и практически правильным, если бы эти «видоизмененные» позиции ЕСПЧ были тем или иным законным образом исключены из сферы правопонимания и правоприменения, как утратившие свою «актуальность» для нового уровня правовых отношений. Тем не менее, в настоящее время ни легитимного, ни эффективного правового механизма по нивелированию подобных позиций, по факту, не существует. При возникновении коллизий в уяснении сути того или иного конвенционного права (в т. ч. в его истолковании ЕСПЧ) остается разве что апеллировать к категориям разума и правосознания участников спора, относясь добросовестно обращающихся только к актуальным позициям ЕСПЧ, а не к субъективно подобранным нормативно-историческим «памятникам».

Стоит высказать, правда, опасения, что в условиях субъективной «окраски», как первого, так и второго, в том числе в контексте политических и идеологических факторов текущего национального бытия, названные категории не всегда могут быть объективированы как действительно средства к обеспечению определенности предмета и содержания спора и итоговых его констатаций. При доминировании указанных факторов в процессе актуализации и разрешения возникшего спора ни разум, ни правосознание уже не гарантируют ни адекватной приемлемости отдельных актов ЕСПЧ националь-

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Слюсарев против России» от 20 апреля 2010 г. (жалоба №60333/00) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ по делу «Мельников против России» от 14 января 2010 г. (жалоба № 23610/03) // СПС «КонсультантПлюс».

ной властью, доктриной, юридической практикой, ни состояния определенности по сути предмета спора и публично сформулированных по нему констатаций. Соответственно, состояние определенности будет субъективно различно для не нашедших консенсуса участников коллизионного спора, что, нужно подчеркнуть, не может не учитываться при действительно объективном анализе.

Для понимания подлинной роли актов ЕСПЧ в обеспечении режима определенности статичности и динамики российского права принципиальны и реальные акты восприятия данной формы выражения права национальным законодателем, судебной системой, системой иных правоприменительных органов России, функционирующих *ex officio*. При этом, чтобы исключить субъективно «заданные» варианты итоговых выводов, нет необходимости возвращаться к генезису ранее рассмотренных отношений между ЕСПЧ и публичными органами Российской Федерации, сформировавшимися в контексте сути и следствий актов ЕСПЧ по делам «Илашку и другие против Молдовы и России»¹, «Кононов против Латвии»², «Константин Маркин против России»³, «Нефтяная компания “ЮКОС” против России»⁴. Эти моменты и следствия, как представляется, достаточно проанализированы в предыдущем разделе работы и, по факту, автором вполне осознаются и публичный «фон» указанных актов, и суть известных публичных реакций на них.

Тем не менее, пытаясь максимально абстрагироваться от этого публичного «фона», мы ставим своей задачей беспристрастно исследовать общее

---

¹ ЕСПЧ. «Илашку и другие против Молдовы и России» (жалоба № 48787/99). Постановление от 8 июля 2004 г. [Электронный ресурс] // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109229> (дата обращения: 15.06.2016).

² ЕСПЧ. «Кононов против Латвии» (жалоба № 36376/04). Постановление от 17 мая 2010 г. [перевод] // HUDOC – European Court of Human Rights – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109650>.

³ См.: ECtHR. Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. Judgment of 7 October 2010 // HUDOC – European Court of Human Rights – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117034>.

⁴ См.: ECtHR. OAO Neftyanaya kompaniya Yukos v. Russia. Application no. 14902/04. Judgment on the question of just satisfaction of 24 июня 2014 г. // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106308>.

восприятие системой российского права такой формы его выражения, как акты ЕСПЧ. Хотя, стоит признать, и здесь суть итоговых выводов задана изначально, ибо ранее, к примеру, неоднократно суммировались выводы ряда ученых, подчеркивающих практически полное отсутствие объективации указанных актов в итоговых актах системы судов общей юрисдикции, причем с акцентированными выводами о реальной роли указанных актов в правосознании судей. Подчеркивалось и то обстоятельство, что куда как более часто к актам ЕСПЧ обращался высший орган конституционного правосудия Российской Федерации, в том числе при обосновании своих итоговых выводов. Правда, при более скрупулезном анализе, что отмечается и рядом ученых¹, подобные ссылки и «аргументации», как правило, акцентируются применительно к тем ситуациям, когда правовые позиции ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ (по предмету спора) фактически совпадают. И, напротив, при сущностном или смысловом «разночтении» одного и того же предмета проверки особых апелляций высшего органа конституционного правосудия к соответствующим позициям и актам ЕСПЧ в целом не наблюдается. Более того, по ряду принципиальных позиций статики и динамики российского права Конституционным Судом РФ сформированы явно иные сущностные и смысловые подходы, чем в итоговых актах ЕСПЧ.

К примеру, исследуя в свое время подходы к оценке участниками судебного разбирательства реальной беспристрастности суда общей юрисдикции, высший орган конституционного правосудия существенно изменил не только контексты, но и саму суть критериев подобной оценки.

ЕСПЧ, исходил из того, что при отправлении правосудия именно суд **должен** действовать так, чтобы окружающие – заинтересованные участники судебного разбирательства – испытывали к нему доверие, а если это доверие

---

¹ См., напр.: Никонов М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 50-61.

по каким-либо причинам нарушено, то именно суд должен предпринять достаточные меры для того, чтобы это доверие восстановить¹.

Конституционный Суд РФ², напротив, резюмирует, что это **участники судебного разбирательства должны** испытывать изначальное доверие к суду и не могут терять его иначе, как при наличии достоверных доказательств пристрастности суда. Между тем, получить и обоснованно представить последние, как резюмирует, к примеру, Т.В. Трубникова³, практически невозможно.

В национальном правоприменении изначально обязанной стороной в указанном отношении *ex officio* «определены» частные заинтересованные лица. Последним либо вменяется обязанность вне всяких сомнений выказывать беспрекословное уважение к суду, вне зависимости от реальных актов последнего в ходе отправления правосудия, и верить в его беспристрастность, либо фиксировать и представлять доказательства отступления от названной беспристрастности. При этом оценка достоверности представленных данных и вынесение итогового решения по их существу отнесены к компетенции, правосознанию и установкам того же суда, как правило, не сомневающегося в исходной своей беспристрастности. Факт, по сути которого Европейский Суд, напротив, апеллирует к конкретным актам органа отправления правосудия, объективируемым в правосознании заинтересованных лиц как подлинно беспристрастные, при формировании сугубо публичных и изначально «обязывающих» позиций высшего органа конституционного правосудия России во внимание в целом не принят.

---

¹ См., напр.: Постановление ЕСПЧ по делу «Сандер против Соединенного Королевства» от 9 мая 2000 г. (жалоба № 34129/96) // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. № 325-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Лесной Л.Н., Стригуна С.В., Чичерина В.П. и общества с ограниченной ответственностью «Афина-Бизнес» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 2 ст. 20 Гражданского-процессуального кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация. С. 89-99.

Европейским Судом по правам человека право на справедливое судебное разбирательство толкуется исключительно как право на должную (справедливую) правовую процедуру, но не как право на получение благоприятного судебного решения¹.

Конституционный Суд РФ, напротив, исходит из того, что осуществление справедливой правовой процедуры изначально предполагает достижение определенного (как презюмируется, справедливого) результата². Более того, само правосудие может считаться таковым лишь при условии, что оно соответствует определяющему признаку справедливости³. Причем справедливости, отстаиваемой исключительно в содержательных интерпретациях органов, действующих *ex officio*.

В уголовном судопроизводстве России сформирована не имеющая ничего общего с актами ЕСПЧ легитимная база для всецело публичной активности суда по установлению российского образца «объективной истины» по делу, истребованию дополнительных доказательств вне инициативы сторон, возвращению уголовного дела прокурору, в том числе по мотивам, значительно ухудшающим положение обвиняемого, вне зависимости от позиций и ходатайств сторон – в интересах публичной законности и столь своеобразно понимаемой органами, действующими в уголовном процессе *ex officio*, публичной справедливости⁴.

---

¹ См., напр.: Постановление ЕСПЧ по делу «Вермюлен против Бельгии» от 20 февраля 1996 г. (жалоба № 58/1994); Постановление ЕСПЧ по делу «Оджалан против Турции» от 12 мая 2005 г. (жалоба №46221/99) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2010 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 117, ч. 4 ст. 292, ст. 295, 296, 299 и ч. 2 ст. 310 АПК РФ в связи с жалобой ЗАО “Довод”» // Собр. законодательства РФ. 2010. №14. Ст. 1733.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собр. законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гр. Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда».

Европейский Суд исходит из того, что суть принципа состязательности процесса и процессуального равенства сторон при отправлении правосудия (ст. 15 УПК РФ) заключается в том, чтобы обеспечить не формальное равенство – равенство прав сторон, а реальное равенство – равенство их возможностей по отстаиванию своих позиций, «равенство средств»¹.

Соответственно, в подлинно состязательном судебном процессе, прежде всего, должны быть **равны средства** стороны обвинения и защиты, необходимые и достаточные для отстаивания своих позиций и притязаний², ибо состязательность становится иллюзорной, если реально не обеспечена возможность стороны отыскивать и на равной основе представлять, исследовать свои доказательства³.

Именно в этом контексте ЕСПЧ, к примеру, однозначно констатировал нарушение принципа равенства и справедливого рассмотрения дела (ст. 6 Конвенции) в ситуации, при которой «эксперты» стороны защиты и стороны обвинения существенно отличались по своему статусу и «весу» их выводов для суда, отправляющего правосудие по конкретному уголовному делу⁴.

Полное «молчание» суда вышестоящей инстанции по вопросу законности отказа суда (первой инстанции) в приобщении к доказательствам по делу заключения эксперта, подготовленного и представленного стороной защиты, как резюмировал ЕСПЧ, является несовместимым с концепцией справедливого судебного разбирательства, заложенной в основу статьи 6 Конвенции⁵.

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Драон против Франции» от 6 октября 2005 г. (жалоба № 1513/03) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ по делу «Стадучин против Российской Федерации» от 18 октября 2007 г. (жалоба №6857/02); Постановление ЕСПЧ по делу «Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства» (жалобы № 39647/98 и № 40461/98) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Перес против Франции» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99); Постановление ЕСПЧ по делу «Попов против Российской Федерации» от 13 июля 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Информация о Постановлении по делу «Бониш против Австрии» от 6 мая 1985 г. // Европейский Судебный вестник. 2001. С. 15.

⁵ Европейский Суд констатировал, что заключение эксперта было важным доказательством, которое подкрепляло позицию стороны защиты, и оно могло быть решающим при рассмотрении вопроса об уголовном характере деяний, совершенных заявителем. См.: По-

Конституционный Суд РФ, формально признавая это же право, при рассмотрении конкретных обращений заявителей на ограничение права на самостоятельное представление и исследование доказательств по делу, напротив, исходит из того, что собирание доказательств по смыслу закона есть сугубо публичная деятельность, субъекты которой исчерпывающе указаны в ч. 1 ст. 86 УПК РФ. В силу указанного, сторона защиты не вправе настаивать на приобщении и императивном исследовании в «равном» судебном процессе своих сведений-доказательств¹.

Как следствие, 62 % опрошенных адвокатов указывают на то, что их ходатайства о приобщении к делу документов, предметов, проведении необходимых процессуальных/следственных действий безосновательно отклоняются публичными органами и лицами, ведущими уголовный процесс; в 80% случаев заявленные ходатайства признаются «преждевременными»².

Качественно иная ситуация имеет место применительно к ходатайствам, заявленным суду государственным обвинителем: 56 % указанных ходатайств удовлетворялись незамедлительно и полностью; 30,0% – примерно на $\frac{3}{4}$; 10% – примерно на $\frac{1}{2}$ ³. Дискутировать в этом контексте о равенстве процессуальных возможностей, беспристрастности актов суда, отправляющего правосудие, изначальной справедливости последнего, может, и следует, но лучше на различного уровня конференциях, ибо в сфере реального от-

---

становление ЕСПЧ по делу «Красуля против Российской Федерации» от 22 февраля 2007 г. (жалоба № 12365/03) // СПС «КонсультантПлюс».

¹ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части 4 статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Калинкина Л.Д. Право стороны защиты на заявление ходатайств по УПК РФ не подлежит ограничению // Адвокатская практика. 2010. №3. С. 31-35; Рагулин А. Право на доказательства // ЭЖ-Юрист. 2010. № 30. С. 5; и др.

³ Возможные сомнения в беспристрастности данного суда и обязательном уважении к нему сторон – конвенционально оставим без комментария. См.: Есина А.С., Семененко М.Э. Теоретические и прикладные аспекты деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции // СПС «КонсультантПлюс».

правления правосудия векторы публичных, идеологически окрашенных деклараций, и реальной динамики права не согласуются в принципе.

Равным образом, формально выслушав мнение потерпевшего в состязательном судебном процессе, в том числе о виде и размере наказания, которое должно быть назначено подсудимому, суд лишен легального права учесть это мнение при вынесении итогового решения по делу¹, ибо публичная справедливость призвана к учету лишь воли гособвинителя в этом вопросе, но никак не потерпевшего, как утверждает равной стороны.

Несколько различно понимается Европейским Судом и Конституционным Судом РФ и достаточно сложившаяся в судах Российской Федерации практика самостоятельной «переквалификации» судом рассматриваемого деяния; причем не только в тех известных случаях, когда обвинение, изложенное в обвинительном заключении (акте, постановлении), явно предъявлено «с запасом» юридической квалификации или отдельных квалифицирующих признаков².

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, «из статьи 120 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 76 (части 3, 5 и 6), 118, 125, 126 и 127 следует, что суды общей юрисдикции и арбитражные суды самостоятельно решают, какие нормы подлежат применению в конкретном деле»³.

Еще более весомо это право нашло свое подтверждение в постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П⁴. В этом акте

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П.

² Уточним: рассматриваемые позиции справедливы только для тех ситуаций, где суд, не изменяя с фактической стороны объем обвинения, считает верным применить иную норму особенной части УК РФ, отличную от указанной в обвинительном заключении/акте. См подробнее: Никонов М.А. Переквалификация *in devaforem*. С. 42-49.

³ Пункт 3 постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пп. 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // Собр. законодательства. 2003. № 17. Ст. 1657.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ в

высший орган конституционного правосудия указал, что ни нормы ч. 1 ст. 237, ни ч. 2 ст. 252 УПК РФ не препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют об иной квалификации содеянного. Иное бы умаляло как суть правосудия, так и истинную роль суда в нем.

Напротив, с позиций Европейского Суда сторона защиты, как в принципе не реализовавшая свое право на защиту от нового обвинения, должна иметь реальное право потребовать предоставления средств эффективной судебной защиты от подобного обвинения, привести достаточные контраргументы против подобного рода переквалификации. Процессуальными средствами реализации указанных прав могут быть:

- либо исчерпывающее уведомление стороны защиты о пределах указанной «переквалификации» еще до удаления суда в совещательную комнату и, естественно, обеспечение реальной возможности обсуждения данных вопросов в рамках возобновленного судебного следствия¹;

- либо полное и всестороннее обеспечение системы указанных прав в рамках обжалования и процедур проверки постановленного приговора в суде вышестоящей апелляционной инстанции.

Возможность реализации первой «конструкции» в принципе не предусмотрена действующим уголовно-процессуальным законом России; она же в силу известных проблем вряд ли найдет должное понимание у российских судей. Вторая «конструкция» не только оптимальна, но и, по идее, имеет под собой определенную правовую основу. С учетом позиций ЕСПЧ апелляционный пересмотр подобного приговора и дела должен осуществляться исключительно в режиме полной апелляции, в рамках которой стороне защиты

связи с жалобой гр. Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда».

¹ Отчасти данная «схема» известна новому уголовно-процессуальному законодательству Украины. См., напр.: Ковтун Н.Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 23-30.

должна быть предоставлена реальная возможность как привести новые доказательства, так и повторно исследовать уже исследованные нижестоящим судом доказательства, в том числе с целью опровержения произведенной судом переоценки обвинения. Европейский Суд исходит из того, что реальное обеспечение указанных прав уже само по себе будет свидетельствовать об отсутствии нарушений ст. 6 Европейской конвенции¹.

Европейский Суд также обязывает реализовать указанное апелляционное разбирательство с обязательным участием адвоката на стороне защиты, в том числе исключая возможность отказа от участия последнего со стороны обвиняемого. В противном случае ЕСПЧ будет вынужден констатировать нарушение ст. 6 Конвенции².

Увы, но, *во-первых*, высказанные правовые позиции ЕСПЧ по данным моментам лишь «учитываются» судами Российской Федерации при отправлении правосудия, а не являются для национальных судов императивом. *Во-вторых*, наработанная практика действующей апелляционной проверки в принципе отвергает любые новации, направленные к восприятию «реформированной» апелляции как нового, полного и всестороннего судебного разбирательства по существу, с постановлением в итоге качественно нового судебного акта. В итоге, ни доктрина, ни практика в целом не склонны к муссированию данной проблемы. Возможно, в силу последнего и доводы стороны защиты на нарушение их права на защиту от подобного обвинения, пока в принципе не находят «понимания» у вышестоящих судов.

Указанная двойственность публично озвучиваемых деклараций и реальных шагов по имплементации положений Конвенции и актов ЕСПЧ в правовую систему РФ наблюдается в актах Пленума Верховного Суда РФ.

Еще в постановлении Пленума от 10 октября 2003 г. № 5 судам было предписано «действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обя-

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Сипавичус против Литвы» от 21 февраля 2002 г. (жалоба № 49093/99) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ по делу «Абрамян против России» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 10709/02) // СПС «КонсультантПлюс».

зательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹.

В п. 4 постановления от 19 декабря 2005 г. № 23 Верховный Суд РФ вновь указывает, что в мотивировочной части судебных решений следует обязательно излагать как примененный материальный или процессуальный закон, так и непосредственно Европейскую Конвенцию, принимая в том числе, во внимание постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции, подлежащих применению в рассмотренном деле².

В том же постановлении, как следствие отражения известных, в том числе пилотных, актов ЕСПЧ³, Пленум отдельно указывает на критерии законного и обоснованного решения суда о применении к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ). Справедливо отмечая необходимость оценки судом обоснованного подозрения (обвинения), Пленум, вместе с тем, прямо указывает, что императивно должны быть оценены и иные обстоятельства, достаточно оправдывающие изоляцию обвиняемого, подозреваемого от общества. Причем в оценке указанных обстоятельств суд должен исходить из того, что они должны быть реальными, обоснованными, подтверждаться достоверными и достаточными сведениями о том, что лицо, действительно, скроется от следствия или суда, совершит новое преступление, будет препятствовать производству по делу (п. 14).

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. 2 декабря.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. 26 дек.

³ См., напр.: Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. по делу «Калашников против России» (жалоба № 47095/99) // Европейский Суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России (сборник документов). М., 2004. С.88-115; Постановление ЕСПЧ от 8 ноября 2005 г. «Худоев против России» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7. С. 57-99.

Насколько суды восприняли, как вышеуказанные императивы Пленума, так и «клоновые» акты ЕСПЧ¹, из года в год фиксирующие наличие системной проблемы в применении названной меры, объективно свидетельствует, *во-первых*, официальная статистика. Имеет смысл напомнить: число ходатайств следственных органов, положительно удовлетворяемых судом (традиционно) в среднем составляет 94-96%². *Во-вторых*, более чем однозначны суждения российской уголовно-процессуальной доктрины, как и ранее, констатирующие сугубо «карательный» вектор указанного направления деятельности суда. *В-третьих*, все также массово принимаются пилотные и «клоновые» постановления ЕСПЧ³, все более констатирующие наличие все той же системной проблемы в деятельности российского суда при реализации столь значимой формы судебного контроля.

К 2009 г. ЕСПЧ вновь серьезно обеспокоен тем, что российские суды используют весьма избирательный и непоследовательный подход к оценке аргументов сторон, касающихся оснований для содержания заявителя под стражей. Признавая аргументы заявителя субъективными и не обращая внимание на имеющие отношение к делу факты, которые снижают риск того, что заявитель скроется от правосудия, суды слепо принимают информацию от сотрудников ФСБ, не ставя под сомнение ее достоверность⁴.

В постановлении по делу «Царенко против России» от 3 марта 2011 г. (жалоба № 5235/09) ЕСПЧ, в который раз, признает нарушение ст. 5 Конвен-

---

¹ См., напр.: Постановление ЕСПЧ от 1 марта 2007 г. «Белевицкий против России» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 8. С. 69-91; Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2008 г. «Старокадомский против России» // Российская хроника Европейского Суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека» Специальный выпуск. 2009. № 2. С. 124-137; Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2008 г. «Салманов против России» // Российская хроника Европейского Суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека» Спец. выпуск. 2009. № 2. С. 132-144.

² См., напр.: Ковтун Н.Н., Сулова Е.В. Эффективность судебного контроля // Уголовное судопроизводство. 2010. № 3. С. 7-15.

³ См., напр.: Постановление ЕСПЧ «Полонский против России» от 19 марта 2009 г. (жалоба № 300033/05); Постановление ЕСПЧ «Савенкова против России» от 4 марта 2010 г. (жалоба № 30930/02) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Александр Макаров против Российской Федерации» от 12 марта 2009 г. (жалоба № 15217/07) // СПС «КонсультантПлюс».

ции в связи с незаконностью содержания обвиняемого под стражей, особо отмечая, что когда речь идет о лишении свободы, максимально важно соблюдение общего принципа правовой определенности.

В постановлении по делу «Сутягин против России» от 3 мая 2011 г. (жалоба № 30024/02) ЕСПЧ, в очередной раз, отмечает, что судам при обосновании продления срока содержания под стражей необходимо исследовать все обстоятельства и излагать их в итоговом решении.

10 января 2012 г. Европейский Суд, констатировав наличие системной проблемы, выносит пилотное постановление по делу «Ананьев и другие против России» (жалобы № 42525/07 и № 60800/08), суть которого в очередной констатации факта бесчеловечных условий содержания в следственных изоляторах с 2005 по 2008 гг. Ананьева, Баширова, Башировой и других¹.

В 2013 г. пленум, все в том же контексте Конвенции, пилотных и «клонновых» актов ЕСПЧ, в очередной раз вынужден разъяснять реальные критерии законности и обоснованности применения к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения в виде заключение под стражу². Особо заметных изменений «наработанной» практики оно, правда, не принесло, но, видимо, надо надеяться, что правовые позиции и итоговые выводы ЕСПЧ будут все же имплементированы в правосознание судей и в практику законного и обоснованного применения указанной меры.

Европейский Суд по правам человека последовательно и однозначно стоит на позициях, по сути которых любое ограничение права на доступ к правосудию должно преследовать разумную цель и быть разумно пропорционально данной нормативной и социально значимой цели³. Как следствие,

---

¹ См. подробнее, напр.: Карамышева О.В. Нарушения прав человека при производстве по уголовным делам, выявленные ЕСПЧ в 2011-2012 годах // Уголовный процесс. 2012. №11. С. 60-69; Её же. Позиции ЕСПЧ по вопросам ареста и ОРД: практика 2013 года // Уголовный процесс. 2014. № 3. С. 14-23.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (пп. 1-35) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Ашингден против Соединенного Королевства» от 28 мая 1985 г. (жалоба № 8225/78) // СПС «КонсультантПлюс».

применяемые национальными властями ограничения не должны уменьшать обеспеченный лицу доступ к суду таким образом и в такой степени, которые бы нарушали саму суть столь значимого конвенционного права¹.

Тем не менее, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 формирует принципиально иные правовые позиции², устанавливая для процессуальной формы рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ временные, преюдициальные и иные критерии приемлемости жалоб и, тем самым, ограничивая доступ заинтересованных лиц к эффективному и оперативному правосудию³. Доктрина российской уголовно-процессуальной науки прямо указывает на системные факты возвращения жалоб заявителям по формальным и достаточно спорным поводам⁴.

В соответствии с актами ЕСПЧ признание суда органом правосудия (в контексте ст. 6 Европейской конвенции) изначально предполагает его компетенцию к принятию реально властных, обязывающих решений, которые не могут быть изменены несудебными органами⁵.

В соответствии с п. 21 постановления Пленума от 10 февраля 2009 г. № 1 суд, реализующий оперативный судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ, напротив, «не вправе предопределять действия должностного лица, осуществляющего расследование, отменять либо обязывать его отменить решение, признанное им незаконным или необоснованным»⁶.

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Дунаев против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 70142/01) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. №1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 18 февр.

³ См.: Бобракова И.С. Процедурно-субъектные, территориальные и временные критерии приемлемости жалобы заявителя к рассмотрению по существу в порядке статьи 125 УПК РФ // Российский следователь. 2010. № 10. С. 4-7.

⁴ См., напр.: Трубникова Т.В. Указ. соч. С 69-70.

⁵ Постановление ЕСПЧ по делу «Финдли против Соединенного Королевства» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22107/93) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. С. 408; Постановление ЕСПЧ по делу «Мишкеткуль и другие против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 36911/02) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

О том, что подобное решение суда, принятое по итогам разрешения спора, является фикцией давно и много пишет доктрина российской уголовно-процессуальной науки¹; тем не менее, Пленум продолжает «упорствовать» в этих вопросах. Более того ни законодатель, ни практика не видят особой проблемы в том, что, всецело соответствующие актам ЕСПЧ, нормативные предписания п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, по сути, нивелированы уголовным судопроизводством России. По факту, решения суда, принятые в порядке ст.ст. 108, 125, 165 УПК РФ, давно и привычно «отменяются» процессуальными решениями следственных органов², косвенно отражая, как значение указанных актов для следственных органов, так и реальное их «место» в правосознании публичных субъектов следственно-обвинительной деятельности.

Принципиально различно для ЕСПЧ и российских правоприменительных органов понимание сути отправления правосудия применительно к реализации особых производств, основанных на конвенциональном соглашении с обвиняемым по основному вопросу уголовного дела. Речь, прежде всего, о согласительных процедурах и следствиях, из них вытекающих, применительно к производствам, урегулированным нормами гл. 40, 40.1, 32.1 УПК РФ.

Как известно, одним из принципиальных условий реализации этих «особых» порядков является добровольное признание обвиняемым обвинения или вины в совершении преступления, юридической квалификации содеянного, изложенной в обвинительном заключении (...акте, постановлении), характера и размера ущерба, причиненного потерпевшему. Как следствие, добровольность указанного признания и суть соглашения со стороны обвинения дают суду первой инстанции легитимное право не проводить судебное

---

¹ См., напр.: Ковтун Н.Н. Презумпции и фикции уголовно-процессуального права России: технология осознанной лжи // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 231-235.

² Между тем, к примеру, в соответствии с нормами нового УПК Украины любое решение, вынесенное судом, может быть отменено, изменено исключительно судом. См.: Ковтун Н.Н. Следственный судья Украины: анализ юрисдикционных и следственных функций в контексте российских процессуальных аналогов // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 26-32.

следствие в полном объеме, не исследовать устно и непосредственно доказательства по делу, не проверять фактическую обоснованность обвинения и основанной на ней юридической квалификации содеянного. Эти факты презюмируются достоверно установленными, истинными, не подлежащими проверке судом; причем не только в суде первой инстанции, но и при обращении осужденного к процедурам апелляционной судебной защиты. В силу указанного, решение суда первой инстанции, постановленное в соответствии с особенностями главы 40, 40.1, 32.1 УПК РФ, не может быть проверено, отменено, изменено судом апелляционной инстанции по основанию: несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (п. 1 ст. 389.15, ст. 389.16 УПК РФ).

Однако практика отправления правосудия в российских судах достаточно объективировала ситуации, когда обвиняемый, выступающий субъектом исследуемой согласительной процедуры, в апелляционной жалобе прямо указывает на то, что он изначально неверно понял суть и следствия «соглашения», особенности судебного разбирательства в первой инстанции. Наставляет на том, что в приговоре суд в принципе неверно оценил фактическую сторону содеянного, неверно указал юридическую квалификацию преступления, в силу чего данный приговор нельзя считать актом надлежащего отправления правосудия. В силу указанного апеллятор ходатайствует перед вышестоящим судом именно о полном и непосредственном исследовании всех доказательств по делу, о доступе к справедливому правосудию, об исправлении состоявшейся судебной ошибки¹.

Суд апелляционной инстанции, естественно, отказывает, как в полном и всестороннем разбирательстве дела, так и в возможной оценке приговора на предмет его фактической обоснованности. Последнее однозначно мотиви-

---

¹ Факты указанного в достаточной мере приведены в российской уголовно-процессуальной доктрине. См., напр.: Ковтун Н.Н. Апелляция год спустя: реалии и прогнозы // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 38-45; 2014. № 3. С. 60-67.

руется тем, что приговор, постановленный в порядке гл. 40, 40.1, 32.1 УПК РФ, не подлежит обжалованию и проверке на предмет фактической стороны дела и деяния. Естественно, не принимается во внимание и то обстоятельство, что обвиняемый, по факту, отказался от согласительной процедуры, требует конституционного доступа к правосудию, к судебной защите своих нарушенных прав. Ни в одной из подобных ситуаций приговор не был проверен апелляционным судом на предмет своей обоснованности, а указанная проверка не была назначена и реализована в полном объеме.

В указанной ситуации все законно и справедливо; в том числе с учетом предписаний ч. 1 ст. 226.9, ч. 1 ст. 317.7, ст. 317 УПК РФ. Однако, не менее известны и принципиально иные нормативные предписания.

По делу «Девеер против Бельгии» Европейский Суд по правам человека, к примеру, отметил, что в подлинно демократическом обществе «право на правосудие» представляет такую социально-нормативную ценность, что оно не может считаться утраченным единственно по причине того, что заинтересованное лицо оказалось стороной в соглашении, носящем согласительный характер¹.

Соответственно, если лицо, которому ранее было предъявлено уголовное обвинение, явно и недвусмысленно оспаривает затем предложенную согласительную процедуру, которая явилась препятствием для осуществления его права на справедливое правосудие, такая возможность ему должна быть реально предоставлена².

По делу «Белилос против Швейцарии» Европейский Суд констатировал, что при оценке конвенционного права на доступ к суду и справедливому судебному разбирательству следует принять во внимание позиции ЕСПЧ, по смыслу которых для того, чтобы орган был признан «судом» в смысле ст. 6

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Девеер против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. (жалоба №6903/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. С. 301-317.

² Аналогичных позиций придерживается Т.В. Трубникова. См.: Трубникова Т.В. Особый порядок принятия судебного решения: возможна ли успешная жалоба в ЕСПЧ? // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 33-41.

Европейской конвенции в его компетенцию изначально должно входить рассмотрение, как вопросов права, так и вопросов факта¹.

Как представляется, применительно к указанным ситуациям есть веские основания для постановки вопроса о том, насколько можно считать несправедливым, а судом и подлинным правосудием действующий апелляционный порядок в уголовном судопроизводстве России (гл. 45.1 УПК РФ), при котором орган судебной власти: во-первых, категорически отказывается от сути справедливого разрешения спора по существу; во-вторых, упорно не желает ни «принять к исполнению» соответствующие акты ЕСПЧ, ни «вспомнить» их иерархию в системе источников российского уголовно-процессуального права.

Реальные причины указанного российской доктрине и практике в целом известны. При сложившихся тенденциях, когда в отдельных регионах России в «особом» порядке гл. 40 УПК РФ рассматривается до 65–75% всех уголовных дел, предпринимать попытки к «коррекции» указанной практики – «в угоду» неправильным актам ЕСПЧ – не может себе позволить ни она из ветвей государственной власти. В данной связи акты «Девеер против Бельгии» или «Белилос против Швейцарии» российскими судами, в связи с ранее отмеченными рекомендациями Пленума, безусловно, «учитываются»², но в практическом национальном правосудии, как нормы-гарантии, не объективируются.

В том же контексте не особо акцентируются и акты ЕСПЧ, в содержании которых сформулированы правовые позиции, согласно которым: «... статья 6 Конвенции не вынуждает Договаривающиеся государства устанавливать систему апелляционных или кассационных судов. Однако если такие

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Белилос против Швейцарии» от 29 апреля 1988 г. (жалоба № 10328/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. С. 568–581.

² Объективным подтверждением указанного служат и ответы 64,2% опрошенных судей, как факт констатирующий вывод о том, что акты ЕСПЧ не включены в иерархию источников российского уголовно-процессуального права и имеют значение лишь для правосознания участников правовых отношений (анкета, приложение № 2 к диссертации).

суды существуют, то должны соблюдаться гарантии, закрепленные ст. 6 Конвенции, например, что сторонам процесса гарантируется право на доступ к суду»¹.

Нужно подчеркнуть, в соответствии с наработанным смыслом этого конвенционного права: доступ не формальный, где вся ценность и суть классической апелляции (как нового полного и всестороннего рассмотрения дела по существу) по факту нивелированы все более объективируемыми закономерностями российской практики апелляционной «проверки» по достаточно известному и апробированному кассационному образцу², а доступ реальный. Поэтому в ситуации, когда апелляционный суд, в соответствии с истинным своим назначением, призван рассмотреть вопросы, как факта, так и права и вынести решение о виновности или невиновности обвиняемого, проведение устных слушаний, как резюмирует Европейский Суд, является объективной необходимостью³.

Столь же различно толкуется ЕСПЧ и российскими судебными органами право на оказание квалифицированной юридической помощи обвиняемому. Европейский Суд исходит из правила, согласно которому, если адвокат не может свободно общаться со своим клиентом и получать от него конфиденциальные инструкции, его помощь теряет значительную часть пользы;

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Дунаев против Российской Федерации» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 70142/01) – пункт 34.

² Как известно, доктрина российской уголовно-процессуальной науки однозначно фиксирует тенденции, при которых суд апелляционной инстанции в подавляющем большинстве случаев отказывается от непосредственного и устного исследования доказательств по делу, несмотря на ходатайства заинтересованных лиц. См., напр.: Паничева А. Является ли пересмотр уголовных дел во 2-й инстанции апелляционным? // Уголовное право. 2015. № 4. С. 100-104; Ковтун Н.Н. Апелляция год спустя: реалии и прогнозы // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 38-45; Ковтун Н.Н., Мазина Н.Н. Апелляционная проверка в уголовном судопроизводстве России: новации закона и уголовно-процессуальной доктрины // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 29-33.

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Экбатани против Швеции» от 26 мая 1998 г. (жалоба № 10563/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. С. 384.

между тем Конвенция предназначена для того, чтобы гарантировать не теоретические и иллюзорные, а практические и эффективные права¹.

Соответственно, к примеру, в деле «Кастравец против Молдовы» от 13 марта 2007 г. ЕСПЧ однозначно установил, что нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции могло стать результатом вмешательства во взаимоотношения клиента и адвоката. В указанном случае причиной нарушения конфиденциальности послужило наличие стеклянной перегородки в помещении центра предварительного заключения, где проходили встречи адвокатов с клиентами².

Аналогично эта позиция была изложена в более раннем решении ЕСПЧ (*Can vs Austria*, 1985). Под беспрепятственным общением обвиняемого, подозреваемого со своим защитником, резюмирует ЕСПЧ, подразумевается возможность общения с защитником в обстановке, гарантирующей недоступность информации для слухового восприятия служащими мест предварительного заключения и другими государственными служащими, в целях обеспечения возможности обмена конфиденциальной информацией, связанной с подготовкой защиты³.

Насколько реально указанные акты были «учтены» системой российского правосудия и реализованы как нормы-гарантии, представляется, объективно свидетельствуют материалы первого уголовного «дела ЮКОСа». В рамках последнего адвокатам в зале судебного заседания категорически запрещалось подходить к своим подзащитным ближе, чем на 50 см, в том числе и в тех ситуациях, когда это диктовалось объективными потребностями эффективной и оперативной защиты. При объявлении перерыва в судебном заседании конвоиры также принудительно препятствовали конфиденциальному общению адвокатов с доверителями, постоянно находясь между подсуди-

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Моисеев против Российской Федерации» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00).

² Цит. по: Осояну Т.К. Проявление обвинительного уклона при рассмотрении судами Республики Молдова вопросов о применении, продлении и об обжаловании домашнего ареста // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В.В. Волкова. М.: Норма, 2015. С. 87.

³ См.: Рекомендации по применению статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека – право на беспристрастное разбирательство дела. СПб, 2002. С. 26.

мыми и адвокатами. Как следствие, Европейский Суд правомерно констатировал в этом деле нарушение ст. 6 Конвенции из-за умаления тайны устных и письменных контактов подзащитных со своими адвокатами¹.

Не менее однозначен Европейский Суд в вопросе о том, что государство не может нести ответственность за каждый промах, допущенный адвокатом, назначенным обвиняемому в рамках оказания бесплатной юридической помощи. Вместе с тем, согласно подпункту «с» пункта 3 ст. 6 Европейской конвенции соответствующие органы государственной власти должны вмешиваться в ситуацию, если непредставление надлежащей защиты адвокатом, предоставленным в рамках правовой помощи, является явным или достаточным для того, чтобы иным образом привлечь их внимание², либо «если ошибка назначенного адвоката очевидна или на нее обращают их внимание иным образом»³.

Несмотря на ясно озвученные правовые подходы к обеспечению обвиняемого квалифицированной и реальной помощью защитника-адвоката, российская правоприменительная, в том числе судебная, практика приняла «к учету» эти акты в сугубо формальном контексте. По факту, действуя, в большинстве указанных случаев, по известному принципу: «адвокат назначен – значит, юридическая помощь оказана». Как следствие, к примеру, в деле «Орлов против России» Европейский Суд однозначно признал несправедливость судебного разбирательства в связи с необеспечением реального права заявителя на квалифицированную юридическую помощь⁴.

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 25 июля 2013 г. по делу «Ходорковский и Лебедев против России» (жалобы №11082/06 и №13771/05) // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание № 8. Цит. по: Никонов М.А. 7 способов нарушения прав адвокатов и противодействия им // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 55.

² Постановление ЕСПЧ по делу «Майзит против Российской Федерации» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Дауд против Португалии» от 21 апреля 1998 г. (жалоба № 22600/93) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Орлов против России» от 21 июня 2011 г. (жалоба № 29652/04) // СПС «КонсультантПлюс».

Как установил Европейский Суд, назначенный государством защитник, действительно, предпринял отдельные действия для подготовки к защите интересов заявителя в предстоящем судебном заседании: изучил материалы уголовного дела, принял участие в заседании суда кассационной инстанции, формально поддержал изложенные в кассационной жалобе доводы осужденного. Однако, со слов заявителя (осужденного), он вообще не был уведомлен о том, что ему судом назначен адвокат, до заседания суда кассационной инстанции он с ним вообще не встречался и иным образом не общался; впервые увидеть указанного защитника он смог лишь непосредственно в зале кассационного судебного заседания. В связи с этим Европейский Суд констатировал, что фактически заявителю не были предоставлены достаточные и эффективные возможности для подготовки реальной защиты¹.

В постановлении ЕСПЧ по делу «Моисеев против Российской Федерации» предметом рассмотрения Европейского Суда стала ситуация, когда состав суда, рассматривающего уголовное дело, неоднократно менялся (всего в этом деле было зафиксировано 11 подобных замен). В результате анализа указанной ситуации ЕСПЧ пришел к выводу, что в данном случае имело место нарушение ст. 6 Конвенции, в связи с нарушением признаков независимости и беспристрастности национального суда². Налицо, как представляется, в указанной ситуации и основания для констатации нарушения права на беспристрастный суд.

Насколько эти правовые позиции – императивные нормы – реально восприняты российской практикой отправления правосудия (контекст – правосознание судей), достаточно полно и объективно характеризует производство по уголовному делу № 1-36/2013, ставшее предметом апелляционной проверки в Нижегородском областном суде:

---

¹ Значительно ранее аналогичные правовые позиции были высказаны Европейским Судом, к примеру, по делу «Artico vs Italy (1980)» и «Tripodi vs Italy (1994)».

² Постановление ЕСПЧ по делу «Моисеев против Российской Федерации» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00) // СПС «КонсультантПлюс».

17 января 2013 г. – осужденным Е. подана апелляционная жалоба на обвинительный приговор суда первой инстанции;

20 марта 2013 г. – по итогам решения вопросов, указанных в ст. 389.11 УПК РФ вынесено постановление о назначении апелляционного судебного заседания (по существу);

10 апреля 2013 г. – первое заседание суда апелляционной инстанции: в составе судей Т., Я., Н. В виду несвоевременного извещения одного из осужденных о дате и месте судебного разбирательства – рассмотрение дела и отзыва перенесено на иную дату;

18 апреля 2013 г. – второе судебное заседание: в составе судей Б., Я., Т. Ввиду того, что в зал судебного заседания не доставлен один из осужденных – рассмотрение дела и жалобы перенесено на иную дату;

26 апреля 2013 г. – третье заседание апелляционной инстанции. В составе судей: Т., К., Я. Дело и жалоба осужденного Е. проверены по существу. Решением апелляционной инстанции приговор оставлен без изменения¹.

Апелляционный судебный состав по этому уголовному делу, как видим, меняется трижды. Постоянным членом «судебного присутствия» выступает лишь судья Я., который является докладчиком. Остальные судьи для реализации целей и задач апелляционной проверки, видимо, подбираются в зависимости от того, насколько они более или менее «свободны» в данный конкретный момент. О том, что указанный порядок отправления правосудия в принципе не соответствует императивным правовым позициям ЕСПЧ по делу «Моисеев против Российской Федерации», судьи либо не ведают, либо достаточно ясно понимают, что наличествующие факты вряд ли станут предметом внимания и негативных реакций вышестоящей инстанции или высших должностных лиц судебной системы России.

---

¹ См.: Уголовное дело №1-36/2013; осужд. К. (ст. 161 ч. 2 п. «а» УК РФ); осужд. Е. (ст. 161 ч. 2 п. «а», ст. 161 ч. 2 п. «г» УК РФ) // Архив Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода за 2013 г.

При рассмотрении дела «Винтерверп против Нидерландов» Европейский Суд по правам человека указал, что лицо, длительное время содержащееся под стражей без производства с ним необходимых следственных, процессуальных действий, имеет вполне законное право на инициативную и независимую судебную проверку законности и обоснованности реальной необходимости его дальнейшего содержания под стражей¹.

Для целей судебной проверки, предусмотренной нормами ст. 109 УПК РФ, Н.Н. Ковтун в свое время правомерно поставил вопрос, насколько эти правовые позиции применимы к аналогичным ситуациям российской следственной практики: когда фактически срок содержания под стражей продляется от 6 до 12 месяцев (от 12 до 18 мес.), а в течение этого срока следственных действий с указанным обвиняемым – в принципе нет. Он же, как данность, констатирует ответы на этот вопрос: ни одна из попыток стороны защиты апеллировать к акту ЕСПЧ «Винтерверп против Нидерландов» в российских судах не принесла результата. Суды категорически отказывают в реализации независимой судебной проверки, как необходимости, так и законности и обоснованности содержания подобного обвиняемого под стражей (ст. 109 УПК РФ), констатируя, что действующее законодательство России, ни подобного права, ни подобных процедур проверки в принципе не предусматривает. Эти же позиции судей при дальнейшем обжаловании были всецело поддержаны судами вышестоящих инстанций².

Весьма значимым для российской правоприменительной практики явилось решение Европейского Суда по делу «Ваньян против России» от 15 декабря 2005 г.³, в правовых позициях которого ЕСПЧ дана принципиальная оценка оперативно-розыскной провокации как одного из основных методов

---

¹ Постановление ЕСПЧ по делу «Винтерверп против Нидерландов» от 24 октября 1979 г. (жалоба № 6301/73) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. С. 299-300.

² Ковтун Н.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения: лекция / Н.Н. Ковтун, Р.Р. Магизов Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2004. 44 с.

³ Постановление ЕСПЧ по делу «Ваньян против России» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99).

работы российских правоохранительных органов по делам о незаконном сбыте, обороте наркотических средств.

Признав в принципе незаконной практику оперативных сотрудников, по сути которой неоднократно сбыт наркотических средств с целью документирования явно провоцируется соответствующими сотрудниками правоохранительных органов, ЕСПЧ однозначно усмотрел в указанной практике нарушение ст. 6 Европейской конвенции. Косвенным следствием этого решения была объективирована обязанность российских властей к пересмотру тысяч и тысяч уголовных дел, где обвинение и осуждение, по факту, были «сформированы» именно указанным образом¹.

Тем не менее, как свидетельствуют данные официальной статистики, опубликованные обзоры судебной практики и констатации российской уголовно-процессуальной доктрины, ни судебная власть не нашла оснований для пересмотра (тысяч и тысяч) указанных дел, ни сотрудники соответствующих оперативных аппаратов и служб не смогли отказаться от столь наработанной практики. В итоге, со временем данная практика сформировалась в виде очередной структурной проблемы российского правоприменения, что, вновь констатировано в «коллективном» постановлении ЕСПЧ по делу «Веселов и другие против России» от 2 октября 2012 г.²

Суть правовых позиций ЕСПЧ при этом вновь сведена к констатациям о том, что в уголовных делах, где основное доказательство получено в рамках секретных операций оперативных сотрудников (проверочная закупка и т. п.), именно власти должны доказать, что у них были веские причины для легального их проведения. Кроме того, любая подобная операция должна изначально соответствовать требованию о том, что расследование (контекст – до-

---

¹ На наш взгляд, основания для подобного вывода и практики подобного пересмотра в нормах п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, естественно, в буквальном, а не «ведомственном» истолковании сути указанной нормы.

² Постановление ЕСПЧ по делу «Веселов и другие против России» от 02 октября 2012 г. (жалоба №23200/10, жалоба №2409/07, жалоба №556/10). Аналогично см.: Постановление ЕСПЧ по делу «Банникова против России» от 4 ноября 2010 г. (жалоба № 18757/06) // СПС «КонсультантПлюс».

кументирование/доказывание) должно проводиться, в основном, пассивным образом, без инициации тех или иных, криминально преследуемых актов, непосредственно сотрудниками правоохранительных органов¹.

Казалось бы, акценты в данной структурной проблеме расставлены окончательно; тем не менее, текущая следственно-судебная практика, как и ранее, широко являет примеры обвинений и осуждений, где основным методом «собираания доказательств» служит именно провокация.

Столь же системной проблемой российской правоприменительной практики, постоянно выявляемой Европейским Судом, являются жестокое обращение с задержанными, подследственными, заключенными и неэффективность расследования указанных злоупотреблений со стороны должностных лиц системы правоохранительных органов.

Можно обратиться, например, к постановлению ЕСПЧ по делу «Шишкин против России» от 7 июня 2011 г.

В правовых позициях последнего Европейский Суд установил нарушение ст. 3 Конвенции в процессуальном и материальном аспектах².

По сути: к заявителю, задержанному по подозрению в совершении тяжкого преступления, в период с 23 января по 5 февраля 2002 г. применялись пытки (насилие) со стороны сотрудников правоохранительных органов, в результате чего он признался в совершении инкриминируемых преступлений. Однако в мае того же года уголовное дело в отношении этого заявителя прекратили (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), поскольку были установлены и задержаны

---

¹ См. подробнее, напр.: Карамышева О.В. Позиции ЕСПЧ по вопросам ареста и ОРД: практика 2013 года // Уголовный процесс. 2014. № 3. С. 14-23; Козлов А.М. Специфика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2011. № 8. С. 80-84.

² Постановление ЕСПЧ по делу «Шишкин против России» от 7 июня 2011 г. (жалоба № 18289/04). По сути, аналогично см.: Постановление ЕСПЧ по делу «Игорь Валерьевич Скоркин против России» от 27 сентября 2011 (жалоба № 7129/03); Постановление ЕСПЧ по делу «Тангиев против России» от 11 декабря 2012 г. (жалоба № 27610/05); Постановление ЕСПЧ по делу «Михеев против России» от 26 января 2006 г. (жалоба № 77617/01); Постановление ЕСПЧ по делу «Раззаков против России» 05 февраля 2015 года (жалоба № 57519/09); и др.

другие подозреваемые, которые и были впоследствии признаны судом виновными в совершении инкриминируемых преступлений.

Как следствие, в марте 2002 г. заявитель обратился в органы прокуратуры с требованием о возбуждении уголовного дела и привлечении к уголовной ответственности сотрудников правоохранительных органов, совершавших в отношении него насильственные действия (в момент задержания и в дальнейшем). Формально дело было возбуждено и расследование инициировано. Однако за период с 2002 по 2004 гг. данное дело неоднократно прекращалось следственными органами и, по жалобам заявителя, вновь возобновлялось.

В итоге, только в 2007 г. районный суд, функционирующий в качестве суда первой инстанции, признал десятерых сотрудников милиции виновными по ч. 3 ст. 286 УК РФ, приговорив их к лишению свободы на срок от 4 до 5,8 лет лишения свободы, с лишением права занимать определенные должности в правоохранительных органах в течение трёх лет. Вышестоящий суд кардинально изменил этот приговор, назначив указанным обвиняемым наказание ниже низшего предела и указав при этом, что отдельные сотрудники были награждены ведомственными медалями за отличную службу и имели положительные отзывы от руководства. Отсюда, приговор суда первой инстанции не соответствует требованиям законности, обоснованности, справедливости.

Европейский Суд не согласился, как с процедурами и сроками данного расследования и осуждения, так и с их итоговыми результатами правосудия. ЕСПЧ однозначно суммировал, что вынося столь мягкие приговоры спустя более семи лет после совершения преступлений, государство фактически поощрило «чувство безнаказанности» сотрудников правоохранительных органов, применявших к задержанному насилие и пытки, вместо того, чтобы показать, что такие действия в демократическом обществе и правовом государстве в принципе недопустимы¹.

---

¹ См. подробнее: Карамышева О.В. Указ. соч. С. 64-66.

О том, насколько эти правовые позиции – императивные нормы ЕСПЧ – закрепились в правосознании судей и иных субъектов российской правоприменительной деятельности, достаточно объективно свидетельствует текущая практика функционирования Европейского Суда по правам человека. Жалобы российских заявителей на применение насилия и пыток в ходе расследования занимают все более весомую «нишу» в деятельности указанного Суда. Как следствие, Европейский Суд все жестче фиксирует наличие очередной структурной проблемы в правоприменении Российской Федерации¹.

Можно далее множить примеры и акты ЕСПЧ либо в принципе не воспринятые в качестве императивов российской практикой отправления правосудия и в целом уголовным судопроизводством России, и аналогичные акты, «интерпретированные» коллективным правосознанием публичных правоприменителей таким образом, что в их сути и содержании не осталось ничего общего с волей наднационального судебного органа. Однако указанное вряд ли необходимо для целей исследования или для возможных итоговых выводов.

Акты ЕСПЧ либо в принципе, на уровне правосознания и официально одобряемых установок публичных субъектов применения права, не воспринимаются в качестве императивных норм-предписаний, либо интерпретируются таким образом, чтобы полностью «соответствовать» официальным, ведомственным и судебным векторам идеологии и политики, либо их применение носит сугубо избирательный характер. В последнем случае, избирательность также объективируется во многом в силу тех же внеправовых явлений политического, идеологического, административно-управленческого характера. Публично провозглашаемые декларации, в контексте которых правовая система России, (якобы) безусловно, признает юридическую силу указанных актов ЕСПЧ и их доминирование в правовом регулировании по факту ниве-

---

¹ По данным исследования, проведенного Социологическим институтом РАН, каждый пятый гражданин России подвергался пыткам и жестокому обращению со стороны сотрудников правоохранительных органов. См. подробнее: [Электронный ресурс] URL: <http://pytkam.net/u/editor/content/35/text/kazhdiy-pyatiy.pdf>.

лируются векторами официально поддерживаемой и официально одобряемой деятельности. Как уже отмечалось, игнорирование или несоблюдение актов ЕСПЧ изначально не воспринимается в качестве негативного фактора деятельности судей или в целом системы правоохранительных органов или, безусловно, основания к отмене состоявшихся процессуальных решений. За несоблюдение указаний вышестоящей судебной инстанции или игнорирование вектора официальной уголовной, уголовно-процессуальной политики «спросят» несравненно жестче и достаточно скоро. В итоге, надлежащие установки и алгоритмы деятельности не только сформированы, но и вполне объективируются в актах практического применения права. Проблемы правовой определенности в этом контексте исключительно в том, чтобы «не пропустить» изменение векторов официальной политики. Как следствие, автор в принципе считает непродуктивным и надуманное и, бессмысленное формулирование различного рода положений *de lege ferenda* или рекомендаций организационного и прикладного характера, поскольку суждения о явно сомнительной ценности и обязательности актов ЕСПЧ для системы российского права публично озвучены не только высшими должностными лицами практически всех ветвей государственной власти, но и весомо поддержаны ресурсом правовых позиций высшего органа конституционно правосудия и известными новациями законодателя.

В силу официально одобряемых и поддерживаемых установок, явное или завуалированное игнорирование правовых позиций и итоговых выводов ЕСПЧ не только не влечет применения санкций уголовно-процессуального свойства, но и в принципе не считается нарушением для должностных лиц судебной или правоохранительной системы Российской Федерации. Применение оснований для отмены/изменения состоявшихся актов суда, предусмотренных п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, носит сугубо избирательный, а не императивный характер для всех аналогичных (рассмотренных ЕСПЧ) правовых ситуаций и опосредуется не столько факторами правового характера,

сколько теми или иным политическими, идеологическими, административными симулякрами права.

Глава V.

Судебное толкование как фактор правовой определенности российского уголовно-процессуального права

§ 5.1. Понятие, суть и значение судебного толкования как формы выражения российского уголовно-процессуального права

Дискуссия о введении в нормативную ткань российского права судебного прецедента – как самостоятельной и полноценной формы выражения правовых предписаний – имеет определенный генезис, предмет научного спора, наиболее ярких сторонников и противников данной идеи, в целом наработанные заделы и результаты.

В плане генезиса данной идеи, фактически, «доброй» традицией стали апелляции к достаточно известному суждению Ш. Монтескье, суть которого в том, что если судебная власть окажется соединенной с законодательной властью, «то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем; если же судебная власть окажется соединенной с исполнительной властью, судья получает возможность стать угнетателем»¹.

Отсюда и констатации «решающих» доводов о том, что правовое государство и гражданское общество должны быть основаны на незыблемом принципе разделения властей, призванных к сдерживанию и уравниванию друг друга. В той или иной мере признавая ценность этих суждений, сторонники идеи судебного прецедента, напротив, считали необходимым напомнить, что нарастающее обсуждение данной идеи – не есть явление исключительно современного российского права; что среди сторонников су-

---

¹ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1995. С. 290.

дебного прецедента – источника российского права – можно с большой долей уважения и благодарности назвать таких деятелей Великой Судебной реформы в Российской империи (1860-1864 гг.) как М.В. Духовский, Н.Н. Полянский, С.И. Викторский, Н.И. Розин, И.Я. Фойницкий¹.

Констатируется и то, что перманентно оживляющиеся на современном этапе развития права дискуссии о сути и назначении судебного прецедента в системе российского права также, как правило, связаны либо с очередным этапом реализации судебно-правовой реформы, либо с разработкой и принятием нового кодифицированного уголовно-процессуального закона России. В итоге, российской доктрине и практике достаточно известна система суждений *pro et contra* судебного прецедента – источника права. К примеру: предельно лапидарен в этом вопросе был М.И. Байтин: «Конституцией и законами России судебный прецедент не указывается в числе источников права»².

П.С. Элькин и М.С. Строгович, безусловно признавая за постановлениями Пленума Верховного Суда СССР (РСФСР) огромную роль в обеспечении правильного применения нормативных актов, особо подчеркивали, что они предназначены для верного направления судебной практики, для устранения ошибок, допускаемых судами, и укрепления законности в отправлении правосудия. Вместе с тем, они же однозначны в итоговом выводе: новых норм эти акты не создают и поэтому источниками российского права не являются³.

Аналогично Л.Б. Алексеева указывала на то, что Верховный Суд способен дать официальное толкование закона и квалифицированной всех воспол-

---

¹ См. подробнее: Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. М., 1999. С. 23.

² Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. С. 260.

³ Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 119; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 10.

нить нормативно-правовые пробелы, тем не менее, постановления Пленума к источникам права не относил категорически¹.

В соответствии с позициями Е.А. Прохоровой, правовая природа разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в принципе не соответствует правовой природе судебного прецедента. Как следствие, не признавая за данными актами роль источника российского права, указанный автор, как решающий довод, приводит тот факт, что в настоящее время даже общеобязательность постановлений Пленума Верховного Суда РФ несколько ставится под сомнение². Категорически против подобных суждений, напротив, в своем диссертационном исследовании выступает С.М. Даровских³.

В том же сущностном и понятийном ряду позиции российских ученых, которые не усматривают в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ эталон судебного прецедента, поскольку это не решение по конкретному делу (не акт правосудия – *М.С.*), а лишь обобщение судебной практики⁴.

При анализе позиций исследователей данной подгруппы нельзя не вынести «на обсуждение» и тезисы одного из наиболее последовательных противников идеи судебного прецедента – источника права – В.С. Нерсесянца, суть которых, напомним, заключается в том, что⁵:

- суд не может одновременно законодательствовать и применять закон;
- по смыслу конституционного принципа разделения властей (ст. 10

Конституции РФ) акты всех звеньев судебной системы России являются индивидуальными правоприменительными актами. Напротив, отмена или из-

¹ Алексеева Л.Б. Сущность, система и источники уголовно-процессуального права. М., 1989. С. 67-78.

² Прохорова Е.А. Судебный прецедент как источник уголовно-процессуального права Российской Федерации // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел: Межвуз. сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. В 2 ч. М.: Московский университет МВД России, 2002. Ч. 2. С. 23-25.

³ Даровских С.М. Указ. соч. С. 136.

⁴ Лозовская С.В. Правовой прецедент: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2005. С. 9.

⁵ Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует, а применяет право // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 38.

менение нормативно-правового акта является прерогативой федеральных законотворческих органов, но никак не суда;

- суд в ходе отправления правосудия может дать лишь юридическую квалификацию (правовую оценку и характеристику) рассматриваемого нормативного акта в плане соответствия Конституции РФ и закону. Как следствие, соответствующий негативный вывод суда может быть лишь основанием для отмены этого акта компетентным правотворческим органом государства, но не является самой отменой;

- такое решение суда – лишь конвенциональное основание (юридический факт), с которым законодатель связывает определенные правовые последствия (утрата законной силы, неприменение судами и т. п.);

- данные правовые последствия – это заранее установленные законодателем правовые нормы, а не нормы права, создаваемые самим судом.

Как следствие этих незыблемых и акцентируемых в качестве определяющих тезисов, в России долгое время превалировала позиция, согласно которой суды могли осуществлять только официальное толкование закона (вариант – практики его применения). При этом, естественно, не создавая новых правовых предписаний, ибо суды не наделены законотворческой функцией, а являются по своей природе органами правоприменительными. Создание же норм, согласно классическим канонам теории разделения властей, лежащей в основе государственного устройства России (ст. 10 Конституции РФ), является прерогативой исключительно легитимных законодательных органов¹.

Неудивительно, что при констатации незыблемости этих, фактически официальных позиций гораздо реже цитировались и обсуждались иные суждения В.С. Нерсисянца. Судебный прецедент рассматривался данным исследователем как решение по конкретному делу, имеющее значение **общеобязательного правила** для такого решения всех аналогичных дел². Этот же автор

---

¹ См. подробнее: Бодров С.Ю. Судебный прецедент в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. С. 149-150.

² Нерсисянец В.С. Теория государства и права. М., 2001. С. 134.

резюмировал тезис о том, что право принимать решения, имеющие значение судебного прецедента, имеют лишь высшие судебные инстанции государства¹.

Не менее известна российской доктрине аналогичная эволюция взглядов виднейшего российского теоретика права С.С. Алексеева. Последний, напомним, с одной стороны, (в «советский» период развития права) был весьма однозначен в суждениях, согласно которым: «в социалистическом обществе нормативный юридический акт является единственным, по существу, способом возведения государственной воли в закон – актом правотворчества, юридическим источником права»; и «в соответствии с данным нормативные акты в социалистическом обществе – единственный носитель, форма бытия юридических норм, ...ни санкционированный обычай, ни судебный прецедент не являются источниками права, его формами»². С другой стороны, уже в 1994 г. С.С. Алексеев прямо относит к источникам российского права и судебный, и административный прецедент³.

Во многом причины указанной «эволюции» в том, что, несмотря на то, что на законодательном уровне применение судебного прецедента не было закреплено официально, текущая правоприменительная и, особенно, судебная практика буквально на каждом шагу объективировали обратное. Как следствие, по меткому замечанию А. Наумова, официально «изгоняемый в дверь» судебный прецедент, упрямо «лез в окно», и зачастую небезуспешно⁴.

О том же, и примерно в тот же временной период, писали Е. Мартынич и Э. Колоколова⁵, констатируя, что судебный прецедент и судебное правотворчество в континентальной системе «советского» права существова-

¹ Нерсесянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М.: Юристъ, 2000. С. 112.

² Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 208-209.

³ Алексеев С.С. Государство и право. М., 1994. С. 84-85.

⁴ Наумов А. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 8.

⁵ Мартынич Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. № 12. С. 21.

ли всегда, прикрывая свое бытие различными легальными формами, «... теоретически их отметили, а на практике вуалировали».

Аналогичные тенденции/векторы проявляли себя в иных правовых системах, а равно в суждениях практически непререкаемых авторитетов «зарубежной» научной доктрины. Достаточно известным и последовательно цитируемым в этом контексте, к примеру, является суждение Председателя Верховного суда Израиля в отставке А. Барака, суть которого в том, что «подход Монтескье, согласно которому судья – просто рот, повторяющий язык права, более неприемлем, и дни "механического" подхода к судейству прошли ... . Важность вопроса о судейском усмотрении возрастает»¹.

При этом суть указанного усмотрения, все более трактуется доктриной и практикой в контексте легитимного права суда на более свободное истолкование, восполнение и даже исправление закона сообразно требованиям справедливости и велений судейской совести².

Однозначны в этом контексте и суждения профессора Фабио П. Шекаира (Университет Макмастера, Канада), констатирующего, что даже там, где прецедент официально необязателен и где доктрина *stare decisis* не имеет юридической силы, судебный прецедент можно отнести к источникам права, уже в силу того, что он выполняет убедительную роль правового аргумента для судей при принятии ими властных процессуальных решений³.

О том же, но несколько уточняя систему координат, пишут Н.В. Радутная и ранее цитируемый А. Барак. Первая, в частности, считает принципиальным уточнить, что «судейское усмотрение, как правило, связано с толкованием правовой нормы и выбором варианта решения из нескольких альтер-

---

¹ Барак А. Судейское усмотрение: пер. с англ. / Науч. ред. В. А. Кикоть, Б. А. Страшун; Вступ. статья: М.В. Баглай. М.: НОРМА, 1999. С. 10.

² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 90.

³ Цит. по: Якушев П.А. Обеспечение стабильности и единства судебной практики при изменении толкования правовой нормы высшей судебной инстанцией // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 51-54.

натив»¹. Второй, как представляется, более строго расставляет акценты, подчеркивая, что «судейское усмотрение – это данное судье полномочие выбрать из ряда возможностей, каждая из которых законна в контексте системы»².

По утверждению К.С. Аристовой³, исходная концепция разделения властей, в современном ее понимании США⁴, Великобритании⁵ и, отчасти, стран европейского континента, все более подразумевает, что законодательная власть издает законы, а судьи наделяются правом эти законы не только применять, но и эволюционно толковать.

Не удивительно, что в контексте столь ясно озвученных «правил» российской доктриной и судебским сообществом все «тверже» ставятся к обсуждению тезисы о пределах полномочий органов судебной власти при отправлении правосудия и возникновении коллизионных проблем, связанных с применением неоднозначных правовых предписаний, требующих оперативного и аутентичного своего толкования высшими судебными органами.

Указанное, в частности, объективирует себя при исходном наличии в имеющихся правовых предписаниях: пробелов, неясностей или возможности различных вариантов применения нормы; сложности или нечеткости юридических формулировок (их излишняя краткость, абстрактность либо, напротив, пространность); несовпадения норм и статей правовых актов, наличия бланкетных и отсылочных норм, нетипичных правовых предписаний. Аналогичного толкования требуют коллизии, связанные со спецификой отдельных юридических терминов и понятий, интерпретация которых требует специальных познаний и высокой квалификации; в ситуации, если отдельная нор-

---

¹ Этика судьи: пособие для судей / под ред. Н.В. Радутной. М.: Российская академия правосудия, 2002. С. 51.

² Барак А. Судейское усмотрение. С. 120.

³ Аристова К.С. Судейский активизм: благо или зло? // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3.

⁴ Brennan W.J., Jr. Speech to the Text and Teaching Symposium // Originalism: A Quarter-Century of Debate / Ed. by S. G. Calabresi. Washington, DC: Regnery Pub., 2007. P. 55-70.

⁵ Vile M. J.C. Constitutionalism and the Separation of Powers. 2nd ed. Indianapolis: Liberty Fund, 1998.

ма права действует не изолированно, а в системе других норм, и только в данной взаимосвязи ее можно правильно истолковать¹.

В каждом их перечисленных случаев суд просто вынужден апеллировать к официальному судебному толкованию, поскольку иное препятствует выполнению им конституционной функции отправления правосудия. Между тем, как в силу сути последней, так и в соответствии с высоким своим назначением суд не вправе отказать в разрешении дела по существу в виду отсутствия или недостаточной ясности закона, регламентирующего отношения сторон, так как указанное однозначно характеризуется как недопустимый отказ в правосудии, в судебной защите.

В данной связи, как справедливо и методически точно суммирует, к примеру, С.М. Даровских, деятельность по толкованию норм права (скорее закона – М.С.), в результате которой создается новая норма либо расширяется содержание уже существующей, не лежит в плоскости субъективных амбиций суда, претендующего на властное, самостоятельное правотворчество. Для высших судебных органов государства эта деятельность – вынужденная, необходимая мера. Вне ее реализации осложняются, или становятся в принципе невозможной эффективная правоприменительная деятельность судов, судебная защита интересов и прав граждан, интересов общества и государства. Поэтому, неизбежная объективация в арсенале судебной власти возможности заниматься оперативным и вынужденным правотворчеством не может рассматривать ни как игнорирование конституционного принципа разделения властей, ни как субъективные притязания суда на максимальное расширение своих полномочий².

Исходя из сути и социально-нормативного назначения Конституции Российской Федерации, все три ветви власти вправе издавать правовые акты (источники российского права), так как это легитимный способ не только

---

¹ См. подробнее: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2001. С. 347.

² Даровских С.М. Указ. соч. С. 35-36.

проявления, но и единственно эффективного отправления их властных и воз-
 требованных обществом полномочий – форма реализации власти. Именно
 Конституция РФ подчеркнула самостоятельность органов законодательной,
 исполнительной и судебной власти, и, следовательно, при выявлении пробелов
 или несогласованности легальных правовых предписаний, несоответ-
 ствии их высшему конституционному акту судебная власть не только вправе,
 но и обязана предпринимать все необходимые меры для разрешения возник-
 шей коллизии. Тем более что по сути конституционных велений дать власт-
 ное указание на устранение этих проблем органам законодательной власти
 она не вправе.

Еще со времен разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Вер-
 ховного Суда РСФСР, официальное судебное толкование¹ и судебная прак-
 тика конвенционально признавалась отраслевым источником права. В данной
 связи, в итоговых судебных решениях допускались ссылки на них как на ле-
 гальную правовую основу разрешения дела², несмотря на известные и в це-
 лом негативные возражения правовой российской доктрины. Впрочем, по-
 следняя с каждым годом «шаг за шагом» сдавала позиции в этом вопросе.

Так, не столь категоричными, со временем, стали позиции Т.Г. Морща-
 ковой. Последняя, напомним, с одной стороны, утверждала, что в нашей
 стране нет прецедентного права, и даже правовая позиция Конституционного
 Суда РФ является лишь «особым видом преюдиции»³. Более того, судебное
 толкование высших судов, по ее мнению, ничем не отличается от доктри-

---

¹ Подчеркнем, первое при этом (и в доктрине, и ходе отправления правосудия) объективи-
 ровалось как акты официального толкования, обладающие нормативным характером. См.,
 напр.: Даровских С.М. Указ. соч. С. 45; Лебедев В.М. Судебная власть в современной Рос-
 сии. СПб., 2001. С. 187-189.

² См.: Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная прак-
 тика как источник права. М., 2000. С. 78; Золотых В.В. Проверка допустимости доказа-
 тельств в уголовном процессе. М.: «АСТ». 1999. С. 24-25; и др.

³ Отметим, при однозначности этого вывода автор не комментирует то обстоятельство,
 что преюдиция – это, прежде всего, констатация доказанности (достоверности) опреде-
 ленных **фактических** обстоятельств дела, установленных итоговым актом суда; в то вре-
 мя как Конституционный Суд РФ призван к принципиально иному – проверке оспорен-
 ных нормативно-правовых положений на предмет конституционности.

нального толкования и вовсе не является обязательным для нижестоящих судов. Если же обеспечить юридическими средствами какую-либо степень авторитетности истолкования закона, осуществляемого высшими судами, то это будет недопустимым посягательством на принцип независимости судьи, закрепленный в ст. 120 Конституции Российской Федерации¹.

С другой стороны, при практически безоговорочной констатации факта о том, что в современной России действует исключительно статутное право, она же, в дальнейшем, констатирует нарастающие тенденции, согласно которым мы стремимся в своей правовой системе иметь элементы прецедентного права². При этом особого неприятия этих нарастающих тенденций со стороны указанного исследователя, нужно отметить, в целом не наблюдается.

Никак не комментируя последнее, видится необходимым оспорить лишь решающий довод в аргументации Т.Г. Морщаковой, а именно: автор категорически против того, чтобы «...обеспечить юридическими средствами какую-либо степень авторитетности истолкования закона, осуществляемого высшими судами», так как это будет недопустимым посягательством на принцип независимости судьи, закрепленный в ст. 120 Конституции РФ.

Как представляется, при всей «привлекательности» данной доктринальной конструкции она же, как минимум, вступает в противоречие с основными судоустройственными и судопроизводственными принципами функционирования судебной системы России, так как принуждает аналогично «задуматься» о соответствии ст. 120 Конституции РФ:

- функционирования Пленума, Президиума, судебных коллегий Верховного Суда РФ, призванных, в том числе, к формированию единой судебной практики судами Российской Федерации; к осуществлению процесса апелляционной, кассационной или надзорной проверки законности и обоснованности постановленных в нижестоящих инстанциях актов суда, с потенци-

---

¹ Морщакова Т.Г. Интервью с заместителем Председателя Конституционного Суда РФ // Законодательство. 1999. № 5. С. 3-4.

² Морщакова Т.Г. Прецедент: подсказка или указка. Интервью газете "ЭЖ-Юрист" // Режим доступа: СПС: «КонсультантПлюс».

альной отменой или изменением последних, направлением дел на новое судебное рассмотрение, их прекращением;

- обязательности указаний суда вышестоящей инстанции к суду нижестоящему, когда по итогам проверки (апелляционной, кассационной, надзорной) акт правосудия отменяется и дело направляется на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции с ясными императивами суда вышестоящей инстанции для исполнения (чч. 3-4 ст. 389.19, ч. 6 ст. 401.16, чч. 2-3 ст. 412.12 УПК РФ).

Столь же можно «задуматься» о соответствии ст. 120 Конституции РФ (контекст – независимость и самостоятельность суда), ранее исследованных и широко озвученных, констатаций о высшей юридической силе и безусловной императивности актов конституционного правосудия, в последние годы единственно претендующих на истину и право в последней инстанции. В том числе, напомним, для судов общей юрисдикции Российской Федерации.

В данной связи знаковыми, если не определяющими, в вопросе о юридической силе актов Верховного Суда РФ являются позиции судебно-следственной практики, по сути которой при вопросе: «Каковы, на ваш взгляд, последствия обжалования или опротестования решения нижестоящего суда в случае, если нижестоящий суд в своем решении допускает иной подход к вопросу, чем Верховный Суд РФ в своих решениях либо обзорах?» - до 87% респондентов (судей и адвокатов) указывают, что принятое решение подлежит отмене или изменению¹.

Возражает Т.Г. Морщаковой и профессор Г.А. Гаджиев², который под судебным прецедентом понимает «не только решения Конституционного Суда, применительно к которым просто неприлично говорить о том, что нет прецедента, но и решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

---

¹ Цит по: Даровских С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы. С. 287.

² Гаджиев Г.А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 100.

В.В. Демидов также констатирует, что постановления Пленума Верховного Суда РФ – это источники российского права¹.

Не столь однозначны позиции Л.В. Яковлевой, которая пишет о том, что постановления Пленума Верховного Суда РФ представляют собой своеобразную форму судебного прецедента, так как не совсем соответствуют традиционным понятиям последнего. Кроме того, не все из постановлений пленума, как она утверждает, (своим содержанием) объективируют судебные прецеденты – источники права².

Еще более дифференцированы позиции С.М. Даровских, которая одновременно пишет о том, что постановления Пленума Верховного Суда РФ представляют собой особый вид актов официального толкования (интерпретационных актов)³, и соответственно, данным актам присущ нормативный характер⁴. При этом, анализируя аналогичные позиции ряда ученых⁵, она солидаризируется с позициями Е.В. Слепченко, согласно которым, постановления высших судебных инстанций России имеют правообразующее значение, так как они формируют единообразное понимание и применение закона⁶. С другой стороны, она же разделяет мнение тех ученых, которые сводят судебный прецедент к решениям высших судебных органов по конкретным делам, принципиально исключая из этого понятия постановления Пленума⁷.

¹ Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3. С. 23.

² Яковлева Л.В. Источники уголовно-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09). СПб., 1999. С. 150.

³ Даровских С.М. Указ. соч. С. 42, 45, 137 и др.

⁴ Даровских С.М. Указ. соч. С. 43.

⁵ Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3. С. 21-24; Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51-57; Петрушев В.А. Обладают ли разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики обязательной силой? // Законы России. 2008. № 3. С. 74-76.

⁶ Слепченко Е.В. Конституционное судопроизводство: понятие, особенности // Юридический мир. 2009. № 2. С. 23.

⁷ См., напр.: Ображиев К.В. Судебный прецедент в уголовном праве России. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 144 с.; Пирвагидов С.С., Пудовочкин Ю.Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2003. 297 с.; Прохорова Е.А. Судебный прецедент как источник уго-

Решающим доводом такого подхода служит тезис о том, что эталон судебного прецедента может создаваться исключительно в результате осуществления правосудия по уголовному делу (спору сторон), чего нельзя сказать о постановлениях пленума. В итоге, как резюмирует указанный автор:

1) постановления Пленума Верховного Суда РФ: суть нормативные акты официального толкования не только собственно судебной практики, но и закона; по факту – источники российского уголовно-процессуального права;

2) постановления, определения Судебных коллегий и Президиума Верховного Суда РФ: суть нормативные прецеденты – источники права¹.

Указанные суждения российской уголовно-процессуальной доктрины всецело разделяются наиболее квалифицированной частью судейского сообщества России. Так, при оценке юридической сути актов Пленума Верховного Суда РФ 84,7% судей, отправляющих в правосудие в судах кассационной или надзорной инстанции, констатировали, что «нормативные» правовые позиции пленума не только являются необходимым источником российского уголовно-процессуального права, но и на вполне законной основе должны быть приведены в качестве обоснования итоговых актов суда. При оценке юридической сути прецедентов высшей судебной инстанции (Верховного Суда РФ) 74,2% этих же респондентов указали на то, что судебные прецеденты высшей судебной инстанции государства являются эталонами применения права и всегда учитываются ими при отправлении правосудия по аналогичным делам².

ловно-процессуального права Российской Федерации // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел: Межвуз. сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. В 2 ч. М.: Московский университет МВД России, 2002. Ч. 2. С. 21-25; Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51-57; Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 72.

¹ Даровских С.М. Указ. соч. С. 137.

² Данные приводятся по результатам обработки анкет, послуживших инструментарием для опроса судей, отправляющих правосудие в судах кассационной и надзорной инстанции (анкета, приложение № 2 к диссертации).

В целом разделяя суть этих подходов, одновременно подчеркнем ценность методологических посылов к разграничению понятий, аргументов и итоговых выводов применительно к разноплановым явлениям права, потенциально оцениваемых в качестве форм его выражения: постановлениям Пленума Верховного Суда РФ и судебным прецедентам высших судебных инстанций России. Если последние (в позициях большинства ученых) практически безоговорочно прецеденты, и соответственно, источники российского уголовно-процессуального права, то первые – не прецеденты, не акт отправления правосудия. Отсюда и перманентные сомнения российской уголовно-процессуальной доктрины в их восприятии как полноценных форм выражения исследуемой отрасли права.

Между тем, как представляется, в принципе нет непреодолимой границы в юридической природе постановления пленума, носящего нормативный характер¹, и собственно «нормативного» судебного прецедента, формируемого на основе и по итогам отправления правосудия по конкретному делу. Безусловно, можно признать, что формирование актов толкования пленума происходит не в рамках отправления правосудия, различна и процессуальная форма объективации указанных актов. Вместе с тем, при оценке юридической природы правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ и категорическом неприятии их как источников права, на наш взгляд, несколько упускаются из виду текущий процесс и, главное, фактическая основа формирования этих позиций.

Речь идёт о процессе обобщения правоприменительной деятельности нижестоящих судов. Процессе, в ходе которого выявляются и анализируются именно системные ошибки, связанные с неоднозначным восприятием и применением неопределённых правовых предписаний различными субъектами правовых отношений. Не служит предметом конструктивной оценки и фак-

---

¹ Как известно, правовая система ряда стран Центральной и Восточной Европы строго различает акты национального Верховного суда «нормативного» и «толковательного» характера, что, на наш взгляд, вполне может быть воспринято и правовой системой Российской Федерации.

тическая сторона той повседневной работы, которая заключается в изучении и систематизации данных судебной статистики, сборе необходимых судебных материалов в судах различных инстанций, в том числе с участием наиболее квалифицированных судей Верховного Суда РФ. Известно и то, что в ходе подготовки проекта постановления пленума запрашиваются, изучаются, обобщаются справки и результаты региональных обзоров судебной практики верховных судов республик, краевых, областных и соответствующих им судов. Еще в процессе формирования правовых позиций пленума акцентируется внимание на системных, наиболее часто и коллизионно выражающих себя проблемах имеющегося нормативного регулирования, на коллизиях и вопросах судебной практики, которые требуют оперативного своего разрешения, аутентичного нормативного разъяснения.

Исключительно на данной, более чем репрезентативной основе, состоящей из массива итоговых актов суда (судебных прецедентов), обобщенных статистических данных, систематизированных проблем и вопросов практикующих судей, собранные материалы, с привлечением специалистов соответствующих ведомств и ведущих представителей правовой российской доктрины, обобщаются и предлагаются к обсуждению пленумом. При этом проект решения пленума в обязательном порядке рассылается в нижестоящие суды, ведущие научные центры и вузы страны, наиболее известным ученым-правоведам, специализирующимся по обсуждаемым проблемам. Отзывы на проект и конкретные предложения, в том числе нормативно-правового характера, в свою очередь, предварительно обсуждаются в Судебных коллегиях Верховного Суда РФ и на расширенном заседании Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ. Только по итогам данной комплексной и системной работы проект окончательно обсуждается на Пленуме с обязательным заслушиванием позиций представителей Министерства юстиции РФ, Генеральной прокуратуры РФ, членов редакционной комиссии, и, наконец,

принимается индивидуальным голосованием по каждому пункту формируемых разъяснений¹.

Казалось бы, итоговый вывод из сказанного должен быть однозначен. Постановления пленума формируются на основе максимально репрезентативной и достоверно верифицируемой фактической базы: максимального массива судебных precedентов различных регионов России; обобщающих и телеологически систематизированных статистических данных по коллизионной проблеме; систематизированных констатаций российской доктрины относительно сущего и должного в обсуждаемом правовом регулировании; итоговых позиций-рекомендаций высших структурных звеньев судебной системы России, сформированных как на основе precedentной практики каждого органа, так итогового обсуждения проекта решения. В данной связи именно нормативные предписания пленума должны восприниматься и применяться практикой в качестве эталонных, максимально теоретически и эмпирически обоснованных, действующих на практике прямо и непосредственно – до восполнения возникших лакун и коллизий непосредственно волей закона.

Однако, доктрина не столь однозначна в этих моментах. Можно привести, к примеру, позиции Г.В. Дроздова, который пишет о том, что решения высших судебных органов по конкретным делам (судебные precedенты – *М.С.*) обладают несомненными преимуществами перед руководящими разъяснениями пленума. Если первые содержат мотивировки соответствующих выводов, то вторые – лишь предписания общего характера. Отсюда посредством судебного precedента правовая коллизия решается не в абстрактном виде, а в очертаниях, определенных конкретными обстоятельствами дела. Напротив, очевидное преувеличение роли руководящих разъяснений пленума снижает роль судебных решений по отдельным делам как образцов при-

---

¹ См. подробнее: Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3. С. 23; Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2011. С. 423.

менения права. Все это характерно, пишет указанный автор, для административно-командной системы, отрицавшей за деятельностью суда значение отдельной ветви государственной власти¹.

Видится допустимым оставить без комментария политико-идеологическую составляющую последних суждений указанного автора и его безапелляционную уверенность в том, что субъективные мотивировки конкретных судебных решений (как будет показано далее – нередко не согласующиеся даже по тождественному предмету судебного спора²) обладают несомненными преимуществами перед «коллективным разумом» и достоверной верифицируемостью итоговых постановлений пленума. Целесообразно обратиться к позициям иных исследователей.

Можно привести, к примеру, доводы С.М. Даровских, которая прежде всего обращает внимание на то, что о сути судебного прецедента, а равно его мотивировке, как правило, будет известно лишь заинтересованным лицам по делу. Напротив, обзоры, обобщения, нормативные разъяснения высших судебных органов адресованы максимально широкому кругу заинтересованных лиц. Нередко они официально опубликованы. В силу этого их влияние на формирование судебной практики и правосознание судей, несомненно, более значимо. Регулярно высшими судебными инстанциями России на областные (краевые...) суды возлагается обязанность проведения мониторинга по наиболее коллизионным проблемам текущей судебной практики. Эта деятельность позволяет выявлять системные ошибки, допускаемые судьями при отправлении правосудия, оперативно формировать нормативные, по сути, рекомендации Верховного Суда РФ по применению норм закона, что в целом способствует выработке у судей оптимальных навыков рассмотрения той или иной категории дел³.

---

¹ Дроздов Г.В. Правовая природа разъяснений закона высшими судебными органами // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 74.

² Более подробно и комплексно эти моменты рассмотрены в следующем параграфе данной главы.

³ Даровских С.М. Указ. соч. С. 303, 306.

Стоит добавить за данного автора – не только оптимальных, но и единообразных в целом для судебной системы России, для всех ее звеньев, обеспечивающих искомую определенность правовых отношений, правовых состояний, итоговых актов отправления правосудия. Отсюда, как представляется, уже нет особых правовых и фактических оснований для безоговорочных констатаций о несомненном «преимуществе» конкретного судебного прецедента перед нормативными толковательными разъяснениями пленума. Напротив, каждая из указанных форм реализации судебной власти (подробнее о функциях судебной власти см., напр.: Видергольд А.И. Правовые позиции Верховного Суда РФ и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук), изначально занимая свою нишу в текущем правовом регулировании, должна не противопоставляться друг другу, не умалять или нивелировать значение иной формы, а диалектически дополнять и усиливать общее регулятивное воздействие, являясь взаимообусловленными и телеологически согласованными элементами статики и динамики российского права. Тем более что, объективируясь как содержательный элемент принципа правовой определенности, единообразное применение закона (единство судебной практики) имеет исключительно важное теоретическое, нормативно-правовое и социально-политическое значение. В данной связи, постановления пленума максимально близки к нормативным правовым актам, обладая сущностными признаками последних. Они носят общий характер; обязательны для неопределенного круга лиц; рассчитаны на неоднократное применение; действуют независимо от того, возникло или нет конкретное правоотношение¹.

Без обеспечения единообразия в применении закона не может идти речь о реализации принципа равенства субъектов правовых отношений перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Между тем, этот принцип составляет одну из характерных черт не только нормативной, но и социальной

---

¹ См.: Головкин Р.Б., Мамчун В.В., Ростова А.Г., Якушев П.А. Ненормативные правовые акты и специфика их реализации: учеб. пособие. Владимир: ВГПУ, 2008. С. 86-93.

справедливости правового государства и гражданского общества¹. Единообразное применение закона при отправлении правосудия является также неизменным условием реализации фундаментального принципа законности, так как неоднозначное и личностно-ориентированное истолкование и применение закона в следственно-судебной практике приводят к нивелированию нормативно-правовой воли, сформулированной *ex officio*. Ни закон, ни судебная практика в указанной ситуации не состоят в обеспечении достижения той цели, которую ставил законодатель, реализующий комплексное нормативное регулирование. Отсутствие единства судебной практики во многом нивелирует и назначение правосудия, исключает полноценную реализацию конституционных и отраслевых принципов права.

Наконец, только в условиях единообразного применения закона возможна эффективная реализация правовой, в т. ч. уголовной и уголовно-процессуальной, политики в целом на территории государства. Итоговые акты правосудия, как индивидуальные правоприменительные акты, выступают в качестве формообразующего средства правовой политики, в качестве инструмента, используемого для достижения стратегических целей и задач, реализуемого нормативного регулирования². Как следствие, обеспечение единообразного применения закона при отправлении правосудия приобретает значение определяющего фактора в целом эффективного государственного управления.

Резюмируя в этой связи подходы к определению функций, предмета и пределов деятельности Пленума Верховного Суда РФ, юридической природы формируемых им актов, следует солидаризироваться с теми учеными, которые, подчеркивая публично-правовой характер судебной власти, одновре-

---

¹ См.: Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. С. 9-10; Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М., 2005. С. 152; Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. С. 188 (автор гл. 7 – О.И. Цыбулевская); Якушев П.А. Указ. соч. С. 52; и др.

² Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М., 2012. С. 107-108, 131.

менно констатируют вывод о том, что она может реализоваться не только в форме правоприменительной деятельности, но и в форме деятельности правоистолковательной и нормоконтрольной. В данной связи акты высших органов судебной власти России должны выступать не исключительно в качестве источника индивидуального правоприменительного права, буквально воспроизводящего предписания норм статутного права, рассчитанного на конкретное лицо (лиц), но и представлять собой источник общего права, адресованного неопределенному кругу лиц¹.

Времена, когда у нас господствовало понимание судебных решений исключительно как актов правоприменения, итожит Б.А. Страшун², ушли в прошлое. Сегодня большинство ученых практически не сомневаются в том, что судебные решения могут носить и нередко, носят нормативный характер и, следовательно, представляют собой **полноценный источник** российского права. Кроме того, не только в теории права, но и в динамике правовых отношений источник права является таковым еще постольку, поскольку его признает юридическое сообщество. Точнее – правоприменители, действующие публично, в первую очередь, судьи.

Есть нормативные акты, ставшие мертвой буквой только потому, что их никто не применяет³. И в этом контексте, как решающий довод, остается продублировать ответ 87% практикующих судей и адвокатов, считающих для себя безоговорочным и достоверным императивом позицию Верховного Суда РФ, приведенную в постановлении пленума или в официальных обзорах практики применения закона⁴.

Тем более что судьи вполне понимают легитимную основу формирования этих позиций. По смыслу ст. 126 Конституции РФ, ч. 5 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», п. 1 ч. 7

---

¹ Марченко М.Н. Судебная власть: основные признаки и особенности // Российское правосудие. 2007. № 5. С. 9.

² Страшун Б. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права. М.: Норма, 2000. С. 154-167.

³ Страшун Б. Указ. соч. С. 154-167.

⁴ Даровских С.М. Указ. соч. С. 287.

ст. 2 ФКЗ от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» именно Верховный Суд РФ дает руководящие разъяснения по вопросам единообразного формирования судебной практики¹. Частью 1 ст. 9 ФКЗ от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» установлено, что Верховный Суд РФ изучает, обобщает судебную практику и в целях обеспечения ее единства дает судам общей юрисдикции разъяснения **по вопросам применения законодательства Российской Федерации**².

С учетом изложенного можно констатировать. В наличии необходимый и в целом достаточный теоретический и нормативный базис для обсуждения юридической природы и роли в текущем правовом регулировании как «разъяснительных» («нормативных») постановлений пленума, так и собственно прецедентов высших судебных инстанций России – *de lege ferenda* или *de lege lata* форм выражения российского уголовно-процессуального права.

В настоящее время, определяя правовую природу постановлений Президиума Верховного Суда РФ или определений судебных коллегий Верховного Суда РФ, объективированных как итоговые акты отправления правосудия, большинство из ученых однозначны в итоговых своих констатациях: это судебные прецеденты. При этом данные акты явления правовых предписаний могут и должны быть восприняты в качестве легитимных форм выражения российского уголовно-процессуального права³. Основой указанных суждений, как правило, является система аргументации, суть которой в том, что:

- эти акты создают высшие органы судебной власти России;

---

¹ Термин «руководящая практика» используется конвенционально, исходя из позиций и характеристик Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. См.: Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. С. 187-189.

² Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

³ См., напр.: Даровских С.М. Указ. соч. С. 45-46; Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 32-42; Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1995. С. 185-187.

- их создание опосредовано максимальным соблюдением определенной правовой процедуры; в рассматриваемом случае – правосудия, как высшей и конституционной формы деятельности суда;

- они имеют свойство императивности для всех звеньев судебной системы и конвенционально для иных правоприменителей;

- исполнение данных актов косвенно обеспечено системой процессуального принуждения;

- они подлежат опубликованию в специальных, официальных изданиях.

Суть указанных актов являет себя в виде властного нормативного предписания, объективированного как эталон применения права и призванного к законному и обоснованному разрешению спора сторон не только для данного конкретного дела, но и в целом для аналогичных правовых ситуаций, подлежащих возможному судебному рассмотрению. Таким образом, исследуемые акты являют все характерные черты судебного прецедента. Суть этого прецедента, пишет В.Н. Хропанюк, заключается в том, что ранее состоявшееся решение государственного органа, судебного или административного, по конкретному делу **имеет силу правовой нормы**, обязательной к применению и при последующем разрешении аналогичных дел¹.

С итоговым суждением этого автора трудно не согласиться; с исходным тезисом – нельзя согласиться в принципе. Речь, как представляется, не о сути судебного прецедента (последняя однозначно в предписании/норме), а в нормативном предназначении исследуемого правового явления. И указанное изначально видится в том, чтобы посредством официального судебного толкования (пленум) или эталонного прецедентного разрешения спора (собственно прецеденты – акты правосудия) снять, или минимизировать имеющуюся неопределенность действующих правовых предписаний; быть оптимальным средством эффективного разрешения дела по существу, средством эффективной судебной защиты.

---

¹ Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1995. С. 185.

С подобным назначением судебного прецедента в правовом регулировании не спорит и Л.С. Явич, указывая на то, что именно, при наличии явных пробелов в текущем законодательном регулировании общественных отношений, «длительное и масштабное, единообразное их восполнение судом уже в чистом виде формирует новую юридическую норму»¹.

В качестве определяющих должны быть восприняты также позиции М.В. Баглая, который еще в 1989 г., являясь председателем высшего органа конституционного правосудия, выступал за то, чтобы над государственными органами власти (парламентом и правительством) стояли не только законы, которые они сами принимают и исполняют, но и право, создаваемое непосредственно судами. Причем право, которое в определенной части ни отменить, ни изменить нельзя, так как «эта определенная часть, – акцентирует этот ученый, – как раз и включает основные гарантии охраны прав человека, гарантии, мешающие сползанию общества к режиму личной власти». В данной связи именно в этом «должна состоять важнейшая роль суда в правовом государстве, и вот почему... следует прямо приравнять судебную доктрину к источникам права»².

Разделяя контексты и суть указанных констатаций, вместе с тем, следует оговориться и в том, что при оценке и характеристике столь своеобразных форм явления права нельзя не принять во внимание уточняющие акценты российской уголовно-процессуальной доктрины, согласно которым:

- при структурном функционировании Верховного Суда РФ в составе пленума, президиума, судебных коллегий его акты (прецеденты) не могут обладать равной юридической силой, в том числе для целей оптимального нормативного регулирования;

- кроме того, те же судебные коллегии Верховного Суда РФ могут одновременно являться судом апелляционной или кассационной инстанции, что вновь являет потребность в уточнении юридической силы, объективиро-

---

¹ Явич Л.С. Сущность права. Л, 1985. С. 140.

² Баглай М.В. Правовое государство: от идеи к практике // Коммунист. 1989. № 6. С. 43.

ванных в этом структурном звене итоговых актов, констатируемых как прецеденты-источники права.

О необходимости точности в этом вопросе свидетельствуют позиции профессора А.П. Фокова. Согласно последним именно Верховный Суд РФ обязан обеспечить на территории Российской Федерации единство судебной практики и в целях равной защиты прав и свобод, и для реализации принципов законности и правопорядка. Исключительно этот подход, резюмирует данный ученый, единственно в состоянии обеспечить соблюдение принципа правовой определенности, в том числе посредством пересмотра итоговых актов суда¹.

При безусловной справедливости и практической значимости указанных констатаций, как видно, без ответа оставлены исходные вопросы: какие именно структурные звенья Верховного Суда РФ призваны к обеспечению единства судебной практики, единства судебного прецедента; какими конкретно средствами указанное должно быть обеспечено, в каких допустимых пределах? Между тем, ответы на эти вопросы имеют не только теоретический смысл, но и явное прикладное значение. Показательными в этом контексте являются позиции С.М. Даровских. С одной стороны, эта исследователь настаивает на том, что источником судебного прецедента, как формы выражения права, могут выступать исключительно высшие судебные инстанции России². С другой стороны, непосредственно по тексту работы она же неоднократно обращается к судебным прецедентам судов субъектов Российской Федерации, и даже судов районного/городского звена³ – источникам уголовно-процессуального права. Кроме того, исследуя категорию «правовая позиция», автор объективирует в качестве самостоятельных форм вы-

---

¹ Фоков А.П. Указ. соч. С. 18.

² Даровских С.М. Указ. соч. С. 14, 39 и др.

³ Даровских С.М. Указ. соч. С. 299-309.

ражения права указания высших судебных инстанций к судам нижестоящим¹ и особые мнения судей².

С доводом о том, что посредством указаний суда вышестоящей инстанции к суду нижестоящему могут быть сформированы императивы, обязательные к исполнению нижестоящим судом, стоит согласиться безоговорочно. Вместе с тем, столь же категорически стоит возразить, что эти правовые позиции есть самостоятельная форма выражения права: судебный прецедент или акт официального толкования права.

Следует согласиться и с профессора Н.Н. Ковтуном³, который категорически не признает за судами районного, городского звена должного субъекта формирования публичного прецедента. Можно высказать аналогичные сомнения в том, что верховные суды республик (областные, краевые суды) действительно в состоянии обеспечить единую судебную практику по той или иной категории дел в целом для судебной системы России. И прежде всего в силу того, что суды этого уровня судебной системы России обладают равной процессуальной компетенцией, не находятся в отношении власти-подчинения друг к другу и, следовательно, не вправе предлагать свои прецедентные акты в качестве образцов применения права. При иных констатациях столь же компетентные суды иного субъекта Российской Федерации, безусловно, вправе апеллировать и к ст. 120 Конституции РФ, гарантирующей самостоятельность и независимость власти судебной, и к собственной наработанной компетентности в отправлении правосудия, в том числе отраженной в региональных обзорах, обобщениях, справках. Для сведения стоит напомнить и то, что уголовное судопроизводство (в силу прямых конституционных велений – п. «о» ст. 71 Конституции РФ) отнесено к ведению исключительно федерального законодателя, в силу чего, «законодательные»

---

¹ Даровских С.М. Указ. соч. С. 138.

² Даровских С.М. Указ. соч. С. 160-174.

³ Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 32-42.

новации на уровне субъекта Российской Федерации не оправданы изначально.

Другое дело практика Верховного Суда РФ, проявляющая себя как квинтэссенция анализа, обобщения, официальных констатаций судебных precedентов большинства регионов страны, как эталонный образец применения материального или процессуального закона применительно к той или иной ситуации неопределенности права. Причем образец, освященный высоким авторитетом и компетентностью Верховного Суда государства, прямо призванный к нивелированию различий региональных подходов в применении неоднозначных правовых предписаний, к формированию искомого состояния определенности права и правовых состояний для всех субъектов регулируемых правовых отношений.

В данной связи исходным и определяющим, как для научной доктрины, так и для правосознания субъектов правовых отношений должен стать императивный посыл, суть которого в том, что источником единого судебного прецедента является исключительно Верховный Суд РФ, официально публикующий как образцы применения права по итогам собственной практики отправления правосудия, так и признающий (в официальных обзорах и обобщениях практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ) эталонное значение наиболее правосудных актов судов регионального уровня. И если правильно расставить акценты в иерархии средств обеспечения определенности динамики российского права следует закрепить тезис о том, что механизм «судебного» нормативного регулирования изначально включает (должен включать) в себя:

- формирование Пленумом Верховного Суда РФ нормативных правовых разъяснений не только по вопросам единства судебной практики (динамика права), но и по противоречиям, лакунам, неясностям собственно нормативных источников той или иной отрасли права (статика права), имея конечной целью обеспечение ясности, недвусмысленности, согласованности (действующих или реально востребованных практикой) правовых предписаний;

- эффективную систему формирования образцов практического применения права; информирования нижестоящих судов и иных субъектов правовых отношений о складывающейся судебной практике, в том числе путем формирования и утверждения официальных обзоров эталонных прецедентных решений высших судебных инстанций и оперативной их публикации в официальных источниках. При этом формирование единства судебного прецедента должно быть отнесено к полномочиям Президиума Верховного Суда РФ, особенно в тех правовых ситуациях, когда практика судебных коллегий Верховного Суда РФ объективно являет примеры прецедентов равной юридической силы, но с принципиально не согласующимися правовыми позициями по сути разрешенного спора¹;

- систему эффективной проверки судебных решений вышестоящими судебными инстанциями (особенно, судами кассационной инстанции и Президиумом Верховного Суда РФ) в том числе в целях формирования единой судебной практики, единства судебного прецедента.

Можно оставить за рамками рассмотрения вопросы об оптимальности и роли в обеспечении определенности российского уголовно-процессуального права системы проверки судебных решений вышестоящими судебными инстанциями России (кассация и надзорное производство); это предмет отдельного анализа, в том числе в контексте задач заявленного исследования². Что же касается первых двух элементов, то отстаиваемые позиции («субсидиарного» судебного регулирования) обязывают определиться в вопросе о том, насколько эти средства соотносятся с широко обсуждаемой в последнее время, проблемой «судейского активизма». Тем более что последний одновременно трактуется и как наконец-то обретенная панацея к эффективному национальному нормативному регулированию, и как очевидное «зло», разрушающее основы правопорядка и нормативности в государстве и обществе.

---

¹ Как примеры подобных коллизий (норм-прецедентов), так и их необходимый анализ более полно и всесторонне представлены в следующем параграфе (5.2) настоящей главы.

² Эти вопросы более полно и всесторонне рассмотрены нами в главе VI настоящей работы.

Следует напомнить, что понятие «судейский активизм», первоначально сформулированное и обсуждаемое исключительно в Соединенных Штатах Америки¹, достаточно скоро укоренилось и стало предметом дискуссий в странах Западной и Центральной Европы. Рассматриваемое, как правило, в контексте проблемы судейского усмотрения, указанное понятие со временем оказалось в состоянии неопределенности, по сути которой было объявлено, что с содержательной стороны этот термин изначально является пустым², «сотканным» из элементов содержания иных, более определенных и устоявшихся терминов. Однако по мере накопления опыта и при более комплексном и скрупулезном анализе постепенно начинает утверждаться суждение, согласно которому «судейский активизм» есть наиболее крайняя, радикальная форма судебного усмотрения, которая объективируется в ситуациях, когда судьи стремятся расширить или изменить существующий закон³.

Именно в этом контексте бывший секретарь-канцлер Европейского Суда по правам человека Пол Махони сформулировал наиболее известное и достаточно часто цитируемое определение «судейского активизма», как явления, которое возникает только тогда, когда судьи изменяют закон, подменяя, таким образом, своими решениями решения выборных органов власти⁴.

В итоге, по мере развития и утверждения концепции судейского активизма были сформированы тезисы, по сути которых судьи должны принимать самое активное участие в толковании законов, а суть данной идеи все более увязывается с феноменом реализации судебного правотворчества⁵.

---

¹ Schlesinger A.M., Jr. The Supreme Court: 1947 // Fortune. 1947. January. P. 202, 208.

² См., напр.: Barnett R.E. Is the Rehnquist Court an "Activist" Court? The Commerce Clause Cases // University of Colorado Law Review. Vol. 73. 2002. No. 4. P. 1275, 1275-1276. Ср.: Westen P. The Empty Idea of Equality // Harvard Law Review. Vol. 95. 1982. No.3. P. 537-596.

³ См. подробнее: Аристова К.С. Судейский активизм: благо или зло? // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 128-135.

⁴ Mahoney P. Judicial Activism and Judicial Self-Restraint in the European Court of Human Rights: Two Sides of the Same Coin // Human Rights Law Journal. Vol. 11. No. 1-2. P. 57-88, 58.

⁵ Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 315.

Казалось бы, и в чем здесь проблема? Особенно, для стран системы прецедентного права, где это направление деятельности суда признано официально, практически апробировано и по факту уже не является предметом научных дискуссий. Во многом аналогична ситуация в странах континентальной системы права, где упорно отрицаемая и постоянно критикуемая идея «придания» суду правотворческой функции на практике ежедневно сталкивается с реалиями оптимального отправления правосудия. Когда закон изначально неясен, не полностью раскрывает то или иное нормативное предписание, является двусмысленным или содержит существенные пробелы, пояснять истинные смыслы правовых предписаний, общих фраз, принципов и процедурных правил – ежедневная работа судей¹. Причем работа, что признается критиками идеи «судейского активизма», объективно необходимая для эффективного отправления правосудия. Поэтому, ни одна судебная система не обходится без такого явления, как толкование закона. Последнее – процесс творческий, предполагающий определенную активность управомоченного субъекта применения права.

Основной проблемой признания идеи позитивного «судейского активизма» стало определение ясных и точных критериев к уяснению того, до какой степени судья вправе изменить существующий закон (посредством субъективно формируемой практики/закономерности его применения). Эта проблема объективировалась через страх перед тем, что судья в основу решения положит не волю закона, а свое собственное суждение о сути указанной воли, и при этом оно выйдет за дозволенные рамки, при которых будет отрицаться само значение закона как регулятора общественных отношений².

Одни из ученых однозначны в констатациях, согласно которым, используя право на усмотрение и злоупотребляя им (в форме «судейского активизма»), судьи наносят существенный вред не только отдельной личности,

---

¹ Kirby M.D. *Judicial Activism: Authority, Principle and Policy in the Judicial Method*. London: Sweet & Maxwell, 2004. P. 10.

² Sowell T. *Judicial Activism Reconsidered*. Stanford, CA: Hoover Institution, Stanford University, 1989 (<http://www.amatecon.com/etext/jar/jar.html>).

обществу, государству¹, но и международному правовому порядку². Другие, напротив, предпринимают попытки определить границы судейского активизма, легализуя, тем самым, его применение.

К примеру, Пол Махони сформулировал два положения, которые судьи, толкуя закон, должны исполнять в качестве непререкаемых заповедей. Во-первых, они должны быть предельно осторожны в толковании законов, издаваемых законодательными органами власти, «чья основная обязанность состоит в том, чтобы вовремя юридически закреплять все изменения законов». Во-вторых, они «должны воздерживаться от формулирования таких положений, которых еще нет в существующем праве»³.

Второй постулат, как можно видеть, – отражение публичной законности, в принципе исключаящее как формирование судом новых и практически востребованных правовых предписаний, так и нивелирующее саму идею судейского активизма, призванного к обеспечению эффективности отправления правосудия. В силу чего указанный «активизм» теряет самостоятельное свое содержание и поглощается понятием легального судебного усмотрения, призванного к легализации судейского выбора лишь из имеющихся альтернативных предписаний закона. Первое предписание П. Махони нами, напротив, всецело стоит поддержать, при условии, конечно, что оно основано на правовой ценности достаточно известных правил толкования «*The Golden Rule*»⁴ и «*Plain Meaning Rule*»⁵.

Марк Ташнет выделяет три основных подхода к оценке легитимности и обоснованности реализации идеи судейского активизма⁶. Согласно первому

¹ См., напр.: Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002. С. 30.

² Аристова К.С. Указ. соч. С. 128-135.

³ Mahoney P. Op. cit.

⁴ *The Golden Rule* – суд обязан применять закон так, чтобы избежать возможности абсурдного решения

⁵ *Plain Meaning Rule* – суды не должны изменять суть действующего закона под видом его интерпретации.

⁶ Tushnet M. *The United States of America // Judicial Activism in Common Law Supreme Courts* / Ed. by B. Dickson. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 416-417.

подходу, степень судейского активизма измеряется количеством статутов, признанных Верховным судом Соединенных Штатов Америки неконституционными. Этот критерий может быть признан операциональным лишь применительно к оценке деятельности высшего органа конституционного правосудия России, закрепившего исключительно за собой право судить о критериях конституционности тех или иных нормативно-правовых предписаний и актов. Причем применение указанного критерия должно быть изначально обусловлено системой иных «показателей», позволяющих верно понять не только и даже не столько количественную сторону указанных «отмен», сколько качественные, нормативно и социально оправданные их составляющие.

Второй подход, фокусируется на готовности судей отменять предыдущие решения и, таким образом, отходить от принципа *stare decisis* (решить так, как было решено ранее). Этот критерий, напротив, видится операциональным как к оценке деятельности высшего органа конституционного правосудия России¹, так и в плане оценки «правотворческой» функции Верховного Суда РФ. Кроме того, он же, как представляется, по самой своей сути связан с содержанием идеи правовой определенности, позволяя судить, во-первых, об обоснованности отмененных и «отменяющих» правотворческих актов органов судебной власти; во-вторых, о действительных причинах и обстоятельствах отказа от ранее сформулированных позиций и, соответственно, изначальной их определенности.

В соответствии с третьим подходом, принципиальной оценке подлежит степень «ухода» актов судейского «правотворчества» от первоначального смысла закона. Представляется, что и этот критерий неразрывно связан, как с категорией определенности права, так и с правомерностью притязаний суда

---

¹ При условии, конечно, что Конституционный Суд РФ, наконец, «решится» или законодатель выработает механизмы отмены или утраты юридической силы тех актов конституционного правосудия, которые более не соответствуют современному уровню регулирования общественных отношений, или вступили в противоречие с сутью вновь принятых актов данного органа.

на изменение, дополнение или корреляцию воли закона в соответствии с реальной потребностью в этом. Если нормативное разъяснение пленума или аналогичное содержание судебного прецедента, объективируемые как эталон применения права, полностью согласованы с общим духом и сутью законодательной воли применительно к регламентации той или иной процедуры или в целом процессуального производства, то вряд ли следует утверждать, что посредством подобного активизма можно иметь дело с правовым регулированием, разрушающим основы правопорядка и нормативности в государстве и обществе. В данной ситуации в наличии нормативно и социально оправданный результат, призванный, прежде всего, к обеспечению определенности права и правовых состояний в контексте конституционного назначения права (ст. 2 Конституции РФ) и органов, его обеспечивающих. И, напротив, при очевидной констатации факта, что посредством судебного активизма и его объективации в официальном акте судебного «правотворчества» (прецедент или нормативное разъяснение пленума) мы имеем дело с явным «уходом» от истинной воли закона, от действительных потребностей оптимальной судебной-следственной практики, от необходимости разрешения коллизии в практической деятельности, налицо именно субъективное расширение судом своих полномочий, негативная сторона судебного активизма, не имеющая легальных оснований своего оправдания.

Аналогичные подходы обосновываются российской доктриной. М.Н. Марченко, к примеру, ссылаясь на работы западных юристов, указывает, что существуют как минимум, три различных модели восприятия и применения судебного прецедента¹. Первый вариант – это «модель частной аналогии», когда судебное решение выступает только в качестве примера или руководства, при последующем рассмотрении аналогичных дел². О втором

---

¹ Марченко М.Н. Судейское правотворчество и судейское право. М., 2009. С. 477-478.

² Данный подход, отметим, весьма широко используется Конституционным Судом РФ, к примеру, посредством ссылок во вновь принимаемых актах на ранее вынесенные решения по тому же предмету. И, напротив, в ходе изучения практически не выявлено прямых ссылок на ранее вынесенные судебные акты в итоговых судебных решениях системы су-

варианте, можно говорить, когда итоговые судебные решения, воспринимаемые как прецеденты, содержат определенные правила (*ratio decidendi*), которые нижестоящие суды должны применять при рассмотрении аналогичных дел¹. В-третьих, это «модель, содержащая в себе используемые в качестве примера принципы». Смысл данного прецедента в том, что судебные решения-прецеденты воспринимаются в виде актов, которые опираются на правовые принципы, создают или поддерживают их и могут быть, поэтому, использованы при рассмотрении аналогичных дел в будущем, а также для развития и совершенствования правовой системы².

Целесообразно проанализировать в аспекте указанных выше подходов практическую сторону «судейского правотворчества» с тем, чтобы понять, насколько его предмет и его результаты действительно в состоянии быть эффективным средством, как оперативного «снятия» лакун и коллизий текущего нормативного регулирования, так и обеспечения правовой определенности национального уголовно-процессуального права.

дов общей юрисдикции. Причины указанного, как в отсутствии легального признания юридической значимости (силы) судебного прецедента, так и в отсутствии ясности в органе, формирующем единый и общеобязательный прецедент-норму.

¹ Указанный уровень восприятия также практически не объективирует себя в обосновании итоговых судебных решений, «латентно» закрепляясь лишь в правосознании судей и косвенно объективируясь через (постепенно) формируемые закономерности судебной практики, причем, официально одобряемой или рекомендуемой, как образец, высшими судебными инстанциями системы.

² И здесь приходится иметь дело лишь с установками на уровне правосознания судей, ибо российской юридической практикой не «одобряется» и в целом не наработан опыт отправления правосудия и вынесения итоговых актов на основе общих «принципов» права и деятельности, нередко легально не объективированных.

§ 5.2. Правовая определенность актов высших судебных инстанций России как необходимое условие оптимальности нормативного регулирования и единства правоприменительной практики

Как представляется, даже самый беглый анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ дает основание к констатации вывода о том, что в содержательной части, принимаемых данным органом актов, весомерно содержатся не только обобщения и разъяснения судебно-следственной практики, но и непосредственно нормативные предписания (нормы), не имеющие аналогов в действующем уголовно-процессуальном законе¹.

При этом большинство представителей российской доктрины не только не видят достаточных оснований для критики этих подходов, но и прямо указывают, что посредством указанной деятельности во многом «снимается» проблема пробельности или несогласованности текущего нормативного регулирования, оперативно и эффективно разрешаются коллизии практической правоприменительной деятельности, обеспечиваются интересы и права участников уголовного судопроизводства России².

Тем самым, прямо или косвенно признаются правотворческая функция данного органа и нормативное значение отдельных его предписаний. Отметим и то, что указанное настолько давно и явно объективировано для российской доктрины и практики, что было бы напрасным занятием, как «простое» перечисление указанных «норм-разъяснений», так и приведение в виде «примеров» отдельных из них с надуманным и крайне лапидарным анализом.

---

¹ Сидоренко М.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2016. № 5. С. 88-93.

² См., напр.: Тимошин Н.В. Комментарий к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ о реабилитации в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2012. № 1. С. 42-51; Зимина Е.А. Новеллы постановления Пленума ВС РФ о процессуальных издержках // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 46-51; Михеенкова М.А. Вопросы реабилитации в разъяснениях высших судов России и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 22-27.

Ни первое, ни второе не прибавят ни достоверности, ни весомости, как отстаиваемым в данной работе позициям, так и пониманию сути и содержания правовой определенности российского уголовно-процессуального права, обеспечиваемой, в том числе посредством указанных актов. И, напротив, объективно порождают вопросы в доктрине и негативные коллизии в практике те «разъяснения-нормы» пленума, которые в принципе не согласуются не только с буквой и духом закона, но и с реальными потребностями судебной практики или интересами частных заинтересованных лиц – участников процесса. Именно подобные акты, разрушая представление о должной правовой процедуре или о сути предоставленных прав и обязанностей, становятся дополнительным фактором, формирующим состояние неопределенности российского уголовно-процессуального права, отрицания ценности судейского правотворчества, его потенциальной созидательной роли.

О том, что пленум не всегда однозначен в сути своих предписаний, не раз указывалось в российской уголовно-процессуальной доктрине. Н.Н. Ковтун и Т.В. Трубникова¹, к примеру, указывали на двойственность позиций пленума в вопросе реального предмета проверки и оценки суда при реализации оперативного судебного контроля за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения (ст. 108 УПК РФ). Особо подчеркивалось, что пленум одновременно и запрещал суду входить в оценку доказанности причастности обвиняемого, подозреваемого к инкриминируемому деянию², и прямо указывал, что итоги подобной оценки – единствен-

---

¹ Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. Томск, 2011. С. 25; Ковтун Н.Н. Предмет судебного следствия в судебном контрольных производствах // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 14-19.

² См.: пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

ное основание законного и обоснованного применения указанной меры процессуального принуждения¹.

Несмотря на то, что эта неопределенность реального предмета проверки была, наконец, нивелирована в постановлении Пленума от 29 октября 2009 г. № 22², анализ текущей практики оперативного судебного контроля однозначно свидетельствует, что судьи все также почитают за благо не входить в обсуждение указанных фактов, исходя из годами апробированных и официально «одобренных» установок.

В том же неоднозначном контексте сформированы позиции пленума относительно понимания сути конституционного принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ), одним из следствий которого является констатация следующего факта: признать обвиняемого виновным в совершении преступления, а деяние, им совершенное, – преступлением, можно только обвинительным приговором, вступившим в законную силу. Незыблемость данной константы столь весомо и ясно закреплена в законе, российской доктрине и правосознании юридического сообщества, что, казалось бы, в принципе нет оснований для повторов в обсуждении ее. Тем не менее, пленум оказался не столь однозначен в этом вопросе.

В постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 пленум, в частности резюмирует, лицо, в отношении которого решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности, считается совершившим преступление впервые, если предыдущий приговор в отношении него на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу (подп. «б» п. 2)³. Как представляется, все верно и легитимно. В реальности отсутствует приговор, вступивший

---

¹ Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права».

² Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

в законную силу, юридически нет ни деяния, признанного преступлением, ни виновности лица, его совершившего.

Принципиально иная позиция сформирована в постановлении Пленума от 27 июня 2013 г. № 21. Здесь пленум, с одной стороны, правильно утверждает, что принцип презумпции невиновности, предусмотренный положениями ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ, п. 2 ст. 6 Конвенции, является одним из аспектов справедливого судебного разбирательства по уголовному делу. С другой, формирует предписание, по смыслу которого в судебном акте не должны использоваться формулировки, из содержания которых следовало бы, что то или иное лицо совершило преступление, тогда как в отношении указанного лица отсутствует вступивший в законную силу обвинительный приговор **или постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию**¹.

В этом случае, Пленум, напротив, рекомендует судам принять во внимание (при постановлении приговора) наличествующее постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, что уже нивелирует и суть презумпции невиновности, и правовые следствия, из нее вытекающие. Какое из этих взаимоисключающих предписаний должно «отложиться» в правосознании судей, как истинная воля закона, конвенционально можно оставить без обсуждения, так как (судя по практике), есть основания утверждать, что для каждой из разрешаемых в суде ситуаций сформировано «свое» понимание презумпции². В последнем случае явно можно говорить о негативной стороне судейского активизма, дополнительно формирующего состояние неопределенности права вопреки достаточно ясной и практически апробированной воле закона.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // СПС «КонсультантПлюс».

² Первое и второе постановления датированы 27 июня 2013 г., что исключает возможные ссылки на «генезис» позиций Верховного Суда РФ в этом вопросе.

Неопределенны позиции пленума и в вопросе о характере действий и решений суда применительно к ситуации, когда в ходе судебного разбирательства, назначенного к слушаниям по правилам гл. 40 УПК РФ, выясняются обстоятельства, препятствующие его рассмотрению в особом порядке; (например, наличие возражений на этот порядок со стороны потерпевшего).

Согласно одним разъяснениям в указанной ситуации суд императивно обязан прекратить производство в особом порядке, и продолжить судебное заседание в общем порядке отправления правосудия (ч. 4 ст. 314 УПК РФ)¹. По сути других, суд в соответствии с ч. 3 ст. 314 и ч. 6 ст. 316 УПК РФ принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения дела в общем порядке². При этом, уточняет пленум, решая вопрос о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения дела в общем порядке, необходимо соблюдать установленное ч. 4 ст. 231 УПК РФ требование об извещении сторон о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за пять суток до его начала³.

Как видно, объективированы два различных подхода к алгоритму действий и решений суда. Один из них - изначально коллизия, и, соответственно, не может быть буквально реализован в практической сфере отправления правосудия; второй – более согласован с общей системой правовых предписаний, регламентирующих деятельность суда первой инстанции. Несмотря на разные «временные параметры» указанных разъяснений, судебная практика, как императив к исполнению, восприняла именно оптимальные предписания пленума от 5 декабря 2006 г., а не правовые позиции, изложенные в более «позднем» по времени постановлении пленума⁴.

---

¹ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству».

² Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел».

³ Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60.

⁴ См., напр.: Апелляционное постановление Челябинского областного суда.

Есть ли в указанном случае коллизионное состояние неопределенности российского уголовно-процессуального права? Представляется, что нет. Надлежащее правосознание и наработанный опыт судей – стали препятствием для объективации негативного правотворчества со стороны пленума.

Однако налицо в предписаниях пленума и явные расхождения с буквальной волей закона. Н.Н. Ковтун, к примеру, справедливо указывает на неоправданные новации пленума применительно к пониманию сути и целей применения залога как меры пресечения в российском уголовном процессе¹.

Так, несмотря на то, что по букве закона (ч. 1 ст. 106 УПК РФ) залог может быть обращен в доход государства лишь за нарушение тех обязательств, которые взяли на себя обвиняемый и/или залогодатель, пленум формирует дополнительные основания «правомерного» изъятия залога, указывая, в том числе, на противодействие обвиняемого процессу расследования². При этом судебная практика, отметим, с большим «пониманием» и с редкой оперативностью отнеслась к подобному разъяснению пленума. Между тем, здесь явный случай негативного судейского активизма, посредством которого истинная воля закона искусственно «корректируется» под интересы ведомственного «удобства» стороны обвинения. В наличии искусственно сформированное состояние неопределенности права, перманентно объективируемое в виде коллизионных правовых отношений.

С позиций буквы закона вызывают вопросы и разъяснения пленума, связанные с более «правильным» пониманием предмета экстраординарной кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ). В отличие от воли закона, где в качестве непосредственного предмета проверки и оценки суда указаны исключительно свойства законности

№10-758/2015. Цит. по: Дайджест судебной практики // Уголовный процесс. 2015. № 10. С. 18.

¹ Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 32-42.

² Пункт 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

указанных актов, Пленум, легализовал проверку фактической стороны приговора и его справедливости¹. Как отмечают большинство из исследователей, в судах кассационной и надзорной инстанций Российской Федерации сформирована устойчивая практика к реализации предмета проверки именно в полном объеме. Естественно, в «благих» целях обеспечения интересов и прав потерпевшего и публичной правосудности итоговых судебных решений². Тем не менее, как доктрина российского уголовно-процессуального права, так и субъективно заинтересованные лица (стороны) суть и следствия подобного «правотворчества» оценивают с принципиально различных позиций.

В состоянии несогласованности нередко объективируются и позиции Пленума и Конституционного Суда РФ по одному и тому же предмету. К примеру: по мнению Пленума Верховного Суда РФ ч. 5 ст. 247 УПК РФ вполне допускает заочное рассмотрение уголовного дела в отношении подсудимого, находящегося в Российской Федерации и уклоняющегося от явки в суд³.

Конституционный Суд РФ отстаивает принципиально иные правовые позиции⁴. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №153-ФЗ, по мнению этого органа, был принят в целях противодействия терроризму и исполнения международно-правовых обязательств России в данной сфере. Соответственно, исключительно в указанных целях закон допустил возможность ограничения прав обвиняемого в совершении тяжких или особо тяжких преступлений на

---

¹ Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

² См.: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 25-45, 119-150; Ковтун Н.Н. Res judicata реформированной российской кассации. С. 125-130; и др. Более подробно и всесторонне этот вопрос (в т. ч. с анализом закономерностей практики) рассмотрен в главе 6.2 Раздела VI настоящей работы.

³ Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. №28.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 10002-О по запросу Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности ч. 4 ст. 247 УПК РФ. Цит. по: Калиновский К.Б. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого: практика должна измениться // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 9.

личное участие в судебном разбирательстве его уголовного дела, если он находится за пределами РФ и не был привлечен к ответственности по данному делу на территории иностранного государства. В данной связи нет правовых оснований для распространения предписаний ч. 5 ст. 247 УПК РФ на иные категории преступлений и дел, в том числе в контексте «удобства» указанной практики для судебных и следственных органов. Насколько практика отправления правосудия воспримет эти позиции – вопрос отдельный, так как пока особых изменений в векторах указанной практики, не наблюдается.

Конституционный Суд РФ, как уже отмечалось, относит явку с повинной к разновидности показаний¹; Верховный Суд РФ – к иным документам.² Отсюда, принципиально различные правовые подходы относительно доказательственного значения фактических данных (сведений о фактах), изложенных в этом акте, в ситуации, когда данные сведения были получены в отсутствие защитника, а лицо, явившееся с повинной, в дальнейшем, отказалось от своих заявлений. По мнению Верховного Суда РФ, поскольку явка с повинной не есть легальная форма фиксации свидетельских показаний, к этому акту не применимы последствия отсутствия защитника у лица, явившегося с повинной (ст. 75 УПК РФ). Конституционный Суд РФ не столь однозначен в данных подходах, и в одних случаях, по идее, «согласен» с Верховным Судом РФ, в других – категорически не приемлет подобного понимания права. Имеет смысл привести примеры подобных позиций:

- сведения, полученные от обвиняемого в ходе явки с повинной (в том числе при отсутствии защитника и отказе от этих сведений в дальнейшем), являются, по мнению этого органа, допустимым доказательством³;

- любые объяснения, данные лицом в ходе оперативно-розыскных мероприятий, в ходе любых следственных действий в отсутствие защитника (в

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2005 г. № 391-О.

² Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2.

³ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 г. № 1448-О-О.

случае дальнейшего отказа от них) являются недопустимым доказательством¹;

- статья 142 УПК РФ не содержит нормативных положений, которые противоречили бы общим предписаниям УПК РФ, устанавливающим порядок доказывания по уголовным делам, в том числе и по ст. 75 УПК РФ, и отменяли бы обязательность их соблюдения при оглашении в ходе судебного следствия, сделанного заявления о явке с повинной².

Как видно, и здесь для каждого случая отправления правосудия у судей есть, по идее, «легитимная» база для оправдания своего усмотрения в вопросе «выбора» нормы, подлежащей применению для «правильного» разрешения спора. В итоге, проблема лишь в том, насколько указанный выбор найдет понимание у вышестоящих судебных инстанций, соответствуя «официальному» и реально актуальному курсу.

Нет единства подходов и в достаточно принципиальном вопросе о необходимости возбуждения уголовного дела в отношении новых лиц (подозреваемых, обвиняемых) или в отношении нового преступления, при условии, что в наличии уже есть возбужденное уголовное дело и реализуется предварительное расследование.

К примеру, в Кассационном определении от 25 сентября 2006 г. по уголовному делу № 14-о06-29 Верховный Суд РФ признал несостоятельными доводы обвиняемого N. Последний возражал по факту того, что ему предъявлено обвинение как по тем составам преступлений, в отношении которых было возбуждено уголовное дело, так и по другим преступным деяниям, уголовное дело в отношении которых не возбуждалось³.

---

¹ Определения Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 924-О-О, от 16 декабря 2010 г. № 1681-О-О; и др.

² См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 326-О. См. также: Фролова Т.А. Явка с повинной относится к иным документам // Уголовный процесс. 2010. № 4. С. 34.

³ При этом отметим, что состав преступления, по которому уголовное дело не возбуждалось, но обвинение было предъявлено (ч. 2 ст. 105 УК РФ), был более тяжкий, чем те составы, по которым дело было официально возбуждено (ч. 3 ст. 162 и ч. 2 ст. 167 УК РФ).

В качестве оснований своего решения Верховный Суд РФ указал, что ни ст. 140, ни ст. 146, ни ст. 149 УПК РФ не устанавливают обязанности органов предварительного расследования выносить каждый раз новое постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого возбуждено уголовное дело. В подобных случаях новое обвинение может быть предъявлено данному лицу и без вынесения дополнительного постановления о возбуждении уголовного дела¹.

Принципиально иные позиции высказаны Конституционным Судом РФ, по мнению которого:

- стадия возбуждения уголовного дела является обязательной; только с акта возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование, которое обеспечивает не только легитимные процессуальные действия органов предварительного расследования и суда, но и процессуальные гарантии, в том числе право на защиту лица, в отношении которого ведется обвинительная деятельность²;

- применительно к нормам ст. 171, 175 УПК РФ, регламентирующим институт привлечения в качестве обвиняемого и изменения/дополнения обвинения, указанное означает, что УПК РФ не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве обвиняемого, изменять или дополнять ранее предъявленное обвинение, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось³.

---

¹ О том, что именно эта позиция была воспринята судами Российской Федерации как непосредственное руководство к действию, достаточно объективно свидетельствует анализ производства по иным уголовным делам. См., к примеру: постановление президиума Новосибирского областного суда от 27 марта 2015 г. по делу № 44у-30-2015; Апелляционное определение Московского городского суда от 1 апреля 2015 г. по делу № 10-3353/15; Кассационное определение Оренбургского областного суда от 14 августа 2012 г. по делу № 22к-3717; Постановление Московского городского суда от 23 августа 2011 г. по делу № 4у/5-6234.

² См., напр.: постановления Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П, от 14 января 2000 г. № 1-П, от 27 июня 2000 г. № 11-П.

³ См., напр.: Определения Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 343-О, от 21 декабря 2006 г. № 533-О.

Основания для формулирования этих конституционных правовых позиций усматривались в буквальном содержании норм ст. 140, 146, 153 УПК РФ. По смыслу последних при наличии достаточных данных, указывающих на признаки нового преступления или совершения преступления новым лицом, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела, которое при наличии других уголовных дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ним в одном производстве. Казалось бы, позиции определены окончательно. Тем не менее, как уже отмечалось, у Верховного Суда РФ оказалось принципиально иное восприятие вышеуказанных норм. Какие позиции, в итоге, восприняла практика – отчасти уже комментировалось выше; какие считает правильными сторона защиты – конвенционально стоит оставить без комментария.

Коллизионным для практики также оказался вопрос о праве или обязанности суда к прекращению производства по делу при объективации оснований, предусмотренных нормами ст.ст. 24-28.1, 254 УПК РФ. Причем эта коллизия перманентно проявляет себя и применительно к стадии подготовки дела к судебному заседанию, и к стадии судебного разбирательства дела по первой инстанции.

Конституционный Суд РФ, напомним, высказал достаточно определенные правовые позиции по этой проблеме. Несмотря на то, что нормы ст. 239 УПК РФ, по идее, позволяют суду принять решение о прекращении производства по делу по итогам предварительных слушаний, высший орган конституционного правосудия указал, что с позиций законности и обеспечения прав заинтересованных лиц принятие такого решения может иметь место только по итогам всестороннего исследования доказательств по делу и выслушивании позиций сторон. Фактически, по итогам судебного следствия¹.

Пленум, напротив, обращает внимание судов, что «... по результатам

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан.

предварительного слушания судья может вынести постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24, ст.ст. 25, 28 и 28¹ УПК РФ, если обвиняемый против этого не возражает (ч. 2 ст. 27, чч. 1-2 ст. 239 УПК РФ)»¹.

Те же коллизионные подходы являют себя применительно к производству в суде первой инстанции. Анализ указанной практики указывает на то, что если основание для прекращения уголовного дела обнаруживается во время судебного разбирательства в первой инстанции, суд:

- в одних случаях, применяет ч. 8 ст. 302 УПК РФ, т. е. завершает производство по уголовному делу по существу с вынесением обвинительного приговора и освобождением осужденного от наказания²;

- в других – немедленно прекращает уголовное дело (производство по делу) на основании ст. 254 УПК РФ³.

В каждом из указанных случаев «правовая основа» подобного усмотрения, по идее, вполне легитимна, так как основана либо на актах конституционного правосудия, либо на соответствующих разъяснениях пленума.

О том, что определенность права и правовых состояний в этих вопросах явно отсутствует, свидетельствуют и последующие акты высшего органа конституционного правосудия и высшего органа судебной системы России.

В соответствии с правовыми позициями, изложенными в определении Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 510-О: «проведение полноценного судебного разбирательства (в соответствии с ч. 8 ст. 302 УПК РФ, являющейся специальной нормой по отношению к общему правилу, предусмотренному ст. 254 УПК), направлено не только на обеспечение публичных интересов, но и на защиту интересов потерпевшего от преступления, а также

---

¹ Пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 14-о06-18. Аналогично см.: Владыкина Т. Предварительное слушание в суде присяжных // Уголовное право. 2015. № 3. С. 95-100.

² См.: Апелляционное постановление Курганского областного суда от 8 октября 2013 г. по делу № 22-2512/2013/ [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

³ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 августа 2013 г. № 45-АПУ13-35 [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

самого подсудимого»¹. Суд в принципе не обязан следовать воле подсудимого и прекращать производство по уголовному делу при установлении оснований, предусмотренных ч. 8 ст. 302 УПК РФ. В интересах и потерпевшего, и подсудимого провести полное судебное заседание, выяснить все обстоятельства уголовного дела и, уже по итогам судебного разбирательства, постановить приговор, либо полностью реабилитирующий подсудимого, либо констатирующий его виновность, но с освобождением осужденного от наказания².

Принципиально иных позиций придерживается Пленум Верховного Суда РФ. К примеру, разъясняя, что «... если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24, ст.ст. 25, 28 и 28¹ УПК РФ, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование, то в соответствии со ст. 389²¹ УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет приговор или иное решение суда первой инстанции и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование»³.

Более того, «... если уголовное дело было незаконно возбуждено либо уголовное преследование незаконно продолжено вопреки наличию препятствовавших тому обстоятельств, составляющих такие основания, – например, истечение сроков давности уголовного преследования, – лицо имеет право на возмещение причиненного тем самым вреда»⁴.

Из сказанного следует, как минимум, несколько значимых выводов. Во-первых, как Пленум Верховного Суда РФ, так и непосредственно судьи раз-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 510-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Бондаренко С.Я. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 254 УПК РФ».

² См. подробнее: Калиновский К.Б. Истечение срока давности: прекращать дело или выносить приговор? // Уголовный процесс. 2016. № 7. С. 9.

³ Пункт 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Принципиально отличной позиции, к примеру, придерживается О.В. Качалова, полагая, что и для суда апелляционной инстанции императивом должны быть правовые позиции, высказанные в определении Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 510-О. См. подробнее: Качалова О.В. В каких случаях уголовное дело не прекращается // Уголовный процесс. 2016. № 9.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17.

личных судебных инстанций (судов общей юрисдикции) в ряде случаев, в принципе не считают для себя обязательными ни правовые позиции высшего органа конституционного правосудия, ни в целом акты этого органа. И, как ранее отмечалось, с учетом норм ст. 120 Конституции РФ, однозначно закрепляющих самостоятельность и независимость власти судебной, несколько трудно упрекнуть их по сути этих подходов. Во-вторых, посредством подобного несогласующегося «нормативного» регулирования создана легальная в целом основа для избирательного выбора и применения судом норм для каждого конкретного случая. При этом деятельность судей, «оправдана», ибо они на законных к тому основаниях могут апеллировать: либо к высшей юридической силе актов конституционного правосудия (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде»); либо к обязательности разъяснений высшей судебной инстанции; либо к юридической силе судебного прецедента-эталона, в том числе рекомендованного в официальном обзоре, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ.

Вместе с тем очевидно и то, что подобная «избирательность» в отправлении правосудия в принципе не согласуется, как с сутью и содержанием идеи правовой определенности, идеи верховенства права и нормативным назначением права (ст. 2 Конституции РФ), так и ролью суда в правовом государстве и обществе. Заинтересованные лица должны быть уверены в определенности исходных правовых предписаний, правовых состояний, предоставленных прав и обязанностей. Сама суть права в принципе отрицает процесс «угадывания», какая из правовых альтернатив будет избрана в качестве решающей при разрешении конкретного спора сторон, какая найдет публичное «понимание» у вышестоящих судов, будет закреплена в качестве нормативного образца-прецедента.

В данной связи актуальна потребность в создании оперативного и эффективного механизма согласования правовых позиций управомоченных субъектов официального толкования/разъяснения права (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ). Тем более что каждый из них объективиро-

ван как субъект «легального» правотворчества. Средством подобного взаимодействия могли бы, к примеру, стать объединенные заседания Пленума и «пленарные» заседания судей высшего органа конституционного правосудия, принимающие содержательно согласованные акты по наиболее коллизионным проблемам статики и динамики права.

Однако это средство «формирования» оптимальности права реализуется не в полном объеме и не всегда в целях формирования режима правовой определенности в государстве и обществе. Косвенным свидетельством тому – итоги реформы по объединению системы арбитражных судов Российской Федерации с системой судов общей юрисдикции. Как известно, одной из основных целей реформы была необходимость обеспечения единых подходов к разрешению споров с участием, как граждан, так и организаций, а также споров с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Потребность последнего была вызвана тем, что при создании системы арбитражных судов определяющей была идея тесного взаимодействия Верховного и Высшего Арбитражного судов Российской Федерации. Как декларировалось, именно они должны были стать мозговыми центрами судебной системы, призванными к обеспечению единообразия судебной практики, как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах в тех случаях, когда применяются и толкуются одни и те же законы.

Весомым средством обеспечения указанного единства должны были стать совместные постановления пленумов, посредством деятельности которых постепенно удалось наладить взаимодействие между двумя судебными системами государства. За период с 1992 по 2002 гг. было принято 12 совместных постановлений, в содержательной части которых были четко обозначены подведомственность судебных споров, компетенция каждой из ветвей судебной системы¹.

---

¹ См. подробнее, напр.: Шамшуринов Л.Л. Новый этап судебной реформы: суть, побудительные причины и ожидаемые результаты // Российский судья. 2015. № 6. С. 11-15.

Однако, начиная с 2005 г., казалось бы, наработанное взаимодействие в вопросах эффективного и единообразного отправления правосудия было сведено, по сути, на «нет». Между высшими судами, в лице их руководителей, по нарастающей объективировалось серьезное соперничество за влияние и полномочия, сократился обмен информацией, перестали проводиться совместные заседания по спорным вопросам судебной практики, не признавались акты иной ветви судебной системы¹.

Единообразия в понимании и применении закона было практически нивелировано системой сугубо субъективных амбиций. Последнее, в свою очередь, не могло не сказаться на эффективности российского правосудия.

Отсюда и цели новой реформы, итогом которой, как ожидалось, должны были стать единство правовых подходов в разрешении тождественных споров, гарантированное равенство заинтересованных лиц перед законом и судом, определенность судебного прецедента, их предсказуемость и соответствие не только закону, но и реальным потребностям личности, общества, государства.

Обеспечить указанное в полной мере не получилось, в том числе по причине того, что сама идея об объединении судов, – как констатирует доктрина², продукт скорее политической реальности. Она не является следствием развития юридической мысли. В итоге достаточно известны примеры из практики функционирования уже «единого» Верховного Суда РФ.

В частности, по вопросу о том, является ли злоупотребление правом при заключении сделки основанием для признания ее недействительной – в наличии оказалось два прецедента:

---

¹ Насколько указанное может объективировать себя в ходе функционирования совместных заседаний Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, гадать конвенционально не будем; нам неизвестна степень (личных) амбиций руководителей этих судов. Поэтому в качестве проблемы укажем лишь на потребность внесения существенных изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ФКЗ «О Верховном Суде...».

² Поздняков М. Что суд грядущий нам готовит? URL: blog.pravo.ru/общие/Закон_и_порядок_в_РФ/7306.html.

а) по мнению судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ: злоупотребление правом не является основанием для признания гражданско-правовой сделки недействительной¹;

б) судебной коллегией по экономическим спорам, напротив, сформулирован вывод о том, что договор, при заключении которого допущено злоупотребление правом, подлежит признанию недействительным на основании ст. 10 и 168 ГК РФ по иску, оспаривающего такой договор лица, чьи права или охраняемые законом интересы он нарушает².

Как следствие, искомую определенность права и правовых состояний в этом вопросе удалось обеспечить лишь посредством статуса и полномочий высшей судебной инстанции государства. Президиум Верховного Суда РФ поддержал Судебную коллегию по экономическим спорам, признав именно ее прецедент в качестве эталона понимания и применения права для данного конкретного случая³.

Тем не менее, даже с учетом этого опыта, утверждать о наличии реально эффективного и оперативного механизма обеспечения единства судебной практики в Российской Федерации, как представляется, преждевременно. Во-первых, как резюмирует доктрина, достаточно трудно представить, как громоздкий Пленум и Президиум объединенного суда, в который входят судьи различной специализации, смогут обеспечить единство судебной практики. Это требует определенной специализации состава Президиума, возможно, образования специализированной его секции с определенной автономией⁴. Последнее, в свою очередь требует изменений в ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», в принципе не регулирующий эти моменты. Во-вторых, искомой определенности права (судебной практики) пока не удается

---

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 9-КГ14-7 [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

² Определение Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2014 г. по делу № 309-ЭС14-023, № А07-12937/2012.

³ Обзор судебной практики № 1 (2015), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г. // URL: Consultant.ru>Документы>cons_doc_law_176091.

⁴ Шамшури Л.Л. Указ. соч. С. 11-15.

обеспечить даже по делам, рассматриваемым в порядке уголовного судопроизводства, где, казалось бы, и опыт наработанный в наличии, и ресурсы в целом достаточны.

Можно привести примеры подобных коллизий, как представляется, достаточно объективно характеризующих реальное положение дел в контексте определенности российского уголовно-процессуального права, как в статике, так и в динамике его проявлений.

Достаточно сложным для понимания, к примеру, оказалось право сторон на обжалование в вышестоящий суд постановления судьи об отклонении замечаний на протокол судебного заседания. Доктрине и практике, в частности, известны следующие виды прецедентов/решений:

- «УПК РФ не предусматривает права участников процесса обжаловать постановление судьи по результатам рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания»¹;

- «постановление суда о рассмотрении замечаний на протокол судебного заседания в кассационном порядке обжалованию не подлежит, а разъяснение (нижестоящего суда – М.С.) ... о наличии у осужденного и его защитника такого права следует признать ошибочным»²;

- «никто из судей вышестоящего суда не присутствовал в зале судебного заседания при рассмотрении уголовного дела, вследствие чего судьи суда второй инстанции не знают и не могут знать о правильности/неправильности принесенных замечаний на протокол судебного заседания, вследствие чего они не вправе проверять существо принятого решения по рассмотрению замечаний на протокол судебного заседания»³;

- «замечания на протокол судебного заседания, поданные К., судьей рассмотрены с участием сторон и отклонены как необоснованные. При этом

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 1. С. 18.

² Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 7 августа 2006 г. № 5-О06-80 [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

³ Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 20 февраля 2003 г. № 93-О02-16 [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

председательствующий учитывал и объяснения осужденного Щ. о том, что он, вопреки утверждениям Крюкова, не предлагал поставить перед присяжными заседателями вопрос о доказанности предварительного сговора на совершение преступлений»¹;

- по делу в отношении Д., рассмотренному верховным судом Республики Татарстан, осужденным и адвокатом поданы замечания на протокол судебного заседания, которые судьей оставлены без рассмотрения. При кассационной проверке суд вышестоящей инстанции признал эти замечания не только правильными, но и влияющими на выводы о законности, обоснованности и справедливости приговора, постановленного в нижестоящей инстанции².

Как справедливо указывает А.С. Червоткин³, в Верховном Суде Российской Федерации одновременно сформирована практика, согласно которой в одних случаях постановления судей, связанные с рассмотрением замечаний на протокол судебного заседания, не подлежат обжалованию и рассмотрению. В других – эти же замечания служили предметом проверки и оценки по их существу непосредственно в суде вышестоящей инстанции. В-третьих, – указанные замечания послужили самостоятельным основанием для отмены постановленных актов суда⁴.

Столь же неоднозначны легальная «нормативная база» и судебная практика в вопросах участия специалиста в уголовно-процессуальном доказывании (особенно на стороне защиты) и доказательственном значении его итоговых актов (заключения специалиста). Так, в соответствии с правовыми

---

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 февраля 2007 г. № 4-О07-12сп.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2006 г. № 11-О06-132. [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>

³ Червоткин А.С. Апелляция и кассация. Пособие для судей. М.: Проспект, 2010. С. 86-88.

⁴ См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2007 г. № 25-О07-37сп; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 августа 2007 г. № 16-О07-23 [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

позициями Конституционного Суда РФ, изложенными в Определении от 17 июня 2013 г. № 1003-О¹:

- обвиняемый, его защитник имеют легальное право привлекать к участию в уголовном судопроизводстве выбранного ими специалиста; получить от специалиста заключение и представить его органам предварительного расследования и суду первой инстанции для приобщения к материалам уголовного дела в качестве доказательства (ч. 3 ст. 80, чч. 2-3 ст. 86 УПК РФ);

- следователь императивно обязан включить указанного стороной защиты специалиста в список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание (ч. 4 ст. 220 УПК РФ);

- по смыслу ст.ст. 58, 168 УПК РФ, определяющих порядок вызова специалиста для участия в процессуальных действиях, во взаимосвязи с ч. 2 ст. 159 и ч. 7 ст. 234 УПК РФ, предусматривающими основания для удовлетворения ходатайств сторон о собирании дополнительных доказательств, обвиняемому может быть отказано в удовлетворении ходатайств о допросе специалиста либо в приобщении к материалам дела его заключения, только если обстоятельства, которые могут быть установлены с их помощью, не имеют значения для дела.

Таким образом, в соответствии с правовыми позициями высшего органа конституционного правосудия, единственный критерий неудовлетворения ходатайства стороны о приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела – относимость полученных сведений.

В том же нормативном контексте изложены позиции Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28: «... заключение и показание специалиста даются на основе использования специальных знаний и также, как

---

¹ Аналогично см.: Определения Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 264-О-О, от 19 июня 2012 г. № 1100-О, от 23 апреля 2013 г. № 495-О и др.

заключение и показания эксперта в суде являются доказательствами по уголовному делу» (ч. 2 ст. 74 УПК РФ)¹.

Нужно отметить также, что позиции как высшего органа конституционного правосудия, так и непосредственно пленума в целом соответствуют нормам закона. И потерпевший, и обвиняемый вправе самостоятельно собирать и представлять в уголовный процесс непосредственно доказательства – без легализации их актом следственных органов или суда (п. 2 ч. 2 ст. 42, п. 2 ч. 2 ст. 47 УПК РФ).

Позиции органов национальной юрисдикции вполне согласуются с актами международного правового характера; можно указать для примера на правовые позиции Европейского Суда по правам человека, изложенные в Постановлении от 27 марта 2014 г. по делу «Матыцина (*Matytsina*) против России» (жалоба № 58428/10)². Сторона защиты запросила экспертное заключение у Независимой ассоциации российских психиатров, в котором были подвергнуты критике выводы экспертов, сформулированные в заключении №1170, и представила его в суд как письменное заключение специалистов. Однако суд категорически отказался рассматривать это заключение, полагая, что оно было получено в нарушение требований ст.ст. 58, 251, 270 УПК РФ. Суд первой инстанции констатировал, что по буквальному смыслу норм УПК РФ, «сторона не может по собственной инициативе и вне судебного разбирательства заказывать и получать суждение специалиста».

ЕСПЧ, напротив, не усмотрел препятствий для приобщения этого письменного заключения специалистов³, обоснованно указав, что ст. 251 и 270 УПК РФ к данной ситуации неприменимы. Они касаются исключительно личного опроса специалиста, а не исследования его письменного заключения. Статья 58 УПК РФ в буквальном ее толковании также не запрещает защите

---

¹ Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2. С. 3-6.

² Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4.

³ Аналогичная правовая позиция высказана ЕСПЧ в постановлении от 25 июля 2013 г. по делу «Ходорковский и Лебедев против России».

заказывать и получать письменные заключения специалистов. Как следствие, ЕСПЧ постановил, что в контексте экспертных доказательств правила допустимости не должны лишать сторону защиты возможности их эффективного оспаривания, в частности, путем представления или получения альтернативных заключений. Отказ в принятии и исследовании альтернативной экспертизы в качестве доказательства (при определенных условиях) может рассматриваться в качестве нарушения ст. 6 Конвенции.

Несмотря на, казалось бы, выработанное единство нормативных подходов в актах столь высокого уровня, непосредственно судебная практика в судах общей юрисдикции Российской Федерации нарабатывает принципиально иные прецеденты-подходы:

- «суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключения специалиста И. как полученного вне рамок уголовно-процессуального закона»¹;

- «из дела видно, что судом было принято и приобщено к материалам дела заключение специалистов, ... однако оно не исследовалось, поскольку получено адвокатом в рамках осуществления защиты»²;

- «в судебном заседании допрошен, вызванный защитой специалист А., который заявил, что судебно-медицинские эксперты не имели права проводить экспертизы без исследования трупа (т. 25 л.д. 185-187). Суд учел данное мнение и оценил его в совокупности с иными доказательствами по делу – показаниями эксперта Б., свидетеля С., заключений двух комиссионных экспертиз, в проведении которых участвовали высококвалифицированные эксперты, имеющие значительный стаж работы в области судебной медицины, ученые степени и звания. В связи с данным суд обоснованно отказал защите в приобщении к материалам дела заключений, сделанных специалистами А., Л.

---

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27 мая 2005 г. по делу № 32-005-26СП [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

² Определение Верховного Суда РФ от 29 августа 2007 г. по делу № 5-д07-105 // Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 г.

и П. по запросам защиты. ... Кроме того, данные заключения добыты вне рамок уголовного дела, не отвечают требованиям УПК РФ к основаниям и процедуре получения таких заключений»¹.

Если суммировать, то дискреционным усмотрением судей фактически нивелированы нормативные предписания не только высшего органа конституционного правосудия или наднационального судебного органа (ЕСПЧ), но и разъяснения собственно Пленума Верховного Суда РФ. (как утверждалось в ходе опроса, обязательные для исполнения по мнению 87% опрошенных судей). Достаточно трудно критиковать эти подходы и данную судебную практику, поскольку доктрине и судьям не менее известны знаковые позиции высшего органа конституционного правосудия, изложенные в определении «... по делу гр. Проня А.В.»².

В этом акте, напомним, Конституционный Суд РФ, напротив, категорически не признал доказательственное значение экспертизы, полученной стороной защиты в государственном экспертном учреждении и полностью опровергающее выводы экспертного заключения, подготовленного по инициативе следственных органов. Суть доводов Суда при этом свелась к констатациям, что экспертиза – столь специфическое следственное действие, что может назначаться исключительно инициативой следственных органов или суда, но никак не инициативой стороны защиты.

Именно эти правовые позиции, как резюмировано российской уголовно-процессуальной доктриной³, нивелировали и столь широко декларированную идею параллельного «адвокатского расследования» в уголовном судо-

---

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2013 г. № 51-О13-10. Цит по: Землянкина М.А. Признает ли суд доказательством заключение специалиста, полученное по инициативе защитника // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 30-36.

² Определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., напр.: Ковтун Н.Н. УПК – принят. УПК – действует. УПК – можно снова менять (к 100-летию Государственной Думы России) // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 7-11.

производстве России, и зарождающиеся надежды стороны защиты на равенство процессуальных возможностей в вопросах доказывания. Они же, судя по достаточно известным и изученным закономерностям судебной-следственной практики, закрепились в качестве доминанты в правосознании и установках практикующих судей, «правильно» понявших истинные векторы публичной уголовно-процессуальной политики.

В том же публичном аспекте надо оценивать еще ряд прецедентов, сформированных высшей судебной инстанцией Российской Федерации, и, на наш взгляд, не имеющих своих оснований ни в буквальной воле закона, ни в контексте обеспечения интересов и прав заинтересованных лиц. Стоит привести отдельные из них.

При подготовке дела к судебному заседанию стороной защиты заявлено ходатайство о признании ряда доказательств по делу недопустимыми. Соответственно, по делу назначены предварительные слушания (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Однако данное ходатайство судом по существу рассмотрено не было, так как уголовное дело было возвращено прокурору для устранения недостатков обвинительного заключения (ст. 237 УПК РФ). При новом поступлении этого дела от прокурора в суд, оно назначено к судебному рассмотрению без предварительных слушаний, несмотря на то, что выше указанное ходатайство стороны защиты не отзывалось.

Проверяя указанное дело и приговор в суде кассационной инстанции, вышестоящий суд не усмотрел нарушений закона, указывая, что ходатайство стороны защиты об исключении доказательств без ущерба для дела может быть рассмотрено и разрешено непосредственно при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции¹.

Нет оснований для спора – может. Однако в наличии существенное нарушение закона и прав обвиняемого: дело назначено к судебному заседанию единолично судьей (гл. 33 УПК РФ), а не по правилам предварительных

---

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 сентября 2005 г. № 33-О05-65 [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

слушаний (гл. 34 УПК РФ) – при наличии законного к тому основания. Суд произвольным своим усмотрением изменил легальную процессуальную форму подготовки дела к судебному разбирательству на более «удобную», не столь обременительную. Как следствие, обвиняемый и в целом сторона защиты произвольно лишены целого комплекса процессуальных гарантий, призванных к обеспечению прав обвиняемого посредством процедур предварительных слушаний. Что же касается «заверений» суда вышестоящей инстанции о том, что суд первой инстанции всецело восполнит эти гарантии в ходе судебного рассмотрения, то в них, возможно, и есть определенная «доля» надежды; но она крайне мизерна. *Во-первых*, с учетом указанного «солидарного» отношения судей различных судебных инстанций к буквальной воле закона. *Во-вторых*, в силу известных закономерностей практики, в том числе в части разрешения подобного рода ходатайств.

Еще один пример. С обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). На предварительных слушаниях обвиняемый заявляет ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей. Суд при назначении дела к судебному заседанию (гл. 33–34 УПК РФ) и в самом заседании игнорирует волю обвиняемого в этом вопросе, назначив дело к судебному заседанию в порядке гл. 40.1 УПК РФ. Все обращения стороны защиты к судам вышестоящих инстанций оставлены без удовлетворения. В качестве аргумента суды «солидарно» суммируют: с момента заключения досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемый добровольно и самостоятельно «выбрал» единственно возможную форму отправления правосудия – особый порядок (гл. 40.1 УПК РФ). Следовательно, последующее ходатайство обвиняемого о рассмотрении его дела с участием коллегии присяжных заседателей, изначально лишено правовых оснований¹.

Отчасти можно понять субъективную заинтересованность судей и, особенно, стороны обвинения в рассмотрении этого дела «по существу» в по-

---

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 67-О10-45 [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

рядке гл. 40.1 УПК РФ. Тем не менее, субъективная заинтересованность и воля закона – вещи суть разные. Тем более что российской уголовно-процессуальной доктрине и практике известны и принципиально иные позиции Верховного Суда РФ по данным моментам.

К примеру, в случае изменения обвиняемым, внесшим ходатайство об особом порядке при подготовке дела к судебному заседанию своей воли относительно порядка рассмотрения дела; при попытке оспорить доказательства или итоговые выводы следственных органов, изложенные в обвинительном заключении, по основным вопросам уголовного дела, суду следует исходить из того, что данные факты надо расценивать как отказ обвиняемого от заключенного соглашения. Соответственно, как форма рассмотрения дела по существу, так и иные правовые последствия такого отказа должны определяться соответствующими положениями УПК РФ, а не особенностями процессуальной формы, установленной для реализации досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40, 40.1 УПК РФ).

О том, что указанные выше подходы и в настоящее время имеют определяющее правовое значение, свидетельствуют позиции Президиума Верховного Суда РФ, предложенные в качестве эталонного образца в обзоре судебной практики за 2016 г.¹

Так, обвинительный приговор отменен ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, связанных с нарушением права обвиняемого на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей.

Основания: после ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый С. заявил ходатайство о проведении предварительного слушания, указав, что свою позицию относительно ходатайств, указанных в ч. 5 ст. 217 УПК РФ (в числе которых и право ходатайствовать о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей) он намерен заявить в судебном заседании.

---

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 18-АПУ16-2. Цит. по: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ №2 (2016); Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

После поступления дела в суд с обвинительным заключением, судьей вынесено постановление о назначении судебного заседания для разрешения вопроса о мере пресечения в отношении обвиняемого. Постановлением от 15 июня 2015 г. ходатайство обвиняемого С. о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей оставлено без рассмотрения как заявленное на ненадлежащей стадии судебного разбирательства. В этот же день судьей вынесено постановление о назначении судебного заседания на 25 июня 2015 г.

В постановлении указано: «оснований для проведения предварительного слушания по делу не имеется», «ходатайство обвиняемого о проведении по делу предварительного слушания без указания конкретных оснований, указанных в ч. 2 ст. 229 УПК РФ, удовлетворению не подлежит»¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного, отменила приговор, и дело направила на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом суда, со стадии подготовки к судебному заседанию. Указанное решение мотивировано следующим: из материалов дела видно, что позиция обвиняемого по вопросу о составе суда была известна судье до назначения дела к слушанию по существу (ст. 231 УПК РФ). Оставив без рассмотрения ходатайство обвиняемого о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, заявленное в судебном заседании 15 июня 2015 г., и расценив его как «заявленное на ненадлежащей стадии судебного разбирательства», судья не учел положений ч. 1 ст. 120 УПК РФ, в соответствии с которой ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по делу. Пункт 1 ч. 5 ст. 231 УПК РФ предусматривает, что ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей подсудимый не вправе заявить лишь после назначения судебного заседания. В данном случае ходатайство о рассмотре-

---

¹ В части данных мотивов суд исходит из буквальных предписаний Пленума, сформированных в постановлении от 22 декабря 2009 г. № 28 (п. 7 постановления). Но постановление пленума, как выяснилось, также далеко не всегда императив для практикующих судей; отсюда, и «корреляции» постановленных актов вышестоящими судебными инстанциями, несмотря на, казалось бы, однозначные установки пленума.

нии дела с участием присяжных заседателей обвиняемым С. заявлено еще до назначения судебного разбирательства по существу дела, т. е. до вынесения судьей соответствующего постановления, в котором был определен состав суда по данному делу.

Таким образом, в наличии существенное нарушение прав обвиняемого, по сути которого правосудие изначально не отвечает признакам справедливости. Но поскольку понятие справедливости во многом оценочное и зависит от конкретных установок суда по конкретному делу, судебная практика (субъективным своим усмотрением) перманентно являет, какой из вариантов, предложенных высшей судебной инстанцией, решений будет «справедливее» для данного конкретного случая.

Не менее «сложными» для российской судебной и следственной практики оказались нормы закона, связанные с обеспечением интересов и прав обвиняемого при назначении и производстве экспертизы (ст. 195, 198 УПК РФ). Приведем, для примера, Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 июня 2014 г. № 53-О14-9СП.

Вышестоящий суд не усмотрел нарушений закона в том, что обвиняемые и их адвокаты были ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы (ст. 195 УПК РФ) одновременно с итоговым заключением – при ознакомлении с материалами уголовного дела оконченого расследованием¹.

Доводы в обоснование правомерности подобной следственной практики при этом были сведены судом к следующему:

- при ознакомлении обвиняемых и их адвокатов с материалами уголовного дела, оконченого расследованием (ст. 215–218 УПК РФ), от последних не поступило ходатайств об отводе экспертов, постановке на разрешение экспертов дополнительных вопросов, признании указанных заключений экспертов в качестве недопустимых доказательств по делу;

---

¹ Аналогичные правовые позиции изложены в постановлении ЕСПЧ от 16 ноября 2006 г. «Климентьев против России» // СПС «Консультант Плюс».

- не было, соответственно, ходатайств о производстве дополнительной или повторной экспертизы и при рассмотрении дела по существу в суде первой инстанции (гл. 36–39 УПК РФ). В итоге, последующие кассационные доводы адвокатов к указанным нарушениям, как к основаниям отмены, изменения состоявшихся актов суда, не могут свидетельствовать о фактах реального нарушения прав обвиняемых (осужденных), а постановленные судебные акты, в том числе приговор, следует считать правосудными¹.

Трудно не согласиться с доводами и аргументацией высшей кассационной инстанции России, которая констатирует либо явное манкирование со стороны адвокатов своими процессуальными обязанностями, либо очевидное злоупотребление правом с их стороны. И в этом контексте ставить под сомнение правосудность решения суда кассационной инстанции, как бы, нет оснований.

Вместе с тем, с позиций публичной законности, столь часто акцентируемой и столь инициативно отстаиваемой в итоговых актах кассационного и надзорного порядка отправления правосудия, те же правовые позиции и, как следствие, исследуемый итоговый акт не столь однозначны. Во-первых, они противоречат буквальной воле закона. По сути последнего и обвиняемый, и его защитник в императивном порядке должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы именно **до начала** ее производства (ч. 3 ст. 195 УПК РФ). В столь же императивном порядке должны быть обеспечены дополнительные права обвиняемого, связанные с назначением и производством указанной экспертизы (ч. 1 ст. 198 УПК РФ). Воля закона при этом предельно ясна: исключительно этот порядок обеспечивает интересы и права обвиняемого при производстве экспертизы; позволяет ему быть активным участником этого важнейшего познавательного действия. И, напротив, про-

---

¹ Доктрина российского уголовно-процессуального права также во многом однозначна в вопросе о том, что данные правовые позиции всецело находятся в русле практики и актов ЕСПЧ и, следовательно, нет оснований для констатаций нарушений закона или интересов и прав заинтересованных лиц. См., напр.: Исаенко В. Об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы // Уголовное право. 2015. № 1. С. 129–134; Дайджест судебной практики // Уголовный процесс. 2015. № 11. С. 11.

извольное лишение или ограничение указанных прав – существенное нарушение прав обвиняемого, в т. ч. (потенциально) в контексте законности итогового судебного акта.

Противоречат эти подходы правовой позиции Постановления Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Согласно последним, потерпевший и обвиняемый должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы именно **до начала** ее производства, а если экспертиза была назначена до получения указанными лицами соответствующего статуса, то сразу после получения ими этого статуса (п. 9 постановления)¹.

Как видим, пленум также достаточно ясно и верно понимает ценность и практическую значимость установленной процедуры как для реального обеспечения интересов и прав обвиняемого, так и для итогов процесса доказывания. Тем не менее, как свидетельствуют закономерности текущей следственной практики игнорирование указанных прав обвиняемого, по факту, стало «обыкновением» для органов и лиц, ведущих уголовный процесс, а высший кассационный суд государства не только «попустительствует» им в этом, но и формирует судебные прецеденты – эталоны субъективного понимания и применения права.

Правомерность последнего тезиса, на наш взгляд, подтверждается и иными закономерностями практики отправления правосудия. К примеру:

а) в рамках уголовного дела следователь с согласия руководителя следственного органа обращается в суд с ходатайством о разрешении получения сведений об абонентской активности в отношении неопределенного круга абонентов сети.

По факту, мы имеем следующие виды итоговых решений суда (прецедентов – эталонов применения права):

- суд в удовлетворении внесенного ходатайства отказал, мотивируя свое решение тем, что получение указанных сведений в отношении неопре-

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 7. С. 3-7.

деленного круга абонентов может нарушить их конституционные права и, следовательно, по закону недопустимо¹;

- суд разрешил получение указанной абонентской информации в отношении неопределенного круга лиц, так как данная информация имеет значение для дела и установления лица, совершившего особо тяжкое преступление².

Следует подчеркнуть, что между данными актами Московского городского суда интервал в несколько месяцев; какой из них истина и, соответственно, прецедент-эталон для дальнейшей судебной практики – конвенционально здесь не комментируется, так как оба акта в юридической силе и закономерности практики, видимо, пока формируются. Во всяком случае, резюмирующего постановления Президиума Верховного Суда РФ, в том числе предложенного практике в официальном обзоре, нам пока не известно;

б) гражданин негласно осуществил (аудио-) звукозапись с криминальными угрозами, адресованными в его адрес, и добровольно представил данную запись следственным органам в качестве доказательства преступных угроз:

- позиции Конституционного Суда РФ: указанное доказательство является недопустимым для процесса доказывания, так как оно получено вне установленных законом процедур и с нарушением права лица, чьи угрозы были записаны, на неприкосновенность частной жизни³;

---

¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 31 октября 2012 г. по делу №22-14798 и от 22 октября 2012 г. по делу № 22-14128/12. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mos-gorsud.ru/files/docs>; См. также: Вилкова Т.Ю. Тайна переписки, телефонных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44-47.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 20 марта 2013 г. по делу №10-974. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mos-gorsud.ru/files/docs>; См. также: Курченко В.Н. Особенности рассмотрения судами ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами // Уголовный процесс. 2008. № 8. С. 64.

³ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 814-О.

- позиции ЕСПЧ (№1): подобное доказательство является недопустимым для процесса доказывания, так как оно получено с нарушением прав лица на неприкосновенность частной жизни¹;

- позиции ЕСПЧ (№ 2): в п. 276 постановления от 21 апреля 2011 г. по делу «Нечипорук и Йонкало против Украины» (жалоба № 42310/04) ЕСПЧ суд отметил недопустимость оставления без надлежащей оценки судом при разрешении дела по существу аудиозаписи переговоров обвиняемого со свидетелем, представленной им самим следователю²;

- позиции Верховного Суда РФ: запись является допустимым доказательством для процесса и предмета доказывания; нарушений при ее получении – нет, поскольку гражданин реализовал, предусмотренные ч. 2 ст. 23 Конституции права на защиту от преступных посягательств³.

Как видно, и здесь в наличии весьма обширное и в целом легальное поле для выбора итогового варианта разрешения спора, каждое из которых будет актом правового характера; следует лишь быть в русле «закономерности», официально одобряемой и реализуемой на данный конкретный момент или по данному делу;

в) суд констатирует: возмещение морального вреда лицу, уголовное преследование в отношении которого осуществлялось в частном порядке (ч. 2 ст. 20 УПК РФ), но в дальнейшем было прекращено по реабилитирующим основаниям, производится:

- за счет средств частного обвинителя (по нормам ст. 1070 ГК РФ) и вне зависимости от вины причинителя вреда (частного обвинителя)⁴. В указан-

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 10 марта 2009 г. по делу «Быков против России» // Бюллетень ЕСПЧ. 2009. № 6.

² См. подробнее: Тимошенко А.А., Зубов Г.Н. Использование в доказывании цифровых аудио- и видеофонограмм // Уголовный процесс. 2014. № 2. С. 52-60.

³ См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2010 г. № 43-010-22 [Электронный ресурс] // URL: <http://vsrf.ru/>.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии Свердловского областного суда № 33-2241/2011 // Бюллетень судебной практики по гражданским делам Свердловского областного суда (первый квартал 2011 г.); утв. постановлением Президиума Свердловского областного суда от 29 июня 2012 г. Цит. по: Кузнецова А. Возмещение вреда лицу, уголов-

ном случае возмещение морального вреда для реабилитированного носит безусловный характер, не возлагая на последнего ни бремени доказывания предмета и оснований иска, ни особых сложных процессуальных обязанностей;

- за счет частного обвинителя при наличии в его действиях полного состава гражданского правонарушения (ст. 1064 ГК РФ)¹. Напротив, в этом случае в качестве условий указанного возмещения должны быть приняты во внимание: противоправность поведения частного обвинителя (потерпевшего); причинная связь между его действиями и наступившим вредом; последствия уголовного преследования; вина причинителя вреда. Отсюда и кардинальное перераспределение бремени доказывания предмета и оснований иска, дополнительные процессуальные обязанности для реабилитированного, которому, как свидетельствует текущая практика реализации института реабилитации (гл. 18 УПК РФ), нередко «легче» отказаться от подобного иска, чем добиться реальной защиты своих нарушенных интересов и прав.

Можно далее множить примеры аналогичных коллизий, когда по одному и тому же предмету судебного спора в наличии либо система в принципе не согласующихся правовых предписаний, либо принципиально различных по сути и следствиям итоговых прецедентов, в том числе высшей судебной инстанции государства. Однако указанное вряд ли необходимо. Как реальное положение дел в сфере определенности динамики российского уголовно-процессуального права, так и все более формирующиеся закономерности в целом, как представляется, очевидны. При объективно складывающихся тенденциях практики право не объективирует основные свои свойства: ясность, точность, стабильность и предсказуемость; обеспечение конституционных требований равенства и единства к аналогичным правовым ситуациям. Фактически, в сфере уголовно-процессуального правоприменения в настоящее

ное преследование которого осуществлялось в порядке частного обвинения // Уголовное право. 2015. № 2. С. 122-125.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии Свердловского областного суда от 12 апреля 2012 г. № 33-4015/2012 // Там же. С. 122-125.

время в наличии перманентное состояние коллизии, по сути которой (в целом ряде случаев):

- нормативные постановления пленума не столько оперативно и эффективно восполняют пробелы и лакуны законодательной деятельности, сколько целенаправленно «формируют» динамику права в соответствии с субъективными установками вышестоящих властных субъектов об «истинной» сути и назначении тех или иных правовых предписаний. При этом изначально поддержанные весомым административным ресурсом именно эти установки становятся определяющими для судей при рассмотрении и разрешении конкретного уголовного дела или спора сторон, вне зависимости от истинной воли закона или нормативных толкований иных уполномоченных органов государства;

- акты конституционного правосудия, официально предлагаемые как истинно-конституционные нормы, не являются императивом ни для формирования правовых позиций, объективируемых как официальное толкование пленума по фактически тождественному предмету познания, ни для собственно практики отправления правосудия в уголовном судопроизводстве России. В рамках последнего их применение также избирательно и служит как «удобное» средство обоснования нужного решения к «нужному» случаю;

- судебные прецеденты высших судебных инстанций (по тождественному предмету отправления правосудия) нередко прямо противоречат друг другу и, оставаясь «в юридической силе», формируют легальные в целом возможности для избирательного отправления правосудия.

При этом фактически смысл последнего, в том, чтобы эти акты были официально «поддержаны» высшими судебными инстанциями, как эталон «актуального» на данный конкретный момент официального курса, ибо в правосознании судей игнорирование отдельных правовых предписаний (норм) и игнорирование официальных позиций вышестоящих судебных инстанций, как и ранее, ценности несоизмеримые в принципе. В данной связи говорить о подлинной независимости и самостоятельности власти судебной

(особенно в низовых ее звеньях) можно разве что на уровне деклараций и лозунгов; в реальной сфере отправления правосудия – по данным вопросам судьи благоразумно предпочитают не дискутировать.

И если применительно к исследуемым разъяснениям/толкованиям пленума суть проблемы видится лишь в соответствующем изменении правосознания и психологии судей, должных, наконец, себя осознать как самостоятельная и реальная власть в государстве и обществе, то применительно к роли и назначению судебного прецедента в правовой системе государства и общества – ситуация принципиально иная.

Во-первых, в соответствии с п. 3.2 Регламента Верховного Суда РФ следует наполнить реальным содержанием и властным значением полномочия Президиума Верховного Суда РФ по проверке в порядке надзора вступивших в законную силу судебных актов¹. Последнее, стоит напомнить, осуществляется не только в целях проверки правосудности окончательных актов суда и обеспечения тем самым интересов и прав заинтересованных лиц, интересов государства и общества, но и в социально и нормативно значимых целях обеспечения **единства судебной практики** и законности.

В данной связи именно Президиум Верховного Суда РФ должен быть заявлен в качестве реального органа, обеспечивающего и контролирующего единство судебной практики (судебного прецедента) по тем проблемам уголовного судопроизводства России, где в наличии системно объективируются несогласующиеся позиции и акты судов нижестоящей инстанции. Официальные обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда РФ, должны быть признаны в качестве публичного и непререкаемого источника динамики права – единого судебного прецедента². Правовая основа указанного, в том числе в Постановлении Конституционного Суда РФ от

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10. С. 6.

² Указанные суждения весомо поддержаны ответами 87,6% опрошенных нами судей, большинство из которых имеют стаж работы по отпращиванию правосудия от 15 до 20 лет и свыше 20 лет (анкета, приложение № 2 к диссертации).

21 января 2010 г. № 1-П, в правовых позициях которого толкование закона высшими судебными органами – исходя из полномочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов – является обязательным для нижестоящих судов (в т. ч. на будущее время)¹.

Во-вторых, должен быть сформирован практический механизм реализации идеи единства судебного прецедента, единства и стабильности судебной практики и обеспечения, тем самым, правовой определенности в государстве и обществе. В случае официального «признания» изменения судебной практики по той или иной норме (системе норм) уголовно-процессуального права России – посредством формирования единого и общеобязательного судебного прецедента в акте Президиума – должна быть предусмотрена легальная в целом возможность для пересмотра тех (вступивших в законную силу актов суда), где данная норма была применена иначе. Процессуальным механизмом подобного пересмотра, как представляется, должен быть признан порядок производства в порядке гл. 49 УПК РФ (контекст – «... иные новые» для суда обстоятельства; п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

Условия допустимости подобного пересмотра: (1) указание на возможность последнего непосредственно в соответствующем акте Президиума²; (2) категорический запрет для данного пересмотра «... поворота к худшему»; (3) инициация подобного пересмотра лишь теми лицами (их представителями), чей интерес нарушен оспариваемым судебным решением; (4) возможность пересмотра лишь в пределах сроков давности уголовного преследования³.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами ЗАО «Производственное объединение “Берег”, ОАО “Карболит”, «Завод “Микропровод” и Научно-производственное предприятие “Респиратор” //Собр. законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699.

² Подчеркнем, мы не видим особых препятствий к тому, чтобы этот же механизм был применен к «нормативным» толкованиям пленума, формирующим состояние единства и стабильности статичности и динамики права.

³ Автор, естественно, не настаивает на исчерпывающем понимании перечня указанных условий, полагая, что необходимые акценты в этих вопросах расставит именно судебная практика.

Как представляется, последовательная и системная реализация этих усилий будет, отчасти, способствовать формированию режима правовой определенности в государстве и обществе, а в конечном итоге – обеспечению принципа верховенства права в правовом государстве и обществе.

Глава VI.

Res judicata окончательных актов суда как содержательный элемент идеи правовой определенности

§ 6.1. Понятие суть и значение идеи *res judicata* в уголовном судопроизводстве России

Ранее отчасти уже отмечалось, что категория «*res judicata*» содержательно связана с пониманием и характеристикой окончательных актов суда в уголовном судопроизводстве России¹. Приводились и анализировались также позиции тех ученых, которые однозначно суммировали, что «правовая определенность» и «*res judicata*» – несомненное тождество единого правового явления, в силу чего попытки к определению самостоятельного бытия каждой из указанных категорий изначально лишены оснований и результата².

В настоящем исследовании был обоснован тезис о том, что основа идеи *res judicata* является фундаментальной и во многом определяющей для понимания и исследования окончательных актов суда, однако не исчерпывающей всего содержания состояния правовой определенности в деятельности по проверке и оценке указанных актов суда, характеризующихся как *res judicata*. Для задач и предмета исследования принципиально и то, что значительный интерес российской уголовно-процессуальной доктрины к исследованию сути и назначения отправления правосудия по проверке окончательных актов суда в экстраординарных процессуальных порядках (кассация и надзор;

---

¹ Мы, в частности, имеем в виду анализ сути и содержания категории «правовая определенность», приведенный в первом параграфе главы I настоящей работы.

² См. подробнее, напр.: Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы. М.: Изд-во МГУ, 2015.

гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ) и весомые результаты этого анализа позволяют не повторяться в достаточно решенных вопросах и воспринять в качестве достоверных систему следующих определяющих тезисов:

1. Для современного и правильного понимания идеи *res judicata* следует, прежде всего, принять во внимание ее трактовку с позиций классического римского права, где это понятие включало в себя ряд значимых правовых констатаций:

(а) спорная ситуация урегулирована (по существу) – вынесено итоговое судебное решение, окончательно определяющее правовое состояние (права и обязанности) сторон, участвующих в судебном разрешении спора;

(б) решение вступило в законную силу; как следствие, сторонам императивно вменяется в обязанность руководствоваться данным решением непосредственно как законом (*jus facit inter partes*);

(в) в случае повторного обращения с тождественным иском становится возможным применение судом возражения о решенном деле (*exceptio rei judicata*), что исключает повторение процесса по окончательно решенному делу¹.

Отсюда логическая основа идеи *res judicata*, как правило, концентрируется в двух латинских максимах: «*Interest reipublicae ut sit finis litium*» («В общественных интересах, чтобы судебный процесс имел окончание») и «*Nemo debet bis vexari prouna et eadem causa*» («Никто не должен представлять перед судом дважды по одному и тому же делу»)².

Последнее принципиально подчеркивает Ж. Пикерез, констатируя, что следствием действия идеи *res judicata* в уголовном судопроизводстве выступает недопустимость повторного возбуждения публичного уголовного иска в

¹ См., напр.: Цепкова Т.М., Борисов М.С. Соотношение законной силы судебного решения и принципа *res judicata* в свете постановлений Европейского Суда по правам человека // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 52-55; Рехтина И.В. Правовая определенность (*res judicata*) в истории права Древнего Рима // История государства и права. 2011. № 22. С. 43-47.

² См.: Сибатян А.С. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение // Международное публичное и частное право. 2012. № 1. С. 2-5.

отношении тех же преступных фактов, что в итоге соответствует общепризнанному правилу международного правового характера, известному как *non bis in idem*¹.

А.Я. Клейменов также пишет о том, что признаваемый всеми процессуальными юрисдикциями принцип *res judicata* представляет собой положение, согласно которому единожды окончательно разрешенное дело не может быть пересмотрено. В обоснование этого вывода приводятся позиции Ч. Райта, определяющего существо принципа *res judicata* в реализации функций правовой определенности окончательного решения по делу, его исключительности, поскольку «если спорящие стороны могут просто пересмотреть разрешенный ранее спор, не будет ни конца судебной тяжбе, ни начала судебского авторитета. Окончателность (судебного конфликта) не только является чертой судопроизводства, но и необходимым условием существования судебной власти»².

2. Категория *res judicata* в ее «классической» правовой традиции имманентно не могла быть присуща производствам и итоговым актам суда, принимаемым по итогам отправления правосудия в суде первой или апелляционной инстанции. Указанное и «к месту», и методически точно подмечено профессором Л.В. Головки, последовательно подчеркивающим принципиальную разницу между пониманием окончательной сути актов суда в европейской и российской уголовно-процессуальной традиции³.

Применительно к первой: по рассмотрении дела в суде первой и апелляционной инстанции, решение суда объективируется как окончательный акт суда, – в части исследования доказанности фактических обстоятельств дела,

¹ Цит. по: Жидкова Е.И. Формирование пределов производства по делу в досудебных стадиях уголовного процесса: монография. М., 2014. С. 23-24.

² Цит. по: Клейменов А.Я. Об установлении в российском гражданском и арбитражном процессе последствий отказа ответчика от права на предъявление встречного иска // Закон. 2011. № 4. С. 116, 117.

³ См.: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. / под общ. ред. докт. юрид. наук, профессора Н.А. Колоколова. М., 2015. Ч. 1. С. 419-420 (автор гл. 2 раздела 2 – профессора Л.В. Головки).

– но акт, не вступивший в законную силу. Потенциально предполагается, что этот акт может стать предметом кассационной проверки (в его юридической части), исключительно по реализации которой он объективируется как вступивший в законную силу. Отсюда, кассация, с одной стороны, служит гарантией обеспечения единства закона в правоприменительной практике¹; с другой – гарантией *res judicata* и в фактической, и в юридической части постановленных окончательных актов².

Применительно к российской традиции все обстояло принципиально иначе, ибо по рассмотрении дела в апелляционной (ранее – кассационной³) инстанции акт правосудия одновременно признавался и окончательным и вступившим в законную силу. Признание указанного никак не препятствовало тому, чтобы последовательно проверить этот «окончательный» акт в нескольких экстраординарных надзорных инстанциях, как по «вопросам факта», так и по вопросам «законности», несмотря на публичные декларации о решающей силе и ценности правила *res judicata* для российского права и правосудия.

3. Не удивительно, что с позиций ЕСПЧ подобный порядок проверки не признавался ни эффективным национальным средством судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц⁴, ни оптимальным правовым средством, обеспечивающим фундаментальную ценность *res judicata*, как для

¹ См.: Фон-Резон А.К. О границах кассационного рассмотрения в уголовном судопроизводстве (5 ст. учр. суд. уст.) (начало) // Журнал министерства юстиции. 1902. № 1. С. 107; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд-е 3-е, пересм. и доп. СПб., 1910. С. 520; и др.

² См.: Чихачев К. О юридической силе и практическом значении решений кассационных департаментов Правительствующего Сената // Журнал юридического общества. 1896. Кн. 7. С. 55.

³ Ранее – имеется в виду до введения в действие закона от 29 декабря 2010 г. См.: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

⁴ См., напр.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10. С. 119-132.

спорящих по делу сторон, так и в целом для обеспечения правовой определенности в государстве и обществе¹.

4. Кардинально исправить указанное был призван Федеральный закон № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г. и по содержанию, и по назначению призванный к кардинальному реформированию судебных контрольно-проверочных производств, направленных к проверке состоявшихся актов суда (апелляция, кассация и надзор), в соответствии с апробированными и классическими европейскими образцами.

Прежде всего, апелляционная форма проверки, обеспечивающая полную и всестороннюю проверку как фактической, так и юридической стороны приговора (не вступившего в законную силу), была распространена на все акты суда, постановленные по первой инстанции (гл. 45.1 УПК РФ). Указанным, как публично декларировалось, обеспечивалось конституционное право заинтересованных лиц на пересмотр приговора, как минимум, в еще одной более опытной и компетентной инстанции. При этом, правда, в силу российской традиции итоговые апелляционные акты объективировались одновременно и как окончательные (в фактической части), и как вступившие в законную силу – акты *res judicata*. Последнее, нужно отметить, не препятствовало проверке указанных актов (в последовательно сменяемых кассационных инстанциях и в порядке надзорного производства) на предмет их соответствия публичной законности.

Более кардинально была реформирована кассационная форма проверки (гл. 47.1 УПК РФ), нормативной основой которой стал «образец» (процессуальная форма) надзорной формы проверки судебных решений, достаточно апробированный в дореформенном уголовном судопроизводстве России².

---

¹ Подробнее об этом: Ковтун Н.Н., Шунаев Д.М. Правовая определенность и *res judicata* в решениях Европейского Суда по правам человека // Российский судья. 2014. № 9. С. 38-42.

² Мы откажемся от еще одного «обоснования» тождества кассационной и надзорной формы проверки (в ред. Закона № 433-ФЗ), которое уже однозначно констатируется российской доктриной. См., напр.: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. / Под общ. ред. докт. юрид. наук,

Наиболее принципиальными (в том числе в плане обеспечения *res judicata*) при этом оказались новеллы, связанные:

- с установлением единого объекта кассационной и надзорной проверки – итоговые и промежуточные акты суда, вступившие в законную силу;
- с единым предметом непосредственной проверки и оценки суда – исключительно юридическая законность итоговых актов, выступающих предметом экстраординарной проверки (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ);
- с общими требованиями закона к форме и содержанию кассационных и надзорных жалоб/представлений; едиными и пресекательными сроками обжалования; единым порядком подачи жалоб в уполномоченный суд, процессуальным порядком их предварительной проверки, конвенциональным единством решений по факту их внесения в вышестоящий суд;
- с единой процессуальной формой деятельности кассационного и надзорного состава суда по проверке и разрешению жалоб по существу;
- с едиными основаниями к отмене/изменению окончательных актов суда; едиными итоговыми видами решений по результатам проверки¹.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальной доктриной констатировалась лишь формальная «смена вывесок» в именовании дореформенных надзорных инстанций², и доминирующее закрепление для них (несколько видоизмененной) единой надзорно-кассационной формы проверки³, верилось

профессора Н.А. Колоколова. М., 2015. Ч. 2. С. 529 (автор гл. 9 раздела 3 – В.А. Давыдов); Поздняков М.Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе: монография. М., 2015. С. 123; Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. М., 2015. Ч. I. С. 474 (автор гл. 4 раздела 3 – В.А. Лазарева); Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 10-11.

¹ См. подробнее: Ковтун Н.Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 183-184; Белкин А.Р. О некоторых странностях кассационного и надзорного производства // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 25; и др.

² Утверждение принадлежит профессору Н.Н. Ковтуну. См.: Ковтун Н.Н. Европейский Суд по правам человека ошибся, ошибся – фундаментально // Российский судья. 2016. № 8. С. 47-51.

³ Термин впервые введен в исследовании И.С. Дикарева. См.: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 9-24.

именно в реализацию целей реформы. Последними же предлагалось «ввести новый кассационный порядок проверки судебных решений, ... основная цель которого заключается в проверке вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда исключительно по вопросам права»¹.

Усматривая в последнем определяющий вектор предложенной законодателем реформы, одни из ученых надеялись на эволюционное возвращение российской кассации к исходным и классическим своим образцам². Другие, напротив, обращаясь к непримиримым противоречиям между декларируемой *ex officio* целью и реальным содержанием предложенной формы кассационно-надзорной проверки, однозначно констатировали вывод о том, что Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. «не только не восстановил, вопреки заявлениям законодателя “классическую кассацию”, но, напротив, извратил институт кассации даже в большей степени, нежели извратило его в свое время советское право»³.

Наиболее остро суть указанных «извращений», во-первых, проявляла себя в противоречии между «классической» сутью *res judicata*, оформленной в виде категорического запрета на пересмотр окончательных актов суда, и конституционным правом заинтересованных лиц на судебную защиту своих интересов и нарушенных прав, на справедливое отправление правосудия, справедливый итоговый акт. Кроме того, в акцентуации противоречия в центральном вопросе обновленной кассационной и надзорной проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ): методически ясном и точном определении действительного предмета проверки и оценки суда вышестоящей инстанции.

---

¹ См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации” // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М., 2011. С. 82-83 (автор параграфа 3.14 – Н.Н. Ковтун).

³ Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. / под общ. ред. докт. юрид. наук, профессора Н.А. Колоколова. М., 2015. Ч. I. С. 419-420 (автор гл. 2 раздел 2 – Л.В. Головки).

Несмотря на, казалось бы, ясное указание закона о том, что предметом подобной проверки являются исключительно свойства законности постановленных актов суда (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ) и невозможность проверки свойств фактической обоснованности указанных актов или свойств их справедливости, законодатель одновременно апеллировал к регламентации норм, допускающих «поворот к худшему» в положении осужденного, оправданного по итогам кассационной или надзорной проверки (ст. 401.6, ч. 9 ст. 401.13, ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ). Тем самым, в непосредственном предмете данной (экстраординарной) проверки, как справедливо отмечал Н.Н. Ковтун¹, объективируется свойство справедливости постановленных актов суда – более не являющееся надлежащим предметом кассационной или надзорной проверки.

По нарастающей публиковались и суждения российской уголовно-процессуальной доктрины, согласно которым однозначно формулировался тезис о том, что требования законности и обоснованности судебных решений неразрывно связаны между собой. Соответственно, приговор, «содержащий выводы, не соответствующие фактическим обстоятельствам дела, заведомо незаконен»². «Закономерно» следовал и вывод о том, что реальная проверка кассационным или надзорным судом «вопросов права» *a priori* невозможна без всесторонней проверки тем же судом «вопросов факта» (фактической обоснованности итоговых выводов суда, изложенных в приговоре)³.

Категорически против «усечения» объекта познавательной деятельности в обновленном кассационном и надзорном производствах, в частности, выступала Т.Г. Бородинова, утверждая, что все виды пересмотра судебных

---

¹ Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 45-41.

² Кувалдина Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 14-15.

³ Колоколов Н.А. Новые элементы в структуре судов общей юрисдикции: подсудность, порядок производства, обжалование // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 24-25.

решений должны обладать равными правами и достаточными средствами восстановления правосудности приговора¹.

Можно оставить без комментария посылы указанного автора о том, что «равными правами» обладают/должны обладать именно производства, а не субъекты указанных производств, и применительно к предмету исследования указать лишь на то обстоятельство, что при подобном подходе нет смысла дискутировать ни о фундаментальной ценности *res judicata*, ни о сути окончательных актов суда. Абсолют правосудности приговора – вот самодовлеющая ценность этих суждений, которой, соответственно, должны быть подчинены все процессуальные средства, производства и нормы экстраординарной проверки; остальным – можно «пожертвовать». Особенно ради столь высокой и «оправданной» цели как торжество публичной законности.

С последним, как выяснилось, «согласился» и Пленум Верховного Суда РФ, исчерпывающе разъяснив, что:

- отменяя приговор и направляя уголовное дело на новое судебное рассмотрение по мотивам, ухудшающим положение осужденного, или принимая решение об изменении вида и размера наказания, назначенного осужденному, или размера денежной компенсации нанесенного преступлением вреда, суд кассационной инстанции не входит в обсуждение справедливости приговора, а лишь проверяет вопросы о правильном соблюдении норм Общей части Уголовного кодекса РФ (п. 10 постановления)². Фактически – проверяет свойства законности, действуя в рамках законного предмета проверки, а равно правил и следствий *res judicata*;

- оценка кассационным судом правильности применения норм уголовно-процессуального права включает в себя и оценку такого свойства исследованных доказательств как их допустимость. В данной связи, акцентирует

---

¹ Бородинова Т.Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России. М., 2014. С. 222, 224.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. №2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

Пленум, доводы жалоб о нарушениях уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявших на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведших к судебной ошибке, не должны оставаться без всесторонней проверки и оценки вышестоящим судом (п. 10 постановления).

Таким образом, как в интерпретациях пленума, так и в суждениях российской уголовно-процессуальной доктрины предмет кассационной и надзорной формы проверки оказался не столь однозначен. Закономерно возникли вопросы о том, какие именно обстоятельства, теоретические аргументы или тенденции текущей судебной практики стали основой:

- как для «эволюционного» изменения позиций и выводов целого ряда исследователей, в том числе стоявших у истоков реформы от 29 декабря 2010 года (Закон № 433-ФЗ)¹;

- так и легальной основой для озвученных констатаций пленума и последующих за ними закономерностей в практической реализации обновленной надзорно-кассационной формы проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ)².

Для того чтобы достоверно ответить по сути каждого из вышеуказанных противоречий установленной надзорно-кассационной формы проверки следует, прежде всего, апеллировать к системности нормативного регулирования деятельности суда по отправлению правосудия, обеспечению конституционного права судебной защиты, проверке окончательных актов суда в

---

¹ См., напр.: Давыдов В.А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 47; он же: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. М., 2015. Ч. I. С. 533 (автор гл. 9 раздела 3 – В.А. Давыдов).

² По мере накопления эмпирических данных доктрина российского уголовно-процессуального права все более объективировала вывод о том, что и при обновленной форме надзорно-кассационной проверки суды не считают себя императивно связанными нормативным определением непосредственного предмета проверки, по факту проверяя дело в полном объеме. См., напр.: Ковтун Н.Н. *Res judicata* реформированной российской кассации. С. 125-130; Дикарев И.С. Указ. соч. С. 25-45, 119-150. Более подробно эти тенденции проанализированы в следующей главе данного раздела работы.

экстраординарном процессуальном порядке. При этом целесообразно ограничить рамки анализа и в качестве исходного, фундаментального базиса дальнейших суждений и выводов воспринять следующие константы российской уголовно-процессуальной доктрины:

1) в рамках действующей надзорно-кассационной формы проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ) принцип правовой определенности (в том числе в контексте следствий *res judicata*) находится в явной коллизии с конституционным принципом обеспечения права заинтересованных лиц на судебную защиту своих нарушенных интересов и прав. Первый, акцентируясь в правиле и следствиях *res judicata*, призван к обеспечению стабильности окончательных актов суда, стабильности установленных судом правовых состояний, правовой определенности статике и динамике права. Второй, проявляясь в праве граждан на судебную защиту, закреплен в качестве такого конституционного права (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ), которое не может быть ограничено ни при каких условиях¹. На данной же принципиальной позиции стоит Конституционный Суд РФ, указывая, что право максимальной судебной защиты относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод²;

2) принцип правовой определенности, и право на судебную защиту играют ключевую роль в обеспечении юридической и социальной справедливости в сфере отправления правосудия. Практически неограниченное право на судебную защиту, безусловно, обеспечивает заинтересованным лицам возможность добиваться исправления судебных ошибок и восстановления нарушенной справедливости. Принцип *res judicata* придает судебной защите характер определенности, гарантируя стабильность окончательных актов су-

---

¹ Головкин Л.В. Отечественное понятие «право на судебную защиту» и европейское понятие «право на доступ к правосудию»: попытка функционального сравнения // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. М.К. Свиридова. Томск, 2007. С. 3.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. № 13-П // Собр. законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4551; Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собр. законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

да, неизменность установленных судом отношений, практическую исполнимость итоговых актов суда. В данной связи отрицать весомую ценность каждого из названных правил (идей) для справедливого отправления правосудия в принципе нет оснований; вопрос лишь в пределах «подавления» одной идеи другой;

3) и правовой определенности (здесь – контекст *res judicata*), и праву на судебную защиту свойственно общее для принципов права агрессивное стремление занять в правовой системе доминирующее положение, абсолютизироваться, прийти к такому состоянию, когда заложенные в них нормативные предписания реализуются без каких-либо ограничений. Абсолютизация идеи *res judicata* предполагает фактическую непреодолимую окончательность вступивших в законную силу актов суда, категорический запрет к их пересмотру, их изменению, исправлению. Возведенное в абсолют право на судебную защиту гарантирует ничем не ограниченную возможность отмены, изменения любых, в том числе окончательных, судебных решений с целью исправления нарушений закона, допущенных в ходе предшествующего уголовного судопроизводства. Соответственно, взаимодействуя внутри системы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, данные принципы находятся в жесткой динамической оппозиции по отношению друг к другу, стремятся к властному доминированию и максимальному подавлению содержания своей противоположности¹.

В таком виде рассматриваемые принципы, как верно пишет И.С. Дикарев², оказываются несовместимыми друг с другом, представляя в качестве антиномии³, т. е. противоречия между рядом положений, из которых каждое имеет вполне законную силу.

---

¹ См. подробнее: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 119-154.

² Дикарев И.С. Указ. соч. С. 123.

³ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 23.

Весомая юридическая сила принципа *res judicata* при этом акцентирована в следующих правовых константах (национального и международного правового характера):

а) в п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. закреплено: «Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны»¹;

б) пунктом 1 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. гарантируется: «Никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое это лицо уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальным законодательством этого государства»²;

в) Европейский Суд по правам человека в том же нормативном контексте констатирует: принцип правовой определенности является одним из основных аспектов верховенства права³. В данной связи:

- возобновление уголовного судопроизводства, при наличии акта *res judicata*, возможно лишь в тех случаях, когда серьезные законные соображения перевешивают принцип и силу правовой определенности⁴.

- ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного акта суда в целях проведения повторного слушания и получения нового реше-

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5-11.

² Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

³ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 28 октября 1999 г. Дело «Брумареску против Румынии (*Brumarescu v. Romania*)», жалоба № 28342/95; постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых против Российской Федерации» (*Ryabykh v. Russia*), жалоба № 52854/99 // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 110-119; постановление ЕСПЧ от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин против Российской Федерации» (*Nikitin v. Russia*), жалоба № 50178/99 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

⁴ См., напр.: Решение ЕСПЧ от 9 марта 2006 г. «По вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин против Российской Федерации» (*Afanasy Semenovich Bratyakin v. Russia*) // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 76; Постановление ЕСПЧ от 27 июля 2006 г. «Федин против Российской Федерации», жалоба № 58079/00 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11. С. 5-12.

ния исключительно в своем интересе; полномочие вышестоящего суда по пересмотру подобного акта должно осуществляться в целях исправления (фундаментальных) судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, но не нового пересмотра по существу; пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, ...возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться легальным основанием для пересмотра; отступления от принципа *res judicata* оправданны, когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера¹;

- основания пересмотра, отмены или изменения вступивших и не вступивших в законную силу судебных решений должны быть принципиально отличны, так как возобновление окончательно завершенных производств со ссылкой на «чрезвычайно неясно сформулированные и зыбкие основания» в принципе не обеспечивает нормативной сути *res judicata*².

Отсюда и итоговые констатации, согласно которым российские производства, призванные к проверке окончательных актов суда (дореформенное надзорное производство в уголовном процессе), однозначно охарактеризованы ЕСПЧ в качестве исключительных средств судебной защиты, не обеспечивающих ни доступности данной защиты, ни ее эффективности³. В силу указанного, заинтересованные лица (заявители в ЕСПЧ) в принципе не обязаны исчерпывать эти экстраординарные средства судебной защиты для того, чтобы иметь законное право для обращения к субсидиарному механизму обеспечения своих нарушенных интересов и прав в лице Европейского Суда по правам человека⁴;

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых против Российской Федерации» (Ryabukh v. Russia) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 11. С. 110-119.

² Постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков против Российской Федерации» (Radchikov v. Russia) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10. С. 119-132.

³ Аналогичные правовые подходы содержатся в актах конституционного правосудия. См.: Определения Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 430-О, от 14 января 2016 г. № 14-О, от 18 сентября 2014 г. № 2099-О, от 20 ноября 2014 г. № 2691-О и др.

⁴ Решение ЕСПЧ по делу: «Мартынец против Российской Федерации» (Martynets v. Russia), жалоба № 29612/09, ECHR 2009; «Тумилович против Российской Федерации»

г) в п. 2 ст. 7 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. также записано: «Никто не должен быть осужден или наказан вторично за преступление, за которое он уже был осужден или понес наказание на основе национального законодательства»¹;

д) наконец, непосредственно российское законодательство закрепляет рассматриваемый принцип и на конституционном, и на отраслевом уровнях: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» – (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ); «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Таким образом, как в сути, так и в правовых следствиях указанных правовых предписаний, в том числе международного правового характера содержатся достаточные основания для абсолютизации законной силы принципа *res judicata* в экстраординарных производствах по проверке окончательных актов суда (кассация и надзор; гл. 47.1, 48.1 УПК РФ).

Не менее весома и легитимна основа конституционного принципа обеспечения максимальной судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц:

а) согласно ст. 8 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) каждому человеку в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом, гарантируется право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами;

б) Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) возлагает на государства обязанность обеспечить эффективные средства правовой защиты всем лицам, права и свободы которых нарушены;

в) как в соответствии с нормами Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 2, 14), так и нормами ст. 8 и 29 Всеобщей декларации прав человека и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных

(Tumilovich v. Russia) от 22 июня 1999 г., жалоба № 47033/99; «Денисов против Российской Федерации» (Denisov v. Russia) от 6 мая 2004 г., жалоба № 33408/03.

¹ Собр. законодательства РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

свобод судебная защита, обеспечиваемая государством, должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной;

г) согласно п. 2 ст. 4 протокола № 7 к Европейской конвенции принцип *non bis in idem* «не препятствует повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах, или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела»¹.

Не столь однозначны и последовательны (определенны) в этом вопросе правовые позиции высшего органа конституционного правосудия:

- так, в постановлении от 2 февраля 1996 г. № 4-П Конституционный Суд РФ резюмировал, что ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено²;

- в определении от 3 июля 1997 г. № 87-О правовые позиции более содержательными. Суд, в частности, указывает, что исключения из запрета повторно осуждать за то же деяние и, следовательно, пересматривать окончательные приговоры судов допускаются, лишь если это необходимо в силу новых или вновь обнаруженных обстоятельств, в том числе указывающих на судебную ошибку, приведшую к незаконному осуждению. В других случаях, окончательные приговоры судов пересмотру не подлежат³;

- в постановлении от 17 июля 2002 г. № 13-П Конституционный Суд констатирует, что федеральный законодатель, предусматривая возможность

---

¹ Как видим, в отличие от (ранее) приведенных актов международного правового характера, носящих достаточно декларативный характер, только данный акт наполнен реальным содержанием нормативного характера, указывая и на процессуальную форму (возможного) пересмотра, и на юридические его основания.

² При этом в порядке какого именно процессуального производства, по каким основаниям, в какие сроки должно быть исправлено указанное решение, Суд, отметим, конвенционально умалчивает. См.: Собр. законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

³ Налицо, как видим, две значимые правовые констатации: (1) процессуальная форма данного пересмотра – это производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам; (2) пересмотр в сторону ухудшения – категорически запрещен. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

отмены вступившего в законную силу приговора и пересмотра уголовного дела, обязан сформулировать точные и четкие критерии и основания подобной отмены, с учетом того, что речь идет о таком решении судебной власти, которое уже вступило в законную силу и которым, следовательно, окончательно решены вопросы о виновности лица и мере наказания¹. Особая осторожность при этом необходима при нарушении исключения из общего правила о запрете поворота к худшему, который допустим лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших²;

- в постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П Конституционный Суд разъясняет, что существенные нарушения норм УПК РФ, допущенные в досудебном производстве, исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости. Как следствие, препятствуя постановлению справедливого приговора, такие нарушения искажают суть правосудия, а значит, являются фундаментальными. Во-вторых, впервые Суд апеллирует к существенности нарушения прав не только одного обвиняемого, но и потерпевшего по делу, чьи интересы, права и свободы также обеспечиваются конституционной идеей судебной защиты³;

- в постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П Конституционный Суд указывает, что Конституция РФ не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством при-

---

¹ В указанном акте Суд, как видим, не только апеллирует к экстраординарным основаниям указанного пересмотра, но и формулирует содержательные критерии указанных оснований. См.: Собр. законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

² Аналогичные позиции изложены в постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П и определении от 16 декабря 2008 г. № 1065-О-О. См., соответственно: Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932; Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 3. С. 28-31.

³ Именно в указанном акте Суд впервые констатирует наличие явной и коллизионной антиномии между правилом *res judicata* и конституционным принципом обеспечения судебной защиты. См.: Собр. законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

знается окончательным. Отсутствие возможности пересмотра указанного судебного акта в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства существенным нарушением, которое повлияло на исход дела, означало бы, по мнению Суда, что – вопреки принципу справедливости и основанным на нем конституционным гарантиям охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека – такое ошибочное судебное решение не может быть исправлено. Как следствие, высший орган конституционного правосудия прямо формулирует указание федеральному законодателю внести в уголовно-процессуальный закон соответствующие изменения и дополнения, с тем чтобы не допустить произвольный, не ограниченный по времени и основаниям пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, влекущий ухудшение положения осужденного или оправданного¹;

- в постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П Конституционный Суд, развивая позицию об основаниях экстраординарного надзорного пересмотра, указывает, что, поскольку проверка вступивших в законную силу судебных актов означает возможность преодоления окончательности этих актов суда, законодатель должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия их пересмотра... которые исключали бы возможность затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения и вместе с тем – правовую определенность. В данной связи, резюмирует Суд, пересмотр вступивших в законную силу судебных решений допустим в случае, если по делу допущена фундаментальная ошибка²;

- в постановлении от 16 мая 2007 г. № 6-П констатировано, что «исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия, смысл приговора как акта правосудия, разрушая

---

¹ Российская газета. 2005. 20 мая.

² Именно правовым позициями, изложенными в этом акте, суд впервые «преодолеывает» запрет на поворот к худшему в положении осужденного по итогам экстраординарной (надзорной) проверки. См.: Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

необходимый баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших»¹;

- в постановлении от 19 марта 2010 г. № 7-П Конституционный Суд РФ вновь подтверждает, что отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт (окончательного характера) не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает право на судебную защиту²;

- в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П Конституционный Суд, ссылаясь на уголовно-процессуальный закон, поддержал дифференциацию оснований кассационного и надзорного пересмотра судебных решений, указав, что существенное нарушение уголовного закона, повлиявшее на исход дела, является основанием для отмены или изменения вступивших в законную силу судебных решений; если же в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, то при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационной и надзорной инстанциях допускается поворот к худшему³.

Таким образом, с одной стороны, мы видим полное понимание высшим органом конституционного правосудия России ценности сущности и следствий принципа *res judicata*, и можно было бы весомерно и правомерно апеллировать к данным позициям, отстаивая доминантное значение данной идеи⁴. С

---

¹ Российская газета. 2007. 2 июня.

² Как видим, в указанном акте констатируется антиномия между идеей *res judicata* и конституционным принципом обеспечения максимальной судебной защиты. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // Собр. законодательства РФ. 2010. № 14. Ст. 1734.

³ При этом возможность исправления (существенной или фундаментальной) судебной ошибки более не связывается Судом ни с производством по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, ни с категорическим и конституционным запретом *non bis in idem*. См.: Собр. законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

другой стороны, налицо последовательная «эволюция» правовых позиций данного органа:

- от полного отрицания права суда на ухудшение положения осужденного по итогам экстраординарной проверки окончательных актов суда¹ до однозначного обоснования легитимности и справедливости акта *reformatio in peius* по итогам кассационной или надзорной проверки²;

- от констатаций, что единственно легитимным процессуальным порядком подобного пересмотра является производство по новым или вновь открывшимся обстоятельствам³, до императива, что исправление судебной ошибки не только согласуется с сутью и процедурами надзорно-кассационной формы проверки, но и изначально соответствует их социально-нормативному назначению⁴.

И Конституционный Суд РФ, и законодатель, правда, более или менее последовательно оговариваются, что указанное возможно лишь при установлении экстраординарных юридических оснований, но ни ясности в последних, ни их возможного перечня пока методически точно не предложили ни доктрина российской уголовно-процессуальной науки⁵, ни практика отправления правосудия в экстраординарных проверочных производствах, ни высший орган конституционного правосудия.

В данной связи определяющую и методологическую ценность приобретает суждение о том, что в стадии кассационного и надзорного производства противоречие между принципом *res judicata* и конституционным принципом обеспечения права на судебную защиту становится диалектическим и нахо-

¹ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

³ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О.

⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

⁵ Так, если Н.Н. Ковтун, к примеру, считает принципиальным различие между существенными и фундаментальными кассационными (надзорными) основаниями, то И.С. Дикарев, напротив, полагает указанную дифференциацию несколько надуманной. См., соответственно: Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 3-9; Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 222-245.

дит свое разрешение в согласованной процедуре пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Именно посредством реального баланса гарантий *res judicata* и гарантий реализации конституционного права на судебную защиту в рамках указанных производств, с одной стороны, сохраняется антиномичность указанных принципов. С другой – обнаруживаются их функциональное единство, способность к одновременной реализации в рамках согласованной и практически функциональной процедуры проверки¹. Следует согласиться и с тем, что несмотря на то, что Конституционный Суд РФ говорит о балансе принципов правовой определенности, с одной стороны, и принципа справедливости² либо права на справедливое судебное разбирательство³, с другой, суть указанной антиномии составляет именно диалектическое противоречие между принципом *res judicata* и конституционным принципом обеспечения права на судебную защиту.

В данной связи исключительно по итогам анализа, как нормативно установленной процессуальной надзорно-кассационной формы проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ), так и закономерностей объективации указанной формы непосредственно в практической деятельности по проверке окончательных актов суда можно достоверно судить:

- либо о наличествующем балансе исследуемых идей применительно к установленным стадиям и производствам экстраординарного характера (кассация и надзор);

- о явном доминировании одной из них в нормативной и практической сфере и нивелировании, соответственно, другой;

- либо о состоянии перманентной неопределенности динамики права, являющей лишь образцы произвольного усмотрения судей относительно того

---

¹ См. подробнее: Дикарев И.С. Указ. соч. С. 119-155.

² См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П.

³ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П; Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2573-О // [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

или иного варианта разрешения спора (каждый из которых, по факту, имеет легальные нормативные основания).

Идеальным, конечно, видится телеологически согласованный баланс, исследуемых в данной работе идей, обеспечивающий и ценность *res judicata*, и конституционное право судебной защиты, в том числе от неправосудных актов суда. Констатация агрессивного доминирования в практической деятельности по проверке окончательных актов суда лишь одной из идей нивелирует нормативную и социальную ценность другой, несмотря на публичные декларации в этом вопросе.

Признание возможности дискреционного усмотрения судей и легального выбора в целях разрешения спора приоритетности (для конкретного случая) нормативного содержания лишь одной из идей ставит под сомнение ценность подобного правосудия, акцентирует вопросы коррупционной составляющей указанной деятельности, ее подчиненности актам внеправового характера. Отсюда определяющим как для процессуальной формы надзорно-кассационной проверки, так и ее результата является вопрос о **непосредственном предмете** проверки и оценки суда вышестоящей инстанции.

Имеет смысл вернуться к анализу второго основного противоречия в нормативной регламентации, в доктрине и практической реализации действующей надзорно-кассационной формы проверки судебных решений - ясному и точному определению действительного предмета проверки и оценки суда в рамках реализации исследуемых производств.

Для понимания этого противоречия и имея целью поиск оптимальных средств к его разрешению, стоит обратиться, например, к анализу позиций И.С. Дикарева – автора, как представляется, одного из наиболее комплексных и интересных (в настоящее время) исследований по проблемам надзорной и кассационной формы проверки - как в историческом их генезисе, так и в контексте закона № 433-ФЗ. Тем более что, из позиций этого исследователя явствуют как нормативная «эволюция» позиций и взглядов относительно ре-

ального предмета проверки, так и акцентуация сути основной коллизии указанных производств и (возможных) средств ее разрешения.

С одной стороны, И.С. Дикарев однозначен в вопросе о том, что предмет судебного разбирательства, ограниченный проверкой исключительно вопросов права, является сущностным признаком классической надзорно-кассационной формы пересмотра судебных решений. Столь же однозначен и его тезис о том, что, сформулированный в таком виде предмет кассационного/надзорного судебного разбирательства, с одной стороны, служит гарантией принципа правовой определенности, препятствуя оспариванию правильности установления фактических обстоятельств дела после вступления судебного акта в законную силу. С другой, оставляет участникам процесса кассационного и надзорного обжалования возможность добиваться пересмотра неправосудных, по их мнению, судебных решений, тем самым обеспечивает им конституционное право на судебную защиту. При этом И.С. Дикарев вновь принципиально оговаривается, что добиваться проверки и пересмотра данных актов суда можно лишь в их юридической части¹.

С другой стороны, полностью солидаризируясь (с «эволюционно» изменившимися со временем) позициями профессора В.А. Давыдова, этот же автор резюмирует вывод о том, что от правильного применения судом норм материального и процессуального права производны не только законность, но и такие свойства правосудного судебного акта, как его обоснованность и справедливость. Именно указанный вывод (в дальнейшем, и в целом по ходу исследования) служит основой обосновываемой гипотезы о неразрывной связи проверки правильности применения закона и оценки всех свойств судебного решения – законности, обоснованности и справедливости, в том числе в рамках новой надзорно-кассационной формы проверки².

---

¹ См.: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений... С. 17, 18, 25, 26, 31, 34. По сути, аналогичны позиции Т.Г. Бородиновой, отстаиваемые в ее диссертационном исследовании. См.: Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации. С. 260-264.

² Дикарев И.С. Указ. соч. С. 37, 41.

Дело в том, поясняет указанный автор, что без выяснения обоснованности итогового судебного решения в ряде случаев бывает невозможно оценить правильность применения закона нижестоящим судом. Между тем процесс принятия любого правоприменительного решения, как известно, включает в себя два этапа (два уровня)¹:

- на первом, «информационном», этапе – субъект принятия решения, непосредственно исследуя доказательства, устанавливает юридически значимые фактические обстоятельства дела. Последние служат единственно основанием для вынесения последующего правоприменительного решения. При этом автор оговаривается, что сама по себе информация (фактические данные) воспринимается субъектом познания (доказывания) не в идеально-абстрактном информационном своем состоянии, а через субъективную правовую оценку обстоятельств предмета доказывания, соотнесенных с конкретными нормами материального права. В итоге, процесс принятия итогового решения имеет дело с непрерывной правовой интерпретацией субъектом познания как факта (фактов) исследуемого деяния, так и его юридически значимых признаков. Результаты указанной интерпретации объективируется в виде внутреннего убеждения (мотивированных выводов) субъекта принятия решения как о юридической квалификации содеянного, так и о фактической стороне познаваемого явления, отражаясь в обосновании и мотивировке принимаемого акта;

- на втором, «правоприменительном» этапе – установленные фактические обстоятельства дела (деяния), через правосознание и внутреннюю убежденность субъекта познания (субъекта принятия решения), соотносятся с определенными правовыми условиями принятия процессуального решения и его легитимными целями. Именно на этом этапе (к достоверно или субъективно познанным фактам) субъектом познания применяется материальный и процессуальный закон, формируя властное правовое решение, которое дан-

---

¹ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 38, 39.

ным субъектом презюмируется законным, обоснованным, мотивированным, справедливым¹.

Таким образом, итоговое правоприменительное решение, основывается на доказательствах не непосредственно, а опосредованно – через выводы (правовую интерпретацию) субъекта принятия решения относительно фактических обстоятельств, с которыми закон связывает принятие того или иного решения, и его убежденность о правильном применении закона к указанным (правильно познанным) обстоятельствам. Соответственно, поясняет далее И.С. Дикарев, в деятельности судов вышестоящих инстанций следует строго разграничивать проверку обоснованности проверяемых судебных решений первого и второго уровня.

Проверка обоснованности первого уровня выражается в уяснении уполномоченным субъектом проверки (в рассматриваемом в данной работе случае – кассационным/надзорным судом) правильности установления фактических обстоятельств дела. Вышестоящий суд самостоятельно проверяет (скорее – оценивает), подтверждаются ли выводы нижестоящего суда (первой или апелляционной инстанции) относительно наличия юридически значимых фактических обстоятельств дела исследованным в ходе судебного разбирательства доказательствам.

Проверка обоснованности второго уровня заключается в уяснении того, соответствуют ли вынесенные по делу правоприменительные решения (проверяемые судебные акты) установленным юридически значимым фактическим обстоятельствам. Другими словами, в рамках этого этапа вышестоящим судом проверяется, насколько правильно к познанным фактическим обстоятельствам применен материальный или процессуальный закон.

Вместе с тем, И.С. Дикарев явно «помнит» и то, что в новой редакции УПК РФ (Закон № 433-ФЗ) суды кассационной и надзорной инстанции су-

---

¹ См.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. 168 с.; Её же. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма-Инфра-М, 2010.

дебного следствия не проводят и доказательства непосредственно не исследуют, и то, что легальным предметом надзорно-кассационной проверки является исключительно свойство законности. Отсюда и вынужденная констатация вывода, что в задачу этих судов проверка правильности установления фактических обстоятельств дела не входит. Эти инстанции проверяют исключительно второй уровень обоснованности судебных решений, т. е. дают оценку исключительно **законности** (проверяемого) судебного акта¹. Тем самым, за рамки легитимного предмета проверки они не выходят.

Правда, буквально в следующем абзаце, И.С. Дикарев вновь оговаривается, что критерии данной законности объективно требуют самостоятельной оценки вышестоящим судом и фактической стороны приговора. Последнее необходимо постольку, поскольку вынесение правоприменительного решения в отсутствие или без учета юридически значимых фактических обстоятельств, признаваемых законом основаниями такого решения, есть не что иное как существенное нарушение (неправильное применение) закона².

По смыслу столь замысловатых конструкций, достаточно сложно понять: суд кассационной и надзорной инстанции (в ред. Закона №433-ФЗ) все же входит (должен входить) в проверку и оценку фактической стороны приговора, постановленного нижестоящим судом, или даже косвенно к ней обращаться не в праве. Определенные усилия к внесению определенности в эти моменты предпринял профессор Н.Н. Ковтун³.

Прежде всего, этот автор постулирует тезис о том, что для того чтобы осуществить проверку второго уровня, суд вышестоящей (кассационной или надзорной) инстанции императивно обязан сформировать собственное суждение о правильности установления (познания) фактических обстоятельств

---

¹ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 39.

² Дикарев И.С. Указ. соч. С. 40.

³ Ковтун Н.Н. Решения надзорно-кассационной формы проверки: теория, законодательство, практика // II Московский юридический форум. Международная научно-практическая конференция, посвященная 95-летию проф. П.А. Лупинской, «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты» (г. Москва, Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 8 апреля 2016 г.): материалы конф. / отв. ред. С.Б. Россинский. М., 2016.

дела. Единственно возможным средством формирования этого убеждения являются самостоятельное познание и самостоятельная правовая интерпретация вышестоящим (кассационным или надзорным) судом непосредственно фактических обстоятельств дела, обьективированных как доказательства, ибо исключительно последние пребывают в своей неизменной фактической и юридической сути. Результат этого познания (проверки) есть убежденность вышестоящего суда как о надлежащей (... или ошибочной) фактической оценке/интерпретации познанного явления нижестоящим судом, так и о правильном/неправильном применении закона к познанным фактам¹. Как следствие, в ходе реализации надзорно-кассационной проверки возможны следующие констатации.

Первая ситуация: фактические обстоятельства (дела/деяния), по мнению кассационного/надзорного состава суда, нижестоящим судом установлены правильно (I уровень кассационной проверки); к ним правильно применен надлежащий материальный закон (II уровень проверки). Соответственно, оснований для кассационной/надзорной отмены, изменения проверяемого судебного акта нет; акт нижестоящего суда правосуден; в наличии незыблемое решение *res judicata*².

Вторая ситуация: фактические обстоятельства судом нижестоящей инстанции установлены правильно (субъективные интерпретации нижестоящего суда и оценки суда вышестоящей инстанции – совпали (I уровень проверки); однако к указанным фактическим обстоятельствам судом нижестоящей инстанции неправильно применен материальный закон (II уровень проверки). Как следствие, суд кассационной/надзорной инстанции констатирует надлежащее основание к отмене/изменению проверяемого акта суда – неправильное применение закона. Указанное – также в рамках легитимного предмета

---

¹ См., напр.: Материал № 4у-2010/2013 // Архив Саратовского областного суда, 2013 г.; Материалы № 4у-315/2014, № 4у-318/2014 // Архив Саратовского областного суда. 2014.

² См., напр.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 176-П12; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2013 г. № 170-П13 // URL: <http://vsrf.ru/>.

экстраординарной проверки (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ), и при определенных условиях дает право к опровержению *res judicata*. Наиболее часто указанное основание являет себя в виде нарушений закона связанных: с неправильной юридической квалификацией содеянного в итоговом приговоре¹; неправильным назначением наказания осужденному²; несправедливым назначением наказания³ и т. п.

Третья ситуация: в интерпретации (познании) вышестоящего суда суд нижестоящей инстанции неправильно познал именно фактические обстоятельства дела (I уровень проверки); соответственно, к ним неправильно применен материальный закон (II уровень проверки). В наличии явное основание для отмены/изменения судебного акта - несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 389.16 УПК РФ). Но это основание в силу закона в принципе не может быть применено в суде кассационной или надзорной инстанции, в том числе в силу константы закона, по смыслу которой фактические обстоятельства дела не являются предметом проверки данного состава суда (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ).

Вместе с тем очевидно, что нельзя игнорировать суть выявленного нарушения, так как оно искажает как смысл правосудия, так и суть его итоговых актов. Единственно легитимным выходом из данной ситуации (для суда вышестоящей инстанции) является констатация факта, согласно которому: **«... вынесение правоприменительного решения в отсутствие или без учета юридически значимых фактических обстоятельств, признаваемых зако-**

---

¹ См., напр.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2013 г. № 25-Д13-30 ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 августа 2013 г. № 74-Д13-8 ; Кассационное производство № 44у-73/2015 // Архив Саратовского областного суда за 2015 г.

² См., напр.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 20-УД14-9; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 64-Д13-6.

³ См., напр.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 35-УД14-4 // URL: <http://vsrf.ru/>.

ном основаниями такого решения, – есть не что иное, как существенное нарушение (неправильное применение) закона»¹.

И в данной практической ситуации, как представляется в наличии и легальное основание для опровержения *res judicata*, и безукоризненное следование буквальной воле закона – осуществление проверки исключительно в пределах закона и в соответствии с окончательной сутью проверяемых актов суда². Методологическая, нормативная и теоретическая ценность данной конструкции, как представляется, заключается в том, что только на основе концептуальных ее положений можно:

а) «примирить», фактически непримиримые, позиции тех ученых, которые, с одной стороны, весьма однозначны в суждении о том, что: «фактические обстоятельства преступления, установленные нижестоящими судами, кассационным судом признаются априори и не могут подвергаться сомнению»; «...вступившие в законную силу судебные решения по уголовным делам, по вопросам факта считаются окончательными и не могут быть пересмотрены в кассационном порядке»³. С другой стороны, столь же непререкаемы в тезисе, согласно которому «... от правильного применения судом норм материального и процессуального права производны не только законность, но и такие свойства правосудного судебного решения, как его обоснованность и справедливость»⁴. Именно этот довод служит основой гипотезы о неразрывной связи проверки правильности применения закона и оценки всех свойств судебного решения – законности, обоснованности, справедливости;

---

¹ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 40.

² См., напр.: Кассационное производство № 44у-173/2013 // Архив Волгоградского областного суда за 2013 г.

³ См.: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 764, 781 (автор гл. 10 – В.А. Давыдов).

⁴ См.: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. В 2 ч. Ч. I / Под общ. ред. докт. юрид. наук, профессора Н.А. Колоколова. М., 2015. С. 533 (автор гл. 9 разд. 3 – В.А. Давыдов); Аналогично: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 40-41; и др.

б) «снять» основную практическую коллизию действующей надзорно-кассационной формы проверки, при которой, с одной стороны, закон категорически запрещает суду входить в оценку фактической стороны окончательного приговора. С другой стороны, результаты данной оценки – единственно возможное средство для реализации легальных целей кассационной/надзорной проверки: проверки законности окончательных актов суда и обеспечения их правосудности;

в) обеспечить искомую определенность, как практического предмета проверки и оценки суда кассационной/надзорной инстанции, так и непосредственных задач ее процессуальной формы, реальных полномочий суда и видов его итоговых актов, так как, с одной стороны, суд кассационной/надзорной инстанции не изменяет (и не вправе) фактической стороны приговора; с другой – вполне легальными средствами обеспечивает реальную или потенциальную его правосудность, указывая на то, что к данной фактической стороне неправильно применен закон.

Имеет смысл суммировать результаты как проведенного анализа, так и основные правовые константы, из него вытекающие:

- в рамках действующей кассационно-надзорной формы проверки идея *res judicata* находится в динамическом взаимодействии и противоречии с конституционной идеей обеспечения права заинтересованных лиц на судебную защиту. При этом в силу своей агрессивности каждая из этих идей стремится к доминированию в практической сфере и нивелированию в нормативном регулировании и практической деятельности своей противоположности;

- оптимальным, как для объективации сути этих идей, так и для реализации целей кассационно-надзорной формы проверки, должен почитаться порядок, при котором и нормативное регулирование и практическая сторона отправления правосудия в исследуемых экстраординарных производствах

обеспечивают реальный баланс сути и содержания исследуемых идей, их взаимодействие для целей и задач процесса¹;

- в данной связи абсолютизация идеи *res judicata* является и легитимно оправданной, и социально приемлемой лишь до легальной, достоверно доказанной, констатации факта существенных или фундаментальных нарушений закона, как в ходе предыдущего производства по делу, так и при постановлении итоговых актов суда в нижестоящих инстанциях. Исключительно последние являются основанием к ограничению или полному нивелированию следствий фундаментальной идеи *res judicata* в целях обеспечения конституционного права заинтересованных лиц на судебную защиту своих нарушенных интересов и прав;

- оптимальная процессуальная форма обновленной кассационно-надзорной проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ) должна включать и обеспечивать систему взаимно сбалансированных процессуальных гарантий как обеспечения ценности принципа *res judicata*, так и ценности справедливого отправления правосудия, объективированной через институт максимальной судебной защиты;

- нормативно определенный предмет кассационно-надзорной формы проверки, официально сформулированный как критерий законности (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ), при правильном понимании процесса познания суда вышестоящей инстанции и реальных оснований принятия правоприменительного решения, никак не препятствует познанию фактической стороны дела и приговора, обеспечивая и оптимальность, и саму возможность процесса проверки.

Приняв как данность эту систему констант, надлежит исследовать, насколько нормативная процессуальная форма и практическая сторона об-

---

¹ Как констатирует О.В. Евстигнеева, баланс предполагает взвешивание каждой из вступивших в конфликт ценностей с целью определения их верного соотношения. См.: Евстигнеева О.В. Справедливость как ценностный ориентир и его отражение в Основном законе // Юридическая наука и правоприменение (V Саратовские правовые чтения): сб. тезисов докладов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 1-2 июня 2012 г.). Саратов, 2012. С. 169.

новленной надзорно-кассационной формы проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ) обеспечивают как баланс исследуемых в данной работе идей, так и саму эффективность установленной формы проверки.

**§ 6.2. Кассационно-надзорная форма проверки
как процессуальное средство обеспечения баланса *res judicata*
и конституционного права заинтересованных лиц
на судебную защиту нарушенных интересов и прав**

В доктрине российского уголовно-процессуального права и практической стороне отправления правосудия в судах кассационной и надзорной инстанции достаточно известна система гарантий, призванных к обеспечению как ценности *res judicata*, так и конституционного права заинтересованных лиц на судебную защиту нарушенных интересов и прав, справедливое отправление правосудия, правосудный итоговый акт. Основными элементами системы обеспечения ценности *res judicata*, по идее, являются:

- законодательно ограниченный предмет непосредственной проверки и оценки суда кассационной и надзорной инстанции, ориентированный, как известно, к проверке только законности проверяемых актов суда (ст. 401.1, ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ);

- некоторое ограничение управомоченных субъектов обжалования окончательных судебных решений, действующих *ex officio* в публичном или общественном интересе (ч. 2 ст. 401.2, ч. 1 ст. 412.1 УПК РФ);

- императивные требования к содержанию жалобы, представления, особенно, в части касающейся обязательности указания на допущенные судами существенные нарушения норм уголовного или уголовно-процессуального

закона, повлиявшие на исход дела¹; причем с приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях (п. 5 ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ)²;

- установленная законом возможность к возвращению жалобы, представления без их рассмотрения по существу при наличии оснований, предусмотренных пп. 1-5 ч. 1 ст. 401.5, пп.1-5 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ;

- строго ограниченные и пресекательные сроки пересмотра вступивших в законную силу судебных решений, призванных к обеспечению стабильности состоявшихся актов суда, характеризующихся как *res judicata* (ст. 401.6, п. 3 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ);

- предусмотренная законом процедура предварительного изучения жалобы, представления специальным властным субъектом (судьей), имеющая назначением, прежде всего, установление надлежащих оснований для постановки дела и жалобы на рассмотрение по существу в суде кассационной или надзорной инстанции (п. 1 ч. 2 ст. 401.8, п. 1 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ);

- мотивы судьи (легитимные основания кассационной/надзорной отмены, изменения акта *res judicata*), по которым жалоба, представление передаются непосредственно на рассмотрение по существу суда кассационной или надзорной инстанции (п. 6 ч. 1 ст. 401.11, п. 6 ч. 1 ст. 412.8 УПК РФ);

- запрет для судьи, вынесшего решение о передаче жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании непосредственно суда кассационной или надзорной инстанции, на участие в рассмот-

---

¹ Законодатель не точен в формулировании данной гарантии. По нормам ст. 401.6 УПК РФ для поворота к худшему в положении осужденного (оправданного) необходимо, чтобы эти нарушения не только повлияли на исход дела, но и исказили саму суть правосудия и смысл судебного акта. По сути, речь о фундаментальных нарушениях закона, как кассационных основаниях. Более точно эта гарантия изложена в п. 5 ч. 1 ст. 412.3 УПК РФ – применительно к содержанию надзорной жалобы. В этом случае законодатель апеллирует (в целом) к предусмотренным законом основаниям надзорного пересмотра, конвенционально подразумевая их дифференциацию на существенные и фундаментальные. Для устранения имеющейся неопределенности в этом вопросе п. 5 ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ в порядке *de lege ferenda* должен быть изложен в редакции аналогичной п. 5 ч. 1 ст. 412.3 УПК РФ. Редакция предлагаемых изменений см.: Приложение 1 к диссертации.

² Несколько иначе и, как предполагается, более точно эта гарантия изложена в п. 5 ч. 1 ст. 412.3 УПК РФ – применительно к содержанию надзорной жалобы. В этом случае апеллирует к предусмотренным законом основаниям надзорного пересмотра, конвенционально подразумевая их дифференциацию на существенные и фундаментальные.

рении данного дела по существу в вышестоящем суде (ч. 3 ст. 401.13 УПК РФ)¹;

- обеспечение стабильности окончательных актов суда в случае равенства голосов судей, участвовавших в рассмотрении жалобы, представлении по существу и голосовании непосредственно в суде кассационной или надзорной инстанции (ч. 9 ст. 401.13, ч. 8 ст. 412.10, ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ);

- законодательно ограниченные пределы прав суда кассационной и надзорной инстанции, согласно которым суд не вправе отменить приговор, постановление, определение в отношении тех оправданных или осужденных, в отношении которых жалоба или представление не принесены, если отмена приговора ухудшает их положение (ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ²);

- установленная законом недопустимость внесения повторных или новых кассационных жалобы, представления в тот же суд кассационной инстанции, который уже принимал решение по итогам проверки (ст. 401.17 УПК РФ).

В свою очередь, основными элементами системы обеспечения конституционного права заинтересованных лиц на судебную защиту своих интересов и прав, на вынесение правосудного судебного акта являются³:

- начало широкой свободы обжалования, практически не ограничивающего ни перечень частных заинтересованных лиц, обращающихся к экстраординарным средствам судебной защиты в своем интересе (ч. 1 ст. 401.2, ч. 1

---

¹ Аналогичный запрет установлен для Председателя Верховного Суда РФ (его заместителя), которые не согласились с решением судьи об отказе в постановке жалобы, представления непосредственно на рассмотрение суда надзорной инстанции и своим решением передали дело и жалобу на пересмотр в порядке надзора (ч. 2 ст. 412.10 УПК РФ).

² Аналогичная норма отсутствует в гл. 48.1 УПК РФ (надзорное производство); тем не менее, практика надзорной проверки также однозначна в этом вопросе, минимизируя правовую неопределенность в этом принципиальном моменте.

³ В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность обретения реальной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П // Собр. законодательства РФ. 2013. №26. Ст. 3428; Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 538-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 2. С. 114.

ст. 412.1 УПК РФ), ни перечня судебных решений, подлежащих проверке вышестоящим судом (ч. 2 ст. 401.3, ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ);

- начало инстанционности судебного пересмотра, в соответствии с которым установлена последовательная проверка отдельных судебных решений в двух кассационных инстанциях (ч. 2 ст. 401.2 УПК РФ) и потенциальная возможность к неоднократному пересмотру итоговых решений Президиума Верховного Суда РФ (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ);

- право Председателя Верховного Суда РФ (его заместителя) не согласиться с постановлением судьи об отказе в передаче жалобы, представления на рассмотрение в суд кассационной или надзорной инстанции и постановить данное дело своим решением на рассмотрение суда кассационной или надзорной инстанции (ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ);

- ревизионное начало проверки, по смыслу которой суд кассационной и надзорной инстанции не связан доводами жалобы, представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме и в отношении всех осужденных, в том числе жалоб не подававших (чч. 1–2 ст. 401.16, ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ)¹;

- соответственно, не столько право, сколько обязанность непосредственно суда кассационной и надзорной инстанции осуществить процесс проверки по существу не только по доводам жалобы, представления, но и в целом по материалам истребованного и всесторонне изученного уголовного дела (ч. 2 ст. 401.11, ч. 2 ст. 401.13, чч. 1–3 ст. 401.16, п. 2 ч. 1 ст. 2 ст. 412.5, чч. 1–2 ст. 412.8, ч. 1 ст. 412.10 УПК РФ);

- извещение заинтересованных лиц о факте передачи дела и жалобы на рассмотрение суда кассационной/надзорной инстанции (ст. 401.12, ч. 1 ст. 412.10 УПК РФ), также и реальное обеспечение права указанных лиц на

---

¹ При условии, конечно, что по итогам данной проверки не ухудшается положение указанных лиц.

ознакомление со всеми материалами и решениями, поступившими в суд (ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ¹);

- максимально возможные виды итоговых решений суда кассационной или надзорной инстанции, реально обеспечивающие и конституционное право судебной защиты, и ценность правила *res judicata* (ст. 401.14, чч. 1-2 ст.412.11 УПК РФ).

Объективируясь через единство и борьбу противоположностей в рамках законодательно установленной формы кассационной, надзорной проверки, именно система этих гарантий, как уже отмечалось, призвана, с одной стороны, обеспечить ценность принципа *res judicata*; с другой – гарантировать свойства правосудности итоговых судебных решений при установлении таких нарушений закона, которые в принципе не позволяют считать проверяемое решение ни актом отправления правосудия, ни актом *res judicata*.

Достаточно очевидно и то, что в исследуемой системе одни из гарантий являются ключевыми, определяющими для сути и назначения кассационно-надзорной формы проверки, другие – выполняют вспомогательную, обеспечительную роль, являясь лишь средствами более полной реализации первых. В данной связи считаем возможным остановиться на анализе именно тех элементов системы, которые являются определяющими для обеспечения принципа *res judicata* либо конституционного принципа максимальной судебной защиты нарушенных интересов и прав, с тем чтобы определить какие именно идеи восприняла и какие закономерности формирует в итоге современная судебная практика кассационно-надзорной формы проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ), насколько эти закономерности соответствуют воле закона и целям реформ. И, прежде всего, остановимся на объективации системы гарантий, призванных к обеспечению идеи *res judicata*.

---

¹ В нормах, регламентирующих процессуальную форму производства в суде надзорной инстанции, аналогичные гарантии, нужно отметить, отсутствуют. Тем не менее, ни доктрина, ни практика не объективируют неопределенности в этом вопросе, восполняя при помощи правосознания и наработанной компетентности этот пробел законодательной воли.

Ранее уже отмечалась, фактически определяющая роль для сути и назначения данной формы проверки методически точного понимания **предмета проверки и оценки суда**. Отмечалось и то, что нормативно этот предмет ориентирован к проверке исключительно законности постановленных актов суда; реально он же обязывает управомоченного субъекта проверки (как минимум, на уровне мыслительной/оценочной деятельности) войти в оценку фактической стороны приговора, оценку исследованных нижестоящим судом доказательств. Как следствие, был констатирован вывод о том, что только при самостоятельном познании судом кассационной или надзорной инстанции фактических обстоятельств дела и (итоговом - мыслительном) «применении» к указанным фактам надлежащих норм материального и/или процессуального права, суд вышестоящий инстанции единственно в состоянии реализовать назначение данной формы проверки, объективировать ее нормативную суть. Единственно чего суд по закону и по факту делать не вправе – это кардинально иначе констатировать (в итоговом акте отправления правосудия) фактическую сторону дела и приговора, так как это предмет усилий и констатаций суда первой или апелляционной инстанции.

К сожалению, практика реализации новой кассационно-надзорной формы проверки и отчасти доктрина российского уголовно-процессуального права не до конца поняли диалектику взаимодействия и противоречия этих элементов реального процесса проверки. Как свидетельствует анализ указанной практики, акты кассационной и надзорной формы одновременно констатируют и правомерность проверки фактической стороны проверяемых актов, и категорическое отрицание правомерности подобных усилий суда. Доктрина также массово приводит примеры, когда суд кассационной, надзорной инстанций одновременно:

- обращается к оценке фактической стороны проверяемых актов суда, так как только указанное гарантирует исправление существенных (фунда-

ментальных) нарушений закона и обеспечение правосудности постановленных и уже окончательных актов суда¹;

- безапелляционно констатирует тезисы, что проверка и оценка фактической стороны приговора не входит в предмет кассационно-надзорной проверки и, следовательно, не составляет предмет усилий и реагирования суда².

Подобная двойственность суждений и итоговых выводов, нельзя не признать, отчасти оправдана. Именно она позволяет одновременно «использовать» эту форму проверки и для реализации сугубо публичных задач обеспечения единой публичной законности, и в качестве легитимного средства для «отсева» жалоб, не являющих существенных, фундаментальных нарушений закона и апеллирующих лишь к очередной переоценке фактической стороны дела и приговора.

В одних случаях, проверка и оценка фактической стороны дела и приговора единственно являет основания для отмены, изменения проверяемых актов суда; в других – она же превращается в публичное средство для констатаций незыблемости *res judicata*. Однако даже при конвенциональной целесообразности указанной практики, она же в принципе не согласуется с определенностью права, ибо последнее реализуется не как единая и публичная воля закона, а как субъективное, «ручное» средство управления судами и

---

¹ Кассационное производство № 44у-173/2013 // Архив Волгоградского областного суда за 2013 г.; Материал № 4у-2010/2013 // Архив Саратовского областного суда за 2013 г.; Материалы № 4у-315/2014, № 4у-318/2014 // Архив Саратовского областного суда за 2014 г. Цит по: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений С. 40-41, 44.

² Материал № 4у-317/2014 // Архив Саратовского областного суда за 2014 г.; Кассационное производство № 44у-68/2015 // Архив Саратовского областного суда за 2015 г.; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 марта 2015 г. по делу № 18-УД14-65; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 августа 2014 г. по делу № 18-УД-14-11. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1243382. Цит по: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений С. 44-45. См. аналогично: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 18-УД14-65 от 12 марта 2015 г.; № 18-УД15-2 от 24 февраля 2015 г.; № 66-УД14-3 от 17 февраля 2015 г.; № 4-УД14-20 от 18 февраля 2015 г.; № 71-О15-1 от 29 января 2015 г.; № 4-О15-1 от 25 марта 2015 г.; № 13-УД15-1 от 3 марта 2015 г.; № 49-О15-1 от 26 февраля 2015 г.; и др. [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

практикой. В данной связи, видится верным настаивать на итоговом выводе: любые обращения к фактической стороне постановленных актов суда, характеризующихся как *res judicata*, оправданы лишь на уровне мыслительно-логической деятельности суда кассационной или надзорной инстанции (Указанный вывод, естественно, касается и полномочий судьи, призванного к предварительному изучению жалобы, представления – на предмет наличия надлежащих кассационных или надзорных оснований). И они же – в силу воли закона и в плане обеспечения ценности *res judicata* – не должны объективировать себя в качестве обоснования итоговых актов кассационно-надзорной формы проверки, обеспечивая определенность сути, назначения и результатов исследуемых экстраординарных средств судебной защиты.

О том, насколько текущая практика готова «согласовываться» с указанным тезисом, свидетельствует анализ системы установленных законом гарантий (баланса) *res judicata* и принципа обеспечения судебной защиты.

Так, среди ключевых элементов исследуемой системы, как уже отмечалось, – ограниченные и пресекательные **сроки пересмотра вступивших в законную силу судебных решений** (ст. 401.6, п. 3 ч. 1 ст. 412.4 УПК РФ). В первоначальной редакции законодательной воли (Закон № 433-ФЗ) суть данной гарантии была однозначна: обжалование и пересмотр окончательных актов суда возможны лишь в пределах одного года с момента вступления указанных актов в законную силу. Законодатель правомерно исходил из того, что поскольку единственными основаниями преодоления *res judicata* являются существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ) или повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия (ст. 401.6 УПК РФ), то существенность/фундаментальность указанных нарушений столь очевидна, что за указанный срок вполне в состоянии объективировать себя, как в правосознании субъектов обжалования, так и в форме

их притязаний к суду вышестоящей инстанции¹. В данной связи установленный срок виделся и достаточным, и оптимальным как для обеспечения конституционного права судебной защиты, так и для гарантий правовой определенности окончательных актов суда. Как следствие, истечение данного пресекающего срока и отсутствие кассационного, надзорного повода со стороны управомоченных к обжалованию лиц констатировало незыблемость сути и следствий идеи *res judicata*, пресекая для публичных и частных заинтересованных лиц возможность дальнейших обращений к суду кассационной, надзорной инстанции, к средствам экстраординарной судебной защиты².

В нормативной конструкции данной нормы-гарантии был изначально заложен баланс, как конституционного принципа судебной защиты, так и идеи *res judicata*. Однако Пленум Верховного Суда РФ, как известно, «уточнил» правила понимания и применения указанных сроков³. В соответствии с редакцией абз. 2 п. 7 постановления Пленума от 28 января 2014 г. № 2 для дальнейшего инстанционного обжалования и пересмотра судебного акта, бывшего предметом кассационной проверки в верховном суде республики (президиуме краевого, областного суда...), срок в один год (ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ) исчисляется заново – с момента вступления в силу постановления президиума соответствующего суда⁴.

---

¹ Так, судом кассационной инстанции однозначно отменено решение нижестоящего кассационного суда, связанное с «*reformatio in peius*» в положении осужденного и вынесенное за пределами установленного срока обжалования в один год. См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. № 26-УД14-6. // [Электронный ресурс]. URL: [http://www .supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3](http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П // Собр. законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160. Аналогично: Постановление ЕСПЧ от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин против Российской Федерации» (Nikitin v. Russia), жалоба № 50178/99 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кроме того, в указанный срок, как указал пленум, не следует включать временные периоды, связанные с истребованием и пересылкой уголовного дела в суд вышестоящей инстанции, а также срок предварительного изучения жалобы/представления управомоченным судьей (на предмет наличия действительных кассационных оснований).

Таким образом, исключительно усмотрением Пленума и в интересах публичной законности, были установлены два самостоятельных кассационных срока для последовательной проверки окончательных актов суда в иерархической вертикали кассационных инстанций. Доводы о том, что подобное исчисление сроков экстраординарной кассации не согласуется ни с идеей *res judicata*, ни с сутью существенных оснований преодоления этого принципа были достаточно озвучены в российской уголовно-процессуальной доктрине¹; тем не менее, указанные разъяснения Пленума состоялись, и были восприняты практикой как императивная данность. Неудивительно, что со временем доктрина «с недоумением» приводила примеры, по сути которых экстраординарная форма кассационной судебной защиты реализовывалась (в полном объеме) в отношении окончательных актов суда, вступивших в законную силу, от десяти и более лет².

При этом «разумные» объяснения к указанной практике, как правило, сводились к доводам-декларациям об императивной необходимости исправления судебной ошибки³, обеспечению публичной правосудности итоговых

---

¹ См., напр.: Дикарев И. Об основаниях пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 35-38; Ковтун Н.Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 26-30; он же. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права. С. 32-42.

² К примеру: Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 71-О15-1 от 29 января 2015 г. разрешена кассационная жалоба осужденного К. на приговор Калининградского областного суда от 10 июня 2003 г.; кассационным определением № 2-УД15-1СП от 19 марта 2015 г. отменен приговор, постановленный в 2012 г. // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

³ Указанная установка является в качестве определяющей и в правосознании судей, реализующих процесс кассационной или надзорной проверки в современном уголовном процессе. Свидетельством тому ответы 76,8% опрошенных судей, по сути которых в действующей системе кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда доминируют идеи: (1) публичной законности, в силу которой любое нарушение закона должно быть устранено в ходе указанных форм проверки; (2) обязанности суда принять (все) меры к устранению любых (возможных) нарушений закона и обеспечению, тем самым, правосудности приговора. И, напротив, довод о том, что идея правовой определенности на этом этапе предполагает оптимальный баланс идеи *res judicata* и конституционного принципа максимальной судебной защиты поддержана лишь 17,2% опрошенных респондентов (анкета, приложение № 2 к диссертации).

актов суда, обеспечению законности и единства судебной практики¹. О том, насколько указанное соотносится с *res judicata*, напротив, как правило, не обсуждалось.

Практически безоговорочное доминирование идеи законности в правосознании судей и в итоговых актах отправления правосудия закономерно закончилось тем, что Федеральным законом № 518-ФЗ от 31 декабря 2014 г. ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ признана утратившей силу².

Вследствие указанных изменений закона сторона защиты более не ограничена пресекательным сроком обжалования окончательных актов суда и инициации экстраординарной отмены/изменения приговора, вступившего в законную силу, в своих интересах. В контексте правовых позиций и итоговых выводов постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П³, как резюмирует профессор Н.Н. Ковтун⁴, следует ожидать аналогичных новаций, призванных к устранению из текущего нормативного регулирования и ограничительных предписаний ст. 401.6 УПК РФ⁵. Тем самым ограниченные и пресекательные сроки кассационно-надзорной формы проверки будут окончательно устранены из системы гарантий обеспечения *res judicata*, уступив безраздельному доминированию идеи «судебной защиты» (контекст – обеспечение публичной законности)⁶.

¹ См., напр.: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт практического осмысления. М., 2011. С. 138 (автор параграфа 3.15 – В.А. Лазарева); Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений. С. 293.

² Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 12 января. Аналогично из новой редакции постановления Пленума от 28 января 2014 г. № 2 был исключен (ранее цитируемый нами) абз. 2 пункта 7.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда».

⁴ Ковтун Н.Н. *Res judicata* реформированной российской кассации. С. 124-125.

⁵ Последние все еще пресекают возможность «*reformatio in peius*» в положении осужденного сроком в один год.

⁶ Указанные предложения, к примеру, прямо высказаны в исследовании Д.Х. Геховой. См.: Гехова Д.Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10-11.

В том же ряду гарантий обеспечения ценности *res judicata* процедура **предварительного изучения жалобы** уполномоченным судьей (п. 1 ч. 2 ст. 401.8, п. 1 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ), имеющая целевым своим назначением установление надлежащих оснований для постановки дела и жалобы на рассмотрение по существу в суде кассационной или надзорной инстанции.

Поскольку необоснованные отмена, изменение акта *res judicata* весьма негативно сказываются на авторитете отправления правосудия и нивелируют правовую определенность окончательно установленных судом правовых состояний, процедура предварительного изучения кассационного, надзорного повода и проверки оснований для инициации собственно экстраординарных проверочных производств выступает необходимым и оправданным фильтром для отбора к проверке действительно законных и обоснованных жалоб. В данной связи, с учетом как сущности, так и назначения исследуемой формы проверки в общем механизме средств судебной защиты, законодатель оказался принципиален в вопросах о том, что:

- данная деятельность в целом носит не только процессуальный, но и судебный характер¹;
- уполномоченным субъектом реализации указанной деятельности и принятия итоговых решений по ее существу выступает строго определенный круг лиц, относящихся к власти судебной (ст. 401.7, ч. 1 ст. 412.5 УПК РФ);
- сроки реализации данной деятельности и виды возможных решений по ее существу строго определены уголовно-процессуальным законом (ст. 401.8–401.11, ст. 412.6–412.8 УПК РФ), исключая ранее критикуемую ЕСПЧ правовую неопределенность в этом вопросе²;

---

¹ Генезису надзорной формы проверки в российском уголовном процессе, напомним, известны периоды, когда, во-первых, субъектом указанной деятельности выступали должностные лица органов прокуратуры; во-вторых, сама эта деятельность, скорее, носила административный, а не процессуальный характер.

² См. подробнее: Решение ЕСПЧ от 12 мая 2015 г. «По вопросу приемлемости жалобы №38951/13 “Роберт Михайлович Абрамян (Robert Mikhaylovich Abramyan) против Российской Федерации”, жалобы № 59611/13 “Сергей Владимирович Якубовский (Sergey Vladimirovich Ykubovskiy) и Алексей Владимирович Якубовский (Aleksey Vladimirovich Ykubovskiy) против Российской Федерации” // СПС «КонсультантПлюс».

- процессуальная форма предварительного изучения жалобы и вынесения итогового решения по ее существу включает в себя эффективные и властные средства контроля за законностью и обоснованностью ее итоговых актов (ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ).

Конституционный Суд РФ также однозначен в вопросе о том, что предварительная процедура проверки кассационных жалоб, в ходе которой проверяются надлежащие правовые основания для дальнейшего движения дела (применения экстраординарных средств судебной защиты), вполне отвечает правовой природе и предназначению кассационного производства и не может расцениваться как несовместимая с правом каждого на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство¹.

Акты *res judicata* не могут автоматически пересматриваться в силу лишь одного обращения заинтересованных лиц и требуют установления таких особых процедур и условий своего пересмотра, которые отвечали бы прежде всего требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, их неопровержимости².

Достаточно проработаны в законе и содержательные моменты предварительной проверочной деятельности в процессуальной форме кассационной или надзорной проверки (гл. 47.1, 48.1 УПК РФ). Так, по итогам предварительного изучения жалобы, представления или в целом истребованного и изученного уголовного дела уполномоченный судья выносит постановление:

1) об отказе в передаче кассационных, надзорных жалоб, представления в судебном заседании, соответственно, суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ (п. 1 ч. 2 ст. 401.8, п. 1 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ);

---

¹ См., напр.: постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П // Российская газета. 2014. 9 апреля.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Российская газета. 2012. 11 янв. Аналогично: постановление ЕСПЧ от 24 мая 2007 г. Дело «Радчиков против Российской Федерации» (Radchikov v. Russia) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10. С. 119-132.

2) о передаче кассационных или надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании, соответственно, суда кассационной инстанции или Президиума Верховного Суда РФ (п. 2 ч. 2 ст. 401.8, п. 2 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ).

Основания вынесения этих решений (по тексту закона – мотивы; п. 6 ч. 1 ст. 401.11, п. 6 ч. 1 ст. 412.8 УПК РФ) тождественны основаниям кассационной отмены/изменения окончательных актов суда непосредственно по итогам кассационной или надзорной проверки по существу, что не только методически правильно, но и единственно возможно.

Как справедливо суммирует И.С. Дикарев, выделение особых, отличных от приведенных в ст. 401.6 или ст. 401.15 УПК РФ оснований противоречило бы принципу правовой определенности, поскольку не обеспечивало бы должных гарантий неопровержимости окончательных актов суда¹. Отсюда конвенциональное различие последних лишь в степени внутреннего убеждения субъектов познания, изучавших доводы жалобы, представления или в целом уголовного дела. Для лиц, реализующих процесс предварительного изучения кассационной, надзорной жалобы, вполне допустима степень высокой вероятности вывода о наличии/отсутствии установленных законом правовых оснований к инициации процесса экстраординарной проверки. Для уполномоченного состава суда кассационной или надзорной инстанции, завершающего процесс экстраординарной проверки с вынесением решения по существу, необходима достоверность вывода о наличии указанных оснований; последнее собственно и позволяет преодолеть суть и следствия *res judicata* или правомерно отказать в этом.

При правильной постановке процесса предварительного изучения жалобы, представления и должном правосознании судей, реализующих процесс данной проверки, установленных законом средств и гарантий вполне достаточно и для инициации реальной судебной защиты интересов и прав заинте-

---

¹ Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 171.

ресованных лиц, и для обеспечения незыблемости актов *res judicata* и правовой определенности в целом. Тем более что, непосредственно уголовно-процессуальным законом предусмотрены и практикой отправления правосудия выработаны дополнительные средства контроля за законностью и обоснованностью каждого из указанных решений судьи.

Речь о праве Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя не согласиться с постановлением судьи об отказе в передаче жалобы, представления на рассмотрение в суд кассационной/надзорной инстанции и внести это дело своим решением на рассмотрение суда кассационной или надзорной инстанции (ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ).

Представляется очевидным, что эта норма-гарантия направлена к обеспечению конституционного права заинтересованных лиц на судебную защиту своих нарушенных интересов и прав. Достаточно очевидно и то, что введение указанной нормы в процессуальную форму кассационно-надзорной проверки несколько нарушает баланс в равновесии идеи *res judicata* и конституционного принципа обеспечения судебной защиты, создает предпосылки для доминирования последнего в нормативной модели и правосознании судей. Тем не менее, исходя из социально-нормативного назначения правосудия (ст. 2 Конституции РФ), законодатель сознательно смещает акценты в этом вопросе, и достаточно трудно упрекнуть его в этом, особенно, в контексте понимания ценности обеспечения реальной судебной защиты¹.

Отметим и то, что содержательное наполнение указанной нормы-гарантии характеризуется рядом лагун и коллизий. За рамками законодательной воли, в частности, остались вопросы о том:

- насколько реализация указанных правомочий возможна по личной инициативе управомоченных лиц судебного ведомства;

---

¹ Так, именно исследуемым решением было обеспечено право судебной защиты и исправление нарушений закона по ряду изученных производств. См., напр.: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 209-П13; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 266-П12.

- в какие процессуальные сроки, в какой процессуальной форме могут быть реализованы эти полномочия;

- является ли эта деятельность уголовно-процессуальной, или есть проявление властного административного ресурса высших должностных лиц судебной системы Российской Федерации.

Отчасти эти проблемы нашли свое разрешение в актах конституционного правосудия и констатациях российской уголовно-процессуальной доктрины.

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, изложенными в постановлении от 5 февраля 2007 г. № 2-П, полномочие председателя соответствующего суда не согласиться с решением судьи об отказе в передаче дела для рассмотрения по существу в суд надзорной инстанции может быть реализовано только при наличии соответствующего обращения лица, выступавшего инициатором подачи жалобы¹.

В определении от 4 октября 2011 г. № 1459-О-О высший орган конституционного правосудия дополнительно указывает, что в случае отказа в удовлетворении надзорных жалобы, представления лица, их подавшие, имеют право на обжалование соответствующего решения судьи².

При этом форма обжалования – в суд вышестоящей инстанции или непосредственно председателю Верховного Суда РФ, его заместителю – определяется субъективным усмотрением самого заявителя. Таким образом, последнее служит дополнительной процессуальной гарантией широкой судебной защиты.

Являются ли эти отношения уголовно-процессуальными? Безусловно, поскольку и субъекты исследуемой деятельности, и пределы их полномочий строго определены уголовно-процессуальным законом. Вместе с тем, указан-

---

¹ Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

² Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1459-О-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был. Аналогичные суждения высказывались в диссертационном исследовании В.Д. Потапова. См.: Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. М. 2013, С. 207.

ное не легитимизирует явную пробельность закона в вопросах отсутствия должной правовой процедуры по реализации отношений, возникающих в связи с обжалованием «отказного» решения судьи и инициацией властных контрольно-проверочных отношений непосредственно Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя. В данной связи, в целях устранения правовой неопределенности, нормы ст. 401.8 УПК РФ, на наш взгляд, должны быть дополнены системой следующих правовых предписаний¹:

- **ч. 4 ст. 401.8 УПК РФ** (нормой): «Реализация полномочий Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя, предусмотренных частью 3 статьи 401.8 настоящего Кодекса, возможна при наличии соответствующей жалобы со стороны лиц, по жалобам, представлению которых вынесен отказ в их передаче на рассмотрение непосредственно суда соответствующей кассационной инстанции, при условии, что данная жалоба подана в срок не позднее 30 суток с момента получения копии указанного решения судьи»;

- **ч. 5 ст. 401.8 УПК РФ**: «При поступлении указанной жалобы Председатель Верховного Суда РФ, его заместитель истребуют от управомоченного судьи (суда) производство по жалобе, представлению, а при необходимости и уголовное дело, изучают их и в срок не позднее трех месяцев принимают решение, предусмотренное частью 3 статьи 401.8 настоящего Кодекса, или мотивированно отказывают заявителю в удовлетворении его притязаний»².

Принятие указанных дополнений тем более необходимо, что непосредственно судебная практика, несмотря на озвученные конституционно-

---

¹ Аналогичные по содержанию нормы должны быть дополнительно внесены (в качестве чч. 4 и 5) в нормы ст. 412.5 УПК РФ. Последние конвенционально не формулируются нами лишь в силу их смыслового и содержательного тождества с предлагаемыми новациями *de lege ferenda*. См.: Приложение 1 к диссертации.

² Представляется верным солидаризироваться с теми исследователями, которые считают принципиальным порядок, при котором все виды решений в рамках указанных отношений принимались именно в форме постановления, а не в форме различного рода «извещений», как это, нередко, имеет место на практике в настоящее время. См., напр.: Мерзлякова М.В., Прошляков А.Д. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 87; Калинкина Л.Д. Повторное производство в российском уголовном процессе: монография. Саранск, 2010. С. 231.

правовые позиции, нарабатывает принципиально иные алгоритмы в реализации предварительного этапа кассационно-надзорной формы проверки.

На данный момент, констатирует, к примеру, И.С. Дикарев, в Верховном Суде РФ сложилась стойкая и сугубо инициативная практика отмены незаконных постановлений судей об отказе в передаче кассационных и надзорных жалоб, представлений для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда и передачи в связи с данным жалоб, представлений на рассмотрение другому судье¹. Конвенционально считая эту практику единственно правильной², в том числе в контексте обеспечения конституционного права судебной защиты, этот же автор считает необходимым закрепить эти подходы законодательно, в виде соответствующих дополнений норм ст. 401.8 и ст. 412.5 УПК РФ³.

Насколько эта же практика соответствует правовым позициям высшего органа конституционного правосудия, к которым ранее неоднократно обращается и указанный автор⁴, или роли суда в состязательном уголовном процессе, И.С. Дикарев, нужно отметить, умалчивает. Между тем, при формировании закономерности, а тем более законодательном закреплении, данных стойких тенденций «инициативных» и сугубо публичных отмен, институт кассационно-надзорной формы проверки, законодательно урегулированный как баланс обеспечения идеи *res judicata* и принципа судебной защиты, всецело трансформируется в ординарное средство установления единой публичной законности. Отсюда и идея *res judicata* для указанных производств – не более чем легальная фикция, которая вполне может обсуждаться доктриной,

---

¹ См., напр.: материал № 33-УКС14-99 // Архив Верховного Суда РФ за 2014 г.; Материал №44-ун15-332 // Архив Верховного Суда РФ за 2015 г.; материал № 51-УД15-2 // Архив Верховного Суда РФ за 2015 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

² Справедливости ради отметим, что ранее (на с. 181 работы) автор, напротив, высказывает предложения к законодательному закреплению порядка, при котором реализация указанных полномочий Председателя Верховного Суда РФ была поставлена в зависимость от наличия жалобы заинтересованных лиц. См.: Дикарев И.С. Указ. соч. С. 181.

³ См.: Дикарев И.С. Указ. соч. С. 184, 185.

⁴ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 180, 181.

но не обязательно соблюдаться в практической сфере отправления правосудия, где, безраздельно господствует гипертрофированная идея публичной законности, искусно вуалируемая, в том числе под идеи института максимальной судебной защиты.

И.С. Дикарев также указывает, что применительно к исследуемым нормам действующий УПК РФ не конкретизирует предмет контроля со стороны Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя. Считая указанное явным упущением закона, ученый предлагает закрепить непосредственно в УПК РФ, что «отказные» постановления судьи должны проверяться уполномоченными руководителями судов с позиций как законности, так и (фактической) обоснованности¹.

Сложно разделить позиции автора в этом вопросе, ибо предмет проверки и оценки всех субъектов познания в рамках экстраординарной надзорно-кассационной формы является изначально единым: это свойства законности окончательных актов суда и наличие/отсутствие исключительных оснований для легального опровержения данной константы. В данной связи, предметом проверки указанных высших должностных лиц судебной системы России должна быть диалектика, как первого, так и второго; проверка законности и обоснованности «отказного» постановления судьи – лишь средство для познания единого и легитимного предмета надзорно-кассационной формы проверки.

Следует, правда, отметить, что и в этом вопросе действующая практика надзорно-кассационной формы проверки формирует принципиально иные практические стандарты. К примеру²:

- решением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. проверено и отменено постановление судьи Верховного Суда РФ, которым отказано в передаче дела и жалобы на рассмотрение суда вышестоя-

---

¹ Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений. С. 182-183.

² Кассационное производство № 44у-72/2015 // Архив Саратовского областного суда за 2015 г.

щей инстанции. Основанием отмены и передачи дела и жалобы в суд нижестоящей кассационной инстанции послужил вывод указанного должностного лица, согласно которому «... квалификацию действий Т. по ч. 2 ст. 162 УК РФ нельзя признать соответствующей **установленным судом фактическим обстоятельствам преступного деяния** и требованиям уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение разбойного нападения».

В итоге, рассмотрев жалобу осужденного Т., президиум Саратовского областного суда удовлетворил ее: действия Т. переквалифицированы с ч. 2 ст. 162 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ, назначенное наказание снижено.

Как видно, несмотря на однозначно обозначенный (законодательно ограниченный) предмет новой кассационной проверки (гл. 47.1 УПК РФ), высшие должностные лица судебной системы России считают вполне правомерным не только обращаться к фактической стороне постановленных актов, но и прямо указывать на данное основание при возвращении дела и жалобы в суд нижестоящей инстанции. Тем самым, властно формируются не только необходимые установки в правосознании судей, но и в целом закономерности в реализации исследуемой формы проверки.

Не представляется возможным согласиться и с суждением И.С. Дикарева в вопросе о том, что председатель Верховного Суда РФ, его заместитель должны обладать правомочием к отмене не только «отказного» постановления судьи, предварительно изучавшего жалобу, представление, но и постановления о передаче дела и жалобы на рассмотрение суда кассационной или надзорной инстанции. Суть позиций указанного исследователя заключается в том, что пересмотр окончательного судебного акта на основании незаконного решения судьи существенно нарушает требование *res judicata* и правовую определенность (как принцип) в целом¹. В данной связи стабильность акта *res judicata* и установленных им правовых состояний требуют дополнительных процессуальных гарантий.

---

¹ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 183.

Позиции автора настоящего исследования в этом вопросе кардинально отличны: как представляется, нет ни явного нарушения принципа *res judicata*, ни особой проблемы в том, чтобы, как доводы заявителя, так и реальные свойства окончательного акта суда будут проверены по существу непосредственно коллегиальным, максимально опытным и компетентным составом суда кассационной или надзорной инстанции. Тем более что дополнительной гарантией всесторонности и объективности данной проверки послужит также оценка мотивов судьи, передавшего дело и жалобу на рассмотрение непосредственно суда кассационной или надзорной инстанции. Ни правовая стабильность проверяемого акта суда, ни его исполнимость, ни иные свойства и следствия *res judicata* нисколько не умаляются от процесса подобной проверки, которая, для данного случая, выступает в качестве максимально надежной гарантии и правила *res judicata*, и принципа обеспечения судебной защиты. В итоге, лишь от результата познания управомоченного состава суда зависит, какая из указанных ценностей будет констатирована доминирующей в итоговом акте суда кассационной, надзорной инстанции, однозначно подтверждая ценность *res judicata* или торжество права судебной защиты, правосудного судебного акта, справедливости уголовной юстиции. Напротив, инициативное, сугубо административное и, как правило, публично ориентированное вмешательство председателя Верховного Суда РФ, его заместителя в сбалансированный процесс судебной защиты не будет правильно «понято» ни сторонами в процессе, ни судьей, поставившим дело и жалобу на судебное рассмотрение, ни в целом членами гражданского общества.

Отдельно должен быть рассмотрен вопрос о наделении исследуемыми процессуальными полномочиями (ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ) как председателей верховного суда республики (краевого, областного суда...), так и их заместителей. Подобные предложения, в т. ч. сформулированные в плане *de lege ferenda*, высказываются практически в каждой работе, посвященной анализу сути и содержания предварительного этапа проверки в суде кассационной инстанции. При этом суть аргументации в основном сводится к констатации

того, что данный контроль объективирует себя как одна из наиболее действенных процессуальных гарантий права заинтересованных лиц на судебную защиту своих нарушенных прав¹.

Представляется, что подобные предложения лишены своей материальной основы. Законодательное закрепление указанных правомочий, во-первых, неосновательно расширит круг лиц, фактически иницирующих процесс экстраординарной кассационной проверки, что вновь нивелирует суть фундаментальной идеи *res judicata* и приводит к искусственному доминированию не столько института обеспечения судебной защиты, сколько сугубо публичного стремления к установлению официальной законности. Во-вторых, в отсутствие указанного правомочия у названных лиц, думается, что нет нарушения принципа равенства кассаторов перед законом и судом².

Ранее уже отмечалось, что заинтересованные лица обладают безусловным правом на обжалование решения судьи об отказе в передаче дела и жалобы на рассмотрение суда кассационной инстанции. Поскольку председатели верховного суда республики (краевого, областного суда...) не наделены правом реагирования на указанные жалобы, единственно правомочным субъектом их разрешения являются председатель Верховного Суда РФ, его заместитель, то есть мы вновь «возвращаемся» к нормативным предписаниям ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ. По смыслу последних председатель Верховного Суда РФ, его заместитель, отменив «отказное» постановление судьи, вправе внести жалобу, представление в суд соответствующей судебной инстанции. Таким образом, заинтересованные лица (кассаторы) нисколько «не теряют» в средствах эффективной судебной защиты. В-третьих, в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 382-ФЗ «отказное» постановление судьи, вынесенное в порядке п. 1 ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ, не пресекает возможности

---

¹ См., напр.: Аширбекова М.Т., Омарова А.С. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 63; Гехова Д.Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе. С. 11; Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации. С. 275-277.

² На последнее, в частности, указывает И.С. Дикарев. См.: Дикарев И.С. Указ. соч. С. 175.

дальнейшей судебной защиты для заинтересованных лиц, т. к. они вправе обратиться с кассационной жалобой непосредственно в Верховный Суд РФ. По итогам ее рассмотрения дело и жалоба вновь могут быть поставлены на рассмотрение суда нижестоящей кассационной инстанции. В итоге, анализируемыми нормами заинтересованным лицам (кассаторам) предоставлены широкие возможности выбора средств эффективной судебной защиты. Множить сущности в данной связи, как представляется, вряд ли оправдано.

Кроме того, доктриной озвучены суждения, согласно которым председатель Верховного Суда РФ, его заместитель наделены правом реагировать (в порядке ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ) не только на «отказное» постановление судьи Верховного Суда РФ, но и на аналогичное постановление судьи нижестоящей кассационной инстанции¹.

Это суждение видится здравым, и правильным, ибо, если высшие должностные лица судебной системы России наделены указанным правом по отношению к решениям судей Верховного Суда РФ, то в силу каких непреодолимых препятствий они не вправе реализовать аналогичные правомочия в отношении судей нижестоящих судов. Как следствие, препятствия в реализации указанных правомочий лишь в позициях отдельных ученых и установках должностных лиц судебной системы, пока апеллирующих к буквальному смыслу ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ. Снятие данной «проблемы» видится в изменении редакции указанной нормы, призванном к обеспечению конституционного права судебной защиты. В силу чего в **ч. 3 ст. 401.8 УПК РФ** после слов «... не согласиться с постановлением судьи»: слова «... Верховного Суда Российской Федерации» следует исключить (далее – по тексту)². В данной редакции высшие должностные лица судебной системы России уже не ограничены в реализации исследуемых контрольно-проверочных полномочий.

---

¹ См., напр.: Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России: монография. М. 2013, С. 127-128.

² См.: Приложение 1.

В доктрине российского уголовно-процессуального права высказаны также суждения о недостаточной ясности или пробельности норм, связанных с возвращением жалобы, представления заявителю без их рассмотрения по существу (ст. 401.5, 412.4 УПК РФ). Проблемы, в частности, виделись в том, кто именно (аппарат суда или судья, уполномоченный к реализации процесса предварительного изучения жалобы) вправе принять указанное решение. Обязательно ли в данном случае вынесение мотивированного постановления или достаточно письменного извещения заинтересованных лиц. Насколько оптимальны сроки возвращения жалобы, и следует ли (всегда) строго по букве закона подходить к форме и содержанию поданной жалобы, представления. Естественно, констатировались суждения о том, что указанные пробелы в принципе не соответствуют определенности российского уголовно-процессуального права и могут объективироваться в качестве серьезного препятствия к реализации конституционного принципа судебной защиты. Для минимизации отдельных из этих проблем предлагались соответствующие новации *de lege ferenda*¹.

Отчасти признавая наличие этих лакун в законодательной воле, мы вместе с тем не будем ни повторяться в этих моментах, ни дискутировать по поводу оптимальности, предлагаемых *de lege ferenda* новаций. На основе изученных закономерностей текущей практики надзорно-кассационной формы проверки позволим себе утверждать, что данные частности, *во-первых*, не являются предметом серьезных негативных коллизий², ибо легко минимизируются правосознанием уполномоченных субъектов проверки и наработан-

---

¹ См., напр.: Дикарев И.С. Указ. соч. С. 190-200.

² Так, несмотря на формальные нарушения требований к форме и содержанию кассационного отзыва, ни одна из подобных жалоб не была оставлена без рассмотрения по существу ввиду наличия указанных нарушений. См., напр.: Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ № 49-О15-1 от 26 февраля 2015 г.; № 20-О15-1сп от 5 марта 2015 г.; № 71-О15-1 от 29 января 2015 г.; № 18-УД14-65 от 12 марта 2015 г.; № 66-УД14-3 от 17 февраля 2015 г.; № 11-УД15-1 от 5 марта 2015 г.; № 20-О15-1сп от 5 марта 2015 г.; № 4-О15-1 от 25 марта 2015 г.; № 69-УД15-3 от 3 марта 2015 г.; № 49-О15-1 от 26 февраля 2015 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNumber=69-%D3%C415-3.

ной практикой реализации данной формы судебной защиты¹. Как следствие, они не в состоянии реально повлечь состояние коллизионной неопределенности права. *Во-вторых*, суть указанных дефектов законодательной воли, в целом или в части объективированных в практической плоскости кассационно-надзорной формы проверки, не в состоянии нивелировать ни ценность *res judicata*, ни назначение конституционного принципа обеспечения судебной защиты. Отсюда и конвенциональное игнорирование в данной работе указанных частностей, и внимание к действительно узловым звеньям проблемы, а не к тем или иным симулякрам неопределенности права.

В контексте анализа реальных проблем следует кратко остановиться на категорическом **запрете закона к внесению повторных или новых кассационных жалоб** по тем же или иным основаниям, теми же или иными кассаторами в тот же суд кассационной инстанции, при условии, что ранее эти жалобы, представление в отношении одного и того же лица уже рассматривались данным судом в судебном заседании либо были оставлены без удовлетворения постановлением судьи (ст. 401.17 УПК РФ).

В предписаниях указанной нормы заложен баланс, с одной стороны, идеи *res judicata*, согласно которой в принципе исключена возможность к перманентным проверкам окончательного акта суда в одной и той же судебной инстанции при наличии: (1) акта судьи об отказе в постановке этого дела и акта на рассмотрение по существу (п. 1 ч. 2 ст. 401.8 УПК РФ); и, тем более, (2) итогового акта суда кассационной инстанции, констатировавшего незыблемость (стабильность, неопровержимость, исполнимость) акта *res judicata* по итогам судебного разбирательства по существу. С другой стороны, суть исследуемого предписания не препятствует тому, чтобы жалоба и дело были еще раз проверены в суде вышестоящей кассационной инстанции – что есть актуализация гарантий конституционного принципа судебной защиты.

---

¹ См. подробнее, напр.: Колмаков П., Обухов И. Что понимать под существенными (фундаментальными) нарушениями, повлиявшими на исход дела? // Уголовное право. 2007. № 6. С. 90; Ковтун Н.Н. *Res judicata* реформированной российской кассации. С. 125-130.

Назначение установленного законом баланса в принципе исключают неопределенность в реализации кассационной формы проверки; тем не менее, доктрина и практика нарабатывают принципиально иные подходы. В частности, И.С. Дикарев, полагая исследуемое нормативное регулирование существенным ограничением принципа судебной защиты, прямо пишет о том, что возвращению каждой новой или повторной жалобы должно предшествовать обязательное ее изучение по правилам ст. 401.8 УПК РФ¹. Результаты и следствия этого «изучения» автором конвенционально умалчиваются. Последнее, отчасти, «компенсируется» его апелляциями к позициям заместителя председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдова. Именно последний более ясно расставляет акценты, указывая, что повторные кассационные жалобы подлежат рассмотрению в общем порядке, но другим судьей соответствующего суда. При этом всецело оправдано, по мнению данного автора, что итогом изучения жалобы у судьи может быть совершенно иное мнение относительно правосудности проверяемых актов суда. Не препятствует инициации кассационного пересмотра по существу в указанном случае и наличие «отказного» постановления иного судьи, в силу чего нет потребности в его процессуальной отмене. Что же касается новых жалоб, то они подлежат рассмотрению и без указанных оговорок, по общим правилам, как это имело место до 1 января 2013 г. (Закон № 433-ФЗ – М.С.) в надзорном производстве².

Таким образом, в отличие от воли закона, призванной к обеспечению фундаментального правила *res judicata*, векторы кассационной практики заданы в ином направлении – в том же публичном контексте обеспечения единой законности. Основания для указанных «трансформаций» законодательной воли при этом «изысканы» в актах конституционного правосудия, по су-

---

¹ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 210.

² Давыдов В.А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 56.

ти которых, категорический запрет на внесение и рассмотрение повторных жалоб:

- не является препятствием для устранения судом экстраординарной судебной инстанции существенных нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, которые не предполагают отказ в рассмотрении жалобы в случае обнаружения ранее не выявленной судебной ошибки, подлежащей исправлению¹;

- не предполагает отказ в рассмотрении повторной надзорной жалобы в случае обнаружения судебной ошибки, которая ранее не была выявлена и поэтому подлежит исправлению. И только обращение с такой жалобой без надлежащих правовых оснований к отмене или изменению судебного решения влечет оставление ее без рассмотрения².

Как видно, и в первом, и во втором акте конституционного правосудия суть и назначение экстраординарных контрольно-проверочных производств ориентированы к исправлению ранее не выявленных судебных ошибок, обеспечению единообразия практики, установлению публичной законности³. Идея *res judicata*, как следствие, нивелируется данными установками властно формируемой практики; конституционный принцип обеспечения судебной защиты – не более, чем средство для вуалирования истинных векторов реализуемой кассационно-надзорной формы проверки. Косвенным свидетельством указанному озвученные подходы председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ В.А. Давыдова, «правильно» ориентирующего судебную практику и судей в этих моментах.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1460-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

² Определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. №1 468-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

³ Генезис данной идеи, как представляется, достаточно исследован в доктрине российского уголовно-процессуального права. См., напр.: Ривлин А.Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958. С. 244; Цыпкин А.Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965. С. 77; Грун А.Я. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. М., 1969. С. 5; Темушкин О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 20-21.

Максимально надежной гарантией обеспечения идеи *res judicata* призваны быть и **основания возможной отмены/изменения окончательных актов суда** по итогам проверки. Поскольку *res judicata* подразумевает неопровержимость окончательных актов суда, во-первых, не все из нарушений закона могут служить легитимными основаниями для изменения, отмены этих решений. Во-вторых, суть указанных нарушений не может быть связана с проверкой и оценкой вышестоящим судом фактической стороны проверяемых актов – единственно легитимным предметом реагирования суда кассационной, надзорной инстанции указаны свойства законности. Наконец, впервые в действующем нормативном регулировании законодатель, восприняв акты ЕСПЧ¹ и акты конституционного правосудия², дифференцирует указанные основания на существенные и фундаментальные. Первые, по идее, закреплены в нормах ст. 401.15 УПК РФ, вторые – в ст. 401.6 УПК РФ; первые связаны с существенными нарушениями закона, повлиявшими на исход дела; вторые – объективируют нарушения, которые не только повлияли на исход дела, но и исказили саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

По букве закона назначение указанной дифференциации, принципиально, так как первые раскрывают критерии оснований для отмены, изменения состоявшихся актов суда в интересах стороны защиты; вторые – критерии возможного *reformatio in peius* в положении осужденного, оправданного; в силу чего гарантии *res judicata*, по мнению ряда исследователей, должны быть несравненно весомей³.

---

¹ См., напр.: постановление ЕСПЧ от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин против Российской Федерации» (Nikitin v. Russia), жалоба № 50178/99.

² См., напр.: постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. 3 13-П // Собр. законодательства РФ. 2002. № 31. Ст. 3160; от 11 мая 2005 г. № 5-П // Российская газета. 2005. 20 мая; от 2 июля 2013 г. № 16-П // Собр. законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

³ См., напр.: Потапов В.Д. Категории «существенное нарушение закона» и «фундаментальное нарушение закона» в контексте оснований для отмены окончательных судебных решений в суде надзорной инстанции // Вестник СГАП. 2011. № 2. С. 181-182; Ковтун Н.Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 29-30.

Однако при более скрупулезном анализе норм УПК РФ критерии декларируемой принципиальности несколько нивелируются избранной законодательной техникой. Суть проблемы видится в том, что и в названии, и в содержании ст. 401.15 УПК РФ законодатель приводит исключительно существенные основания отмены, изменения окончательных актов суда¹, совершенно не упоминая при этом критерии оснований для *reformatio in peius*, закрепленные в ст. 401.6 УПК РФ. Если при этом учесть, что наименование ст. 401.15 прямо указывает на «основания отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке», а ст. 401.6 УПК РФ регламентирует такое начало кассационной проверки, как «поворот к худшему при пересмотре приговора, определения, постановления в суде кассационной инстанции», воля закона становится явно двусмысленной. В том числе, косвенно позволяя суду не апеллировать к нормам ст. 401.6 УПК РФ, как к собственно основаниям.

Более точно эти вопросы урегулированы в нормах ст. 412.9 УПК РФ (надзорное производство): *во-первых*, охватывающей своим содержанием критерии и существенных, и фундаментальных нарушений закона; *во-вторых*, «снимающей» своим наименованием любые сомнения в том, что это именно основания отмены, изменения окончательных актов суда.

Представляется, что для исключения (явно искусственной) неопределенности права в этих вопросах основания кассационной проверки должны быть урегулированы аналогично процессуальной форме надзорного производства, для чего ст. **401.15 УПК РФ** следует дополнить частью 1.1 следующего содержания:

---

¹ Оговоримся, отдельные исследователи прямо указывают на то, что основания ч. 2 ст. 401.15 УПК РФ следует считать процессуально-формальными, и не имеющими прямого отношения к сути *res judicata*; основания ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ, напротив, презюмируются законом фундаментальными, так как они изначально препятствовали постановлению правосудного судебного акта. См., напр.: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений. С. 222-283.

«Поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке кассации не допускается, за исключением случаев, предусмотренных статьей 401.6 настоящего Кодекса»¹.

Предметом дискуссии является и целесообразность указанной дифференциации оснований. И.С. Дикарев, к примеру, констатируя вывод о том, что идея анализируемой дифференциации нашла признание и в уголовно-процессуальном законодательстве, и в теории уголовного судопроизводства, и в правовых позициях Конституционного Суда РФ, вместе с тем излагает вывод о том, что этот подход не соответствует ни принципу правовой определенности, ни общепризнанным принципам и нормам международного права².

Основания для подобного вывода исследователю видятся в том, что:

- суть указанной дифференциации не согласуется с п. 2 ст. 4 протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, который в официальной редакции формулирует универсальное основание для отмены окончательных актов суда – фундаментальное нарушение закона;

- при признании факта наличия существенных и фундаментальных нарушений закона существенные основания, по сути, «сливаются» с аналогичными основаниями апелляционной отмены, изменения приговора (ст. 389.15 УПК РФ); между тем, как не раз констатировалось доктриной, ЕСПЧ и Конституционным Судом РФ, они должны быть *a priori* различны.

Как следствие, известны посылы российской доктрины, согласно которым фундаментальные основания в редакции кассационно-надзорной формы проверки суть тождество существенных оснований³. Однако с учетом особых критериев их нормативного содержания для кассационно-надзорной формы

---

¹ См.: Приложение 1.

² Дикарев И.С. Указ. соч. С. 238-241.

³ Дикарев И.С. Указ. соч. С. 238. См. аналогично: Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 111, 131.

проверки именовать их следует фундаментальными¹. Исключительно указанное, как констатируется, обеспечит единство и универсальность гарантий для отмены, изменения окончательных актов суда и более высокий стандарт гарантий определенности права.

Видится, надо признать интересной идею о формировании единого основания для отмены, изменения окончательных актов суда, как фундаментальной гарантии *res judicata* и правовой определенности в целом. Не менее импонирует идея о том, что в качестве идеала подобного основания следует закрепить исключительно фундаментальный характер нарушений закона (в т. ч. в смысловом и нормативном их понимании по нормам действующего УПК РФ). Однако, как представляется, достаточно скоро и неизбежно будут актуализированы проблемы гарантий конституционного принципа судебной защиты, так как требование и критерии исходной фундаментальности нарушений уже сами по себе в состоянии ограничить возможности исследуемой формы проверки к исправлению нарушений закона и, соответственно, обеспечению интересов и прав частных заинтересованных лиц.

Кроме того, легитимные основания *reformatio in peius*, думается, требует более высокого стандарта критериев, как к сути выявляемых нарушений закона, так и к инициации процесса по указанным основаниям. В данной связи указание закона на существенность искомых нарушений (в контексте их влияния на свойства законности приговора), прежде всего, обеспечивает более высокий стандарт судебной защиты, позволяя обеспечить правосудность судебных решений и исправление судебной ошибки для максимально возможного круга заинтересованных лиц. В то время как критерии фундаментальности, на которых настаивает И.С. Дикарев, уже сами по себе в состоянии объективировать эту защиту в качестве иллюзорной.

---

¹ Мы конвенционально отказываемся от анализа критериев существенности или фундаментальности нарушений закона как оснований надзорно-кассационной формы проверки, ибо доктрина российского уголовно-процессуального права объективировала достаточные наработки и предложения в этих моментах. Обзор позиций и предложений по этому поводу см.: Дикарев И.С. Указ. соч. С. 245-265.

Что касается опасений указанного ученого о «слиянии» существенных оснований кассации и апелляции при реализации экстраординарной формы проверки и нарушения, тем самым, правил *res judicata*, то, как справедливо указывает В.А. Давыдов, и существенные, и фундаментальные основания «... носят оценочный характер, то есть являются они таковыми или нет, решает суд, исходя из конкретных обстоятельств дела и характера нарушения»¹.

Критерием достоверности данной оценки могут служить, как соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ² и констатации российской уголовно-процессуальной доктрины³, так и все более нарабатываемые закономерности реализации данной формы проверки, которые, в итоге, должны быть приведены к единому «знаменателю» соответствующим обобщением практики, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ⁴.

И то, что в реалиях действующей практики надзорно-кассационной формы проверки судьи при обосновании итоговых актов в основном обращаются к нормам ст. 389.17 УПК РФ, – на что обоснованно обращает внима-

---

¹ Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография. М., 2015. С. 536 (автор гл. 9 разд. 3 – В.А. Давыдов). См аналогично: Бородинова Т.Г. Институт пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве Российской Федерации. С. 280.

² См.: Пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2.

³ См.: Безмельницына Э.О. К вопросу о трансформации «фундаментальных нарушений» в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 1. С. 103; Быков В. Новые законы о производстве в надзорной инстанции // Законность. 2009. № 8. С. 11; Османов Т.С. Нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене (изменению) приговора в порядке надзора: спорные вопросы регламентации // Российский судья. 2009. № 8. С. 26; и др.

⁴ Авторы настоящего исследования категорически против нормативного закрепления строго определенного перечня указанных нарушений непосредственно в нормах УПК РФ, т. к. только закономерности практики в состоянии объективировать, как весь перечень возможных нарушений закона, так и критерии их достоверной оценки судом. В данной связи, полагаем, следует согласиться с И.С. Дикаревым в вопросе о том, что именно смешанная система закрепления оснований пересмотра окончательных актов суда является наиболее соответствующей традициям российского уголовного процесса и современным условиям отправления правосудия в кассации и надзоре. См.: Дикарев И.С. Указ. соч. С. 281.

ние доктрина российского уголовно-процессуального права¹, – проблема не столько законодателя или закона, сколько правосознания и установок конкретного состава суда, в принципе не считающего для себя императивом дополнительно обосновывать те критерии существенности или фундаментальности, которые оговорены уголовно-процессуальным законом и единственно являются основания преодоления *res judicata*².

Весомой гарантией ценности *res judicata* следует считать норму закона, по смыслу которой в случае равенства голосов судей, участвовавших в рассмотрении жалобы по существу и голосовании непосредственно в суде кассационной, надзорной инстанции (ч. 9 ст. 401.13, ч. 8 ст. 412.10, ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ), окончательный акт суда признается не подлежащим отмене.

Ряд авторов видят в указанном, как нарушение баланса правовой определенности и права на судебную защиту, так и игнорирование презумпции невиновности обвиняемого (ст. 14 УПК РФ). Соответственно высказываются предложения, что эта норма нуждается в изменении и «подсчет» голосов должен осуществляться в сторону благоприятствования осужденному, что, естественно, должно влечь отмену или изменение акта *res judicata*³.

Представляется, в сути этих суждений и в соответствующих предложениях по изменению закона или ориентации практики объективируется то же доминирование идеи публичной законности и практически полное отрицание ценности идеи *res judicata*, призванной к обеспечению стабильности уста-

---

¹ См., напр.: Ковтун Н.Н. *Res judicata* реформированной российской кассации. С. 126-130; Дикарев И.С. Указ. соч. С. 257, 280.

² См., напр.: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 октября 2013 г. по делу № 163-П13ПР; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 марта 2015 г. по делу № 79-П14; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. по делу № 86-УД15-4 // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

³ См., напр.: Давыдов В.А. Толкование сомнений в пользу осужденного: пробел в новеллах УПК РФ // Уголовный процесс. 2011. № 6. С. 14-15; он же: Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения // Уголовный процесс. 2012. № 11. С. 49; Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений. С. 138-139.

новленных правовых состояний, незыблемости окончательных актов суда, их исполнимости. Не принимается во внимание и очевидность того, что явно существенные или фундаментальные основания кассационно-надзорной отмены окончательных актов суда не объективировались по итогам проверки столь убедительно, чтобы сформировать в правосознании судей как достаточную убежденность в неправосудности проверяемых актов суда, так и потребность к их постановке на еще одно разбирательство по существу.

Именно отсутствие указанной убежденности, обязательной к закреплению, в том числе в итоговых актах надзорно-кассационной проверки, ставит препятствия к преодолению фундаментальности принципа *res judicata*, констатирует доминирующую роль последнего для итогов проверки. В данной связи субъективное, публично ориентированное внесение предлагаемых изменений в процессуальную форму надзорно-кассационной проверки не более чем признание тех же тенденций к трансформации экстраординарной формы судебной защиты в ординарную форму исправления любой из судебных ошибок, обеспечения сугубо публичной («советской») законности.

Среди согласованных гарантий баланса принципа *res judicata* и принципа судебной защиты следует также назвать ревизионное начало проверки в суде кассационной и надзорной инстанции.

На первый взгляд, нормативное содержание данной гарантии направлено исключительно к обеспечению принципа судебной защиты интересов и прав частных заинтересованных лиц или установлению публичной законности. Средство к этому – право вышестоящего суда по собственной инициативе выйти за пределы притязаний сторон и проверить дело в полном объеме и в отношении всех осужденных, оправданных¹, вне зависимости от доводов и оснований жалобы, представления (чч. 1–2 ст. 401.16, ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ). Основания такого подхода – в десятилетиями наработанном опыте реа-

---

¹ При определении круга лиц, в отношении которых может быть реализовано ревизионное начало проверки, мы исходим из норм ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ, которые, в отличие от норм ч. 2 ст. 401.16 УПК РФ, более определены в законодательной воле, распространяя ревизионные усилия суда на всех «...лиц, которые не обжаловали судебные решения».

лизации «советской» кассационно-ревизионной формы проверки, которая традиционно, как более эффективная, всегда противопоставлялась «сухому формализму чистой кассации»¹, изначально связанной исключительно доводами внесенного отзыва. Достаточно известно и доктринальное обоснование «правомерности» ревизии при реализации кассационной и надзорной формы проверки в отечественном уголовном процессе – необходимость обеспечения публично-правовыми средствами режима законности и достижения объективной истины². Казалось бы, в современном, декларируемом состязательным, судебном процессе в принципе не должно быть места публичной активности суда кассационной и надзорной инстанции, призванного лишь к разрешению спора сторон о правосудности итоговых актов³.

Тем не менее, и в настоящее время практически повсеместное применение ревизии при исследуемой форме проверки теоретически и практически «оправдывают» тем, что посредством этого процедурного средства суды реализуют возложенную на государство обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ)⁴. Отсюда и резюмирующий тезис о том, что это неотъемлемый элемент публич-

---

¹ Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 192.

² См.: Куцова Э.Ф. Обжалование приговоров в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. С. 12; Ривлин А.Л. Пересмотр судебных приговоров в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1955. С. 12.

³ См.: Петрухин И.Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. 1999. № 3. С. 25; Ковтун Н.Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (11). С. 181; и др.

⁴ Так, именно в ревизионном порядке, а не по доводам внесенного отзыва отменено, изменено большинство из изученных решений, ставших предметом проверки в суде надзорной или кассационной инстанции. См., напр.: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2013 г. по делу № 235-П15; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. по делу № 18-УД14-26; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2015 г. по делу № 18-УД-15-25; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 октября 2015 г. по делу № 19-УД15-34. // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNumber=69-%D3%C415-3.

но-правового механизма обеспечения гражданам права на судебную защиту¹. Как следствие, видимо, не менее правомерен вывод о публично-правовой природе кассационно-надзорной проверки в целом.

Во всяком случае, закономерности указанной практики дают весомые основания для подобного вывода. И в рамках ревизионной проверки уголовного дела, явно доминирующей в правосознании судей, является установка на исправление всех возможных нарушений закона, обеспечение публичной правосудности приговора, единой законности. Доминирование идеи *res judicata* при подобном подходе, напротив, будет «не понято» ни административным ресурсом высших должностных лиц судебной системы России, ни Президиумом Верховного Суда РФ в рамках его конституционного полномочия по надзору за судами нижестоящих инстанций, за «единством» судебной практики.

Правда, публично-правовая природа ревизионной проверки несколько ограничена правилом *reformatio in peius*. По сути последнего, суд кассационной, надзорной инстанции не вправе применить ревизионное начало проверки в целях исправления судебной ошибки по отношению к тем лицам, жалоба или представление в отношении которых не поданы, при условии, что отмена судебного акта ухудшает их положение (ч. 5 ст. 401.16 УПК РФ²). Кроме того, указанный суд также не вправе отменять, изменять проверяемый акт суда по основаниям, не указанным в жалобе, представлении, если основание отмены ухудшает положение осужденных, оправданных.

---

¹ См., напр.: Аширбекова Т.М. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. С. 50; Дикарев И.С. Указ. соч. С. 330, 337.

² Применительно к нормам гл. 48.1 УПК РФ данное правило нормативно не закреплено, что порождает явную неопределенность, как в решениях суда надзорной инстанции, так и в суждениях российской доктрины. Отдельные из исследователей, к примеру, прямо делают вывод о том, что по буквальному нормативному регулированию суд надзорной инстанции вполне вправе инициативно изменить решение в сторону ухудшающую положение осужденного. См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М., 2012. С. 710-711.

Отсутствие указанного условия непосредственно в нормах гл. 47.1 и 48.1 УПК РФ, как свидетельствует анализ судебной практики¹, не компенсируется соответствующими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ², порождая не только неопределенность действий и решений суда кассационной/надзорной инстанции, но и прямое нарушение принципа *res judicata*. Тем более что в контексте Закона от 29 декабря 2010 г. законодатель «забыл» указать на необходимое ограничение возможных видов решений суда нижестоящей инстанции, которому возвращается дело по итогам надзорно-кассационной формы проверки. Речь идет о норме-гарантии, *a priori* запрещающей суду нижестоящей инстанции ухудшать положение осужденного, оправданного или лица, дело в отношении которого прекращено, в случае возвращения этого дела на новое рассмотрение по иным, не «ухудшающим» основаниям. Как следствие, уголовно-процессуальная доктрина уже обосновывает³, а практика являет примеры исходной правомерности усилий суда, инициативно ухудшающего положение осужденных или оправданных, в том числе и в «благовидных» целях устранения судебной ошибки. В силу указанного следует «снять» явно надуманную неопределенность закона в этих моментах, дополнив нормы УПК РФ соответствующими нормами-гарантиями, направленными как к обеспечению *res judicata*, так и справедливости судебной защиты. Для чего:

- в часть 5 ст. 401.16 УПК РФ следует внести изменения, дополнив ее после слов «... в отношении которых кассационные жалоба или представление не принесены» нормой: «или по тем основаниям, которые в жалобе, представлении не указаны (далее – по тексту)»;

---

¹ См., напр.: кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. по делу № 22-УД15-3, отменившее решение суда нижестоящей кассационной инстанции ввиду того, что оно ухудшило положение осужденного и было вынесено не по основаниям, которые были приведены в кассационной жалобе заявителя // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 (абз. 4 п. 21).

³ См., напр.: Савельев К.А. Проблемы определения границ рассмотрения дела при пересмотре приговора // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В.А. Лазаревой. Вып. 4, Самара, 2009. С. 57.

- **дополнить ст. 401.16 УПК РФ частью 5.1** в следующей редакции: «При отмене приговора, определения, постановления суда и направлении уголовного дела на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции, указанный суд также не вправе ухудшить положение осужденного, оправданного, если приговор, определение, постановление отменены по иным, не ухудшающим основаниям»;

- **статью 412.12 УПК РФ дополнить частью 1.1** следующего нормативного содержания: «В случае, если по уголовному делу осуждено или оправдано несколько лиц, суд не вправе отменить приговор, определение или постановление в отношении тех оправданных или осужденных, в отношении которых надзорные жалоба или представление не принесены или по тем основаниям, которые в жалобе, представлении не указаны, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение. При отмене приговора, определения, постановления суда и направлении уголовного дела на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции, указанный суд также не вправе ухудшить положение осужденного, оправданного, если приговор, определение, постановление отменены по иным, не ухудшающим основаниям»¹.

Весомой гарантией обеспечения принципа судебной защиты называют **инстанционность судебного пересмотра** окончательных актов суда (ч. 2 ст. 401.3, п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ). В теории российского уголовно-процессуального права отношение к данным «нормам-гарантиям» кардинально различно. Одни из ученых прямо пишут о том, что подобная организация процесса кассационной и надзорной формы проверки нивелирует суть *res judicata*, свойство стабильности окончательных актов суда, превращает в фикцию важнейшие элементы идеи правовой определенности². Другие, кос-

---

¹ См.: Приложение 1.

² См., напр.: Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. С. 305; Ковтун Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное

венно признавая, что подобный порядок ограничивает принцип правовой определенности, вместе с тем, считают его оправданным и необходимым для задач и целей проверки¹.

Суть аргументов последних сводится к тому, что всякая повторная проверка вышестоящим судом окончательного акта суда значительно повышает шансы обнаружения и исправления судебных ошибок. Соответственно, этот подход также, во-первых, следует трактовать в контексте обеспечения конституционного права личности на судебную защиту нарушенных интересов и прав. Во-вторых, в контексте обеспечения идеи *res judicata*, так как с каждой новой проверкой и новым итоговым актом суда правовая определенность и, видимо, также правовая стабильность только «прибавляют» в своей юридической силе², все более объективируя свойства незыблемости и неопровержимости окончательных актов суда.

Возможно, это и так. Однако при столь трепетном отношении в российской доктрине и практике к обеспечению конституционного принципа судебной защиты и, одновременно, к «усилению», с каждой проверкой, принципа *res judicata*, как видится, целесообразно задаться вопросом о том, не будет ли конституционно оправданным и методологически выверенным «вернуться» к достаточно известному институту публичной российской ревизии. Той самой ревизии, когда каждое дело и каждый приговор подлежали императивной проверке в вышестоящем суде, вне всякой связи с ходатайствами (интересом) сторон, а исключительно *ex officio*, в плане обеспечения публичной правосудности приговора. При этом нет ни малейших сомнений в константе, что посредством такого подхода будет выявлена и исправлена масса нарушений закона в общем числе тех приговоров, которые были обращены к

право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 3-9; Свиридов М.К. Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 357. С. 141.

¹ См., напр.: Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. С. 152-153; Вершинин В.Б. Судебная защита как комплексный институт российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2011. С. 47.

² Дикарев И.С. Указ. соч. С. 153.

исполнению без всякой проверки не только в кассационно-надзорном порядке, но и по правилам апелляции. Тем самым государство и судебная система России, видимо, на качественно ином уровне реализуют возложенную на государство обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), к сакральной ценности которой все «громче» ориентируют российскую доктрину и судебную практику.

Как представляется, надо суммировать, ибо приведенный анализ практической стороны надзорно-кассационной формы проверки однозначно свидетельствует о том, что в антиномии идеи *res judicata* и конституционной идеи максимальной судебной защиты прав и интересов заинтересованных лиц всецело доминирующей, как в правосознании судей, так и в процедурах или итогах данной формы проверки оказалась последняя. При этом суть указанного доминирования, несмотря на известные и многократно повторенные декларации, именно в стремлении обеспечить состояние публичной законности, при котором любое из нарушений закона объявлено в принципе неприемлемым при оценке вышестоящим судом акта отправления правосудия. И именно в контексте обеспечения данной публичной законности:

- суть принципа обеспечения максимальной судебной защиты интересов и прав частных заинтересованных лиц искусственно «замещена» известной идеей обеспечения публичной законности;

- законодательно ограниченный предмет проверки и оценки кассационного, надзорного состава суда полностью нивелирован «теоретическими» декларациями доктрины и практическими усилиями кассационно-надзорных инстанций по всесторонней проверке и оценке как фактической, так и юридической стороны проверяемых актов суда;

- ограничительные и пресекательные сроки экстраординарной формы проверки принесены «в жертву» тем же публично одобряемым и активно «продвигаемым» целям «обновленной» кассации и надзора;

- инициативная и административная, по факту, отмена «отказных» постановлений судей, не усматривающих в ходе предварительного изучения

жалобы, надлежащих оснований отмены/изменения исключительных актов суда, все более становится наработанной и официальной практикой;

- сами экстраординарные основания опровержения *res judicata*, по факту, сведены к ординарным нарушениям закона, которые, как констатируется, также в принципе должны подлежать исправлению, обеспечивая исключительно национальное понимание публичной правосудности окончательных актов суда.

В итоге, обеспечено состояние всецело публичной определенности права, которое всемерно поддерживается и одобряется национальной системой судебных и правоохранительных органов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскрытие сущности каждого правового явления требует достоверного знания о реальном состоянии исследуемого объекта, как в целом, так и в части основных его элементов, так как, являясь определяющими, именно эти моменты формируют проблемное поле для дальнейших исследований, определяют предмет приложения необходимых усилий, объективируют необходимые для этого средства. Очевидно и то, что именно достоверное знание позволяет методологически точно определить векторы и виды потенциально необходимых усилий, призванных к приведению исследуемого объекта в оптимальное и изначально востребованное состояние, максимально соответствующее исходному сущностному и содержательному его назначению.

Правовая определенность, объективируемая как необходимое состояние правового государства и гражданского общества, в этом контексте не может быть сведена ни исключительно к ясности и точности нормативных источников права (исходная определенность закона), ни к сути и следствиям правила *res judicata* (определенность итоговых правовых состояний, установленных окончательным актом суда). Как уже отмечалось, исходная неопределенность той или иной нормы закона вполне может быть нивелирована высоким правосознанием и наработанным опытом публичных участников правовых отношений. Примеры тому – известны. И, напротив, при изначально ясной и точной воле закона, именно правосознание и установки публичных деятелей права нередко объективируются в качестве основной, если не единственной, причины серьезных негативных явлений динамики российского уголовно-процессуального права, когда акты его применения изначально не соответствуют ни назначению права, ни объективным потребностям личности, общества, государства. Примеры этих явлений также в ежедневной правоприменительной практике следственных и судебных органов, в реальном

состоянии общества, публично провозглашающего себя правовым государством, с доминирующей идеей верховенства права (верховенства закона).

Между тем, результаты реализованного научно-практического анализа, как представляется, в той или иной степени объективно свидетельствуют об обратном. Правовая неопределенность – как, действительно, реальное состояние российского государства и общества в настоящий период, – наиболее ярко и остро проявляет себя:

- в теоретическом «понимании» и практических следствиях применения неопределенной системы форм выражения российского права, где каждый из нормативных источников, как правило, в силу субъективных амбиций, стремится к безусловному доминированию в системе и нивелированию иных элементов правовой иерархии;

- в неопределенности юридической сути и роли в правовом регулировании актов конституционного правосудия; в публично акцентируемых констатациях высшего органа конституционного правосудия Российской Федерации на единственно возможную истину в понимании сути исследуемых (проверяемых) нормативных явлений; в отсутствии реального и действенного механизма по исправлению/нивелированию явно ошибочных правовых позиций и итоговых выводов этого органа, объективированных в его актах;

- в субъективной избирательности, явном нивелировании, искусственном игнорировании для российского правоприменения актов Европейского Суда по правам человека, во многом в силу причин идеологического, политического, административно-управленческого характера, когда «имплементация» указанных актов в правовую систему России возможна лишь при «совпадении» их юридической сути с официально одобряемым идеологическим и политическим курсом;

- в явной двойственности подходов доктрины и практики к определению юридической сути и назначения актов судебного толкования в механизме правового регулирования Российской Федерации; именно в силу последней, официально отрицаемые и критикуемые эти акты, тем не менее, доминируют.

нируют в сфере практического правоприменения и правосознания судей, в их установках;

- в столь же двойственных и субъективно окрашенных подходах российской доктрины и практики к сути и применению правил и следствий идеи *res judicata*. При изначально ясной и точной воле закона практическая его объективация показывает такие акты явления права, которые в принципе несовместимы с сутью и генезисом указанной фундаментальной идеи. Правомерность этого агрессивно обосновывается «конституционным» назначением права и правосудия, заботой о личности, высоким предназначением правосудия и иными идеологическими симулякрами права.

Категория «правовая определенность» требует объективного и комплексного анализа не только и даже не столько противоречий в тех или иных предписаниях-нормах¹, сколько уяснения сути и содержания действительных факторов формирования таких элементов содержания права, как правовая идеология, правовая политика, правосознание и установки публичных субъектов применения права. Ибо право – есть калька реального состояния российского общества, несмотря на публично навязываемые лозунги и декларации о сути и состоянии нашего государства и общества.

В этом контексте реализованное исследование – постановка и анализ проблемной ситуации, все стороны, явления и элементы которой объективно нуждаются в дальнейшем и всестороннем анализе, в достоверных и практически ориентированных выводах, в глубоко проработанных и обоснованных предложениях. В работе лишь обозначены основные проблемы и следствия тех или иных симулякров явления права, высказаны отдельные крайне лапидарные предложения по минимизации или устранению этих явлений из национального механизма правового регулирования.

---

¹ Последнее, признаем, также необходимо, но в принципе не исчерпывает собой проблем обеспечения определенности права, как реально необходимого состояния, функционирования и развития общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп. от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Венская Конвенция о праве международных договоров: принята в Вене 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.
3. Всеобщая Декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. – 1995. – 5 апреля.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: принята в Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 01 янв. 1990 г., 06 нояб. 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах (вместе с «Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах»): принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сент. 1973 г. № 4812-VIII // Ведомости Верховного Суда СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
6. Протокол № 7 от 22 нояб. 1984 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 117. Ратифицирован Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ. Вступил в силу 1 ноября 1998 г. // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3835.
7. О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст.1435.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2017. – 250 с.
9. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28 дек. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
10. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 5 февраля 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
11. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31 января 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.
12. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
13. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 15 февраля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 550.
14. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. – 2015. – № 51 (часть I). – Ст. 7229.
15. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. – 2017. – № 1 (часть I). – Ст. 2.
16. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

17. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 45.

18. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 9. – Ст. 895.

19. О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ // Рос. газ. – 2015. – 12 января.

20. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. (в ред. от 18 июля 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

21. О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «В связи с принятием Большой палатой Европейского Суда по правам человека постановления по делу В.М. Кононова»: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 21 мая 2010 г. №3694-5 ГД // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 22. – Ст. 2737.

22. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 402468-5 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Заявление МИД России в связи с оглашением 17 мая с.г. постановления Большой палаты Европейского Суда по правам человека по делу В.М. Кононова (17 мая 2010 г.) // Официальный сайт МИД РФ:

http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/76B3CABB18AE11CCC3257726003 В6824

(дата обращения: 11.06.2016).

24. Заявление Министерства юстиции Российской Федерации в связи с вынесением Большой палатой Европейского Суда по правам человека постановления по делу «Кононов против Латвии» (28 мая 2010 г.) // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. – 2010. – № 9.

25. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: Приказ Генерального прокурора РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 // Законность. – 2008. – № 2.

**Комментарии законодательства, учебники,
учебные пособия, справочная литература, энциклопедии**

27. Авдеенкова, М.П. Конституционное право РФ: курс лекций. В 2 ч. / М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриев // Основы теории конституционного права. – М.: Профобразование, 2002. – Ч. 1. – 332 с.

28. Алексеев, Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т. – 1980. – 252 с.

29. Алексеев, С.С. Государство и право. Начальный курс / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Юрид. лит. 1994. – 192 с.

30. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.

31. Батуев, Н.В. Решения Конституционного Суда РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования: учеб. пособие / Н.В. Батуев. – Ижевск: Детектив-информ, 2003. – 84 с.

32. Бурков, А.Л. Применение Европейской Конвенции по правам человека в судах России, или Конвенция для внутреннего применения. Лекция / А.Л. Бурков // URL: http://sutyajnik.ru/rus/actions/marthur04/dom_impl/.
33. Бякишев, К.А. Международное публичное право / К.А. Бякишев, Е.Г. Моисеев. – М.: Проспект, 2006. – 369 с.
34. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н.В. Витрук. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 292 с.
35. Вышинский, А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 222 с.
36. Головкин, Р.Б. Ненормативные правовые акты и специфика их реализации: учеб. пособие / Р.Б. Головкин, В.В. Мамчун, А.Г. Ростова, П.А. Якушев. – Владимир: ВГПУ, 2008. – 123 с.
37. Давыдов, В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: науч.-практ. пособие / В.А. Давыдов. – М.: ВолтерсКлувер, 2006. – 280 с.
38. Еникеев, З.Д. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч.-практ. пособие / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагеева, Е.В. Ежова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 704 с.
39. Карнеева, Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе: учеб. пособие / Л.М. Карнеева. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1988. – 68 с.
40. Ковтун, Н.Н. Европейская конвенция и акты Европейского Суда по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод личности при осуществлении уголовного судопроизводства России: учеб. пособие / Н.Н. Ковтун, А.С. Симагин. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2007. – 126 с.
41. Ковтун, Н.Н. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической ре-

ализации: учеб. пособие / Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов. – Казань: Новое знание, 2005. – 296 с.

42. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения: лекция / Н.Н. Ковтун, Р.Р. Магизов. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2004. – 44 с.

43. Комментарий к Конституции РФ / Под. ред. Л.А. Окунькова. – изд. 2-е дополн. и перераб. – М: БЕК. 1996. – 254 с.

44. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Под ред. Г.А. Гаджиева. – М.: Норма: Инфра-М, 2012. – 672 с.

45. Краткая философская энциклопедия. – М.: АН СССР, 1994. – 576 с.

46. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., профессора Л.В. Головки. – М.: Статут» 2016. – 1278 с.

47. Лазарева, В.А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение: лекции-очерки / В.А. Лазарева. – Самара: Самарская гос. академия, 2001. – 63 с.

48. Лукашук, И.И. Международное право в судах государств / И.И. Лукашук. – СПб.: Россия-Нева, 1993. – 302 с.

49. Лукашук, И.И. Нормы международного права в правовой системе России: учеб.-практ. пособие / Лукашук И.И. – М.: Спарк, 1997. – 90 с.

50. Малько, А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб.-метод. пособие / А.В. Малько. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрист, 2004. – 234 с.

51. Манова, Н.С. Уголовный процесс: курс лекций / Н.С. Манова. – М.: Эксмо, 2010. – 400 с.

52. Марченко, М.Н. Источники российского права: вопросы теории и истории: учеб. пособие / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма, 2005. – 336 с.

53. Матузов, Н.И. Теория государства и права: курс лекций / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.
54. Мицкевич, А.В. Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. / А.В. Мицкевич; отв. ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало, 2007. – Т. 2. – 640 с.
55. Нерсесянц, В.С. Теория государства и права / В.С. Нерсесянц. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.
56. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – 908 с.
57. Потапов, В.Д. Основные начала проверки судебных решений в уголовном судопроизводстве России: монография / В.Д. Потапов. – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2011. – 236 с.
58. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.А. Струсъ [и др.]; Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: Изд-во СГАП, 2010. – 704 с.
59. Рекомендации по применению статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека – право на беспристрастное разбирательство дела / Л. Бек-Риз, В. Виттбольдт [и др.]. – СПб: Гражданский контроль, 2002. – 44 с.
60. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ. 1961-1996 / Сост.: Бризе С.Г., Водовозов В.С., Демидов В.В., Лебедев В.М. [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1997. – 420 с.
61. Словарь иностранных слов / Комлев Н.Г. – М.: Эксмо-Пресс, 2006. – 671 с.
62. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учеб. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; Под общ. ред. профессора А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.
63. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 469 с.

64. Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.И. Давыдова [и др.]; Под ред. Н.А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана: Закон и Право, 2009. – 847 с.
65. Талалаев, А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / А.Н. Талалаев. – М.: Юрид. лит., 1997. – 332 с.
66. Теория государства и права: учеб. / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. – 592 с.
67. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / Даль В.И. – М.: Русский язык, 2003. – 2721 с.
68. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. Ю.К. Якимович. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 890 с.
69. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юристъ, 2003. – 797 с.
70. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 3 изд., перераб. и доп. —: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 1008 с.
71. Уголовно-процессуальное право: учеб. / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2012. – 1016 с.
72. Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Науч. ред. В.Т. Томин. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – 821 с.
73. Уголовный процесс Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. А.П. Кругликов. – М.: Проспект, 2009. – 736 с.
74. Уголовный процесс. Общая часть: учеб. / Под общ. ред. М.П. Полякова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. – 306 с.
75. Уголовный процесс: учеб. для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; Под ред. А.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 445 с.

76. Уголовный процесс: учеб. / Под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 1056 с.
77. Уголовный процесс: учеб. для бакалавров / Под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. – М.: Юрайт, 2013. – 511 с.
78. Уголовный процесс: учеб. для вузов / Под ред. В.П. Божьева. – 4-е изд., перераб и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 573 с.
79. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – Изд-е 3-е, пересм. и доп. – СПб.: Альфа, 1910. – Т. 2. – 572 с.
80. Червоткин, А.С. Апелляция и кассация. Пособие для судей / А.С. Червоткин. – М.: Проспект, 2010. – 336 с.
81. Эбзеев, Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: учебное пособие для вузов / Б.С. Эбзеев. – М.: Закон и право, Юнити, 1996. – 349 с.
82. Эбзеев, Б.С. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде Российской Федерации: комментарий / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма, 1996. – 352 с.
83. Элькинд, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Л.: ЛГУ, 1963. – 172 с.
84. Этика судьи: пособие для судей / Под ред. Н.В. Радутной. – М.: Российская Академия правосудия, 2002. – 212 с.
85. Яковлева, Л.В. Уголовный процесс. Общая часть: курс лекций / Л.В. Яковлева, И.Р. Харченко. – Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2006. – 304 с.

Монографии, научные статьи, тезисы выступлений

86. Адамайтис, М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности / М. Адамайтис // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 32–36.

87. Азаренок, Н. Конституционно-правовые основы преюдиции в уголовном судопроизводстве / Н. Азаренок // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 50–57.
88. Александров, А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе / А.С. Александров // Уголовный процесс. – 2012. – № 6. – С. 66–73.
89. Александров, А.С. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» / А.С. Александров, М.В. Лапатников // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 23–28.
90. Алексеева, Л.Б. Сущность, система и источники уголовно-процессуального права / Л.Б. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1989. – 638 с.
91. Алексеева, Т. Пределы принципа правовой определенности в надзорном производстве по уголовным делам / Т. Алексеева // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 99–107.
92. Алексеева, Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы / Т.М. Алексеева. – М.: МГУ, 2015. – 264 с.
93. Амирбеков, К.И. Концепция о функциях следственного судьи / К.И. Амирбеков // Российская юстиция. – 2015. – № 5. – С. 42–45.
94. Анишина В.И. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе / В.И. Анишина, Т.Н. Назаренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 2. – С. 40–47.
95. Анишина, В. Правовые позиции Конституционного Суда России / В. Анишина // Российская юстиция. – 2000. – № 7. – С. 12–14.
96. Анишина, В.И. Правовая определенность как конституционная ценность / В.И. Анишина, Т.Н. Назаренко // Конституция, личность и суд в современной России: материалы науч. конф. памяти профессора Н.В. Витрука. – 2013. С. 149–151.

97. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография: в 2 ч. / под общ. ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – Ч. 1. – 552 с.

98. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография: 2 ч. / под общ. ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – Ч. 2. – 528 с.

99. Аристова, К.С. Судейский активизм: благо или зло? / К.С. Аристова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 3.

100. Аширбекова, М.Т. Влияние принципа правовой определенности на построение систем судебно-проверочного производства УУС и УПК РФ / М.Т. Аширбекова // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: в 2 ч. / под ред. Н.А. Колоколова. – 2015. – Ч. 2. – С. 3–6.

101. Аширбекова, М.Т. Новая кассация в призме действия принципа правовой определенности / М.Т. Аширбекова, А.С. Омарова // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 63–64.

102. Баглай, М.В. Правовое государство: от идеи к практике / М.В. Баглай // Коммунист. – 1989. – № 6. – С. 43–45.

103. Байтин, М.И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков): монография / М.И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – М.: Право и государство, 2005. – 544 с.

104. Балакшин, В. Состязательность или оптико-акустический обман? / В. Балакшин // Законность. – 2001. – № 12. – С. 13–15.

105. Барак, А. Судейское усмотрение: пер. с англ. / Науч. ред.: В.А. Кикоть, Б.А. Страшун; вступ. ст.: М.В. Баглай. – М.: НОРМА, 1999. – 364 с.

106. Барциц, И.Н. Международное право и правовая система России / И.Н. Барциц // Журнал российского права. – 2001. – № 2. – С. 62–63.

107. Безмельницына, Э.О. К вопросу о трансформации «фундаментальных нарушений» в уголовном судопроизводстве / Э.О. Безмельницына // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2011. – № 1. – С. 103–105.

108. Безруков, А.В. Конституция, Основной закон и международный договор: правовая природа и соотношение / А.В. Безруков // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 7. – С. 9–11.

109. Безруков, А.В. Федеральная конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечения правопорядка в России / А.В. Безруков // Российская юстиция. – 2015. – № 10. – С. 2–5.

110. Белкин, А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть 5. Доказательства и доказывание / А.Р. Белкин. – М.: МГУПИ, 2011. – Ч. 5. – 55 с.

111. Белкин, А.Р. О некоторых странностях кассационного и надзорного производства / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 3. – С. 25–29.

112. Белкин, А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть 1. Общие положения и принципы уголовного судопроизводства / А.Р. Белкин. – Изд. 2-е, дополн. – М.: МГУПИ, 2010. – Ч. 1. – 59 с.

113. Белкин, А.Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть 4. Иные участники уголовного судопроизводства. Отводы в уголовном процессе / А.Р. Белкин. – М.: МГУПИ, 2011. – Ч. 4. – 63 с.

114. Берестнев, Ю.Ю. Европейский Суд по правам человека и его практика: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi*? / Ю.Ю. Берестнев, М.В. Виноградов // Российская юстиция. – 2006. – № 11. – С. 64–77.

115. Бобракова, И.С. Процедурно-субъектные, территориальные и временные критерии приемлемости жалобы заявителя к рассмотрению по существу в порядке статьи 125 УПК РФ / И.С. Бобракова // Российский следователь. – 2010. – № 10. – С. 4–7.

116. Богданова, Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права / Н.А. Богданова // Вестник конституционного права Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 63–65.
117. Божьев, В. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе / В. Божьев // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 51–54.
118. Божьев, В.П. Источники уголовно-процессуального права / В.П. Божьев. – М.: Изд-во Акад. МВД России, 1994. – 76 с.
119. Бондарь, Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4–10.
120. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Инфра-М, 2011. – 544 с.
121. Боннер, А.Т. Принцип правовой определенности в практике Европейского суда по правам человека / А.Т. Боннер, О.Ю. Котов // Закон. – 2008. – № 4. – С. 199–211.
122. Боннер, А.Т. Принцип правовой определенности: проблемы понимания / А.Т. Боннер, О.Ю. Котов // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: сб. науч. ст. – Краснодар: Юрид. центр Пресс, 2011. – С. 74–84.
123. Бородинова, Т.Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России: монография / Т.Г. Бородинова; под ред. Г.И. Загорского. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 288 с.
124. Бошно, С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики / С.В. Бошно // Государство и право. – 2015. – № 11. – С. 14–23.
125. Брусницын, Л.В. Значение решений ЕСПЧ для национального уголовного судопроизводства и проблемы их учета в государствах – членах

Совета Европы (к Реформе Конвенции о защите прав человека и основных свобод) / Л.В. Брусницын // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 25–31.

126. Брусницын, Л.В. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших по согласию и без согласия сторон: Позиции ЕСПЧ И российского законодателя в УПК РФ / Л.В. Брусницын // Государство и право. – 2013. – № 7. – С. 27–35.

127. Быков, В. Новые законы о производстве в надзорной инстанции / В. Быков // Законность. – 2009. – № 8. – С. 10–12.

128. Вазюлин, С.А. Получение информации о соединениях между абонентами: специфика процедуры / С.А. Вазюлин, В.Ф. Васюков // Уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 10–21.

129. Варламова, Н.В. Пять лет шестой Конституции России: проблемы реализации / Н.В. Варламова // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1998. – № 2 (23). – С. 97–98.

130. Васюков, В.Ф. Изъятие электронных носителей информации: нерешенные проблемы практики / В.Ф. Васюков // Уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 54–57.

131. Верещагин, А. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / А. Верещагин // Закон. – 2012. – № 5. – С. 34.

132. Ветрова, Г.Н. Содержание принципа состязательности в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ / Г.Н. Ветрова // Государство и право. – 2016. – № 4. – С. 52–62.

133. Видергольд, А.И. Судебные правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ как источник уголовно-процессуального права / А.И. Видергольд // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. – 2014. Т. – 14. – № 1. – С. 28–31.

134. Визер, Б. Некоторые размышления по поводу иерархии норм в системе конституционного права РФ / Б. Визер // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 2. – С. 22–29.

135. Вилкова, Т.Ю. Тайна переписки, телефонных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии / Т.Ю. Вилкова // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 44–47.
136. Виноградов, В. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / В. Виноградов // Закон. – 2012. – № 5. – С. 27–28.
137. Витрук, Н.М. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение / Н.М. Витрук // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. Программа международного форума. – М.: Центр Конституц. исслед. МОНФ, 1999. – С. 88–105.
138. Владыкина, Т. Предварительное слушание в суде присяжных / Т. Владыкина // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 95–100.
139. Власенко, Н.В. Спорные вопросы при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ / Н.В. Власенко // Уголовный процесс. – 2012. – № 4. – С. 26–29.
140. Володина, Л.М. Проблема источников уголовно-процессуального права / Л.М. Володина // Ученые записки: сб. науч. тр. юрид. факультета Оренбургского ГУ. – 2006. – Вып. 3. – С. 24–26.
141. Володина, Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика / Л.М. Володина. – М.: Юрист, 2012. – 352 с.
142. Гаджиев, Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права / Г. Гаджиев // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 3 (28). – С. 82–83.
143. Гаджиев, Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении качества законов с российской точки зрения / Г.А. Гаджиев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4(89). – С. 16–28.
144. Гаджиев, Г.А. Принципы права и право из принципов / Г.А. Гаджиев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 2. – С. 22–46.

145. Гаджиев, Г.А. Феномен судебного прецедента в России / Г.А. Гаджиев // Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – С. 98–106.
146. Гладышева, О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография / О.В. Гладышева. – Краснодар: ЭДВИ, 2008. – 304 с.
147. Головкин, Л.В. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: монография: в 2 ч. / Под общ. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юристъ, 2015. – Ч. 1. – С. 419–420.
148. Головкин, Л.В. Место кодекса в системе источников уголовно-процессуального права / Л.В. Головкин // Государство и право. – 2007. – № 1. – С. 38–45.
149. Головкин, Л.В. Отечественное понятие «право на судебную защиту» и европейское понятие «право на доступ к правосудию»: попытка функционального сравнения / Л.В. Головкин // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. М.К. Свиридова. – Томск: Томск. гос. ун-т, 2007. – С. 3–7.
150. Голубок, С.А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту / С.А. Голубок // Правоведение. – 2007. – № 1. – С. 112–124.
151. Грун, А.Я. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора / А.Я. Грун. – М.: Юрид. лит., 1969. – 160 с.
152. Гусейнов, Н.А. Латентная дифференциация дознания в уголовном судопроизводстве России по нормам УПК РФ / Н.А. Гусейнов // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 17–21.
153. Гуценко, К.Ф. Ратификация европейских конвенций: шаг вперед, два шага назад / К.Ф. Гуценко, А.В. Соколова // Законодательство. – 1998. – № 5. – С. 21–25.

154. Гюлумян, В.Г. Принципы толкования Европейской Конвенции прав человека (критика и защита) / В.Г. Гюлумян // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 3. – С. 9–11.

155. Давыдов, В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок / В.А. Давыдов. – М.: Юрайт, 2011. – 313 с.

156. Давыдов, В.А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ / В.А. Давыдов // Уголовный процесс. – 2013. – № 9. – С. 52–56.

157. Давыдов, В.А. Пересмотр судебных решений по уголовным делам: о некоторых законодательных новеллах накануне их применения / В.А. Давыдов // Уголовный процесс. – 2012. – № 11 (95). – С. 44–50.

158. Давыдов, В.А. Толкование сомнений в пользу осужденного: пробел в новеллах УПК РФ / В.А. Давыдов // Уголовный процесс. – 2011. – № 6. – С. 14–15.

159. Дайджест практики Верховного Суда РФ по уголовным делам // Уголовный процесс. – 2015. – № 10. – С. 14–18.

160. Дайджест судебной практики // Уголовный процесс. – 2015. – № 11. – С. 10–14.

161. Даниленко, Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда / Г.М. Даниленко // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 119–125.

162. Деменева, А.В. Исполнение Россией постановлений Европейского Суда по правам человека: количество, не переходящее в качество / А.В. Деменева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 4. – С. 69–76.

163. Демидов, В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации / В.В. Демидов // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 3. – С. 21–25.

164. Дикарев, И. Об основаниях пересмотра приговоров, определений и постановлений суда в кассационном и надзорном порядке / И. Дикарев // Российская юстиция. – 2014. – № 3. – С. 35–38.

165. Дикарев, И. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам производства в суде кассационной инстанции / И. Дикарев // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 107–111.

166. Дикарев, И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: монография / И.С. Дикарев; Общ. ред. и предисл. В.А. Давыдов. – Волгоград: ВолГУ, 2016. – 400 с.

167. Дикарев, И.С. Предварительное производство в суде надзорной инстанции / И.С. Дикарев. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 176 с.

168. Дикарев, И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография / И.С. Дикарев. – Волгоград: ВолГУ, 2015. – 175 с.

169. Дикарев, И.С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам / И.С. Дикарев. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 432 с.

170. Дикарев, И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. – 2013. – № 3. – С. 98–103.

171. Дмитриев, М.Н. О принципе правовой определенности в российском гражданском процессе / М.Н. Дмитриев // Цивилист. – 2010. – № 4. – С. 94–98.

172. Добрынин, К.Э. Если депутаты будут заниматься «законодательным спамом», то благодарности не дождутся / К.Э. Добрынин // Уголовный процесс. – 2016. – № 1. – С. 38–43.

173. Дроздов, Г.В. Правовая природа разъяснений закона высшими судебными органами / Г.В. Дроздов // Советское государство и право. – 1992. – № 1. – С. 70–77.

174. Евлоев, И.М. Правовая определенность: принцип или критерий? / И.М. Евлоев // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сб. науч. тр. – 2012. – Вып. VII. – С. 250–256.

175. Евстигнеева, О.В. Справедливость как ценностный ориентир и его отражение в Основном законе / О.В. Евстигнеева // Юридическая наука и правоприменение (V Саратовские правовые чтения): сб. тезисов докладов Всерос. науч.-практ. конф. – Саратов: Саратовск. гос. ун-т, 2012. – С. 169–171.

176. Елеонский, В.О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным аспектам федеративного устройства России / В.О. Елеонский // Теоретические проблемы российского конституционализма. – М.: ИГиП РАН, 2000. – С. 96–98.

177. Ермакова, Т. Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? / Т. Ермакова // Уголовное право. – 2015. – № 6. – С. 90–96.

178. Ершов, В.В. Верховенство права – концепция или доктрина? / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2014. – № 6 (98). – С. 14–16.

179. Есина, А.С. Теоретические и прикладные аспекты деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции / А.С. Есина, М.Э. Семененко // СПС «КонсультантПлюс».

180. Ефимичев, С.П. Уголовно-процессуальное законодательство и решения Конституционного Суда РФ / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Журнал российского права. – 2000. – № 1. – С. 26–33.

181. Желдыбина, Т.А. Судебный прецедент: современный взгляд / Т.А. Желдыбина // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2015. № 3. С. 53-56.

182. Жидкова, Е.И. Формирование пределов производства по делу в досудебных стадиях уголовного процесса: монография / Е.И. Жидкова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 152 с.

183. Жуйков, В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права / В.М. Жуйков // Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – С. 78–90.
184. Жуйков, В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В.М. Жуйков. – М.: Городец, 1997. – 320 с.
185. Журавлева, О.О. Принцип правовой определенности и акты высших судебных органов в налоговом праве / О.О. Журавлева // Журнал российского права. – 2011. – № 4. – С. 73–77.
186. Зайцев, О.А. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании / О.А. Зайцев, П.С. Пастухов // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 84–88.
187. Зайцева, Е.А. Постановление Конституционного Суда РФ по жалобе Б.Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве / Е.А. Зайцева // Российский судья. – 2014. – № 5. – С. 39–43.
188. Закон. Создание и толкование / Под ред. А.С. Пиголкина. – М.: СПАРК, 1998. – 283 с.
189. Заржицкая, Л.С. Преюдиции в уголовно-процессуальном доказывании: результаты исследования / Л.С. Заржицкая // Уголовный процесс. – 2012. – № 10. – С. 28–31.
190. Землянкина, М.А. Признает ли суд доказательством заключение специалиста, полученное по инициативе защитника / М.А. Землянкина // Уголовный процесс. – 2016. – № 8. – С. 30–36.
191. Зими́на, Е.А. Новеллы постановления Пленума ВС РФ о процессуальных издержках / Е.А. Зими́на // Уголовный процесс. – 2014. – № 2. – С. 46–51.
192. Зимненко, Б.Л. Международное право в судебной практике России: конституционное правосудие / Б.Л. Зимненко // Российская юстиция. – 2003. – № 9. – С. 6–10.

193. Золотых, В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В.В. Золотых. – М.: АСТ, 1999. – 288 с.
194. Зорькин, В.Д. Вызовы глобализации и правовая концепция мироустройства / В.Д. Зорькин // Рос. газ. – 2010. – 10 сентября.
195. Зорькин, В.Д. Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка: Доклад на XIII Международном Форуме по конституционному правосудию / В.Д. Зорькин // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства: сб. науч. тр. – Казань: Офсет-сервис, 2011. – Вып. VI. – С. 8–44.
196. Зорькин, В.Д. Предел уступчивости / В.Д. Зорькин // Рос. газ. – 2010. – 29 октября.
197. Зорькин, В.Д. Россия и Конституция в XXI веке / В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2008. – 591 с.
198. Зорькин, В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография / В.Д. Зорькин. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 320 с.
199. Иванов, А.В. Проблемы производства по уголовным делам в отношении адвокатов / А.В. Иванов // Уголовный процесс. – 2014. – № 11. – С. 20–26.
200. Исаенко, В. Об ознакомлении обвиняемого с постановлением о назначении судебной экспертизы / В. Исаенко // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 129–134.
201. Калинкина, Л.Д. Повторное производство в российском уголовном процессе: монография / Л.Д. Калинкина. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2010. – 304 с.
202. Калинкина, Л.Д. Повторные ходатайства об исключении доказательств в российском уголовном процессе / Л.Д. Калинкина // Уголовный процесс. – 2012. – № 5. – С. 66–74.

203. Калинкина, Л.Д. Право стороны защиты на заявление ходатайств по УПК РФ не подлежит ограничению / Л.Д. Калинкина // Адвокатская практика. – 2010. – № 3. – С. 31–35.

204. Калинкина, Л.Д. Эксцессы состязательности сторон в российском уголовном судопроизводстве / Л.Д. Калинкина // Адвокатская практика. – 2011. – № 3. – С. 21–25.

205. Калиновский, К.Б. Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 44–50.

206. Калиновский, К.Б. Значение «отказных» определений Конституционного Суда Российской Федерации для понимания и применения норм уголовного и уголовно-процессуального права / К.Б. Калиновский // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: тезисы Междунар. науч. конф. / Сост. К.Б. Калиновский. – СПб.: Петрополис, 2010. – С. 140–146.

207. Калиновский, К.Б. Истечение срока давности: прекращать дело или выносить приговор? / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2016. – № 7. – С. 9–12.

208. Калиновский, К.Б. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого: практика должна измениться / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2016. – № 8. – С. 9.

209. Карабанов, А.Л. Толкование Конституционным Судом РФ преюдиции в уголовном процессе / А.Л. Карабанов // Уголовный процесс. – 2012. – № 3. – С. 71–73.

210. Карамышева, О.В. Нарушения прав человека при производстве по уголовным делам, выявленные ЕСПЧ в 2011-2012 годах / О.В. Карамышева // Уголовный процесс. – 2012. – № 11. – С. 60–69.

211. Карамышева, О.В. Позиции ЕСПЧ по вопросам ареста и ОРД: практика 2013 года / О.В. Карамышева // Уголовный процесс. – 2014. – № 3. – С. 14–23.

212. Карасев, Р.Е. Конституционный контроль в России: генезис, эволюция и проблемы современного периода / Р.Е. Карасев // Государство и право. – 2015. – № 9. – С. 102–108.

213. Карпов, Д.В. Конституционно-правовые основания актов судебной власти: технико-юридический аспект / Д.В. Карпов // Проблемы юридической техники: сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2000. – С. 485–486.

214. Качалова, О.В. В каких случаях уголовное дело не прекращается / О.В. Качалова // Уголовный процесс. – 2016. – № 9. – С. 12–18.

215. Качалова, О.В. Пересмотр приговоров, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, в суде апелляционной инстанции / О.В. Качалова // Российский судья. – 2015. – № 12. – С. 32–36.

216. Керимов, Д.А. Философские основания политико-правовых исследований / Керимов Д.А. – М.: Мысль, 1986. – 332 с.

217. Кириллова, Н.А. Правовые последствия отказа от обвинения / Н.А. Кириллова // Российская юстиция. – 2006. – № 7. – С. 54–55.

218. Клейменов, А.Я. Об установлении в российском гражданском и арбитражном процессе последствий отказа ответчика от права на предъявление встречного иска / А.Я. Клейменов // Закон. – 2011. – № 4. – С. 116–117.

219. Ковлер, А.И. Верховный суд предостерег от автоматического пересмотра любых дел, по которым ЕСПЧ нашел нарушение / А.И. Ковлер // Уголовный процесс. – 2013. – № 8. – С. 9–11.

220. Ковлер, А.И. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / А.И. Ковлер // Закон. – 2012. – № 5. – С. 23–27.

221. Ковлер, А.И. После «Кононова» / А.И. Ковлер // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 9. – С. 6–46.

222. Ковтун, Н.Н. Resjudicata реформированной российской кассации / Н.Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4 (5). – С. 121–130.

223. Ковтун, Н.Н. Акты конституционного правосудия как фактор деконструкции УПК РФ / Н.Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2008. – № 11. – С. 3–10.

224. Ковтун, Н.Н. Акты Конституционного Суда РФ как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики / Н.Н. Ковтун // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Сост. К.Б. Калиновский. – СПб.: Северо-Западный филиал Российской академии правосудия, 2010. – С. 157–170.

225. Ковтун, Н.Н. Апелляционная проверка в уголовном судопроизводстве России: новации закона и уголовно-процессуальной доктрины / Н.Н. Ковтун, Н.Н. Мазина // Российская юстиция. – 2014. – № 7. – С. 29–33.

226. Ковтун, Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в уголовном процессе: изъяны законодательных новелл / Н.Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2011. – № 3. – С. 45–41.

227. Ковтун, Н.Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство в контексте соответствия международно-правовому стандарту / Н.Н. Ковтун // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 3. – С. 3–9.

228. Ковтун, Н.Н. Апелляция год спустя: реалии и прогнозы / Н.Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2014. – № 2. – С. 38–45.

229. Ковтун, Н.Н. Апелляция год спустя: реалии и прогнозы / Н.Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2014. – № 3. – С. 60–67.

230. Ковтун, Н.Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 года / Н.Н. Ковтун // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 183–184.

231. Ковтун, Н.Н. Европейский Суд по правам человека ошибся, ошибся – фундаментально / Н.Н. Ковтун // Российский судья. – 2016. – № 8. – С. 47–51.

232. Ковтун, Н.Н. Институт специализированных следственных судей: к дискуссии о векторах законодательной воли / Н.Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2. – С. 174–183.

233. Ковтун, Н.Н. Кассационное производство: насколько оправданы лапидарные разъяснения пленума / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 26–30.

234. Ковтун, Н.Н. Оперативные судебные-контрольные производства, реализуемые по правилам статьи 165 УПК РФ / Н.Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2010. – № 1. – С. 8–16.

235. Ковтун, Н.Н. Основные начала проверки судебных решений в уголовном процессе России – стереотипизация правовых установок / Н.Н. Ковтун // Юридическая техника: Ежегодник. – 2011. – № 5. – С. 219–225.

236. Ковтун, Н.Н. Правовая определенность и *resjudicata* в решениях европейского Суда по правам человека / Н.Н. Ковтун, Д.М. Шунаев // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 38–42.

237. Ковтун, Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права / Н.Н. Ковтун // Государство и право. – 2015. – № 8. – С. 32–42.

238. Ковтун, Н.Н. Правотворческие ошибки в контексте юридических коллизий уголовного судопроизводства России // Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов // Следователь. – 2008. – № 12. – С. 9–16.

239. Ковтун, Н.Н. Предмет судебного следствия в судебные-контрольных производствах / Н.Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2007. – № 3. – С. 14–19.

240. Ковтун, Н.Н. Презумпции и фикции уголовно-процессуального права России: технология осознанной лжи / Н.Н. Ковтун // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 231–235.

241. Ковтун, Н.Н. Решения надзорно-кассационной формы проверки: теория, законодательство, практика / Н.Н. Ковтун // II Московский юридиче-

ский форум. Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 95-летию проф. П.А. Лупинской «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты» / Отв. ред. С.Б. Россинский. – М.: МГЮА, 2016. – С. 25–29.

242. Ковтун, Н.Н. Следственный судья Украины: анализ юрисдикционных и следственных функций в контексте российских процессуальных аналогов / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 3. – С. 26–32.

243. Ковтун, Н.Н. Содержание принципа правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ / Н.Н. Ковтун, А.А. Зорин // Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. – 2015. – № 3 (28). – С. 143–149.

244. Ковтун, Н.Н. Судебные стадии и производства УПК Украины: система и векторы реализованных нормативных реформ / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2013. – № 2. – С. 23–30.

245. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография / Н.Н. Ковтун. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. – 232 с.

246. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью уголовного преследования, реализуемого в отношении специальных субъектов уголовного судопроизводства России (гл. 52 УПК РФ): монография / Н.Н. Ковтун, Р.В. Ярцев, Т.П. Захарова, Ш.Р. Галиуллин. – Н. Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы, 2007. – 210 с.

247. Ковтун, Н.Н. Суды fema / Н.Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 20–27.

248. Ковтун, Н.Н. УПК – принят. УПК – действует. УПК – можно снова менять (к 100-летию Государственной Думы России) / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 1. – С. 7–11.

249. Ковтун, Н.Н. Эффективность судебного контроля / Н.Н. Ковтун, Е.В. Суслова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 3. – С. 7–15.

250. Козлов, А.М. Специфика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / А.М. Козлов // Уголовный процесс. – 2011. – № 8. – С. 80–84.

251. Козьявин, А.А. Взгляд на категориальный аппарат науки уголовного судопроизводства через призму правовых позиций Конституционного Суда РФ / А.А. Козьявин // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 23–26.

252. Кокотова, М.А. Обеспечение процессуальных гарантий в Конституционном совете Франции в сравнении с Конституционным Судом РФ / М.А. Кокотова // Российский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 46–51.

253. Колмаков, П. Что понимать под существенными (фундаментальными) нарушениями, повлиявшими на исход дела? / П. Колмаков, И. Обухов // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 87–91.

254. Колоколов, Н.А. Интересы следствия против адвокатской тайны / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 70–76.

255. Колоколов, Н.А. Новые элементы в структуре судов общей юрисдикции: подсудность, порядок производства, обжалование / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2011. – № 3. – С. 24–25.

256. Колоколов, Н.А. Приказы Генерального прокурора РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2008. – №3. – С. 49–58.

257. Комаров, С.И. Правовая инфильтрация норм Европейской конвенции, актов ЕСПЧ и суверенитет национального государства / С.И. Комаров, П.А. Царев // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина / Под ред. А.В. Малько. – Рязань: Концепция, 2015. – С. 53–55.

258. Конин, В.В. Некоторые проблемные вопросы влияния и применения решений Европейского Суда по правам человека на российское уголовное судопроизводство / В.В. Конин // Право на судебную защиту в уго-

ловном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Томск: Томский ун-т, 2007. – С. 56–60.

259. Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 30-31 октября 2009 г. / Сост. К.Б. Калиновский. – СПб: Издательский дом «Петрополис», 2010. – 368 с.

260. Корнев, В.Н. Толкование и применение конституционных предписаний судами в Российской Федерации: интегративный подход / В.Н. Корнев, И.А. Алешкова // Государство и право. – 2015. – № 10. – С. 6–10.

261. Корнелюк, О.В. К проблеме применения норм международного права в национальном законодательстве / О.В. Корнелюк // Следователь. – 2004. – № 1. – С. 61–63.

262. Корнуков, В.М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития / В.М. Корнуков // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4. – С. 597–602.

263. Котельников, М.Г. Конституционное право на судебную защиту (на примере практики Конституционного Суда Российской Федерации) / М. Г. Котельников. – Челябинск: ИИУМЦ «Образование», 2008. – 162 с.

264. Кругликов, А.П. Концепция судебной реформы в Российской Федерации и возвращение судом уголовного дела на дополнительное расследование / А.П. Кругликов // Российская юстиция. – 2013. – № 10. – С. 37–40.

265. Кряжков, В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика) / В.А. Кряжков. – М.: Формула права, 1999. – 768 с.

266. КС РФ рассмотрит новый вопрос об адвокатской тайне // Уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 7–14.

267. Кувалдина, Ю.В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее / Ю.В. Кувалдина // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 3. – С. 14–15.

268. Кудрявцева, Т.Г. О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств / Т.Г. Кудрявцева, Д.Н. Кожухарик // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 28–30.

269. Кузнецова, А. Возмещение вреда лицу, уголовное преследование которого осуществлялось в порядке частного обвинения / А. Кузнецова // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 122–125.

270. Кузнецова, А.Д. Проблемы возмещения реабилитированному лицу имущественного вреда в виде сумм, выплаченных за оказание юридической помощи / А.Д. Кузнецова // Российская юстиция. – 2016. – № 2. – С. 42–45.

271. Куприянов, А.А. Ждем видеозапись заседания / А.А. Куприянов // Уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 8.

272. Куприянов, А.А. Новые правила апелляции: восстановление практики поворота к худшему / А.А. Куприянов // Уголовный процесс. – 2012. – № 11. – С. 34–38.

273. Курченко, В.Н. Основные ошибки судей при рассмотрении ходатайств о производстве обыска и выемки / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2012. – № 4. – С. 54–61.

274. Курченко, В.Н. Особенности рассмотрения судами ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2008. – № 8. – С. 58–67.

275. Курченко, В.Н. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2012. – №3. – С. 10–19.

276. Лазарев, В.В. Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 49–51.

277. Лазарев, Л.В. Конституционно-правовые основы организации и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации / Л.В. Лазарев // Государство и право. – 1996. – № 6. – С. 3–5.

278. Лазарев, Л.В. Конституционный Суд и развитие конституционного права / Л.В. Лазарев // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 3–13.

279. Лазарева, В. Состязательность и доказывание в уголовном процессе / В. Лазарева // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 97–98.

280. Лапаева, В. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / В. Лапаева // Закон. – 2012. – № 5. – С. 30.

281. Лапатников, М.В. Перспективы субсидиарного обвинения в российском уголовном процессе / М.В. Лапатников // Российская юстиция. – 2014. – № 2. – С. 37–41.

282. Лаптев, П.А. Прецедент в Европейском Суде по правам человека / П.А. Лаптев // Государство и право. – 2001. – № 12. – С. 7–8.

283. Лаптев, П.А. Срок жизни Европейского Суда может быть сокращен: Интервью / П.А. Лаптев // Коммерсантъ-Он-лайн. 2010. 31 мая. Доступ: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1378782>.

284. Лебедев, В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития / Лебедев В.М. – СПб.: Лань, 2001. – 384 с.

285. Лукьянова, Е. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / Е. Лукьянова // Закон. – 2012. – № 5. – С. 26–27.

286. Лукьянова, Е.А. Закон о законах / Е.А. Лукьянова // Законодательство. – 1999. – № 11. – С. 34–35.

287. Лукьянова, Е.А. Конституция в судебном переплете / Е.А. Лукьянова // Законодательство. – 2000. – № 12. – С. 47–54.

288. Лукьянова, Е.А. Указное право как российский политический феномен / Е.А. Лукьянова // Журнал российского права. – 2001. – № 10. – С. 55–67.

289. Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы / П.А. Лупинская. – М., 1976. – 168 с.

290. Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 240 с.

291. Лучин, В.О. Указное право России / В.О. Лучин. – М.: ХГЦ «Велес», 1996. – 52 с.

292. Луцаев, С.В. Принцип правовой определенности и его реализация / С.В. Луцаев // Правовая Россия в XXI веке: вопросы теории и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – 2010. – С. 86–92.

293. Ляхов, Ю.А. Введение апелляции в уголовном судопроизводстве России – усиление гарантий правосудия / Ю.А. Ляхов // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 23–25.

294. Маврин, С.П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / С.П. Маврин // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 4. – С. 12–18.

295. Малько, А.В. О роли федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в правотворческой политике / А.В. Малько, Я.В. Гайворонская // Государство и право. – 2015. – № 11. – С. 26–29.

296. Малько, А.В. Теория правовой политики: монография / А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.

297. Малюшин, А.А. Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества / А.А. Малюшин // Российская юстиция. – 2015. – № 10. – С. 6–8.

298. Малюшин, А.А. Правовые позиции как юридические средства выражения правотворческой функции конституционного правосудия / А.А. Малюшин // Российский судья. – 2015. – № 8. – С. 8–12.

299. Маргелов, М.В. Страсбург против Нюрнберга / М.В. Маргелов // Рос. газ. – 2010. – 24 мая.
300. Мартынчик, Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике / Е. Мартынчик, Э. Колоколова // Российская юстиция. – 1994. – № 12. – С. 20–22.
301. Мартынчик, Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования / Е.Г. Мартынчик. – М.: Юнити, 2009. – 173 с.
302. Марченко, М.Н. Судебная власть: основные признаки и особенности / М.Н. Марченко // Российское правосудие. – 2007. – № 5. – С. 9–12.
303. Марченко, М.Н. Судебное правотворчество и судейское право / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 510 с.
304. Марченко, М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? / М.Н. Марченко // Журнал российского права. – 2000. – № 12. – С. 11–21.
305. Маслов, И. Адвокатское расследование / И. Маслов // Законность. – 2004. – № 10. – С. 34–38.
306. Массаладжиу, Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе / Р. Массаладжиу // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 7. – С. 22–25.
307. Мерзлякова, М.В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора / М.В. Мерзлякова, А.Д. Прошляков. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
308. Миннегалиева, Л. Взгляд Европейского суда по правам человека на надзорное производство в России / Л. Миннегалиева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 2. – С. 42–44.
309. Митюков, М.А. Акты Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации: общая характеристика и ста-

тистический анализ / М.А. Митюков // Журнал российского права. – 2001. – № 6. – С. 15–19.

310. Митюков, М.А. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: правовые дискуссии при разработке и принятии (Введение в тему) / М.А. Митюков // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 12. – С. 27–37.

311. Михеенкова, М.А. Вопросы реабилитации в разъяснениях высших судов России и ЕСПЧ / М.А. Михеенкова // Уголовный процесс. – 2014. – № 4. – С. 22–27.

312. Михеенкова, М.А. Доказательства и доказывание: позиции высших судов РФ и ЕСПЧ / М.А. Михеенкова // Уголовный процесс. – 2014. – № 3. – С. 29–31.

313. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – 800 с.

314. Морозкина, И.А. Роль совершенствования института дознания в концепции совершенствования досудебного производства по уголовным делам / И.А. Морозкина // Российский следователь. – 2007. – № 6. – С. 21–23.

315. Морщакова, Т.Г. Интервью с заместителем Председателя Конституционного Суда РФ / Т.Г. Морщакова // Законодательство. – 1999. – № 5. – С. 3–4.

316. Морщакова, Т.Г. Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы: Обзор научно-практической конференции / Т.Г. Морщакова // Государство и право. – 1997. – № 5. – С. 8–10.

317. Мусеилов, У.А. Производство дознания следователем: проблемы правового регулирования / У.А. Мусеилов // Российский следователь. – 2013. – № 9. – С. 12–13.

318. Наумов, А. Судебный прецедент как источник уголовного права / А. Наумов // Российская юстиция. – 1994. – № 1. – С. 8–10.

319. Нерсисянц, В.С. Суд не законодательствует, а применяет право / В.С. Нерсисянц // Судебная практика как источник права. – М.: ИГиП РАН, 1997. – С. 34–41.
320. Нерсисянц, В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий / В.С. Нерсисянц // Судебная практика как источник права. – М.: Юрист, 2000. – С. 112–114.
321. Нешатаева, Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т.Н. Нешатаева // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 3. – С. 124–140.
322. Николаев, А.Ю. Адвокат как объект ОРМ по делам о пособничестве во взяточничестве / А.Ю. Николаев // Уголовный процесс. – 2014. – № 11. – С. 16–19.
323. Никонов, М.А. 7 способов нарушения прав адвокатов и противодействия им / М.А. Никонов // Уголовный процесс. – 2016. – № 8. – С. 50–57.
324. Никонов, М.А. Переквалификация *indevaforem* / М.А. Никонов // Уголовный процесс. – 2013. – № 11. – С. 42–49.
325. Никонов, М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ / М.А. Никонов // Уголовный процесс. – 2014. – № 4. – С. 50–61.
326. Новиков, С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались / С.А. Новиков // Российский судья. – 2013. – № 2. – С. 42–44.
327. Ображиев, К.В. Судебный прецедент в уголовном праве России / К.В. Ображиев. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 144 с.
328. Олейник, О. Правовые проблемы банковской тайны / О. Олейник // Хозяйство и право. – 1997. – № 7. – С. 135–147.
329. Османов, Т.С. Нарушения уголовно-процессуального закона как основания к отмене (изменению) приговора в порядке надзора: спорные вопросы регламентации / Т.С. Османов // Российский судья. – 2009. – № 8. – С. 26–28.

330. Осояну, Т.К. Проявление обвинительного уклона при рассмотрении судами Республики Молдова вопросов о применении, продлении и обжаловании домашнего ареста / Т.К. Осояну // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В.В. Волкова. – М.: Норма, 2015. – С. 75–92.

331. Паничева, А. Является ли пересмотр уголовных дел во 2-й инстанции апелляционным? / А. Паничева // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 100–104.

332. Панокин, А.М. Реализация права на справедливое судебное разбирательство в апелляционном производстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и российский уголовный процесс / А.М. Панокин // Российская юстиция. – 2016. – № 6. – С. 52–54.

333. Пашин, С.А. Без состязательной экспертизы в уголовном процессе не будет настоящей состязательности / С.А. Пашин // Уголовный процесс. – 2012. – № 12. – С. 34–37.

334. Петров, А.А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы / А.А. Петров // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 104–106.

335. Петрухин, И.Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе / И.Л. Петрухин // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 25–27.

336. Петрушев, В.А. Обладают ли разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики обязательной силой? / В.А. Петрушев // Законы России. – 2008. – № 3. – С. 74–76.

337. Пирвагидов, С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / С.С. Пирвагидов, Ю.Е. Пудовочкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 297 с.

338. Поздняков, М.Л. Система оснований отмены и изменения судебных актов в российском уголовном процессе: монография / М.Л. Поздняков. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 160 с.
339. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Поковский. – М.: Статут, 2009. – 351 с.
340. Поленина, С.В. Законодательная техника и судебный прецедент / С.В. Поленина // Проблемы юридической техники: сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2000. – С. 55–59.
341. Потапов, В.Д. Категории «существенное нарушение закона» и «фундаментальное нарушение закона» в контексте оснований для отмены окончательных судебных решений в суде надзорной инстанции / В.Д. Потапов // Вестник СГАП. – 2011. – № 2. – С. 181–182.
342. Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (г. Томск, 20-22 сентября 2007 г.) / Под ред. М.К. Свиридова. – Томск: Том. ун-т, 2007. – 292 с.
343. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / автор гл. 10 – В.А. Давыдов; Под общ. ред. В.М. Лебедева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – С. 764–781.
344. Пресняков, М.В. Правовая определенность и определенность прав в современном конституционно-правовом дискурсе / М.В. Пресняков // Гражданин и право. – 2014. – № 4. – С. 3–16.
345. Пресняков, М.В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства / М.В. Пресняков // Журнал российского права. – 2009. – № 5. – С. 33–42.
346. Пресняков, М.В. Правовая определенность как качество права / М.В. Пресняков // Гражданин и право. – 2012. – № 10. – С. 20–35.
347. Прохорова, Е.А. Судебный прецедент как источник уголовно-процессуального права Российской Федерации / Е.А. Прохорова // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних

дел: межвуз. сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей: в 2 ч. – М.: Московский университет МВД России, 2002. – Ч. 2. – С. 21–25.

348. Пудовочкин, Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 64–75.

349. Пшеничников, М.А. Юридико-технические средства обеспечения соответствия российского законодательства международному праву. Проблемы юридической техники: сб. науч. ст. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2000. – С. 189–192.

350. Рагулин, А. Право на доказательства / А. Рагулин // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 30. – С. 5–7.

351. Рарог, А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ / А.И. Рарог // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 51–57.

352. Резник, Г. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / Г. Резник // Закон. – 2012. – № 5. – С. 29.

353. Рехтина, И.В. Истоки принципа правовой определенности (*resjudicata*) в законодательстве Древнего Рима / И.В. Рехтина // Вопросы современной юриспруденции: материалы XXVII Междунар. заоч. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 71–79.

354. Рехтина, И.В. Правовая определенность (*resjudicata*) в истории права Древнего Рима / И.В. Рехтина // История государства и права. – 2011. – № 22. – С. 43–47.

355. Ривлин, А.Л. Пересмотр приговоров в СССР / А.Л. Ривлин. – М.: Госюриздат, 1958. – 312 с.

356. Романец, Ю. Правовая определенность или безнаказанность? / Ю. Романец // ЭЖ-Юрист. – 2011. – № 49. – С. 6–7.

357. Романова, О.В. К вопросу о понятии и правовых позициях Конституционного Суда РФ / О.В. Романова // Государство и право. – 2001. – № 7. – С. 84–87.

358. Рукавишникова, А.А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе / А.А. Рукавишникова // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 1. – С. 100–101.

359. Рябина, Т.К. Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете / Т.К. Рябина // Российский следователь. – 2013. – № 24. – С. 6–10.

360. Савельев, К.А. Проблемы определения границ рассмотрения дела при пересмотре приговора / К.А. Савельев // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. В.А. Лазаревой. – Самара: Самарский ун-т, 2009. – Вып. 4. – С. 57–59.

361. Савицкий, В.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации / В.А. Савицкий, Е.Ю. Терюкова // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 75–77.

362. Саликов, М.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие и система / М.С. Саликов // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 49–59.

363. Свиридов, М.К. Обеспечение стабильности приговора / М.К. Свиридов // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – Вып. 357. – С. 141–145.

364. Семенова, М.В. Правовые позиции высших судебных органов РФ по вопросам применения международных стандартов защиты прав человека / М.В. Семенова // Известия Тульского государств. ун-та. Экономические и юридические науки. – 2010. – № 1-2. – С. 349–358.

365. Семенцов, В.А. Избранные статьи по уголовному процессу / В.А. Семенцов. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 593 с.

366. Семенцов, В.А. Некоторые мифы и реальность современного отечественного уголовного судопроизводства / В.А. Семенцов // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. –

Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. – С. 345–358.

367. Семенцов, В.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: монография / В.А. Семенцов, О.А. Науменко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 200 с.

368. Семенцов, В.А. Полномочия адвоката по участию в собирании (формировании) доказательств в уголовном судопроизводстве / В.А. Семенцов // Вопросы правоведения. – 2010. – № 4. – С. 359–381.

369. Семенцов, В.А. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: монография / В.А. Семенцов, А.Д. Пестов. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 176 с.

370. Сергеевнин, С. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / С. Сергеевнин // Закон. – 2012. – № 5. – С. 25.

371. Сидоренко, М.В. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации как средство обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2015. – № 4. – С. 160-163.

372. Сидоренко, М.В. Правовая определенность статики и динамики российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 5. – С. 323–329.

373. Сидоренко, М.В. О правовой определенности статуса лиц, в отношении которых фактически реализуется уголовное преследование / М.В. Сидоренко // Российский следователь. – 2016. – № 5. – С. 23–25.

374. Сидоренко, М.В. Правовая определенность через призму законодательных ошибок уголовно-процессуального права России / М.В. Сидоренко // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 36–38.

375. Сидоренко, М.В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права / М.В. Сидоренко // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 88-93.

376. Сидоренко, М.В. К дискуссии о содержательных элементах категории «правовая определенность» в российском праве (часть 1) / М.В. Сидоренко // Вестник Краснодарского университета МВД России: научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – С. 171–174.

377. Сидоренко, М.В. Коллизии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов / М.В. Сидоренко // Общество и право: научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – С. 166–170.

378. Сидоренко, М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права (состояние и постановка проблемы): монография / М.В. Сидоренко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 408 с.

379. Слепченко, Е.В. Конституционное судопроизводство: понятие, особенности / Е.В. Слепченко // Юридический мир. – 2009. – № 2. – С. 23–27.

380. Смбатян, А.С. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение / А.С. Смбатян // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 2–5.

381. Смирнов, А.В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс? / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2014. – № 9. – С. 74–86.

382. Смирнов, Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания / Г.К. Смирнов // Уголовный процесс. – 2012. – № 4. – С. 10–17.

383. Соболева, А. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / А. Соболева // Закон. – 2012. – № 5. – С. 33.

384. Соловьева, Т.В. Реализация актов ЕСПЧ национальными судами России / Т.В. Соловьева // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1-1. – С. 71–74.

385. Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: сб. аналит. ст. / Под ред. М.Р. Воскобитовой. – М.: Анахарсис, 2005. – С. 429–464.

386. Степаненко, Д.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые вопросы практики применения / Д.А. Степаненко, М.А. Днепровская, Н.Ю. Шумилина // Российская юстиция. – 2013. – № 8. – С. 24–25.

387. Страшун, Б. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права / Б. Страшун // Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1992-1999). – М.: Норма, 2000. – С. 111–117.

388. Султанов, А.Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ / А.Р. Султанов // Право и политика. – 2007. – № 5. – С. 30–39.

389. Сухарева, О.О. Принцип правовой определенности в системе ценностей и принципов, установленной Конституцией Испании 1978 г. / О.О. Сухарева // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 16. – С. 36–40.

390. Талалаев, А.Н. Общеизвестные принципы и нормы международного права (конституционное закрепление термина) / А.Н. Талалаев // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 1997. – № 3. – С. 72–75.

391. Тарабан, Н.А. Правовая природа судебного прецедента в России и его место в национальной правовой системе / Н.А. Тарабан // Мировой судья. – 2014. – № 11. – С. 29–33.

392. Тимошенко, А.А. Использование в доказывании цифровых аудио- и видеофонограмм / А.А. Тимошенко, Г.Н. Зубов // Уголовный процесс. – 2014. – № 2. – С. 52–60.

393. Тимошин, Н.В. Комментарий к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ о реабилитации в уголовном судопроизводстве / Н.В. Тимошин // Уголовный процесс. – 2012. – № 1. – С. 42–51.

394. Тиунов, О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право / О.И. Тиунов // Российский ежегодник международного права. – СПб.: Россия-Нева, 1995. С. 179–191.

395. Тихомиров, Ю.А. Глобализация: взаимовлияние внутреннего и международного права / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 3–12.

396. Томин, В.Т. «Права и свободы человека» – большой блеф XX века. (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом) / В.Т. Томин. – Омск: Изд-во Омской акад. МВД России, 2004. – 148 с.

397. Топорнин, Б.Н. Система источников права: тенденции развития / Б.Н. Топорнин // В кн.: Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – С. 42–48.

398. Трубникова, Т.В. Особый порядок принятия судебного решения: возможна ли успешная жалоба в ЕСПЧ? / Т.В. Трубникова // Уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 33–41.

399. Трубникова, Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации. – Томск: Томск. ун-т, 2011. – 296 с.

400. Туманов, В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности / В.А. Туманов. – М.: Норма, 2001. – 304 с.

401. Фоков, А.П. Правовая определенность в практике Европейского суда по правам человека по делам против России в 2014 году / А.П. Фоков, Я.М. Винокурова // Российская юстиция. – 2015. – № 1. – С. 16–18.

402. Фомин, М.А. Пределы обжалования приговора в суде кассационной инстанции / М.А. Фомин // Уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 64–79.

403. Фон-Резон, А.К. О границах кассационного рассмотрения в уголовном судопроизводстве (5 ст. учр. суд. уст.) (начало) / А.К. Фон-Резон // Журнал министерства юстиции. – 1902. – № 1. – С. 107–109.

404. Францифоров, Ю.В. Актуальные проблемы производства предварительного расследования в форме дознания / Ю.В. Францифоров // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2. – С. 10–13.

405. Фролова, Е. Правовая обеспеченность доказательственной силы объяснения в уголовном процессе России / Е. Фролова, А. Горбань // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 112–118.
406. Фролова, Т.А. Явка с повинной относится к иным документам / Т.А. Фролова // Уголовный процесс. – 2010. – № 4. – С. 32–36.
407. Хабриева, Т. ЕСПЧ и Конституционный Суд РФ: конфликт толкований / Т. Хабриева // Закон. – 2012. – № 5. – С. 28.
408. Хабриева, Т.А. Толкование Конституции РФ. Теория и практика / Т.А. Хабриева. – М.: Юрист, 1998. – 245 с.
409. Хабриева, Т.Я. Процессуальные вопросы толкования Конституции в деятельности Конституционного Суда РФ / Т.Я. Хабриева // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 17–19.
410. Халиков, А.Н. Собираение доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении / А.Н. Халиков // Законность. – 2013. – № 12. – С. 54–57.
411. Хижняк, В.С. Взаимодействие национального права и международного права / В.С. Хижняк // Современное право. – 2002. – № 7. – С. 33–36.
412. Хитрова, О.В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования / О.В. Хитрова // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 13–16.
413. Хлестаков, О.Н. Международное право и Российская Федерация / О.Н. Хлестаков // Московский журнал международного права. – 1994. – № 4. – С. 55–60.
414. Хлестов, О.Н. Соотношение между внутренним правом России и международным правом / О.Н. Хлестов // Международный правовой курьер. – 2014. – № 2. – С. 8–10.
415. Хорунжий, С.Н. Становление и развитие института законной силы судебного решения / С.Н. Хорунжий // Образование и право. – 2012. – № 12. – С. 21–23.
416. Худолей, К.М. Полномочия Конституционного Суда РФ: проблемы теории и практики конституционного правосудия / К.М. Худолей //

Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 2(12). – С. 71–84.

417. Хырхырьян, М.А., Плотников И.В. Некоторые особенности оглашения показаний в суде / М.А. Хырхырьян, И.В. Плотников // Уголовный процесс. – 2013. – № 6. – С. 58–59.

418. Цепкова, Т.М. Соотношение законной силы судебного решения и принципа *res judicata* в свете постановлений Европейского Суда по правам человека / Т.М. Цепкова, М.С. Борисов // Российская юстиция. – 2010. – № 8. – С. 52–55.

419. Цыпкин, А.Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора / А.Л. Цыпкин. – Саратов: Приволж. КН. Изд-во, 1965. – 152 с.

420. Червоткин, А.С. Заключение под стражу при возвращении уголовного дела прокурору / А.С. Червоткин // Уголовный процесс. – 2016. – № 5. – С. 66–73.

421. Черниченко, С.В. Права человека в контексте соотношения международного и российского права / С.В. Черниченко // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия: сб. науч. ст. / под ред. В.М. Баранова. В 2 ч. – Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 1996. – Ч. 1. – С. 32–34.

422. Чесных, И.И. Применение судебного прецедента в российских отраслях права / И.И. Чесных // Государство и право в XXI веке. – 2014. – № 2. – С. 15-18.

423. Чихачев, К. О юридической силе и практическом значении решений кассационных департаментов Правительствующего Сената / К. Чихачев // Журнал юридического общества. – 1896. – Кн. 7. – С. 55–62.

424. Шабалина, Я.М. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека / Я.М. Шабалина // Российское правосудие. – 2011. – № 8. – С. 69–71.

425. Шалумов, М.С. Апелляция в уголовном процессе: спорные вопросы и развитие / М.С. Шалумов // Уголовный процесс. – 2013. – № 10. – С. 58–67.

426. Шалумов, М.С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств / М.С. Шалумов // Уголовный процесс. – 2005. – № 3. – С. 32–34.

427. Шамшурин, Л.Л. Новый этап судебной реформы: суть, побудительные причины и ожидаемые результаты / Л.Л. Шамшурин // Российский судья. – 2015. – № 6. – С. 11–15.

428. Шнитенков, А.В. Временное отстранение от должности как мера уголовно-процессуального принуждения / А.В. Шнитенков // Уголовный процесс. – 2008. – № 1(37). – С. 49–57.

429. Эбзеев, Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы / Б.С. Эбзеев // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 5–12.

430. Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М.: ВолтерсКлувер, 2010. – 384 с.

431. Явич, Л.С. Сущность права / Л.С. Явич. – Л: Ленинград. ун-т, 1985. – 205 с.

432. Якимович, Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства / Ю.К. Якимович. – Томск: Том. ун-т, 2015. – 168 с.

433. Якубина, Ю.П. Новый этап развития форм предварительного расследования по УПК РФ / Ю.П. Якубина // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 4(6). – С. 132–133.

434. Якушев, П.А. Обеспечение стабильности и единства судебной практики при изменении толкования правовой нормы высшей судебной инстанцией / П.А. Якушев // Российская юстиция. – 2014. – № 7. – С. 51–54.

435. Янин, М.Г. Кассационный уклон «новой» апелляции / М.Г. Янин // Уголовный процесс. – 2014. – № 6. – С. 20–27.

436. Barnett R.E. Is the Rehnquist Court an "Activist" Court? The Commerce Clause Cases // University of Colorado Law Review. Vol. 73. 2002. № 4. P. 1275, 1275-1276. Ср.: Westen P. The Empty Idea of Equality // Harvard Law Review. Vol. 95. 1982. № 3. P. 537–596.

437. Brennan W.J., Jr. Speech to the Text and Teaching Symposium // Originalism: A Quarter-Century of Debate / Ed. by S. G. Calabresi. Washington, DC: Regnery Pub., 2007. P. 55–70.

438. DasBundesverfassungsgericht [Федеральный конституционный суд Германии]. Order of the Second Senate of 14 October 2004. 14.10.2004. 2 BvR 1481/04. // URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2004/10/rs20041014_2bvr148104en.html

439. ECtHR. Kononov v. Latvia. Application № 36376/04 // HUDOC – European Court of Human Rights. // URL: [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{\"fulltext\":\[\"кононов\"\],\"languageisocode\":,\"appno\":\[\"36376/04\"\],\"documentcollectionid2\":\[\"GRANDCHAMBER\",\"CHAMBER\"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{\)

440. ECtHR. Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. Judgment of 7 October 2010 // HUDOC – European Court of Human Rights. // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117034>.

441. ECtHR. Konstantin Markin v. Russia. Application no. 30078/06. Judgment of 22 March 2012 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117034>.

442. ECtHR. OAO Neftyanayakompaniya Yukos v. Russia. Application no. 14902/04. Judgment on the question of just satisfaction of 24.06.2014 // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106308>.

443. Interim Opinion on the amendments to the Federal Constitutional Law on the Constitutional Court of the Russian Federation adopted by the Venice

Commission at its 106th Plenary Session (Venice, 11-12 March 2016). URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2016\)005-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2016)005-e).

444. Kirby M.D. *Judicial Activism: Authority, Principle and Policy in the Judicial Method*. London: Sweet & Maxwell, 2004. P. 10.

445. Mahoney P. *Judicial Activism and Judicial Self-Restraint in the European Court of Human Rights: Two Sides of the Same Coin* // *Human Rights Law Journal*. Vol. 11. № 1-2. P. 57–88, 58.

446. Rules of European Court of Human Right of 4.11.1998 (as amended on 1 January 2016) // ECHR. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_ENG.pdf.

447. Schlesinger A.M., Jr. *The Supreme Court: 1947* // *Fortune*. 1947. January. P. 202, 208.

448. Sowell T. *Judicial Activism Reconsidered*. Stanford, CA: Hoover Institution, Stanford University, 1989 (<http://www.amatecon.com/etext/jar/jar.html>).

449. Tushnet M. *The United States of America // Judicial Activism in Common Law Supreme Courts* / Ed. by B. Dickson. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 416–417.

450. United Nations Conference on the Law of Treaties. First Sessions. P. 108–115.

451. Vile M. J.C. *Constitutionalism and the Separation of Powers*. 2nd ed. Indianapolis: Liberty Fund, 1998.

452. Barnett R.E. *Is the Rehnquist Court an "Activist" Court? The Commerce Clause Cases* // *University of Colorado Law Review*. Vol. 73. 2002. № 4. P. 1275, 1275-1276. Cp.: Westen P. *The Empty Idea of Equality* // *Harvard Law Review*. Vol. 95. 1982. № 3. P. 537–596.

453. Brennan W.J., Jr. *Speech to the Text and Teaching Symposium // Originalism: A Quarter-Century of Debate* / Ed. by S. G. Calabresi. Washington, DC: RegneryPub., 2007. P. 55–70.

454. Kirby M.D. *Judicial Activism: Authority, Principle and Policy in the Judicial Method*. London: Sweet & Maxwell, 2004. P. 10.

455. Mahoney P. *Judicial Activism and Judicial Self-Restraint in the European Court of Human Rights: Two Sides of the Same Coin* // *Human Rights Law Journal*. Vol. 11. № 1–2. P. 57–88, 58.

456. Schlesinger A.M., Jr. *The Supreme Court: 1947* // *Fortune*. 1947. January. P. 202, 208.

457. Tushnet M. *The United States of America // Judicial Activism in Common Law Supreme Courts* / Ed. by B. Dickson. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 416–417.

458. *United Nations Conference on the Law of Treaties. First Sessions*. P. 108–115.

459. Vile M. J.C. *Constitutionalism and the Separation of Powers*. 2nd ed. Indianapolis: Liberty Fund, 1998.

Диссертации, авторефераты диссертации

460. Алексеева, Т.М. *Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09* / Алексеева Татьяна Михайловна. – М., 2015. – 264 с.

461. Алисиевич, Е.С. *Толкование норм конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод – правомочие Европейского Суда: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01* / Алисиевич Екатерина Сергеевна. – М., 2006. – 147 с.

462. Аширбекова, М.Т. *Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09* / Аширбекова Мадина Таукеновна. – Волгоград, 2009. – 61 с.

463. Аширова, Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Аширова Луиза Мунавировна. – Уфа, 2006. – 26 с.

464. Батуев, Н.В. Решения Конституционного Суда РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Батуев Николай Владимирович. – Ижевск, 2003. 172 с.

465. Бодров, С.Ю. Судебный прецедент в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бодров Сергей Юрьевич. – Ульяновск. 2004. – 208 с.

466. Вершинин, В.Б. Судебная защита как комплексный институт российского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Вершинин Вадим Борисович. – Пенза, 2011. – 224 с.

467. Видергольд, А.В. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и их проявление в уголовном судопроизводстве (теоретические и практические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Видергольд Анна Игоревна. – Екатеринбург, 2017. – 30 с.

468. Грачева, Ю. В. Судейское усмотрение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Грачева Юлия Викторовна. – М., 2002. – 199 с.

469. Даровских, С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Даровских Светлана Михайловна. – М., 2011. – 380 с.

470. Девятова, О.В. Решения Европейского Суда по правам человека в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Девятова Оксана Вячеславовна. – Ижевск, 2007. – 287 с.

471. Дикарев, И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Дикарев Илья Степанович. – Волгоград, 2016. – 51 с.

472. Зайцев, С.В. Основания для отмены вступивших в законную силу судебных актов в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Зайцев Степан Владимирович. – М., 2014. – 28 с.

473. Зарубаева, Е.Ю. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Зарубаева Евгения Юрьевна. – М., 2003. – 25 с.

474. Куцова Э.Ф. Обжалование приговоров в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Куцова Элеонора Федоровна. – М., 1951. – 31 с.

475. Лозовская, С.В. Правовой прецедент: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лозовская Светлана Валерьевна. Екатеринбург. 2005. – 25 с.

476. Мерзлякова М.В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мерзлякова Марина Дмитриевна. – Екатеринбург, 2008. – 28 с.

477. Мичурина, О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблема ее реализации в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Мичурина Оксана Васильевна. – М., 2008. – 565 с.

478. Ривлин, А.Л. Пересмотр судебных приговоров в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Ривлин Абрам Львович. – М., 1955. – 26 с.

479. Сидоров, В.И. Специализированный конституционный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сидоров Вадим Иванович. – Н. Новгород, 2003. – 219 с.

480. Соколов, Т.В. Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Соколов Тимур Викторович. – Санкт-Петербург, 2014. – 30 с.

481. Темушкин, О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Темушкин Олег Петрович. – М. 1980. – 51 с.

482. Терехин, В.В. Недопустимые доказательства в уголовном процессе России: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Терехин Владимир Вячеславович. – Н. Новгород, 2016. – 52 с.

483. Толстик, В.А. Иерархия источников российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Толстик Владимир Алексеевич. – Н. Новгород, 2003. – 36 с.

484. Щеголев, И.Б. Место и роль федеральных конституционных законов в системе российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Щеголев Игорь Борисович. – Краснодар, 2007. – 202 с.

485. Яковлева, Л.В. Источники уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Яковлева Людмила Валерьевна. – СПб., 1999. – 25 с.

Судебная практика

486. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Илашку и другие против Молдовы и России"» от 8 июля 2004 г. (жалоба № 48787/99) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2004. – № 12.

487. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Кононов против Латвии"» от 17 мая 2010 г. (жалоба № 36376/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 8.

488. Особое мнение судей Коста, Калайджиевой и Поалелунжъ по делу «Кононов против Латвии»: Applicationno. 36376/04, Kononov v. Latvia, [GC] Judgmentof 17 May 2010 // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 22. – Ст. 2737.

489. Информация о деле №656/06 «Насруллоев против Российской Федерации» (по материалам постановления Европейского Суда по правам человека от 11 октября 2007 г.). // Режим доступа: <http://www.minjust.ru>.

490. Информация о Постановлении по делу «Бониш против Австрии» от 6 мая 1985 г. // Европейский Судебный вестник. – 2001. – С. 15.

491. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека «Дело "Брумареску против Румынии (Brumarescu v. Romania)"» от 28 октября 1999 г. (жалоба № 28342/95) // ИПП «Гарант».

492. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Радчиков (Radchikov) против Российской Федерации"» от 24 мая 2007 г. (жалоба №65582/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2007. – № 10. – С. 119–132.

493. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Акрам Каримов против Российской Федерации"» от 28 мая 2014 г. (жалоба № 62892/12) // СПС «КонсультантПлюс».

494. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Денисов против Российской Федерации"» от 6 мая 2004 г. (жалоба № 33408/03) // СПС «КонсультантПлюс».

495. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Мельников против России"» от 14 января 2010 г. (жалоба № 23610/03) // СПС «КонсультантПлюс».

496. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Мухарев против Российской Федерации"» от 3 апреля 2012 г. (жалоба № 22921/05) // СПС «КонсультантПлюс».

497. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Олуич против Хорватии"» от 05 февраля 2009 г. (жалоба № 22330/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 6.

498. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Пелевин против Российской Федерации"» от 10 февраля 2011 г. (жалоба

№ 38726/05) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2011. – № 11.

499. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Полонский против России"» от 19 марта 2009 г. (жалоба № 300033/05) // Российская хроника Европейского суда. Приложение к Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. – 2010. – № 1. – С. 120–142.

500. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Савенкова против России"» от 04 марта 2010 г. (жалоба № 30930/02) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2010. – № 7.

501. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Слюсарев против России"» от 20 апреля 2010 г. (жалоба № 60333/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2010. – № 10.

502. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Тумилович против Российской Федерации"» от 22 июня 1999 г. (жалоба № 47033/99) // СПС «КонсультантПлюс»

503. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Худякова против Российской Федерации"» от 8 января 2009 г. (жалоба № 13476/04) // Российская хроника Европейского суда. Приложение к Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. – 2009. – № 4. – С. 63–78.

504. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Чумаков против Российской Федерации"» от 24 апреля 2012 г. (жалоба № 41794/04) // Российская хроника Европейского суда. Приложение к Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. – 2013. – № 4. – С. 17–40.

505. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Калашников против России"» от 15 июля 2002 г. (жалоба № 47095/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2003. – № 1.

506. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Климентьев против России"» от 16 ноября 2006 г. (жалоба № 46503/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2007. – № 11.

507. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Никитин против Российской Федерации"» от 20 июля 2004 г. (жалоба №50178/99) // ИПП «Гарант».

508. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Рябых против Российской Федерации"» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99) // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 110–119.

509. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Ходорковский и Лебедев против России"» от 25 июля 2013 г. (жалобы № 11082/06 и № 13771/05) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2013. – № 8.

510. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Фадин против Российской Федерации"» от 27 июля 2006 г. (жалоба № 58079/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2007. – № 11.

511. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Оджалан против Турции"» от 12 мая 2005 г. (жалоба № 46221/99) // СПС «КонсультантПлюс».

512. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Сипавичус против Литвы"» от 21 февраля 2002 г. (жалоба № 49093/99) // СПС «КонсультантПлюс».

513. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Абрамян против России"» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 10709/02) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2009. – № 8.

514. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Александр Макаров против Российской Федерации"» от 12 марта 2009 г. (жалоба № 15217/07) // Российская хроника Европейского суда. Приложение

к Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. – 2010. – № 1.

515. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Ашингден против Соединенного Королевства"» от 28 мая 1985 г. (жалоба № 8225/78) // СПС «КонсультантПлюс».

516. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Банникова против России"» от 4 ноября 2010 г. (жалоба № 18757/06) // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека. Специальный выпуск. 2011. – № 4.

517. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Белилос против Швейцарии"» от 29 апреля 1988 г. (жалоба № 10328/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. – Т. 1. – С. 568–581.

518. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Ваньян против России"» от 15 декабря 2005 г. (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 7.

519. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Величко против Российской Федерации"» от 15 января 2013 г. (жалоба № 19664/07) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2013. – № 12.

520. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Вермюлен против Бельгии"» от 20 февраля 1996 г. (жалоба № 58/1994) // СПС «КонсультантПлюс».

521. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Веселов и другие против России"» от 02 октября 2012 г. (жалоба № 23200/10, жалоба № 2409/07, жалоба № 556/10) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2013. – № 14.

522. Постановление ЕСПЧ по делу «Винтерверп против Нидерландов» от 24 октября 1979 г. (жалоба № 6301/73) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. – М.: Норма, 2000. – Т. 1. – С. 299–300.

523. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Дауд против Португалии"» от 21 апреля 1998 г. (жалоба № 22600/93) // СПС «КонсультантПлюс».

524. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Девеер против Бельгии"» от 27 февраля 1980 г. (жалоба № 6903/75) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. – М.: Норма, 2000. – Т. 1. – С. 301–317.

525. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Драон против Франции"» от 6 октября 2005 г. (жалоба № 1513/03) // СПС «КонсультантПлюс».

526. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Дунаев против Российской Федерации"» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 70142/01) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2007. – № 10.

527. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Игорь Валерьевич Скоркин против России"» от 27 сентября 2011 (жалоба № 7129/03) // СПС «КонсультантПлюс».

528. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Красуля против Российской Федерации"» от 22 февраля 2007 г. (жалоба № 12365/03) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2008. – № 7.

529. Постановление ЕСПЧ по делу «Лебедев против Российской Федерации» от 25 октября 2007 г. (жалоба № 4493/04) // СПС «КонсультантПлюс».

530. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Майзит против Российской Федерации"» от 20 января 2005 г. (жалоба № 63378/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2005. – № 10.

531. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Марченко против Российской Федерации"» от 5 октября 2006 г. (жалоба № 29510/04) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2007. – № 3.

532. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Михеев против России"» от 26 января 2006 г. (жалоба № 77617/01) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 6.

533. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Мишкеткуль и другие против Российской Федерации"» от 24 мая 2007 г. (жалоба № 36911/02) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2008. – № 1.

534. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Моисеев против Российской Федерации"» от 9 октября 2008 г. (жалоба № 62936/00) // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 3.

535. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Орлов против России"» от 21 июня 2011 г. (жалоба № 29652/04) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2013. – № 1.

536. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Перес против Франции"» от 12 февраля 2004 г. (жалоба № 47287/99) // СПС «КонсультантПлюс».

537. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Попов против Российской Федерации"» от 13 июля 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс».

538. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Раззаков против России"» от 05 февраля 2015 г. (жалоба № 57519/09) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2015. – № 9 (59).

539. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Рябых против России"» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2003. – № 12.

540. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Сандер против Соединенного Королевства"» от 9 мая 2000 г. (жалоба № 34129/96) // СПС «КонсультантПлюс».

541. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Стадухин против Российской Федерации"» от 18 октября 2007 г. (жалоба № 6857/02) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2008. – № 2.

542. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Тангиев против России"» от 11 декабря 2012 г. (жалоба № 27610/05) // Российская хроника Европейского суда. – 2013. – № 4.

543. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Финдли против Соединенного Королевства"» от 25 февраля 1997 г. (жалоба № 22107/93) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. – М.: Норма, 2000. – Т. 2. – С. 403–411.

544. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Шишкин против России"» от 07 июня 2011 г. (жалоба № 18289/04). // СПС «КонсультантПлюс»

545. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Эдвардс и Льюис против Соединенного Королевства"» (жалобы № 39647/98 и № 40461/98) // СПС «КонсультантПлюс».

546. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Экбатани против Швеции"» от 26 мая 1998 г. (жалоба № 10563/83) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. – М.: Норма, 2000. – Т. 2. – С. 384.

547. Постановление Европейского Суда по правам человека «Дело "Быков против РФ"» от 10 марта 2009 г. (жалоба № 4378/02) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2009. – № 6.

548. Решение Европейского Суда по правам человека «По вопросу приемлемости жалобы № 38951/13 "Роберт Михайлович Абрамян (RobertMikhaylovichAbramyan) против Российской Федерации"» от 12 мая 2015 г. (жалобы № 59611/13 «Сергей Владимирович Якубовский (SergeyVladimiro-

vichYkubovskiy) и Алексей Владимирович Якубовский (AlekseyVladimirovichYkubovskiy) против Российской Федерации») // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2015. – № 12(162).

549. Решение Европейского Суда по правам человека «По вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 "Афанасий Семенович Братякин против Российской Федерации"» от 9 марта 2006 г. // Российская юстиция. – 2006. – № 11. С. 73–77.

550. Решение Европейского Суда по правам человека «По вопросу о приемлемости жалобы по делу "Питкевич против Российской Федерации"» от 8 февраля 2001 г. (жалоба № 47936/99) // Журнал российского права. – 2001. – № 5.

551. Решение Европейского Суда по правам человека «Дело "Мартынец против Российской Федерации"» от 6 мая 2004 г. (жалоба № 29612/09, ECHR 2009) // СПС «КонсультантПлюс».

552. Европейский Суд по правам человека: сборник постановлений по «российским делам» (январь-апрель 2006 года) / под ред. Красикова Д.В., Лазаревой Л.Ю. – Саратов: Новый ветер, 2006. – С. 238–239.

553. Архив Конституционного Суда Российской Федерации. Управление судебных заседаний. – 1993. – Д. 16. – Т. 2. – С. 214–216.

554. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гренко Артема Ивановича, Дмитриева Николая Владимировича и Левкина Александра Сергеевича на нарушение их конституционных прав частями второй и третьей статьи 109 и частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г. № 1852 // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 2.

555. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Подгузова Василия Романовича на нарушение его конституционных прав статьями 63, 142 и 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 326-О // Официальный сайт Конституци-

онного Суда РФ: www.ksrf.ru.

556. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Геворкяна Р.Т. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 175 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 533-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

557. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Лазарянца А.Э. на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса РФ, ч. 1 ст. 46, ст. 57, 80, ч. 1 ст. 108, ст. 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 343-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

558. По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 06 июня 2000 г. № 191-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

559. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Баска Ю.Б. на нарушение его конституционных прав части 7 статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 215-О // URL: <http://sutyajnik.ru/documents/3932.pdf>.

560. По запросу Московского областного суда о проверке конституционности пункта 2 части третьей статьи 30 и статьи 389.20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 215-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

561. По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10 фев-

раля 2016 г. № 226-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

562. По жалобе гражданина Груздева Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 79 УК Российской Федерации и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. №406-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

563. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Аносова И.В. на нарушение его конституционных прав статьями 74, 75 и 81 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. № 814-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

564. По запросу Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности ч. 4 ст. 247 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 10002-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

565. По жалобе гр. Козлова Д.Б. на нарушение его конституционных прав п. 13 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 2 ст. 75, ч. 1 ст. 285 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 924-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

566. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей: определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

567. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО «Коммерческий инвестиционно-трастовый банк «Казанский» на нарушение конституционных прав и свобод п. 2 ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ: определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. №1065-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 3. – С. 28–31.

568. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества "Банк ВТБ 24" на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца второго части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 397 Трудового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 16 декабря 2010 № 1650-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

569. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Абубакарова И.Х. на нарушение его конституционных прав статьями 76 и 77 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1681-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

570. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баска Юрия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1711-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

571. По жалобе гр. Давыдова А.С. на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 376 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 538-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 2.

572. По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации

и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 576-О-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

573. По запросу Сюмсинского районного суда Удмуртской республики о проверке конституционности положений пп. 4 и 5 ч. 1 ст. 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 4.

574. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Минакова Е.В. на нарушение его конституционных прав статьями 403 и ч. 1 ст. 412 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2011 г. № 1468-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

575. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Козлова Д.В. на нарушение его конституционных прав ч. 5 ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 2573-О О // СПС «КонсультантПлюс».

576. Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гр. Подгузова В.Р. о разъяснении Определения Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 326-О: Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2005 г. № 391-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

577. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Долотова В.А. на нарушение его конституционных прав п. 6 ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 г. № 1448-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

578. По жалобе граждан Вахонина Александра Ивановича и Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2002 г. № 114-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

579. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия-Алания и Республики Татарстан: определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

580. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Бондаренко С.Я. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 254 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 510-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

581. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса судьи Московского городского суда Н.В. Григорьевой: определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. № 87-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

582. По жалобе гр. Берзиной Л.Ю. на нарушение ее конституционных прав п. 2 ч. 1 ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. № 9-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – № 4.

583. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-О // Рос. газ. – 2004. – 7 июля.

584. По жалобе гражданина Каленова Андрея Федоровича на нарушение его конституционных прав положением подп. «и» пунктом 7 Правил исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию и абз. 2 пункта 16 Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 13 декабря 1979 г. № 1117 «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве»: определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 138-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 5.

585. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части 4 статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 4 марта 2004 г. № 145-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

586. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Ливерко В.В. на нарушение его конституционных прав статьями 7, 406, ч. 1 ст. 412, ст. 413 и 415 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2011 г. № 1459-О-О // СПС «Консультант-Плюс».

587. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «ЭФКО Пищевые Ингредиенты» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 122 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2013 г. № 413-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

588. По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 24, частью четвертой статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституци-

онного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 361-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

589. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Келяева И.А. на нарушение его конституционных прав п. 4 ч. 1 ст. 135 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. № 290-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 3.

590. О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 1997 г. // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 42. – Ст. 4900.

591. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Локотковой Ирины Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав ч. 2 ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1616-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

592. Об отказе в принятии к рассмотрению гр. Лесной Л.Н., Стригуна С.В., Чичерина В.П. и общества с ограниченной ответственностью «Афина-Бизнес» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 2 ст. 20 Гражданско-процессуального кодекса РФ: определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. № 325-О-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

593. По делу о проверке конституционности Указа президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 289 «Об образовании министерства безопасности и внутренних дел РСФСР»: постановление Конституционного Суда РСФСР от 14 января 1992 г. // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

594. По делу о проверке конституционности положений ч.1 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева

и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ №16-П от 2 июля 2013 г. // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

595. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 355 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина: постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 г. № 27-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 2.

596. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», ООО «Карелия» и ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собр. законодательства РФ. – 2005. – № 22. – Ст. 2194.

597. По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами гр. Р.Н. Самигуллиной и А.А. Апанасенко: постановление Конституционного Суда РФ от 13 ноября 1995 г. № 13-П // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4551.

598. По делу о проверке конституционности положений ст. 113 Налогового кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 4.

599. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса

административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 № 21-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

600. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – № 2.

601. По делу о проверке конституционности положений частей третьей-седьмой статьи 109 и части третьей ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Махина: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 6.

602. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

603. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом президиума курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

604. По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова: постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012 г. № 22-П // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 44. – Ст. 6071.

605. По делу о проверке конституционности п. 7 ч. 2 ст. 29, ч. 4 ст. 165 и ч. 1 ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гр. А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других: постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

606. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, ст. 41 Уголовного кодекса РСФСР и ст. 36 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 31. – Ст. 3160.

607. По делу о проверке конституционности положений ст. 117, ч. 4 ст. 292, ст. 295, 296, 299 и ч. 2 ст. 310 АПК РФ в связи с жалобой ЗАО «Довод»: постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2010 г. № 6-П // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1733.

608. По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 397 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гр. И.В. Амосовой, Т.Т. Васильевой, К.Н. Жестковой и других: постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2010 г. № 7-П // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1734.

609. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 6.

610. По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова: поста-

новление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 30. – Ст. 3989.

611. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 4.

612. По делу о проверке конституционности положений пп. 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева: постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1657.

613. По делу о проверке конституционности положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гр. В.Д. Власенко и Е.А. Власенко: постановление Конституционного суда РФ от 21 декабря 2011 г. №30-П // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 2. – Ст. 398.

614. По делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами ЗАО «Производственное объединение «Берег», ОАО «Карболит», «Завод «Микропровод» и Научно-производственное предприятие «Респирактор»: постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 6. – Ст. 699.

615. По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 1 п. 1 ч. 1, чч. 6 и 7 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или прав на исполнение судебного акта в разумный срок», чч. 1 и 4 ст. 244.1 и п. 1 ч. 1 ст. 244.6 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гр. А.Е. Поповой: постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 26. – Ст. 3428.

616. По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 АПК РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков» ОАО «Нижекамскнефтехим» и ОАО «ТНК-ВР Холдинг»: постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

617. По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гр. С.С. Агаева и А.Ш. Бакаяна и других: постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П // Рос. газ. – 2014. – 9 апр.

618. По делу о проверке конституционности положений чч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, чч. 1 и 2 ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска: постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // Рос. газ. – 2005. – 8 июля.

619. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 1810.

620. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гр. М.А. Асламазян: постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.

621. По делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ч. 1 ст. 27, ч. 1, 2, 4 ст. 251, ч. 2 и 3 ст. 253 ГПК РФ в связи с запросом Правительства Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 2004 г. № 1-П // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 5. – Ст. 403.

622. По делу о проверке конституционности постановления Государ-

ственной Думы РФ от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной думы Федерального Собрания РФ "Об объявления амнистии в связи с объявлением амнистии с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда г. Челябинска и жалобами ряда граждан»: постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

623. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Рос. газ. – 2007. – 14 февраля.

624. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 50. – Ст. 6670.

625. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Собр. законодательства РФ. – 2003. – № 51. – Ст. 5026.

626. Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2012 года: решение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2013 г. // Официальный сайт Конституционного Суда РФ: www.ksrf.ru.

627. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 // Рос. газ. – 2014. – 7 февраля.

628. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 2.

629. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Рос. газ. – 2003. – 2 декабря.

630. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Рос. газ. – 2009. – 18 февраля.

631. О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 // Рос. газ. – 2003. – 26 декабря.

632. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 2.

633. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 // Рос. газ. – 2010. – 13 января.

634. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Рос. газ. – 2013. – 5 июля.

635. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // Рос. газ. – 2013. – 5 июля.

636. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 // Рос. газ. – 2014. – 7 февраля.

637. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 // Рос. газ. – 2006. – 20 декабря.

638. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 // Рос. газ. – 2004. – 25 марта.

639. Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 10.

640. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 октября 2013 г. по делу № 163-П13ПР // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

641. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2013 г. № 170-П13 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

642. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 176-П12 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

643. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 марта 2015 г. по уголовному делу № 79-П14 // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNumber=69-%D3%C415-3.

644. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. по уголовному делу № 209-П13 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

645. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 апреля 2012 г. № 21-П12 // ГАС «Правосудие».

646. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2013 г. по уголовному делу № 235-П15 // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

647. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2012 г. по уголовному делу № 266-П12 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

648. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 апреля 2013 г. № 18245/12 // ГАС «Правосудие».

649. Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 03 сентября 2015 г. по уголовному делу № 44У-24/2015 // ГАС «Правосудие».

650. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 18-АПУ16-2 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016) // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

651. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 14-АПУ15-3СП // ГАС «Правосудие».

652. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 августа 2013 г. № 45-АПУ13-35 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

653. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 июня 2013 г. № 41-АПУ13-13сп // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

654. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 февраля 2007 г. № 4-О07-12сп // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

655. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2006 г. № 11-О06-132 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

656. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 августа 2007 г. № 16-О07-23 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

657. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 марта 2015 г. № 2-УД15-1СП // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

658. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 14-о06-18 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

659. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2007 г. № 25-О07-37сп // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

660. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2013 г. № 51-О13-10 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

661. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2012 г. № 47-012-30сп // ГАС «Правосудие».

662. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 сентября 2005 г. № 33-О05-65 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

663. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 27 июля 2005 г. № 32-о05-26СП // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

664. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 67-О10-45 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

665. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 71-О15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

666. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 26 февраля 2015 г. № 49-О15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

667. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 05 марта 2015 г. № 20-О15-1сп // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

668. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 71-О15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

669. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 12 марта 2015 г. № 18-УД14-65 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

670. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 66-УД14-3 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

671. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 05 марта 2015 г. № 11-УД15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

672. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 05 марта 2015 г. №20-О15-1сп // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

673. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 марта 2015 г. № 4-О15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

674. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 03 марта 2015 г. № 69-УД15-3 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

675. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ № 49-О15-1 от 26 февраля 2015 г. // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

676. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 07 августа 2006 г. № 5-О06-80 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

677. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 20 февраля 2003 г. № 93-О02-16 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

678. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. по делу № 22-УД15-3 // URL: Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

679. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 14-о06-18. // ГАС «Правосудие».

680. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2013 г. № 25-Д13-30 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

681. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 августа 2013 г. № 74-Д13-8 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

682. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 20-УД14-9 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

683. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 64-Д13-6 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

684. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. № 35-УД14-4 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

685. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 марта 2015 г. по делу № 18-УД14-65 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

686. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 августа 2014 г. по делу № 18-УД-14-11. // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

687. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 18-УД14-65 от 12 марта 2015 г. // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

688. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 24 февраля 2015 г. № 18-УД15-2 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

689. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 66-УД14-3 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

690. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 18 февраля 2015 г. № 4-УД14-20 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

691. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 29 января 2015 г. № 71-О15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

692. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 марта 2015 г. № 4-О15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

693. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 03 марта 2015 г. № 13-УД15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

694. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 26 февраля 2015 г. № 49-О15-1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

695. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. № 26-УД14-6. // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

696. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. по уголовному делу № 86-УД15-4 // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

697. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. по уголовному делу № 18-

УД14-26 // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

698. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 мая 2015 г. по уголовному делу № 18-УД-15-25 // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

699. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 октября 2015 г. по уголовному делу № 19-УД15-34 // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

700. Материал №33-УКС14-99 // Архив Верховного Суда РФ за 2014 г. // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

701. Материал № 44-ун15-332 // Архив Верховного Суда РФ за 2015 г. // URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=69-%D3%C415-3.

702. Определение Верховного Суда РФ от 23 июля 2013 г. № 50-Д13-56 // ГАС «Правосудие».

703. Определение Верховного Суда РФ от 26 июня 2013 г. № 5-АПГ13-20 // ГАС «Правосудие».

704. Определение Верховного Суда РФ от 29 августа 2007 г. по делу № 5-д07-105 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

705. Определение Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2014 г. по делу № 309-ЭС14-023, А07-12937/2012 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

706. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 9-КГ14-7 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

707. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2010 г. № 78-О10-9 // Бюллетень Верховного Суда

РФ. –2010. – № 8.

708. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2010 г. № 43-010-22 // Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>.

709. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 31 октября 2012 г. по делу № 22-14798 и от 22 октября 2012 г. по делу № 22-14128/12 // URL: <http://www.mos-gorsud.ru/files/docs>.

710. Постановление Московского городского суда от 23 августа 2011 г. по делу № 4у/5-6234 // URL: <http://www.mos-gorsud.ru/files/docs>.

711. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда республики Карелия от 28 октября 2013 г. по уголовному делу № 22-2034/2013 // URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyi-sud-respubliki-kareliya-respublika-kareliya-s/act-4395010276>.

712. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Вологодского областного суда от 6 марта 2014 г. по уголовному делу № 22-224/2-14 3 22-224/2-14 // URL: <http://oblsud.yld.sudrf.ru/>.

713. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Костромского областного суда от 17 сентября 2013 г. по уголовному делу № 22-1283 // URL: <http://oblsud.kst.sudrf.ru/>.

714. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 14 мая 2013 г. по уголовному делу № 22-3313/2013 // URL: <http://kraevoy.krk.sudrf.ru/>.

715. Апелляционное определение Судебной коллегии Свердловского областного суда по уголовному делу № 33-2241/2011 // ГАС «Правосудие».

716. Апелляционное определение Судебной коллегии Свердловского областного суда от 12 апреля 2012 г. по уголовному делу № 33-4015/2012 // ГАС «Правосудие».

717. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 08 октября 2013 г. по уголовному делу № 22-2512/2013 // ГАС «Правосудие».

718. Апелляционное постановление Московского городского суда от 27 ноября 2013 г. по уголовному делу № 310-11567/13 // URL: <http://www.mos-gorsud.ru/files/docs>.

719. Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 августа 2013 г. по уголовному делу № 10-7214/2013 // ГАС «Правосудие».

720. Апелляционное постановление Челябинского областного суда № 10-758/2015 // ГАС «Правосудие».

721. Кассационное определение Оренбургского областного суда от 14 августа 2012 г. по уголовному делу № 22к-3717 // ГАС «Правосудие».

722. Кассационное определение суда Чукотского автономного округа от 09 октября 2012 г. по уголовному делу № 22к-43/2012, 3/11-1/2012 // ГАС «Правосудие».

723. Кассационное определение Томского областного суда от 19 ноября 2012 г. // ГАС «Правосудие».

724. Кассационное производство по уголовному делу № 44у-173/2013 // Архив Волгоградского областного суда за 2013 г.

725. Кассационное производство по уголовному делу № 44у-68/2015 // Архив Саратовского областного суда за 2015 г.

726. Кассационное производство по уголовному делу № 44у-72/2015 // Архив Саратовского областного суда за 2015 г.

727. Кассационное производство по уголовному делу №4 4у-73/2015 // Архив Саратовского областного суда за 2015 г.

728. Материал по уголовному делу № 4у-2010/2013 // Архив Саратовского областного суда за 2013 г.

729. Материал по уголовному делу № 4у-317/2014 // Архив Саратовского областного суда за 2014 г.

730. Материал по уголовному делу № 51-УД15-2 // Архив Верховного Суда РФ за 2015 г.

731. Материалы по уголовным делам № 4у-315/2014; № 4у-318/2014 // Архив Саратовского областного суда за 2014 г.

732. Обзор судебной практики №1 (2015): утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс»

733. Постановление президиума Новосибирского областного суда от 27 марта 2015 г. по делу № 44у-30-2015 // ГАС «Правосудие».

734. Приговор Вичугского городского суда Ивановской области от 6 сентября 2013 г. по уголовному делу № 1-80/2013 // URL: <http://vichugsky.iwn.sudrf.ru/>.

735. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 28 февраля 2013 г. по уголовному делу № 10-3452/15 // ГАС «Правосудие».

736. Апелляционное определение Московского городского суда от 01 апреля 2015 г. по уголовному делу № 10-3353/15 // URL: <http://www.mos-gorsud.ru/files/docs>.

737. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 марта 2013 г. по уголовному делу № 10-974 // URL: <http://www.mos-gorsud.ru/files/docs>.

738. Апелляционное определение Самарского областного суда от 12 ноября 2014 г. // ГАС «Правосудие».

Электронный ресурс

739.Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ: <http://mid.ru>

740.Официальный сайт Конституционного Суда РФ: <http://www.ksrf.ru>.

741.Официальный сайт Верховного Суда РФ: <http://vsrf.ru/>; <https://rospravosudie>.

742.Официальный сайт Московского городского суда: <http://www.mos-gorsud.ru>

743.Официальный сайт Вичугского городского суда Ивановской области: <http://vichugsky.iwn.sudrf.ru/>.

744.Официальный сайт Красноярского краевого суда: <http://kraevoy.krk.sudrf.ru/>.

745.Официальный сайт Вологодского областного суда: <http://oblsud.yld.sudrf.ru/>.

746.Официальный сайт Костромского областного суда: <http://oblsud.kst.sudrf.ru/>.

747. Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие»: <https://sudrf.ru/>

**Проект федерального закона Российской Федерации
«О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный
кодекс Российской Федерации»**

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921) следующие изменения:

1) пункт 5 ч. 1 ст. 401.4 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«указание на предусмотренные законом основания пересмотра судебного решения в порядке кассации с приведением доводов, свидетельствующих о наличии таких оснований»;

2) нормы ст. 401.8 УПК РФ дополнить **частью четвертой** в следующей редакции:

«Реализация полномочий Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя, предусмотренных частью 3 статьи 401.8 настоящего Кодекса, возможна только при наличии соответствующей жалобы со стороны лиц, по жалобам, представлению которых вынесен отказ в их передаче на рассмотрение непосредственно суда соответствующей кассационной инстанции, при условии, что эта жалоба подана в срок не позднее 30 суток с момента получения копии указанного решения судьи»;

3) нормы ст. 401.8 УПК РФ дополнить **частью пятой** в следующей редакции:

«При поступлении указанной жалобы Председатель Верховного Суда РФ, его заместитель истребуют от управомоченного судьи (суда) производство по жалобе, представлению, а при необходимости и уголовное дело, изучают их и в срок не позднее трех месяцев принимают решение, предусмотр-

ренное частью 3 статьи 401.8 настоящего Кодекса, или мотивированно отказывают заявителю в удовлетворении его притязаний».);

4) в части третьей **ст. 401.8 УПК РФ** после слов «... не согласиться с постановлением судьи» исключить слова «Верховного Суда Российской Федерации» (далее – по тексту);

5) статью **401.15 УПК РФ** дополнить частью **1.1** следующего содержания:

«Поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке кассации не допускается, за исключением случаев, предусмотренных статьей 401.6 настоящего Кодекса»;

6) в **часть 5 ст. 401.16 УПК РФ** внести изменения, дополнив ее после слов «... в отношении которых кассационные жалоба или представление не принесены», нормой:

«или по тем основаниям, которые в жалобе, представлении не указаны (далее – по тексту)»;

7) статью **401.16 УПК РФ** дополнить частью **5.1** в следующей редакции:

«При отмене приговора, определения, постановления суда и направлении уголовного дела на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции, указанный суд также не вправе ухудшить положение осужденного, оправданного, если приговор, определение, постановление отменены по иным, не ухудшающим основаниям»;

8) статью **412.12** дополнить частью **1.1** следующего содержания:

«В случае, если по уголовному делу осуждено или оправдано несколько лиц, суд не вправе отменить приговор, определение или постановление в отношении тех оправданных или осужденных, в отношении которых надзорные жалоба или представление не принесены или по тем основаниям, которые в жалобе, представлении не указаны, если отмена приговора, определения или постановления ухудшает их положение. При отмене приговора, определения, постановления суда и направлении уголовного дела на новое

рассмотрение в суд нижестоящей инстанции, указанный суд также не вправе ухудшить положение осужденного, оправданного, если приговор, определение, постановление отменены по иным, не ухудшающим основаниям»;

9) нормы **статьи 412.5 УПК РФ** дополнить **частью четвертой** в следующей редакции:

«Реализация полномочий Председателя Верховного Суда РФ, его заместителя, предусмотренных частью 3 статьи 401.8 настоящего Кодекса, возможна только при наличии соответствующей жалобы со стороны лиц, по жалобам, представлению которых вынесен отказ в их передаче на рассмотрение непосредственно суда соответствующей кассационной инстанции, при условии, что эта жалоба подана в срок не позднее 30 суток с момента получения копии указанного решения судьи»;

10) нормы **статьи 412.5 УПК РФ** дополнить **частью пятой** в следующей редакции:

«При поступлении указанной жалобы Председатель Верховного Суда РФ, его заместитель истребуют от управомоченного судьи (суда) производство по жалобе, представлению, а при необходимости и уголовное дело, изучают их и в срок не позднее трех месяцев принимают решение, предусмотренное частью 3 статьи 401.8 настоящего Кодекса, или мотивированно отказывают заявителю в удовлетворении его притязаний».

Статья 2. Настоящий федеральный закон вступает в силу с момента официального его опубликования.

Анкета
опроса судей кассационно-надзорных инстанций
судов общей юрисдикции судебной системы Российской Федерации
по проблемам правовой определенности российского
уголовно-процессуального права

Уважаемые коллеги!

Предметом исследования и экспертных оценок является идея (принцип) и реальное состояние правовой определенности статичности и динамики российского уголовно-процессуального права, как составного элемента более общей и универсальной идеи верховенства права.

Целью исследования является формирование объективной системы экспертных оценок относительно:

- (того или иного варианта) понимания сути и нормативного содержания (элементов) данной идеи применительно к уголовно-процессуальному праву России;

- соотношения данной идеи с принципом верховенства права (верховенства закона, системой конституционных и собственно уголовно-процессуальных принципов;

- роли и значения элементов данной универсальной идеи в текущем механизме уголовно-процессуального регулирования, в статичности и динамике российского уголовно-процессуального права;

- значения данного принципа и (необходимого) состояния права, государства и общества для формирования и обеспечения оптимального функционирования гражданского общества и правового государства.

Анкетирование носит анонимный характер (ФИО, должность, место работы и т. п. – указывать не надо); в данной связи, мы надеемся на достоверный характер Ваших экспертных оценок, профессионализм и понимание значимости цельной и достоверной оценки реального правового состояния российского государства и общества в настоящий период.

Методика работы с анкетой:

1. При ответе Вы можете остановиться на одном или нескольких (верных, на Ваш взгляд) вариантах ответа; при желании можно подчеркнуть определяющий для Вас вариант;

2. Свободная строка предназначена для Вашего варианта ответа или для констатации, что верных ответов в предложенном вопросе нет;

3. По возможности, постарайтесь ответить на всю систему вопросов это необходимо для оценки достоверности итоговых результатов.

Благодарим за сотрудничество. Спасибо!

Анкета

1. Данные о респондентах опроса:

Я судья:

1.1 ___ кассационного состава суда (суд областного/краевого звена);

1.2 ___ кассационного состава суда (СК по УД Верховного суда РФ);

1.3 ___ надзорной инстанции;

Стаж работы судьей:

___ до 5 лет; ___ до 10 лет; ___ до 15 лет; ___ до 20 лет; ___ свыше 20 лет;

Стаж работы непосредственно в кассационной/надзорной инстанции:

___ от 5 до 10 лет; ___ от 10 до 15 лет; ___ от 15 до 20 лет; ___ свыше 20 лет

2. Принцип правовой определенности:

2.1. является общеправовым, универсальным, в т. ч. для УСП России ___

2.2. относится исключительно к системе конституционного права _____

2.3. относится к системе гражданского/гражд. процессуального права ___

2.4. он (пока) не входит в правовую систему России _____

2.5. относится к общепризнанным принципам междунар. права _____

3. Содержательными элементами данного принципа являются:

3.1. ясность, точность, полнота отраслевых правовых предписаний _____

3.2. стабильность текущего нормативного регулирования _____

3.3. ясность и точность системы отраслевых источников права _____

3.4. стабильность, определенность окончательных актов суда _____

3.5. единство и стабильность судебной практики _____

3.6. законность и обоснованность (стабильность) в целом индивид. право-применительных актов _____

3.7. иное _____

4. Насколько УПК РФ обеспечивает определенность статике и динамики российского уголовно-процессуального права:

4.1. нормы данного акта точны, полны и в целом сбалансированы _____

4.2. отдельные нормы УПК не обеспечивают ясности и точности нормативного регулирования _____

4.3. УПК в целом является системой нестабильных и несбалансированных норм _____

4.4. неточность и несбалансированность норм УПК легко нивелируется правосознанием и наработанным опытом отправления правосудия _____

5. Насколько оправданы и оптимальны (для определенности права) многочисленные изменения и дополнения норм УПК РФ:

5.1. в большинстве своем оправданы и оптимальны _____

5.2. не оправданы и не вызваны реальными потребностями динамики права _

5.3. носят субъективный характер и, по сути, являются законодательным «спамом» _____

- 5.4. иное _____
- 6. Явную неопределенность в систему уголовно-процессуального права вносят:**
- 6.1. акты конституционного правосудия по вопросам УПП _____
- 6.2. акты Европейского суда по правам человека _____
- 6.3. постановления Пленума Верховного Суда РФ _____
- 6.4. судебные прецеденты высших судебных инстанций _____
- 6.5. ведомственные инструкции, приказы, распоряжения _____
- 6.6. административные указания высших должн. лиц суд. системы _____
- 6.7. иное _____
- 7. Акты конституционного правосудия: ___ постановления / ___ определения (нужное отметить!)**
- 7.1. являются источниками российского УПП и непосредственно применяются для обоснования актов отправления правосудия _____
- 7.2. лишь учитываются при вынесении итоговых судебных решений _____
- 7.3. не являются источниками УПП и не принимаются во внимание при отправлении правосудия _____
- 7.4. их выбор и применение носит избирательный характер (для каждого конкретного случая) _____
- 7.5. эти акты никак не влияют на определенность российского УПП _____
- 7.6. они вносят дисбаланс в статику и динамику российского права _____
- 8. Уточните, на какой степени иерархической вертикали среди источников российского УПП «находятся» акты конст. правосудия:**
- 8.1. на одном уровне с Конституцией РФ _____
- 8.2. степенью ниже конституции, но во главе внутренней системы источников российского УПП _____
- 8.3. на одной степени с нормативными актами федерального уровня _____
- 8.4. на ступень ниже актов федерального уровня _____
- 8.5. иное _____
- 9. «Нормативные» постановления Пленума Верховного Суда РФ:**
- 9.1. являются (необходимым) источником российского УПП _____
- 9.2. не являются (не должны являться ___) источником российского УПП _____
- 9.3. доминируют в правосознании судей при отправлении правосудия _____
- 9.4. не оказывают определяющего значения для правосознания судей и для выбора варианта правосудного решения _____
- 9.5. правовые позиции пленума могут, и должны излагаться в качестве обоснования итоговых судебных решений _____
- 9.6. иное _____
- 10. Судебные прецеденты высших судебных инстанций России:**

- 10.1. являются эталонами применения права и всегда учитываются при отправлении правосудия _____
- 10.2. по сути, являются правилом/нормой для всей системы судов общей юрисдикции _____
- 10.3. являются лишь ориентирами для формирования правильного правосознания судей, но не определяющим фактором практики _____
- 10.4. не являются нормами-эталонами, не несут императивной нагрузки для правосознания судей _____
- 10.5. иное _____

11. Обеспечивает ли текущая судебная практика:

- 11.1. единство и стабильность судебного прецедента __да; __нет; __как правило
- 11.2. ясность и точность понимания и применения коллизионных норм УПП _____ да _____ нет
- 11.3. единство воли закона и правосознания (установок) судей при отправлении правосудия (вынесении решений) _____ да _____ нет
- 11.4. устранение пробельности, неточности, коллизионности текущего нормативного регулирования _____ да _____ нет
- 11.5. Вы не принимаете во внимание судебные прецеденты высших судебных инстанций _____
- 11.6. иное _____

12. Единственным (оптимальным) источником судебного прецедента – источника российского УПП должен быть:

- 12.1. суд второго звена судебной системы и Верховный Суд РФ _____
- 12.2. только Верховный Суд РФ (в составе коллегий и президиума) _____
- 12.3. пленум Верховного Суда РФ _____
- 12.3. Президиум Верховного Суда РФ (подбор и утверждение офиц. обзоров судебной практики – эталонов применения права) _____
- 12.4. такой потребности в настоящее время в нет _____
- 12.5. иное _____

13. Акты ЕСПЧ для системы российского УПП являются:

- 13.1. легитимным и необходимым источником российского УПП _____
- 13.2. не источником российского УПП _____
- 13.3. источником, при подтверждении их легитимности актом конституционного правосудия _____
- 13.4. актом ориентирующего характера, определяющего общие ориентиры обеспечения прав и интересов заинтересованных лиц _____
- 13.5. в системе российского УПП нет необходимости обращения к указанным актам, т. к. данная система, по факту, стабильна _____
- 13.6. в Вашей практике вы апеллировали к актам ЕСПЧ при обосновании итоговых актов отправления правосудия _____ да (%); __нет(%); __дост. часто

13.7. иное _____

14. Какое «место» в иерархии источников российского УПП занимают акты ЕСПЧ:

14.1. они имеют приоритет перед внутренней системой источников российского УПП (но не перед нормами Конституции РФ) _____

14.2. данные акты обладают юрид. силой норм федерального закона, т. к. именно данным актом ратифицирована Европейская конвенция _____

14.3. они имеют приоритет перед внутренней системой источников российского УПП (в т. ч. перед нормами Конституции РФ) _____

14.4. они замыкают систему источников права федерального уровня _____

14.5. данные акты имеют значение лишь для правосознания участников правовых отношений и вообще не включены в иерархию источников _____

14.5. иное _____

15. Правовая определенность окончательных тактов суда (res judicata) заключается:

15.1. в стабильности, неопровержимости, определенности этих актов _____

15.2. в категорическом запрете на пересмотр указанных актов _____

15.3. в категорическом запрете на пересмотр указанных актов в отсутствие существенных или фундаментальных на то оснований _____

15.4. в обязанности суда принять (все) меры к устранению любых нарушений закона и обеспечению, ем самым, правосудности приговора _____

15.5. в обеспечении сбалансированной системы гарантий и res judicata и прав заинтересованных лиц на судебную защиту своих нарушенных прав _____

16. В действующей системе кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда доминирует:

16.1. идея публичной законности, в силу которой любое нарушение закона должно быть устранено в ходе данной формы проверки _____

16.2. идея обеспечения максимальной судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц _____

16.3. идея res judicata, обеспечивающая неопровержимость и стабильность окончательных актов суда _____

16.4. оптимальный баланс идеи res judicata и конституционного принципа максимальной судебной защиты _____

16.5. данная форма является ординарным средством проверки судебных решений и обеспечения публичной правосудности приговора _____

16.6. идея res judicata является в принципе чуждой для системы контрольно-проверочных стадий и производств уголовного судопроизводства России _____

16.7. иное _____

**Благодарим за полноту и достоверность (отмеченных) ответов.
Ваши (экспертные) оценки предельно важны для оптимизации системы
уголовно-процессуального права России!**

Анкета
изучения оптимальности и эффективности кассационно-надзорной
формы проверки в контексте обеспечения принципа res judicata
и конституционного принципа обеспечения
максимальной судебной защиты

Код материала: _____ № УД; _____ № производства;
Вид производства: кассационная проверка _____ надзорное пр-во _____;
Судебная инстанция: президиум _____ суда;
 _____ СК по УД ВС РФ; _____ Президиум ВС РФ

Повод к проверке: жалоба _____; первичная/повторная
 _____;
 представление _____

Предмет обжалования _____
 Вступил в законную силу _____
Основн. доводы жалобы: _____

Суть притязаний заявителя: _____

Дата: поступления в суд _____;
 передача для проверки управ. лицу _____;
 истребование УД (дата/субъект) _____
 основание истребования _____

Решение по жалобе: дата _____;
 суть: _____

Основания вынесения решения _____

соответствие доводам жалобы _____
Основания выявлены в ходе ревизии: _____

Обжалование решения: _____

Решение отменено Председателем ВС РФ (зам. ____): инициативно _____
 Основания отмены _____

Дело и жалоба направлены: _____ (дата) _____

Уведомление заинтересованных лиц: _____

Возражения _____

Суть возражений _____

УД поступило в _____ инстанцию _____ дата;

Дело и жалоба переданы: _____

Дело назначено к проверке по существу: _____

Основания _____

Дата заседания суда кассац/надз. инстанции _____

Участники суд заседания _____

Время суд заседания (от/до) _____

Действия и решения суда/сторон _____

Итоговое решение (суть) _____

Мотивы (основания) решения _____

Инстанционность проверки (приговор обжалован/проверен) _____

Дополнительные сведения (для целей изучения) _____